

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Системная трансформация общества: исторический опыт и современность

Сборник научных трудов кафедр социально-
гуманитарных наук

Выпуск III

Брест 2006

ББК 66+60,5
УДК 301+327

Серия основана в 2004 г.

Научный редактор: доктор философских наук, профессор Титаренко Л.Г.

Редакционный совет:

С.В. Лапина., д. социол. наук., профессор (председатель); С.П. Винокурова, докт. филос. наук, проф.; Грибов Г.М., канд. филос. наук, доцент; Софья Томчонек, докт. хабил., профессор; Петко Ганчев, докт. филос. наук, профессор.

Рецензенты:

Ротман Д. Г., д. социол. н., проф., директор Центра социологических и политических исследований БГУ;

Лепешко Б.М., докт. истор. наук, профессор, первый проректор БрГУ им. А.С. Пушкина.

Системная трансформация общества: исторический опыт и современность.
Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. –
Брест: издательство БрГТУ. - 2006.

ББК 66+60,5

УДК 301+327

ISBN 985-493-037-8

© Издательство БГТУ, 2006

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРИОРИТЕТЫ, ОПЫТ, ТЕНДЕНЦИИ

Я.С. Яскевич

*Институт социально-гуманитарного образования Белорусского государственного
экономического университета, Минск, Республика Беларусь*

Для описания радикальных структурных перемен в обществе во второй половине XX века (1950-1960 гг.) стало использоваться понятие «социальная трансформация» или «трансформационные процессы в обществе» (итал. *transformare* – преобразовывать, превращать), которое позже применяли для обозначения общественно-исторических перемен, осуществляющихся в 80-90 гг. XX в. в странах Центральной Европы, а затем и бывшего СССР. Учитывая синергетические модели интерпретации общества как сложноорганизованной нелинейной системы с многовариантными сценариями развития в точках бифуркации (социального напряжения), социально-экономические процессы, как на Западе, так и в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, связанные с системным кризисом данной концепции, указывают на ряд стадий социальных трансформаций: оценка существующего состояния общества как системно-кризисного; объективная характеристика возможных путей выхода из кризисной ситуации; демонтаж отжившей системы, ликвидация ее элементов, явно несоответствующих мировому уровню общественного развития и его тенденциям; новое самоопределение общества, обоснование путей его дальнейшего развития. В рамках системной трансформации общества осуществляется, как правило, изменение государственной и политической системы, обновление экономических основ общества, адаптация к требованиям мирового рынка, перемены духовно-культурных ориентиров социального развития.

Современная Беларусь представляет собой трансформирующееся или транзитивное общество, в котором пока еще не сформирована аксиологически ориентированная государственность, целостная система мировоззренческих ценностей, приемлемых для людей, познавших горечь и разочарование крушения кумиров и иллюзий, тяжелое испытание Чернобыльской трагедией и человеческого бытия «на изломе», в эпоху «великих перемен». С одной стороны, возникают новые, демократические модели мировосприятия; с другой стороны, пока еще сохраняются мировоззренческие стереотипы коммунистических идеологов. Парадоксы и разочарования новых идеалов и ценностей сочетаются с непреодолимым желанием отказа от модели «жить по-старому».

Но из этого не следует, что мы должны отказаться от рационального осмысления происходящего, от веры в разум, в смысл человеческой истории, в человеческую свободу, в возможность преобразования личностного и социального сознания на разумных началах, ибо разум, а значит, мораль, совесть, справедливость являются значимыми для нас до тех пор, пока они определяют нашу личную и социальную позицию и поведение, ибо то, что создано разумом, может быть достойно использовано лишь в том случае, если в этом использовании разум же участвует.

Фундаментальными приоритетами и консолидирующей идеей трансформаций белорусского общества, в рамках которых объединяются разнообразные многовариантные подходы и фиксируются значимые для открытого общества ценности, являются, несомненно, *национальные интересы*, предполагающие обеспечение национальной безопасности Беларуси и ее суверенитета; *экономические приоритеты*, направ-

ленные на создание динамично развивающейся, социально-ориентированной, рационально-целесообразной, рыночной экономики; *основные приоритеты в социальной сфере*, предусматривающие реализацию принципов социальной справедливости, обеспечение условий для реализации творческих способностей людей, социальной защиты интеллектуальной элиты Беларуси, сохранения научных школ и направлений; *приоритеты в духовной сфере*, ориентированные на исторические и социокультурные истоки и традиции белорусского народа, чувство патриотизма и ответственности за судьбу белорусского государства, возрождение культуры и системы ценностей. Рассмотрим основные направления трансформации белорусского общества, затрагивающие экономику, политику, духовную сферу.

В условиях перехода к рыночной экономике важно учитывать, как показывает мировой опыт, что проведение реструктуризации и модернизации экономики приводит в конечном итоге к сокращению занятости в сфере материального производства не менее, чем в два раза (до 30% в развитых странах сегодня), и увеличению ее в сфере услуг и обращения. Для эффективного противодействия безработице необходимо проведение последовательной рациональной политики занятости. Самым перспективным сектором экономики в деле создания новых рабочих мест является малый и средний бизнес.

Создавая условия для рыночной экономики, государство в своей экономической политике стремится к достижению таких принципиальных целей, как рост благосостояния народа, стабильность денег и цен, высокая степень занятости, благоприятная для жизни окружающая среда. Как показывает мировой опыт, достижение этих целей возможно лишь на путях формирования открытой рыночной экономики.

Следует также иметь в виду, что роль государственного регулирования и управления экономикой при переходе к рынку отнюдь не снижается, а во многих отношениях даже возрастает, ибо государство должно взять на себя принятие решений, которые необходимы обществу.

Государственное регулирование включает *следующие специфические функции*:

- приоритетную поддержку науки, образования и научно-технического прогресса как главного фактора повышения эффективности производства;
- проведение гибкой внешнеэкономической политики, направленной на развитие конкурентных преимуществ национальной экономики в масштабах мирового рынка;
- обеспечение социальной ориентации рыночной экономики, создание системы социальных гарантий и социальной защиты;
- создание системы гражданского законодательного регулирования функций государства, адекватной требованиям рыночной экономики;
- обеспечение условий для развития конкуренции, нейтрализации ее недобросовестных форм, злоупотреблений монопольным положением, предотвращения криминализации хозяйственной деятельности;
- формирование высокоэффективных частного и государственного секторов экономики, введение и обеспечение норм защиты прав собственности, форм хозяйствования, адекватных требованиям рыночной экономики;
- создание среды для малого и среднего бизнеса;
- стимулирование роста конкурентоспособных производств и финансово-промышленных организаций, а также создание законодательной базы для стимулирования инвестиционной деятельности.

В контексте реформирования экономики Республики Беларусь происходит *трансформация форм и отношений собственности*. Изменения в отношениях собственности стали основным стержнем экономических реформ в бывших советских республиках. В теоретическом плане трансформация собственности потребовала решения проблемы: до какого уровня должна снизиться доля государственной собственности, какими темпами и способами пойдет это снижение, как и к кому должна переходить государственная собственность.

В странах СНГ взят курс на переход к системе, сочетающей частную (индивидуальную и групповую), государственную и смешанную формы собственности на средства производства. Это вполне логично сопрягается с курсом на переход к рынку: Рынок предполагает свободу производственной и коммерческой деятельности, конкуренцию между производителями, значит должно быть преодолено господство какой-то одной формы собственности. Оно должно быть заменено взаимно дополняющими друг друга различными формами собственности, каждая из которых оказалась бы наиболее приспособленной к конкретной сфере экономики, к каждому специфическому виду экономической деятельности.

В настоящее время органы государственной власти, в лице белорусского правительства и органов государственного управления, предпринимают усилия по активизации проведения *приватизации, разработке механизмов разгосударствления, стимулированию свободной конкуренции с отечественными и зарубежными партнерами и т.д.*

Важнейшим приоритетом белорусской политической системы является обеспечение условий построения *правого государства*, отличительными признаками которого являются: *верховенство закона; всеобщность права, связанность правом самого государства и его органов; взаимная ответственность государства и личности; разделение властей; незыблемость свободы личности, ее прав, чести и достоинства; наличие эффективных форм контроля и надзора за соблюдением прав и свобод граждан, реализацией законов и других нормативных актов, гибкого механизма гарантий свободы народного волеизъявления.*

Формирование правового государства возможно лишь на основе развитого *гражданского общества*, как системы самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей.

Базисом гражданского общества является многоукладная рыночная экономика, плюрализм форм собственности, самостоятельность субъектов хозяйствования. Гражданское общество как совокупность организаций, объединений граждан, а также правовых норм, ценностных установок, идей и представлений реализует через них групповые и частные интересы членов общества и необходимое для этого взаимодействие с органами государственной власти.

Основными институтами, посредством которых удовлетворяются личные и групповые интересы, выступают политические партии, общественные организации, правовые нормы, регулирующие отношения собственности, свободу циркулирования информации, участия в выборах, собраниях и объединениях и т.п.

Гражданское общество противостоит злоупотреблениям полномочиями, должно-стным положением «власть имущих», защищает права и свободы личности, является

необходимым условием становления правового государства. Существует диалектическое взаимодействие между гражданским обществом и государством, что находит свое выражение в обоюдных прогрессивных изменениях. Одним из существенных результатов таких изменений выступает обеспечение политической и социальной стабильности, динамичного развития экономики, общественного благосостояния.

На формирование гражданского общества в республике важнейшее влияние сегодня оказывают результаты парламентских и президентских выборов, вызвавшие перегруппировку сил и ресурсов основных общественных организаций и политических партий; активизация на территории Беларуси внешних субъектов хозяйствования; модернизация экономических отношений в связи с расширением акционирования и приватизации.

Фундаментальную роль в трансформации белорусского общества играют *культурные традиции*, которые актуализируют национальную историческую память, гарантирующую преемственность общечеловеческого и культурного прогресса, приобщение к культурно-исторической жизни народа, формирование чувства ускоренности в своей отчизне, патриотизма и ответственности за нее, заботы о своем "доме".

Белорусская культура формировалась как культура *синтетическая*, как культура, которая достаточно легко *ассимилировала в себе влияния других культур*. В силу своего географического положения, она в значительной степени *толерантна и восприимчива к чужой, иной позиции*, а, следовательно, динамична и мобильна в своих содержательных аспектах. Беларусь всегда выступала как неповторимое единство двух начал — активного и пассивного в силу своей устремленности духовными интенциями на Запад, и укорененности материальных оснований в общинных укладах Востока.

В белорусской культуре имеются реальные предпосылки для осуществления *гармоничного единства восточной и западной традиций по отношению к природе*. В контексте современной экологической проблематики, связанной с постчернобыльским существованием наших народов, осуществляется пересмотр существующих ценностей и идет поиск новых мировоззренческих ориентации, и в частности, отказ от использования силы по отношению к природе, характерной для западноевропейской цивилизации в отличие от восточной культуры, где воплощались идеи гармонии человека и природы, бережного к ней отношения. Такие представления о гармоничном взаимоотношении человека и природы, отказ от использования силы по отношению к природе, человеку и обществу в целом, формирование толерантности и взаимопонимания, поиск консенсуса между человеком и остальным миром, которые утверждаются в силу чернобыльской трагедии в современной культуре, могут стать ведущими аксиологическими основаниями будущего цивилизационного развития. Уникальная и неповторимая национальная культура, опирающаяся на национальные духовные принципы, способна стимулировать духовно возвышающие человека ценности¹.

Для обоснования механизмов формирования устойчивой и ценностно-ориентированной трансформации белорусского государства важен *высокий приоритет научной рациональности и «просвещенной творческой элиты» в экономике, политике, культуре, образовании* при обосновании социально-политических и экономических моделей развития общества, отказ от догматизма и апологетики, слепого копирования западных образцов и создания социальных мифов. Современная наука, и в частности, такая ее междисциплинарная область наследования, как синергетика,

рассматривает различные системы — природные, социальные, экономические и другие как сложные саморазвивающиеся и самоорганизующиеся.

Поскольку общество является именно такой сложноразвивающейся системой, то при управлении социальными процессами с этой точки зрения необходимо учитывать, что: *переход от прошлого к будущему совершается здесь через достаточное проявление случайности и переход от неустойчивости (хаоса) к устойчивости (порядку); малейшие (слабые) изменения структурных элементов общества моментально отрезонируют в других частях; необходимо всестороннее «проигрывание» возможных вариантов развития социальных систем и анализ причин их неустойчивости; необходимо отказаться от позиции беспрекословной «манипуляции и жесткого контроля над социальными процессами; при исследовании социальных процессов необходим анализ возникающих вопросов и возможных ответов на них — «что произойдет, если...», «какой ценой будет установлен порядок из хаоса...», «какова значимость того, что погибнет и что возникнет, если...»* При оперировании сложными социальными процессами особое значение имеет не сила, не силовое давление, а *гибкая, правильная топологическая конфигурация, учет кооперативных эффектов, происходящих в обществе*².

Из этого следует, что *без государственного управления и регулирования сложными социальными процессами (экономическими, политическими) невозможно устойчивое динамическое состояние общества*, необходим конструктивный синтез компонентов планирования с наличием демократических свобод, «степени свободы», «веера возможных выборов» развития различных сфер культуры и экономики, их многовариантного развития, а не однозначно заданного вектора. Согласно синергетике, будущее состояние системы открыто, оно детерминировано настоящим, и вместе с тем, будущее присутствует в действительности. Динамика социальных процессов определяется не только прошлым состоянием системы, но и будущим. «Память о будущем», воспоминания о будущем заложены в свойствах самой среды. Наши установки сейчас нас ориентируют, образцы процессов задаются до самих процессов. Детерминация будущим может сыграть решающую роль («Прошлое еще впереди» — пронзительно прочувствовала и отметила М. Цветаева).

Для того, чтобы системная трансформация белорусского общества, охватывающая экономические, политические, социокультурные и духовные компоненты, осуществлялась успешно и результативно, она должна ориентироваться на следующие стратегические приоритеты и ценности: включать в себя такие приоритетные компоненты, которые затрагивают жизненно важные ценности каждого человека и государства в целом; национальные интересы, обеспечивающие безопасность и суверенитет государств, их независимость; предусматривать создание динамично развивающейся, социально ориентированной и наукоемкой экономики; ориентироваться на социальную защищенность каждого гражданина, высокий статус культурно-духовных ценностей и традиций обществ; возрождать и обогащать национальные традиции, патристические чувства и ценности.

Ориентация на эти приоритеты будет способствовать гражданскому единению общества, его консолидации, духовному оздоровлению и сплочению, рациональному выбору исторического развития в XXI столетии.

В современной социокультурной ситуации следует говорить о необходимости общемировой трансформации, что касается и высокоразвитых стран Запада, поскольку технократическое общество с его устремленностью к экономическому росту и нара-

щиванию военного могущества, столкнулось с устойчивыми противоречиями между производством и потреблением; богатством и бедностью; материальной и духовной сторонами реальной жизни. Одна из серьезнейших проблем современной цивилизации, на которую обращают внимание некоторые западные аналитики, заключается в том, что сегодня «Восток изменил Запад» (Винфрид Бёттчер), что своим упорным выполнением бюрократических установок Запад уже не в силах продемонстрировать свои исторические преимущества, необходим откровенный диалог Запада с Востоком, ибо трудности одного региона весьма опасны для другого. Современный немецкий ученый В. Бёттчер совершенно определенно подчеркивает, что «системный кризис, в котором мы уже находимся, по крайней мере, с 1990 года, будет длиться, пока мы на Западе не признаем, что должны вместе с Востоком преобразовываться в новую систему. Наши в XX веке сформулированные понятия и идеи не годятся для XXI века. Мы находимся в глубоком общественно-политическом кризисе и (не только в сфере экономики) едва ли представляем, как вести дело дальше... Параллельно с экономическим кризисом идет распад ценностей. У нас нет ответа на вопрос, как мы собираемся жить завтра... Если Запад признает свой собственный кризис, то будет нелогичным рекомендовать Востоку стать таким же, как Запад. Правда заключается в том, что старая система не в состоянии решить проблем общества. Точно так же правда состоит в том, что перенесение западной занедржившейся системы на Восток не может решить чужих проблем»³. Становится ясно, что необходимо найти пути и подходы, которые бы позволили избежать ошибок как Запада, так и Востока. Эндогенный потенциал национальных государств, наследников СССР, должен быть изучен, проанализирован и плодотворно использован для системной общемировой трансформации в новую систему на новых социально-экономических, ценностных, и экологических принципах.

Литература:

1. Яскевич Я.С. Становление идеологии белорусского государства и национальная идея: традиции и новации. Мн., 2004. С.40-48.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 114-118.
3. Винфрид Бёттчер. Восток изменил Запад//Социология, 1997, № 1. с.11.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Проф. д.ф.н. Петко Ганчев

Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Болгарии в Республики Беларусь

Процессы глобализации в рамках известной древним цивилизациям части Земли или Ойкумены протекали одновременно с процессами регионализации и фрагментаризации разных государственных и этнических образований. Эти процессы протекали в эпоху государств-полисов рабовладельческих и феодальных империй, принимая более систематизированный вид в эпоху национального капитализма, когда последовательно вслед за Испанией и Португалией некоторые европейские государства пробовали брать на себя лидерство по овладению и контролем над мировым пространством. Самую полную и завершённую форму эти процессы приняли во время т.н. Belle époque под эгидой Британской империи. Но эта первая и самая полная капиталистическая глобализация, захватившая все пространство Земли и установившая свободное движение товаров, капиталов и людей по всей планете,

продолжалась с 1846 г. по 1914 г. и была прервана из-за отсутствия наднациональных институций, организаций и глобальной идеологии, которые могли ее отстоять. Очень важным фактором для ее провала являлся восход правого национализма – нацизм и фашизм и левого интернационализма – большевизм, коммунизм.

После Второй мировой войны / 1939 – 1945 г./ под воздействием множества качественно новых факторов глобального характера развернулся новый этап глобализации.

В принципе множество фундаментальных открытий науки и теоретических выводов из общественной практики, воплотившихся в новых социальных и технических средствах и технологиях, в новых политических и экономических решениях, воздействовали радикально на систему ценностей, отношений и структур человеческой цивилизации на всех уровнях – глобальном, региональном и локальном. Можно сказать что сегодня, как никогда раньше в своей истории, человечество пришло к ускоряющейся динамике, в которой принимают участие как силы, возникшие в прежних его стадиях развития, так и порожденные современными достижениями науки и технологии. Приведены в движение как позитивные силы, которые направлены на решение множества тяжелых накопившихся от прошлого проблем, но так же и негативные, разрушительные силы, которые в новых условиях порождают новые глобальные угрозы и вызовы.

Если синтезировать множество определений глобализации как объективного, закономерного исторического процесса, протекающего в определенных формах в зависимости от доминирующих идеологий, но отличающихся качественно новыми характеристиками в современную эпоху, они могли быть сведены к качественным переменам в динамике истории, то есть, движению общества и логически связанными с этими переменами в пространстве и времени на Земле. Факт, что ускорение движения, как результат применения новых транспортных, коммуникационных и информационных средств и технологий, ведет к "уменьшению", "сжатию" до минимума пространства и к "ускорению" времени, необходимого для той или другой деятельности и реализации определенных целей. То есть, условно можно принять, что с помощью новых энергий и технологий земное пространство и время теряют во все большей степени свои традиционные физические характеристики и получают новые социальные характеристики, ставя таким образом цивилизацию в качественно новое состояние открывая новые возможности, а так же новые угрозы перед ней.

Вероятно, самым коротким и полным определением глобализации является то, что она представляет собой многофакторный синергетический процесс по созданию глобальных экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, которые пронизывают все пространство Земли и интегрируют его в единую целостную систему. Это означает, что рядом с уплотнением локальных и региональных пространств уплотняется и глобальное пространство, где уже действуют с неодинаковой силой и масштабами разные факторы. В зависимости от доминирования одних или других факторов, отдельные зоны повышают свою стабильность, а другие наоборот, входят в зону нестабильности и повышенного риска.

Известно, что до 1989 -1991 г., то есть до конца „холодной войны“, процессы глобализации протекали в противоположных формах, в которых два поляризованных и конфронтующих мира пытались реализовать объективную логику исторического процесса в соответствии с исповедуемыми ими идеологиями. По существу были предложены как идеология и как практика двух противоположных альтернатив, два варианта глобализации: первый – западная либеральная демократия и рынок,

движимый принципами либерализма и неолиберализма, и второй – коммунистический интернационализм, государственный социализм и планомерно централизованная экономика. В условиях глобальной конфронтации западная либеральная демократия оказалась более мотивированной, хозяйственно более эффективной, с превосходящим потенциалом для технологических инноваций и адаптаций, с превосходящими валютно-финансовыми ресурсами, и не на последнем месте, с более верной геополитикой и геостратегией. И поэтому победила. Это ни в коем случае не означает, что вместе с крахом государственного социализма во времена его "перестройки" отошли в историю идеи о более справедливом, более свободном, более солидарном и действительно демократичном мире. Наоборот, как открытый многолинейный процесс история открыта для новых синтезов и новых проектов о будущем человеческом мироустройстве.

В условиях нового глобализационного цикла становится яснее, что воздействие на общество и историю все более принимают характеристики глобальной системной геополитики. Это означает, что введены в действие все факторы трансформации современных обществ. Можно предположить, что, как открытый многовариантный процесс, история в дальнейшем будет реализовываться в зависимости от соотношения сил, которые придерживаются одной или другой геополитики. Было бы знаком идеологической ограниченности, если кто-нибудь взялся бы утверждать, что последние из господствующих в отдельных обществах или в мировом сообществе идеологических догм являются высшей истиной и справедливостью, и что человечество не ожидает новые социальные катаклизмы, которые вызовут на арену истории новые варианты движения в одну или другую сторону, более адекватную новым глобальным реальностям. Тогда это, что представлялось некоторым авторам как "конец истории", может оказаться последним заблуждением.

С концом "холодной войны", когда рухнул государственный социализм и с политической сцены истории исчезли Советский союз, Югославия и Чехословакия и на их месте возник целый ряд новых государств, которые восстанавливали в этническом составе старые или формировали совершенно новые государства, начался по существу новый глобализационный цикл под эгидой единственной суперсилы - США.

Процессы глобализации, интегрированные в последние десятилетия в наднациональных, региональных и глобальных формах отдельных государств, в экономические, политические и социальные структуры отдельных обществ, создавая вместе с тем институции контроля над ними, являются объективными и закономерными, но они протекают в соответствии с идеологией глобализма, задаваемой сегодня геополитическими и геоэкономическими интересами США и связанными с ними странами Западной Европы. Но еще сегодня очерчиваются два подхода к решению глобальных проблем, перед которыми стоит человечество. Первый, олицетворяемый сегодняшней администрацией США, связан с возрождением инерции истории, с применением при решении множества проблем в международных отношениях методов торговли, гегемонизма, и не редко, в последнюю очередь, методов войны. Второй, олицетворяемый прежде всего Германией, Францией и некоторыми маленькими западноевропейскими государствами как Бельгия, Люксембург и т.д., связан прежде всего с будущим и является опытом вести диалог между различными культурами и цивилизациями, искать консенсуса при решении острых политических, этнических и социальных конфликтов, применяя принцип доброго примера: "делай как я!"

Во всех случаях переструктурирование геопространства в зависимости от мощи коммуникационных, экономических, информационных и финансовых потоков упразд-

няет смысл деления мира, установленного после Второй мировой войны /1939-1945 г./ в соответствии с Ялтинско-Потдсамскими соглашениями, на три составных части: первая – развитые общества, так называемый, “золотой миллиард”, к которым принадлежат страны Западной Европы, Северной Америки, Австралия, Новая Зеландия и Япония; второй – это страны бывшего социалистического блока и третий – так называемые “развивающиеся страны”, или просто “третий мир”.

Как известно, “Мир II” пришел в историю как недавнее прошлое. С точки зрения современного цикла глобализации хаарктеристики “Мир I” и “Мир III” качественно изменились и нуждаются в новой интерпретаций нового дефинирования.

Сегодня, по существу, есть один глобальный “Мир I”, который возвышается над локальными и региональными пространствами отдельных государств по всей планете. Вместе с этим “Мир I” в региональных и локальных пространствах т. наз. “Юга”, к которым присоединилось много региональных и локальных пространств бывшего “Востока”, оформился новый “Мир II”. В недрах этого “Мира II” функционирует еще один так же глобальный “ Мир III” – мир теневой экономики, коррупции, организованной преступности, мафии, терроризма.

Эти три мира располагаются в трех, специфическим образом структурированных пространствах, где действуют (двигаются, делая свою историю) три различные группы субъектов. Эти пространства, как своеобразные пласты со своей специфичной организацией и своей динамикой. Над всеми доминирует, конечно, “Мир I”. Он является как своеобразном небом, где во времена Средневековья роились ангелы, а сегодня – лидеры США и других западных государств, мировые политики, богачи, менеджеры, звезды шоу-бизнеса, попкультуры, спорта, кино и масс-медии. Этот мир неограничен этнической, национальной и религиозной принадлежностью. В этом смысле глобальный “Мир I” космополитичен, мультикультурен, мультицивилизационен. Хотя он, однако, является доминирующим над планетой, все таки связан с пространствами Запада, откуда получает свои технологические новации, социально-экономические решения и космополитичные импульсы.

Интеграция западных обществ в военном, политическом, финансовом, торгово-экономическом, социальном и культурном отношении указывает направления трансформации локальных пространств с традиционными культурами и образами жизни других сообществ, которые формируют иерархически структурированную систему “Мира II”. Горный пласт “Мира II” стремится достичь, с перенапряжением воли и энергий своих народов, характеристик “Мира I”. Наоборот, нижний пласт пространства “Мира II”, который крепко завязан на прошлое, в большей степени попадает под воздействие структур “Мира III”. Локальное пространство Запада, где по существу завязано глобальное космополитичное пространство “Мира I”, снимая межгосударственные границы и открывая, таким образом, возможности для свободного движения людей, товаров, капиталов, информации, услуг и образов, в то же время отделен от остальных локальных и региональных пространств “Мира II”, где проживает 5/6 всего человечества. Границы локальных пространств “Мира I”, на которых покоится глобальный космополитичный “Мир I”, все больше принимают характеристики невидимых стен, через которые нельзя проникнуть всем желающим, кроме как нелегальным путем. Таким образом, на месте павшей в 1991 г. Берлинской стены, была воздвигнута шенгенская стена (т. наз. “негативного списка”), ставшая для многих стран и народов клеймом со стороны Запада, как представляющая опасность для его благополучия и безопасности. Со своей стороны, сами космополитические пространства Запада тоже насыщены невидимыми рвами и стенами. Через их

определенные места и зоны в больших западных городах очерчены гетто, где ютятся эмигранты из локальных пространств "Мира II" или маргиналы и аутсайдеры, которые выпали из орбиты богатства и образования и не имеют никакого шанса подняться снова и вернуться туда. Между этими новыми гетто в мире богатства и остальных зонах западных космополитичных пространств непрерывно накапливается напряжение, которое несет как социальные, так и цивилизационные характеристики. Все это делает нас все чаще свидетелями одних или других конфликтов между этими не интегрирующимися и капсулированными общностями мигрантов, прежде всего на тех из них, которые связаны с исламом, как религией и культурой, и остальных представителей этих обществ, и интегрированных в них мигрантов из Восточной Европы. Такие конфликты мы наблюдали в первые дни ноября 2005 г. во Франции.

Глобальный космополитичный "Мир I" взаимодействует не только со своим региональным и локальным пространством, где он прикован и откуда получает импульсы и энергии для овладения и контроля над остальными региональными и локальными пространствами "Мира II". Это взаимодействие многонаправлено и располагается на разных уровнях, но именно глобальное пространство "Мира I" задает нормы, правила, характер, темы и объемы взаимодействия и трансформации "Миру II". "Мир I" непрерывно прессирует "Мир II" с помощью своего технологического превосходства и неприступности, своего блеска, роскоши, своего самочувствия и не в последнюю очередь, своим гедонистическим образом жизни. "Мир I" задает образы и послания как "высшая инстанция", не ожидая обратной связи, и не нуждаясь в такой связи. Не зная их, он ставит под сомнение системную эрозию, культурные традиционные ценности "Мира II", и таким образом, развращает его, превращая во враждебное пространство, где он может беспредельно господствовать. Вместе с этим региональные и локальные пространства Запада, на которых крепится "Мир I" непрерывно, через систему неравноправных торгово-экономических, финансовых, и информационных отношений, ослабляют и грабят "Мир II", не позволяя им, таким образом, модернизировать технологически и экономически свои региональные и глобальные пространства, овладеть мощностью и энергией, которые могли бы динамизировать его. Таким образом, вместо того, чтобы работать над трансформированием всего геопространства в одну целостную коммуникационную систему, в большое коммуникационное пространство, где все его части и регионы были бы равноправными и конкурирующими между собой, непрерывно бы совершенствовались, "Мир I", следуя инерции прежних эпох, работает в большинстве случаев на сохранении статус-кво. Так, с одной стороны, мы наблюдаем сегодня огромные возможности экономической теории и социальной практики решить проблемы бедных сообществ, а с другой, в силу политической инерции прошлого, эти проблемы углубляются.

Все сказанное выше очень кратко о характере современного глобализационного процесса и трансформации обществ заставляет нас сделать вывод о неотложной необходимости кардинальной перемены принципов организации современных международных отношений, чтобы открылся простор всех позитивных сил глобализации и интеграции, комплексной системной трансформации и модернизации всех обществ в соответствии с новыми реалиями эпохи, для предотвращения глобальных угроз и вызовов во имя действительно общего будущего всего человечества.

СУЩНОСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Йонас Сребалюс

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Введение

Проблема статьи

В статье поднимается проблема управления процессами трансформации общества. Отсутствие антиэнтропийных сил в процессах трансформации общества со всей остротой ставит „вечную“ проблему – „быть или не быть?“ И если быть, это значит, на фундаменте исторической памяти культурного опыта народа стать субъектом производства актуальной информации как системной силы трансформации общества. Потребительная стоимость актуальной информации в процессах глобального обмена продуктами труда превращается в мощную антиэнтропийную силу субъекта культуры и трансформации общества.

Цели статьи

В статье, на основе системной логики закона роста сил энтропии структур, ставится цель: раскрыть антиэнтропийную природу этнических форм культуры, обосновать системную функцию национального самосознания субъекта трансформации общества. В статье поднимается идея о том, что продукт совместного творчества – актуальная информация в процессах глобализации - является системной силой воспроизводства антиэнтропийных сил культуры структур отечества, отражающего принципы и законы абсолютного Бытия порядка [2]. Цель статьи - раскрыть системную функцию культурной памяти и этнических форм ее проявления в процессах трансформации и воспроизводства системных отношений в отечестве, а так же - раскрыть культурную миссию национального самосознания - основу мотивов трансформации общества.

Объект статьи

Объект статьи определяется структурными элементами этноса: 1) культурной памятью исторического опыта народа, 2) национальным самосознанием, 3) продуктами актуальной информации. Приоритет воспроизводства структурных границ глобализации и субъекта трансформации принадлежит национальному самосознанию личности (на основе патриотических мотивов), в которой проявляется сила исторической памяти народа, противостоящая силам энтропии структур отечества всеми видами антиэнтропии актуальной информации в процессах глобального обмена.

Актуальность статьи

Актуальность статьи определяет сам объект, а так же функциональная обоснованность элементов объекта статьи. Системные функции структурных элементов объекта статьи обоснованны: 1) законом сохранности энергии, 2) законом прогрессирующего роста энтропии структур, 3) принципами Бытия абсолютного порядка как системы божественных моральных ценностей для субъекта культуры и трансформации общества, 4) принципами энергоэнтропии, новой междисциплинарной онтологической теорией о выживании социальных структур в условиях глобализации. Новизна статьи подкреплена теоретическими выводами системных исследований, опубликованных и в трудах историков, философов, социологов, этнологов, информатиков, политологов, теоретиков менеджмента, а так же в теоретических рефератах автора статьи.

Системный метод познания объекта

Продуктивность общественной жизни людей определяется культурной памятью исторического опыта народа и мотивами совместной деятельности согласно систем-

ным принципам гармонии совместного труда как продуктивного способа решения проблем трансформации и воспроизводства структурного единства объективных и субъективных сил жизни.

Порядок абсолютного Бытия во Вселенной и порядок в семье, в экономических и в политических структурах управления обоснованы всеобщим законом сохранения энергии и принципом единства противоположных сил структурных элементов. Этнические формы культуры и культурная память исторического опыта народа являются закономерностями единства противоположных сил жизни - объективных сил энтропии структур и субъективных сил антиэнтропии самосознания личности, субъекта культуры и субъекта трансформации одновременно. Трансформация системных отношений на основе этнических форм культуры определяет системную логику синергетического воспроизводства отношений культуры в структурах отечества. Системная логика воспроизводства сил жизни заложена в этнических формах культурной памяти исторического опыта народа. Этнос является не только фундаментом будущей жизни, но и выполняет роль своеобразного поля борьбы и единства противоположных сил. Трансформация как прогресс исторического развития общества происходит на этнически определенном поле культуры жизненных сил воспроизводства культурной памяти опыта человеческой цивилизации. „О Боже, как страшно велика сила памяти, глубока и бесконечно разнообразна, - еще в V веке писал Аурелий Августин. – И это есть духовность, и это являюсь я сам“ [3].

1. Глобализация и проблема управляемой трансформации

Глобализация - внешний источник энергии для возобновления системных функций структур отечества там, где работа по глобальному обмену продуктами актуальной информации превращается в силу управления объективных сил энтропии во взаимосвязи с субъективными силами антиэнтропии национального самосознания субъекта культуры и процесса управляемой трансформации системных отношений и воспроизводства этнических форм культуры.

Сегодня, когда люди остаются пассивными субъектами глобального обмена продуктами совместного труда, очевидной чертой поведения участников глобализации является их этническая глухота по отношению к обычаям, традициям, родному языку и культурному пространству отечества. Пассивное участие людей в процессах глобализации свидетельствует об отсутствии культурной основы единства и взаимосвязи сил глобализации и сил национального самосознания для совместного производства актуальной информации, при помощи которой энергия глобальных меновых отношений превращается в управляющую силу трансформации и воспроизводства системных функций семьи, структур производства и государства. В процессе глобальных меновых отношений создаются возможности получить не только законный, но и незаконный прирост энергии. Незаконно полученный приток энергии превращается в деструктивную силу, препятствующую образованию субъективных сил управления процессов трансформации общества.

2. Культурная миссия национального самосознания

Память исторического опыта народа, пульсирующая в духовной структуре личности, отражается понятием национального самосознания субъекта культуры. На основе национального самосознания человек присваивает общие интересы, принципы честного сотрудничества, моральные нормы деятельности, границы ответственности за гармонию развития духовных, экономических и политических отношений в семье, на

производстве и в структурах государственного управления и процессы трансформации общества. Наличие национального самосознания – признак синергетических способностей субъекта трансформировать системные отношения, используя для этой деятельности энергию глобального обмена продуктами совместного производства. Исторический опыт воспроизводства духовных, экономических и политических форм культуры, присвоенный структурой национального самосознания, проявляется мотивами совместной деятельности по осуществлению гармонии личных и общественных интересов. Национальное самосознание это личностная форма бытия культурной природы человека в духовных, экономических и политических структурах отечества. Известный профессор истории Эдвардас Гудавичюс отметил, что национальное самосознание является главнейшим признаком этноса как социального сообщества [4]. Национальное самосознание проявляется мотивами патриотического отношения человека к родной земле, родному языку, обычаям семьи и традициям этноса; материальному и духовному наследию родины. Национальное самосознание этнически определяет поле культуры, на этническом пространстве которого продукты совместного творчества в процессах глобального обмена прекращается синергетический прирост энергии, необходимой для воспроизводства творческих сил личности.

Рост драматической статистики криминальных событий это следы бродяжного образа жизни индивидов, никогда не имевших национального самосознания как культурной основы мотивам совместной деятельности. Тромбы национального самосознания отключают человека от процесса трансформации и воспроизводства системных отношений в семье, в экономических и политических структурах отечества.

3. Обязанность интеллигенции народа

Отечество как духовная, экономическая и политическая среда выполняет функцию формирования национального самосознания граждан. Этнические формы жизни отечества – это духовный канал абсолютно ценной информации, которая в сознание новых поколений достигает без искажений и превращается в самосознание субъекта воспроизводства этнических форм культуры. Проблематично оценивать культурную функцию конкретной семьи, семья общается не на родном языке, а на упрощенном жаргоне государственного языка. Родной язык создает возможность познать каждому самого себя в 9-ти мерном пространстве и не терять себя при встрече с бесконечным множеством систем абсолютного Бытия в мире родины. Обязанность интеллигенции народа продолжить традиции просвещения граждан, соотечественников, как обязанности просвещения выполняли интеллигенты 17, 18, 19, и 20-го столетий.

Система отечества – это лишь элемент бесконечного множества систем Вселенной. И если стремимся не очутится на свалке истории, должны в этнических формах культуры видеть духовный канал присвоения культурного опыта человеческой цивилизации и на культурном опыте цивилизации успешно решить проблему формирования национального самосознания субъекта трансформации исторического процесса творческих сил человека.

Выводы

Есть мнение, что деструктивные последствия глобализации будто определены агрессивной природой глобальных сил. Деструктивная глобальная сила энтропии действует там, где у соотечественников отсутствует национальное самосознание и, следовательно, отсутствует их патриотические мотивы совместной деятельности по воспроизводству гармонии личных и общественных интересов для решения проблем

трансформации и воспроизводства социальных сил творчества актуальной информации. Как будем жить дальше? Поймем ли, что наша земля - это земля наших предков и поэтому мы можем жить лучше, если сумеем следовать мудрости культурной памяти своего народа. В условиях глобализации этнические формы мудрости превращаются в творческую силу личности субъекта трансформации общества.

Литература

1. Maceina, A. Tautinis auklėjimas. Kaunas: „Šviesa“, 1991, 245.
2. Jonas Paulius II. Atmintis ir tapatybė. UAB „Katalikų pasaulis“ leidykla, 2005.
3. Augustinas Aurelijus. Išpažinimai. Vilnius, Ardor, 1998. p. 271. Kalinauskas, R. Tauta ir valstybė. Iš: Energoentropiniai žmoniškumo pagrindai, Vilnius: Petro ofsetas, 1999, p. 191-264.
4. Gudavičius E. Lietuvos istorija. Vilnius, Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1999, p.634-645.
5. Raičinskis, K. 60 - ties metų ieškojimai ir atradimai po Majos skraiste. I, II t. Kaunas - Alytus, 1992, 1993.
6. Srėbalius, J. Patriotinė socialinio tikslo tvėrmė tėvynėje. *Sociologija: praeitis ir dabartis*. Mokslinės konferencijos pranešimų medžiaga. Kauno technologijos universitetas, 1999, p. 181-184.
7. Srėbalius, J. Pilietinė tautiškumo būtis globalizacijos procese. *Socialinė tikrovė ir subjektas*. Konferencijos pranešimų medžiaga. Vilnius, Lietuvos MA, 2000, p. 48-51.
8. Srėbalius, J. Kultūros vaidmuo globalizacijos procese. *Gedimino universitetas*, 2002, Nr. 4, p. 20-21.
9. Srėbalius, J. Globalizacijos iššūkis tautiškumui. *Gedimino Universitetas*. 2004, Nr. 5, p. 25-28.
10. Srėbalius, J. Filosofija ir folkloras. *Gedimino Universitetas*. 2005, Nr.4, p 21-24.
11. Сребалюс, И. Функция этноса в системе единения интересов постсоциалистического общества. *Славянские страны в условиях системной трансформации и европейской интеграции*. Сборник научных трудов. Брест, БГТУ, 2005, 53 - 57.
12. Srėbalius, J. Tamašauskas, P. Tautos atminties jėga ir interesų dėmė. *Gedimino Universitetas*. 2006, Nr. 1
13. Srėbalius, J. Globalizacijos iššūkis tautiškumui. *Asmenybė ir kultūra*. Mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius, VGTU, Humanitarinis institutas, 2006, 5 – 18.
14. Tomlinson, J. Globalizacija ir kultūra. Vilnius: Mintis, 2002, p. 23-27.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

А.А.Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Содержательное отличие постиндустриального периода в развитии общества от индустриальных и доиндустриальных его стадий чаще всего демонстрируется на принципиальном различии трех основных секторов общественного производства – первичного, к которому относятся добывающие отрасли и сельское хозяйство, вторичного, включающего обрабатывающую промышленность (промышленное производство) и третичного – сферы услуг. Уже в конце 30-х годов XX века ряд экономистов предложил рассматривать общественное производство как совокупность трех названных секторов, однако наиболее систематизированное описание они получили в 1940 г. в известной работе К.Кларка [5].

Постиндустриальная концепция строится на методологии деления общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное в зависимости от роли и значения названных выше секторов хозяйства. Удельный вес этих секторов в обществе определя-

ется, согласно К.Кларку, уровнем производительности (выработки на данного работника) внутри сектора. Экономический прогресс, следовательно, определяется нормой перемещения рабочей силы из одного сектора в другой, и эта норма есть функция различной производительности труда в отдельных секторах. Таким образом, К.Кларк легко мог продемонстрировать переход от доиндустриального общества к последующим его типам.

Доиндустриальное общество – это общество с преобладанием первичного сектора жизнедеятельности. В индустриальном обществе первостепенное значение приобретает сфера производства, основанная на машинной технологии. Тенденции постиндустриального развития определяются резким ростом третичного сектора, т.е. сферы услуг с изменением структуры социальной стратификации. Речь идет о перераспределении областей занятости людей в сторону обслуживания самих себя: торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия отдыха и развлечений, наука, образование, управление.

Содержательные элементы постиндустриальной парадигмы формировались в тесной связи с анализом процессов индустриального развития. Наиболее авторитетные теоретики индустриального общества А. де Сен-Симон, Э.Дюркгейм, М.Вебер, К.Кларк выделяли, к примеру, такие его признаки. Во-первых, оно заботится о производстве; во-вторых, в нем превалирует порядок, уверенность и четкость; в-третьих, оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; в-четвертых, оно опирается на знания (А. де Сен-Симон). В индустриальном обществе экономическая система отделена от семейных уз, рабочее место – от домашнего очага. С распадом традиционного «коллективного сознания» основные убеждения должны быть организованы вокруг профессиональных норм и связываться воедино профессиональной этикой (Э.Дюркгейм). Во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами, упор делается на успех и личные достижения, критерии эффективности определяются по наименьшим затратам, а рациональный учет проникает во все области управления (М.Вебер). Позиция К.Кларка в отношении признаков индустриализма связана, как уже отмечалось, с его представлениями о вторичном секторе общественного производства.

«Для всех теоретиков индустриального общества (и в данном случае также для К.Маркса); - пишет признанный патриарх постиндустриальной доктрины Д.Белл, - точкой отсчета (или основным институтом) является промышленное предприятие, а в качестве стового хребта общества выступает социальная база машинного производства. С этой точки зрения все индустриальные общества имеют некоторые общие черты: повсюду распространена одинаковая технология; одинаково и качество технических и инженерных знаний (а также учебных заведений, которые их предоставляют); примерно одинаковы наборы профессий и видов труда. Если подходить к проблеме более широко, можно обнаружить, что в каждом обществе увеличивается доля технических работников по отношению к другим категориям занятых... и что управление требует в основном технических навыков. Индустриальные общества – это экономические общества организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения «больших результатов из меньших вложений» и выбора наиболее «рационального» типа действий» [1; 99-100].

Расцвет индустриальной эпохи пришелся на Западе и США на 30-е годы XX века, когда доля вторичного сектора как в структуре ВВП, так и в структуре занятости населения заняла устойчивое главенствующее положение. 50-е годы были последним периодом относительной стабильности. В это время доля промышленного сектора в экономике развитых стран мира достигла максимума, незначительно увеличившись по сравнению с по-

казателями 30-х годов. Например, к 1955 году в США в обрабатывающих отраслях и строительстве было занято до 34,7% совокупной рабочей силы и производилось около 34,5% ВВП. В Германии, Великобритании, Франции эти показатели были даже выше [2; 5].

С начала 60-х годов ситуация стала кардинально меняться. Научно-технический и технологический прогресс привел к сокращению числа людей, занятых в промышленности и снижению себестоимости соответствующей продукции при одновременном росте благосостояния народа. Все это вызвало огромный спрос на различного рода услуги: медицинские, образовательные, торговые, финансовые, бытовые, транспортные и т.п. Именно по этим тенденциям социальной динамики и были зафиксированы первые признаки постиндустриального общества как общества с доминированием третичного сектора общественного производства – сферы услуг.

Преобладание сервисной экономики связано с кризисом индустриальной эпохи, но не с ее гибелью. По мнению известного современного теоретика постэкономического общества В.Л.Иноземцева дальнейшая судьба индустриализма может быть прослежена в контексте оценки эволюции первичного сектора хозяйственно-экономической деятельности. Если в 1869 году в сельском хозяйстве США создавалось до 40% ВВП, то этот показатель, снизившийся до 14% по окончании Первой мировой войны, не превосходит ныне 1,4%. Еще около 1,6% ВВП приходится на все остальные подотрасли первичного сектора. Не менее очевидны изменения в структуре занятости: сегодня в аграрном секторе США занято менее 2% населения (44% – в 1880 г., 20% – в 1945 г.), причем с 1994г. статистические отчеты перестали отмечать фермеров в качестве самостоятельной значимой группы населения [2; 4-5]. Подобные тенденции имеют место и в европейских странах. «Резкое снижение роли в 70-е годы первичного сектора в мировой экономике, – пишет В.Л.Иноземцев, – впервые продемонстрировало, что трех- (или четырех-) секторная хозяйственная модель не является вечной и что в соотношении составляющих ее секторов могут произойти весьма серьезные изменения. В данном случае третичный сектор всего за какие-то двадцать лет фактически вытеснил на периферию экономики первичные отрасли промышленности в рамках развитых стран и сделал катастрофическим положением экспортеров сырья и аграрной продукции. Вторичный сектор, в определенной мере остававшийся в стороне от основного противостояния, пережил серьезные внутренние трансформации, но в целом сохранил свое значение. Кризисные явления обнаружили себя в то время, когда третичный сектор занял доминирующую роль в экономике. Отсюда вытекает достаточно правдоподобный вывод: новая волна кризисных явлений неизбежна, когда в постиндустриальных странах в полной мере даст о себе знать новый лидирующий сектор – информационный, когда он станет обеспечивать основную часть ВВП и занятости. При этом так же, как в 70-е годы, основным «пострадавшим» от экспансии третичного сектора стал сектор первичный; следующий удар будет нанесен именно по вторичному сектору, по сфере промышленного производства. И это станет концом индустриальной эпохи, прелюдией которого оказались события 1973 – 1981 гг» [2; 8].

Кроме сугубо экономических предпосылок кризиса индустриальной эпохи, внутри нее накапливались и духовно-культурные издержки социального развития. Индустриализм, концентрируя внимание на производственных достижениях, на технико-экономической эффективности жизни, зачастую не придавал должного значения собственно носителю этой жизни – человеку, его интересам, целям и ценностям. В таких условиях человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам и результатам, а нередко и самому себе. Индустриализм основан на «машинизированном» экстенсивном использовании человеческих и природных ресурсов,

что и обусловило попытки создать ориентированные на качество жизни формы производства, технологии социальной организации и коммуникации, подчеркивающие значение личностных аспектов бытия людей, возможности и условия их самореализации и духовно-культурного развития.

Говоря об интеллектуально-творческом потенциале индустриального общества, следует в первую очередь указать на востребованность главным образом его технико-производственных возможностей, то есть на интенсивное применение технических и технологических инноваций к сфере промышленного производства. В этом смысле можно говорить и о технократизме как отличительной черте индустриальной эпохи, имея в виду уже сферу организации власти и управления, где управление вещами, экономико-технологический рационализм доминируют над рационализмом духовно-культурным и даже политическим. В известной степени в таких условиях теряют смысл рассуждения о многих гуманистических ценностях и интересах.

Издержки социально-культурного, духовно-нравственного, гуманистического, экологического характера представляют неполный набор признаков серьезного кризиса индустриальной эпохи и ее современных продолжений и последствий. Сегодня нужна новая мировоззренческая парадигма, в рамках которой следовало бы определиться с приоритетами человеческих ценностей, императивами социо- и антропоприродных отношений, целесообразностью определенных видов человеческой деятельности, возникших в эпоху техногенного прогресса.

Постиндустриальная теория явилась, с одной стороны, попыткой преодоления кризиса индустриализма, а с другой стороны, осмыслением перехода общества в иное состояние развития на основе достижений индустриализации, повлиявших на изменение предпочтений и ценностей современного человека. Наиболее активно она стала разрабатываться с начала 70-х годов XX века усилиями таких известных авторов как Д. Белл, Р. Арон, У. Хармен и многих других, а также целыми научными коллективами.

Основной смысл этой теории заключается в обосновании возможности преодоления проблем технико-экономического роста и перехода к развитию культуры и человека, стимулированию духовно-гуманистической составляющей жизни. В отношении трансформации различных сфер деятельности общества процессуально и концептуально-методологически это выглядит следующим образом:

- в области профессиональной занятости и социальной трансформации приоритеты распределяются в направлении от работников тяжелого неквалифицированного труда, земледельческих работников – через труд инженеров и рабочих различных квалификаций – до деятельности специалистов сервисных отраслей экономики и творчества научной элиты.

- техника: сырьевая – энергетическая – информационная.

- задачи общества: «игра против природы» – «игра против рукотворной природы» - «игра между людьми».

- ведущий идеологический принцип («осевой принцип»): традиционализм, ограничение ресурсами и техникой принятия решений – государственный и частный контроль роста и принятия решений – центральная роль теоретического знания, основанных на нем инноваций и политики [1].

Основными признаками постиндустриального общества являются создание разветвленной цивилизованной экономики услуг (социального сервиса), доминирование в структуре социальной стратификации квалифицированных научно-технических специалистов,

исключительная роль теоретического знания и научнообоснованных решений, возможность самоподдерживающегося технологического развития на основе нетрадиционных образцов «интеллектуальной» техники.

Постиндустриальное общество, в отличие от общества индустриального, не рассматривает уже природу как только источник сырья для экстенсивного развития экономики. В этом смысле оно ориентировано не на объемы, а на качество продукции и ее разнообразие, на человека. Уровень квалификации, образованности, компетентности людей, занятых в производстве, становится условием его социальной эффективности, с одной стороны, и внутренним источником развития, с другой. Вовлеченные в производство люди утрачивают при этом сугубо материальную мотивацию своей деятельности, поскольку оказываются занятыми преимущественно там, где нужны интеллектуально-творческие, духовно-культурные качества. Утрата материальной мотивации социальной (в том числе производственной) коммуникации в условиях постиндустриального общества связываются также с предполагаемым достижением большинством населения (еще на стадии индустриального развития) такого уровня благосостояния, когда «давление непосредственной (материальной) нужды сокращается». «Это положение, - пишет В.Л.Иноземцев, - принято большинством теоретиков постиндустриализма, так как именно после того, как человек достигает материального благосостояния, позволяющего ему не задумываться об удовлетворении привычных потребностей, он начинает искать самовыражения вне традиционных стереотипов поведения. Современные социологи очень осторожно подходят к исследованию данного феномена, отмечая не устранение материальной мотивации, а возникновение вполне определенного сдвига от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого «качества жизни», и обращая внимание на то, что «дополнительное увеличение денежных доходов уже не оказывает прежнего воздействия на поведение» человека» [3; 39-40].

В культуре постиндустриального общества немаловажное значение приобретает проблема преодоления стандартов. Она проявляется как в непосредственно экономическом отношении, так и в плане стимулирования творческой активности людей, развертывания межкультурных контактов, различных, в первую очередь диалоговых, форм общения и социальной коммуникации в целом. Ряд социологических исследований, призванных выявить «постматериалистический», в том числе духовно-коммуникативный характер постиндустриальных трансформаций, показал, что уже к середине 70-х годов в качестве основных достоинств того или иного вида деятельности чувства удовлетворения от проделанной работы и контактов (коммуникации) с людьми были поставлены на первое место большинством японских и американских работников. Не случайно в связи с этим было обращено внимание на постиндустриальное общество как на такую социальную организацию, где большая часть человеческой активности направляется не на взаимодействие человека с преобразованной им природой, что характерно для индустриального типа развития, а на реализацию коммуникативной интенции, образно предоставленной Д.Беллом как «игра между людьми».

Речь в данном случае идет не только о сфере «чистых» межличностных отношений, несвязанных напрямую с жизненноважным для общества производственным трудом. Сам труд, производство, экономика в целом приобретают особый коммуникативный статус. В свое время Э.Тоффлер предложил рассматривать экономику как состоящую из двух секторов: в одном люди производят товары для обмена, в другом делают вещи для себя. Один – это рыночный, или производственный сектор, другой – сектор производителя-потребителя, т.е. в системе наших рассуждений – коммуникативный сектор производства.

Каждый из этих секторов выдвигает свою собственную этику, свой набор ценностей, свое определение успеха.

«В период Второй волны (индустриальное общество – А.Л.) широкое распространение рыночной экономики – как капиталистической, так и социалистической, – отмечает Э.Тоффлер, – поощряло этику приобретения. Она дала только экономическое определение личного успеха. Продвижение Третьей волны (постиндустриальное развитие – А.Л.), однако, сопровождается... феноменальным ростом деятельности по принципу... «сделай сам.»... Все большее число работников, занятых производством для рынка, тратит свое время на абстракции – слова, числа, модели – и мало знает людей, если вообще, их знает... Напротив, в производстве-потреблении мы обычно сталкиваемся с более конкретной, непосредственной действительностью; производство-потребление предполагает прямой контакт с вещами и людьми» [4; 611-612].

Страны с так называемой переходной экономикой находятся сегодня перед выбором своих перспектив развития. Сочетание в большинстве из них элементов первичного и вторичного секторов экономики, естественно, накладывает ограничения на этот процесс. Поэтому один из возможных вариантов их дальнейшего развития – это сохранение подобного сочетания экономических укладов с постепенным отставанием от наиболее развитых государств. Худшее, что может здесь произойти – это возвращение в первичный сектор экономики и превращение в обыкновенный сырьевой источник. Второй вариант – повторение путей развития, которые прошли страны Запада и таким образом достижение достаточно высокого уровня жизни, не претендуя на заметный вес в мировом сообществе. Надежды на существование третьего сценария развития могут быть обусловлены современными тенденциями интеграции и универсализации социально-политических, общественно-экономических, научно-технических процессов, естественно, в их лучших проявлениях. Суть этого пути заключается в сочетании второго и третьего секторов экономики с устойчивой ориентацией при этом на постиндустриальное развитие. Данная ориентация будет означать перераспределение социальной активности путем минимизации затрат на индустриальную и еще больше – на аграрную экономику за счет научно-технических и культурно-технологических инноваций. Роль и значение аграрной и индустриальной сферы при этом не исчезает, как иногда истолковывают постиндустриальное развитие. Они приобретают подчиненный характер в структуре общественного производства и социальных интересов.

Постиндустриальная парадигма, естественно, не может претендовать на универсальное объяснение кризиса индустриального мира и изложение наиболее коротких путей его преодоления. По одним позициям она выглядит гипотетичной, по другим – слишком общей. Между тем, сегодня трудно найти социально-философские, общественно-экономические, социологические, культурологические, политологические исследования, где бы так или иначе не затрагивались идеи постиндустриального развития.

Говоря о слабых сторонах концепции постиндустриализма, мы в первую очередь имеем в виду попытки многих авторов (в какой-то степени и самого Д.Белла) «подогнать» эту концепцию под активно развивающиеся сегодня процессы информатизации общества, становления рынка информационных технологий, формирования новых форм коммуникации. Именно в силу указанных попыток чаще всего и происходит буквальное отождествление понятий постиндустриального и информационного общества. Несмотря на близость и относительную «родственность» этих понятий, они все же имеют ряд принципиальных различий. Информационное общество представляет собой новую самостоятельную стадию социально-экономического, научно-технологического и духовно-культурного развития постиндустриального мира. Эта стадия свя-

зана с переходом к четвертичному (информационному) сектору хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности.

Указание на самостоятельность (собственную состоятельность) информационного общества, его нетождественность классической версии постиндустриального общества, может следовать также из наметившихся сегодня тенденций информатизации индустриальных государств, таких, например, как Беларусь, Россия и др. В этих государствах активно развиваются процессы компьютеризации, формируются телекоммуникационные сети с выходом в мировое информационное пространство. К примеру, в России в последние пять лет отрасль связи и информации выступает лидером среди наиболее динамично развивающихся отраслей. По темпам роста она опережает нефтедобывающую, газовую и пищевую промышленность.

Однако процессы информатизации в ряде современных индустриальных государств представляют собой, скорее, социокультурное явление, нежели закономерные социально-экономические преобразования, которые лежат в основе серьезных социальных трансформаций, обуславливающих переход к новому типу организации общества.

Своеобразие ситуации заключается в том, что современный индустриальный мир способен трансформироваться в мир постиндустриальный неклассическим способом, т.е. минуя третичный сектор как отдельную фазу развития, который создавали наиболее развитые государства, чтобы вплотную подойти к четвертичному сектору и основанному на нем информационному обществу. «Информационный облик» ряда современных индустриальных государств формируется с опорой на четвертичный сектор хозяйственно-экономической деятельности и параллельное развитие при этом третичного сектора, т.е. экономики услуг.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999.
2. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. – 1999. -- №5.
3. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. – 1997. -- №10.
4. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
5. Clark C. Cjnditions of Economic Progress. L., 1940.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФЕНОМЕН «ПРИТВОРЯЮЩИХСЯ» КУЛЬТУР

Винокурова С.П.

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Ценность переломов в истории в конечном счете, определяется влиянием, которое оказывает новая нарождающаяся ситуация на духовную сферу. Именно поэтому интегральным показателем прогресса, своеобразным критерием качества трансформационных процессов в обществе выступает моральное самочувствие личности, направленность ее ориентаций, духовная основа и нравственная полноценность человеческих отношений.

Процессы обновления общества затронули глубинные пласты экономики, идеологии, культуры, породили многомерное поле противоречий, в которых привычные оценки подверглись сомнению, критике, переоценке, заставляя человека интенсивно искать новые основы духовного и нравственного развития.

Известно, что культура формируется на протяжении продолжительного периода, выбирая из общего потока жизни наиболее существенное и ценное для своего субъекта, передавая из поколения в поколение выверенную опытом информацию, нормы и правила поведения. Существование системы стандартов, норм и эталонов деятельности образует особую рациональность специфичную для того или иного общества, составляет нормативную базу любой социально значимой деятельности. При этом необходимыми условиями для развития национальной культуры является экономическая независимость государства, наличие собственной территории, рациональная структура государственной власти и т.п. Вместе с тем в культуре всегда существуют явления, ценимые за свою уникальность и неповторимость. К таким культурным ценностям относится национальный язык, в данном случае, – белорусский, особым образом гарантирующий самоидентичность социума и историческую воспроизводимость белорусского народа.

Учитывая эти обстоятельства в конце XX века обретя независимость, Республика Беларусь, как и другие страны бывшего Союза, руководствуясь целью возрождения национальной культуры и национального сознания, первоначально встала на путь интенсивного внедрения национального языка. Популистский призыв: «Будзе мова – будзе і хлеб», находил отклик у пронационалистически настроенной части населения и поддерживался на государственном уровне. В результате в соответствии с принятым законодательством белорусский язык был объявлен единственным государственным языком. В государственных и частных организациях начался спешный перевод делопроизводства на белорусский язык. Были изданы приказы с установлением жестких сроков (порой этот срок предполагал несколько месяцев) о переводе всей деятельности учреждений системы образования и воспитания на белорусский язык. Предусматривалась и доплата к заработной плате преподавателя за осуществление преподавания на белорусском языке. При этом не принимались во внимание отрицательные обстоятельства языкового разъединения: отсутствие учебников на белорусском языке, снижение авторитета педагогов, часть из которых оказалась неготовой к изложению научных дисциплин на белорусском языке. Это же относилось и к студентам. При этом отдельные руководители, демонстрируя привитые прежним режимом установки, стремились как можно скорее отрапортовать «наверх» о том, что работники возглавляемых ими организаций уже на 99,9% говорят, работают и даже думают по-белорусски.

Одновременно резко сократился поток иноязычной информации, в первую очередь, русскоязычной. Но даже при условии поступления научной и иной информации, изложенной на своих национальных языках, при отсутствии возможностей для оперативного перевода этой информации, она с большими трудностями может вливаться в национальную информационную систему. Таким образом, республика оказалась отрезанной от информационного и культурного пространства.

По оценкам экспертов, в результате распада единой союзной информационной системы, обеспечение российских ученых необходимой информацией снизилось в десятки раз, в республиках информационное обеспечение науки вышло на уровень 60-годов. И это в то время, когда информация является важнейшим капиталом, без роста которого республика не может выйти на уровень современной цивилизованной страны.

По данным переписи населения большинство граждан, проживающих на территории республики, считают родным языком белорусский язык. Вместе с тем в качестве

языка общения чаще всего используется русский язык. В этой ситуации Республика Беларусь в качестве независимого государства, безусловно, заинтересована в возрождении и развитии национальной культуры, сохранении и широком использовании белорусского языка.

«Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ

Хотя по языку нас не считал за немцев».

Этот вопрос, поставленный главным героем поэмы А.С.Грибоедова «Горе от ума» Чацким, при известной корректировке характеризует языковую ситуацию в республике.

При этом обратим внимание на такие обстоятельства. Создавая условия для развития национальной культуры, необходимо заботиться о том, чтобы она отвечала интересам нации и государства, была не замкнутой, а открытой, динамичной, способной усваивать достижения мировой науки, техники и культуры, могла бы обеспечивать продуктивные коммуникативные связи белорусов с представителями других стран. В свою очередь, одним из условий этого является отсутствие либо уменьшение языковых барьеров. В частности, известно, что развитые страны на языковом барьере способны терять от 10% до 50% мировой информации. Не случайно, послевоенная Япония с целью интенсивного развития государства последовательно вкладывала средства в информационные ресурсы, принимала иные меры по преодолению обстоятельств, связанных с языковой разьединенностью.

Обращаясь к ситуации постперестроечной Беларуси, отметим, что форсированная политика распространения белорусского языка обнаружила результативную неоднозначность. В частности, белорусский язык, как ядро национальной культуры не позволял республике гибко адаптироваться к новым условиям, а главное, адекватно и оперативно ассимилировать все прогрессивное, что достигнуто в российской и мировой культуре, используя поток иноязычных информационных ресурсов.

Интересной и конструктивной представляется авторская позиция российского философа А.И.Ракитова, утверждающего, что порой внешнее проникновение инокультурных влияний (одежда, манеры, автомашины и т. д.) может порождать иллюзии сильных культурных трансформаций. Вместе с тем существует и малоисследованный феномен маскирующихся или «притворяющихся» культур: К такого рода культуре автор относит и российскую культуру, которая на протяжении десятилетий и даже столетий притворяясь европейской, все же сохраняла свою неизменную сущность, фундаментальным устоем которой было неуважение к человеку и отрицание всяческих инноваций, прежде всего в самой своей основе: в сфере технологии производства, власти и общественной жизни.

Древняя китайская мудрость говорит: «Лягушка, сидящая в колодце, не может судить о красоте небес». Культура, которая воспринимает мир через очерченный квадрат глубокого национального колодца, не сможет составить адекватное представление о цивилизованном развитии и культурных изменениях и тем самым рискует попасть в разряд «притворяющихся» культур.

Система норм, правил, стандартов, и эталонов деятельности образует особую рациональность специфическую для данного общества. Вместе с тем осмысление глубинных последствий абсолютизации национального в культуре (языке), привело к адекватной реакции на сложившуюся ситуацию и преодолению жесткой позиции по отношению к русскому языку. Результаты проведенного референдума по поводу возможности закрепления за русским языком наряду с белорусским статуса государственного языка подтвердили, что самосознание белорусов является действенным ме-

ханизмом целенаправленной автотрансформации культуры, позволяющим преодолеть неподлинность культуры, снять негативные ограничения и барьеры в прогрессивном развитии страны. В соответствии с действующим законодательством государственными языками являются русский и белорусский.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.Ю.Карачун

Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь

Трансформация современных структур повседневности представляет собой сущностную характеристику развития общества независимо от его национально-этнической принадлежности. Связанные с общественным развитием изменения проявляются не только в производственно-технических структурах, но и в сфере идеологии. Трансформация современного общества непосредственно влияет и на средства массовой коммуникации, их модернизацию, совершенствование форм и методов передачи информации.

Меняя представления человека о возможностях и способах передачи информации, вводя в оборот новые знаковые системы, современные СМИ позволяют сегодня осуществлять передачу информации наиболее полно в режиме реального времени, что практически было невозможно еще совсем недавно. Кроме того, средства массовой информации, как печатные, так и электронные, непосредственно и целенаправленно влияют на изменение представлений, мнений, форм поведения человека в обществе, которые в свою очередь формируют мировоззрение и мироощущение личности.

Сегодня средства массовой информации – неотъемлемая часть политики и идеологии любого государства, мощный канал связи и коммуникации субъектов общества. Они формируют общественное мнение, являются действенным инструментом политического влияния на общество. Пресса, радио и телевидение вносят свой весомый вклад в становление системы гуманитарных ценностей и ориентиров, определяющих государственную идеологию.

Приоритетными направлениями современной государственной политики Республики Беларусь в сфере массовой информации являются – безусловное обеспечение государственных приоритетов на информационном рынке страны, повышение эффективности деятельности государственных печатных и электронных СМИ, усиление их влияния на формирование общественного мнения.

Сегодня радио и телевидение представляют собой быстро развивающуюся народнохозяйственную отрасль, в рамках которой производится особого рода продукция, которая, воздействуя на общественное сознание, призвана формировать у людей разных поколений целостную картину мира.

Приоритетное развитие электронных СМИ по сравнению с другими средствами массовой информации в республике обуславливается также и внешними факторами. В условиях глобализации мировой политики и экономики значительно возрастает скорость слияния информационно-культурных потоков. Вследствие этого возникает проблема ассимиляции исторически сформировавшейся национально-государственной

индивидуальности. Все это оказывает существенное влияние на характер и содержание новых международных вещательных стандартов, особенно на европейском континенте. Кроме того, информационное поле Беларуси, будучи интегрированным в мировые информационные потоки, подвергается внешнему воздействию, в силу чего, оно вынуждено активно противостоять этим процессам, создавая новые эффективные формы работы с реальностью. Поэтому государство видит в телевидении и радио необходимое средство не только эффективной защиты своих идеологических интересов, но и их продвижения во вне.

В последние годы Министерством информации и другими органами государственного управления были предприняты действенные меры по поддержке развития отечественного телерадиовещания. Это повлекло за собой укрепление финансовой и материально-технической базы, а также вызвало положительные преобразования в организации творческого процесса на радио и телевидении. В результате произошел количественный рост производства собственного национального телерадиопродукта, заметно улучшилось качество теле и радиопередач, расширился их жанрово-тематический и социально-культурный спектр.

В настоящее время определена главная задача, стоящая перед белорусским телевидением и радио – наиболее полно и объективно информировать аудиторию о событиях в нашей стране и за рубежом, решать культурно-просветительские вопросы, тем самым, воспитывать у телезрителей и радиослушателей, в том числе и у наших соотечественников, проживающих за пределами Беларуси, чувство гордости за свою родину, давая, вместе с тем, им возможность содержательного и полноценного отдыха.

Разработанная и утвержденная в 2005 году на коллегии Министерства информации Концепция развития телерадиовещания в Республике Беларусь призвана расширить возможности дальнейшего совершенствования государственной политики в данной сфере, определить эффективные пути дальнейшего развития и плодотворного использования творческих, социально-культурных и технологических ресурсов телерадиовещания.

В Республике Беларусь по состоянию на 1 мая 2006 года, зарегистрировано 206 радио- и телепрограмм: 155 программ радиовещания, из которых 136 – государственной формы собственности, 19 – негосударственной формы собственности и 51 программа телевещания, из которых 20 - государственной формы собственности, 31 - негосударственной формы собственности.

Сегодня в Беларуси осуществляют деятельность пять общенациональных телеканалов – "Первый национальный", "Лад", "Общенациональное телевидение", "Столичное телевидение", спутниковый телеканал "Беларусь-ТВ". С 2002 г. начал вещание "Первый музыкальный телеканал", сигнал которого в настоящее время распространяется также посредством космического спутника.

При этом в стране обеспечен абсолютный приоритет отечественного телевещания на информационном телевизионном рынке.

На белорусском телевидении значительно увеличен объем программ собственного производства, расширен спектр общественно-политического и информационного вещания. Так, только за 2004 год информационное вещание Белтелерадиокомпании увеличилось более чем в 2 раза, "ОНТ" - также более чем в 2 раза, "СТВ" - на 70%.

Наряду с доминирующим положением на информационном рынке страны, как по охвату населения республики, так и по объему вещания, Национальной государст-

венной телерадиокомпанией, в 2005 году существенно расширили свое вещание ЗАО "Второй национальный телеканал" и ЗАО "Столичное телевидение".

Сегодня доля собственного вещания на телеканале "ЛАД" составляет 6 часов, на "ОНТ" - 5 часов и "СТВ" - более 6 часов.

Эффективно действует в Беларуси система кабельного телевидения. По состоянию на 1 мая 2006 года деятельность по оказанию услуг населению в сфере кабельного телевидения на территории Республики Беларусь осуществляет 123 субъект хозяйствования (с государственной формой собственности - 25; с негосударственной - 98), имеющих соответствующие лицензии Министерства связи и информатизации Республики Беларусь (Брестская обл. - 22, Витебская обл. - 15, Гомельская обл. - 12, Гродненская обл. - 26, Минская обл. - 21, Могилевская обл. - 16, г. Минск - 11). Из них свидетельства о регистрации СМИ имеют 19 субъектов хозяйствования. Сегодня они ретранслируют в приемных распределительных системах телевидения и радиовещания от 7 до 40 телевизионных программ Беларуси, стран ближнего и дальнего зарубежья (из них 25 - Российской Федерации).

В последние годы в Беларуси интенсивно развивается рынок FM-радиостанций. Сегодня в Республике Беларусь свое вещание осуществляют около 30 радиостанций FM-диапазона.

Только на территории г. Минска выходят в эфир следующие FM-радиостанции: "Авторadio", "Альфа Радио", "Мелодии века", "Мир", "Радио Би-Эй", "Радио Рокс-М", "Русское радио", "Пилот ФМ", "Юнистар Радио БГУ", "Новое радио", "Хит ФМ", "Минская волна", "Радио-Минск", а также радиостанции Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь.

За последний год значительно расширилась аудитория белорусского телевидения: с 1 февраля 2005 года на страны ближнего и дальнего зарубежья вещает международный спутниковый телеканал «Беларусь-ТВ». В эфире телеканала транслируются не только информационные программы, информирующие зарубежного зрителя о событиях и явлениях жизни нашей страны, но и лучшая кино-, теле-, и видеопродукция Белтелерадиокомпании, телеканалов "ОНТ" и "СТВ", киностудии "Беларусьфильм" и Белвидеоцентра.

Активно работает в данном направлении и радиостанция зарубежного вещания Белтелерадиокомпании, структуру вещания которой составляют информационные, аналитические программы, культурно-познавательные и музыкальные проекты. С 2005 года вещание этой радиостанции осуществляется и в сети «Интернет».

С марта 2002 года в г. Минске осуществляет вещание "Первый музыкальный телеканал". Данный телеканал 26 августа 2004 года вышел на спутниковое распространение посредством ИСЗ Эксперсс 22 АМ, что позволило включить его в расширенные пакеты операторов кабельного телевидения по всей территории Республики Беларусь, а количество потенциальных зрителей телеканала возросло почти до 2 миллиардов человек, проживающих в более 80-ти странах мира.

В 2005 году в республике особое внимание было обращено к информационным Интернет-ресурсам, в частности, к официальным Интернет-сайтам органов государственного управления. По поручению Совета Министров Республики Беларусь Министерство информации приняло активное участие в разработке «Рекомендаций по созданию, информационному и технологическому сопровождению Интернет-сайтов органов государственного управления Республики Беларусь».

С мая 2003 года в сети Интернет функционирует официальный сайт Министерства информации, на котором представлена информация о структуре Мининформа, его руководстве, истории создания, состоянии отраслей полиграфии, издательства и книжной торговли, печатных и электронных СМИ, о международном сотрудничестве, проводимых мероприятиях. Налажена система регулярного обновления разделов новостей, статистики, книжных новинок и др. Статистика учета посещаемости сайта свидетельствует о достаточно высоком уровне его популярности среди сайтов аналогичной категории.

По заказу Министерства информации Республики Беларусь Центром социологических и политических исследований Белгосуниверситета осуществляется научно-исследовательская работа по тематике особенностей воздействия информационного пространства на формирование общественного мнения в Республике Беларусь, которая включает в себя проведение регулярных социологических опросов и мониторинговых исследований. На основе этих социологических исследований можно говорить о том, что за последние годы социально-политическая эффективность государственных СМИ существенно возросла.

Прежде всего, это проявилось в увеличении доли населения страны, которая ориентирована на получение информации по вопросам политики, экономики и культуры из передач телевидения, радио, из газет, а не из различных неформальных источников.

В 2003–2005 годах обозначилась тенденция повышения эффективности электронных СМИ в информационном поле Беларуси и, прежде всего, радио и телевидения. Самый высокий аудиторный рейтинг по-прежнему сохраняет телевидение. По итогам измерений в 2004 году он составил 95,6% (у радио – 62,3%).

О росте эффективности деятельности национальных телеканалов также говорит тот факт, что уровень доверия к ним постоянно повышается. Если в 2003 году ОНТ доверяло 48,2% телезрителей в стране, в 2004 – 60,0%, то в 2005 – уже 66,9% (для Первого национального телеканала аналогичная динамика выстроилась так: 24,2%, 27,4 и 38,1%).

Среди транслируемых в Беларуси телеканалов наибольшим доверием у населения пользуются: "ОНТ" – 66,9%, "НТВ" – 40,8%, Первый национальный телеканал – 38,1%, "Россия" – 28%, "Лад" – 5,7%. Данный показатель по радиостанциям: Первая программа Белорусского радио – 18,4%, "Сталіца" – 11,6%, "Радиус – FM" – 7,1%, областное радио – 6,7%.

В настоящее время Министерством информации разрабатывается Программа развития отрасли на 2006 – 2010 годы, которая включает в себя подпрограмму "Развитие системы электронных средств массовой информации". Именно в этой подпрограмме предлагается комплекс взаимосвязанных мероприятий по созданию в Республике Беларусь высокоэффективного механизма государственного регулирования в области электронных средств массовой информации.

В качестве основных целей подпрограммы можно выделить следующие: целенаправленная реализация государственной информационной политики в сфере радио и телевидения, повышение информационной насыщенности программ государственных телерадиокомпаний и FM-радиостанций, продвижение на информационные рынки стран ближнего и дальнего зарубежья конкурентного теле- и радиопродукта, в том числе и посредством сети Интернет, повышение профессионального уровня освещения в теле- и радиопрограммах актуальных проблем общественно-политической, со-

циально-экономической и культурной жизни; обеспечение жесткого контроля за деятельностью операторов кабельного телевидения, содействие подготовке и переподготовке высококвалифицированных кадров теле- и радиожурналистов, которые должны на высоком творческом уровне решать важнейшие задачи государственной информационной политики.

В соответствии с этими целями определены и основные задачи реализации данной подпрограммы:

нормативное и правовое обеспечение развития рынка теле- и радиoproграмм, в том числе сетевых Интернет-ресурсов белорусских СМИ;

целенаправленное проведение в жизнь информационной политики и идеологии государства, повышение качества теле- и радиожурналистики исходя из требований государственной информационной политики;

увеличение телерадиовещательными организациями республики передач собственного производства,

сокращение ретранслируемых теле- и радиoproграмм,

развитие спутникового, цифрового теле- и радиовещания, кабельного телевидения, расширение сети кабельного телевидения в районных центрах и агрогородках;

координация проведения социологических исследований, связанных с решением практических задач телерадиокомпаниями и FM-радиостанциями в новых социально-политических условиях;

развитие материально-технической базы государственных телерадиокомпаний;

укрепление кадрового потенциала государственных телерадиокомпаний, совершенствование профессиональной и творческой культуры работников телевидения и радио.

В качестве приоритетных направлений в сфере электронных средств массовой информации подпрограммой определены:

оказание государственной поддержки социально значимым проектам, реализуемым телерадиокомпаниями и FM станциями;

реализация Концепции телерадиовещания в Республике Беларусь, а также совместно с Министерством связи и информатизации Государственной программы внедрения цифрового телевизионного и радиовещания в Республике Беларусь до 2015 года, содействие развитию цифрового радио и телевидения в Республике Беларусь;

дальнейшее развитие спутникового телеканала «Беларусь-ТВ», а также Интернет-вещания государственных телерадиокомпаний;

расширение радиовещания в приграничных регионах;

реализация Концепции и программы пропаганды белорусского искусства и культуры на 2006-2010 годы;

совершенствование работы государственных телерадиокомпаний и FM-радиостанций по освещению мероприятий Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске»;

повышение эффективности информационных проектов, осуществляемых в рамках Союза Беларуси и России, в первую очередь, Телерадиовещательной организации Союзного государства;

содействие дальнейшему увеличению доли собственного социально-значимого продукта региональными телекомпаниями, а также развитию местного радиовещания;

проведение Национального телевизионного конкурса «Телевершина» и музыкальной радиопремии «Золотое ухо»;

совершенствование эффективности контроля деятельности кабельных операторов по формированию расширенных пакетов телевизионных программ;

расширение сети кабельных операторов и основного пакета телепрограмм и услуг, предоставляемых операторами кабельных сетей;

необходимость усиления взаимодействия местных органов управления с операторами приемных распределительных систем в части координации их деятельности;

применение административных санкций за случаи несанкционированной (бездоговорной) ретрансляции операторами кабельного телевидения телеканалов со спутника, что является нарушением авторских и смежных прав;

проведение тендеров на закупку работ и услуг в рамках государственного заказа за счет средств республиканского бюджета по производству на конкурсной основе общественно-политических и социально значимых телепрограмм;

обеспечение функционирования Интернет-сайта Министерства информации.

Для реализации указанных приоритетных направлений необходимо осуществить следующие программные мероприятия:

- нормативно-правовое обеспечение включает принятие изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь "О печати и других средствах массовой информации", касающихся электронных средств массовой информации, в частности, регулирования деятельности информационных Интернет-ресурсов в Республике Беларусь, разработки критериев отнесения Интернет-сайтов к средствам массовой информации, а также приведения актов законодательства Республики Беларусь в соответствие с названным законом;

- научно-методологическое обеспечение предполагает разработку методов социологического анализа и мониторинга деятельности телерадиокомпаний и FM-радиостанций, на основе которых будет изучена степень их влияния на формирование общественного мнения, выявлено отношение к ним различных социальных и возрастных групп населения страны, определен их рейтинг относительно друг друга, а также установлен уровень освещения и пропаганды ими белорусской культуры. Кроме того, предполагается привлечение студентов факультета журналистики к научной работе по тематике функционирования и развития электронных средств массовой информации;

- меры по совершенствованию идейно-содержательного уровня государственных электронных средств массовой информации предусматривают информационное сопровождение реализации законодательства Республики Беларусь, государственных программ по важнейшим вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни государства и общества, подготовку материалов, направленных на формирование здорового образа жизни, традиционных духовно-нравственных ценностей белорусского народа – патриотизма, миролюбия, толерантности, межнационального и межконфессионального согласия. В этой связи предусматривается регулярное привлечение к подготовке теле- и радиопередач руководителей и представителей республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, иных заинтересованных;

- укрепление финансовой и материально-технической базы государственных телерадиокомпаний издается заключается в принятии эффективных мер по поддержке развития телерадиовещания в Республике Беларусь, укреплении финансовой и материально-технической базы, которые будут способствовать положительным преобразованиям в организации творческого процесса на радио и телевидении. Так, в результа-

те оказания финансовой и материальной государственной помощи в 2004-2005 гг. в Республике Беларусь произошел количественный рост производства национального телерадиопродукта, заметно улучшилось качество теле- и радиопередач, расширился их жанрово-тематический и социо-культурный спектр.

Как видно из вышеизложенного, система электронных средств массовой информации Республики Беларусь планомерно развивается в структуре трансформаций белорусского общества, используя при этом передовые научно-технические достижения и информационные технологии, которые выступают своеобразным двигателем сферы радио и телевидения. Тем самым, на глазах у зрителей и в восприятии слушателей происходит изменение не только формы современного телерадиовещания, но и его содержательных компонентов.

В последнее время к телевидению и радио, как средствам массовой информации, добавился еще и Интернет, технические возможности которого позволяют донести любую информацию, в том числе теле- и радио сигнал, в любую точку земного шара в формате реального времени. В этой связи социо-культурные аспекты феномена Интернета в контексте его развития уже настоятельно требуют самого серьезного изучения и отдельного его рассмотрения, к сожалению, выходящего за рамки данной статьи.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Н.А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Социальная трансформация нередко связана с суммой рисков, как индивидуальных, так и общественных, возникающих и осуществляемых, фактически, во всех основных сферах жизнедеятельности человека. Социальный субъект находится, как бы, в зоне опасностей, представляющих собой актуальные или потенциальные явления, процессы или события, которые, в той или иной форме могут нанести ущерб человеку, социальной группе, обществу. При этом подразумеваются не только физический и моральный аспекты, но и природные и духовные факторы, препятствующие позитивному развитию.

На протяжении долгого времени безопасность понималась как защита от внешней агрессии и связывалась, таким образом, с военным аспектом. Изменившиеся реалии современной жизни привели к тому, что трансформировалось и понятие безопасности, как необходимого предупреждения и противодействия актуальным и потенциальным угрозам. Содержание понятия «безопасность» означает отсутствие опасностей и наличие возможностей надежной защиты от них. Стала очевидна его многоаспектность, когда каждый из этих аспектов – военный, политический, экономический, социальный, информационный, экологический и др. – стал играть свою существенную роль.

Экологическая безопасность находит свое выражение в необходимости разрешения противоречий между реализацией социально-творческого начала человека и сохранением биосферы, направив научно-технический прогресс в русло экологических императивов и целей устойчивого развития. Осознание данного процесса реализуется в преобразовательной деятельности общества, находит свое отражение в изменении общественного сознания. Человек формирует определенные программы взаимодействия с внешней средой, которые всецело выступают регулятором его практической деятельности. На уровне теоретического познания действительности этот процесс

находит свое отражение в изменении стиля мышления, что продиктовано, в первую очередь, изменением в материальной основе общества. В связи с этим наступает осознание того, что прогресс техники, с которым связано преобразование природной среды, способен выйти из-под контроля человеческого разума.

При создании систем безопасности в расчет необходимо принимать инновационные процессы, определяемые развитием социальных систем, новых технологий, в том числе биотехнологий. Фактор безопасности выступает как комплексный феномен, включающий свод правовых норм, законодательных и исполнительных решений, а также средств, методов и направлений деятельности по обеспечению надежной защиты разнообразных объектов. Он представляет собой непрерывный процесс, заключающийся в обосновании и реализации наиболее оптимальных методов, способов и путей совершенствования и развития системы безопасности, выявлении потенциальных угроз. Как мера противодействия различным угрозам, разрабатываются доктрины национальной безопасности, создаются конкретные программы достижения политической, экономической и социальной стабильности современного мира.

Национальная безопасность понимается в контексте защищенности социальной системы и ее элементов и выражается в способности государства оптимально регулировать общественные отношения. Состояние национальной безопасности представляет собой определенный качественный уровень обеспечения оптимальных или наиболее благоприятных условий для развития личности, общества и государства, обеспечения их интересов. Иными словами, общая концепция национальной безопасности получает свое продолжение и конкретизацию в более частных моделях, специфичных для каждой из сфер жизнедеятельности. Поскольку угрозы безопасности осуществляются в определенной сфере, то национальная безопасность специфична по признаку сфер деятельности: политической, социальной, информационной, экологической и др. Эти сферы действия угроз в известной степени относительны, потому как реальная или осуществляемая угроза в одной из них неизбежно сказывается на других [3; 3].

Жизненно важные интересы любой системы связаны с необходимостью ее сохранения, устойчивого функционирования и развития. Структурные связи характеризуют систему с точки зрения ее внешних взаимодействий, а также внутренних структурно-функциональных отношений. Выполняя определенные функции относительно более общей системы, состояние конкретного объекта безопасности оказывает влияние и на всю систему. Например, состояние отдельно взятой экосистемы влияет на состояние устойчивости биосферы в целом.

Поскольку интересы личности, общества, социальной группы реализуются в различных сферах жизнедеятельности, то наряду с общественной национальной безопасностью складываются подсистемы безопасности с локальными функциями. Эти функциональные подсистемы определенных сфер жизнедеятельности лишь относительно самостоятельны в рамках своего конкретного предназначения. Такой подсистемой мы можем назвать *экологическую безопасность*. Отношения и связи между природой и обществом как подсистемами целостного объекта, реализуются в комплексе общественных отношений, связанных с выполнением деятельности по оптимизации системы «природа-общество».

В общественном сознании природа отражается в двух аспектах: как основа человеческой деятельности, источник природных ресурсов и как подсистема целостной системы со сложной структурой прямых и обратных связей. Воздействие человеческой преобразующей деятельности на природу исторически, в силу постепенного развития мощности средств труда, а также существования у природных экосистем определенного потенциала компенсаторных свойств, не оказывало первоначально

резких изменений в биосфере и практически не вызывало обеспокоенности общества по отношению к природе. По мере включения элементов природы в структуру производительных сил, доля естественно-природных элементов биосферы резко уменьшается. Эти процессы ослабляют компенсационные свойства биосферы. В результате формирующаяся система «природа-общество» начинает включать все больше элементов искусственного происхождения в зависимости от уровня развития производительных сил [2; 168]. Наука и особенно техника с начала индустриальной революции, как теперь стало ясно, вносили в этот процесс не только положительный, но и серьезный негативный вклад, все более способствуя углублению экологического кризиса и усилению нестабильности социального развития. Существует достаточно оснований сказать, что наука была в основном нацелена на создание все более изощренных технологий потребления природных ресурсов. Преобладали стратегия преобразования природы и техницистское мировоззрение в вопросах взаимодействия природы и общества. В результате на одной трети планеты сформировалась индустриальная и частично постиндустриальная цивилизация с населением более миллиарда человек, оказавшая существенное влияние на все мировое сообщество и окружающую природную среду.

Столь тесная связь науки с индустриально-потребительским обществом породила у значительной части населения планеты такие воззрения, в которых акцентируется внимание на чрезмерном прагматизме науки, на негативных последствиях использования ее достижений, посредством утраты нравственных ценностей и моральных деформациях, в том числе и, в особенности, в области экологии. Экологическая безопасность приобретает все большее значение. Многочисленные аварии, выбросы в окружающую среду загрязняющих веществ, показали, что научно-технический прогресс не может совершаться без учета экологических факторов, оценки риска деградации окружающей среды. Экологическая безопасность становится критерием перспективности научно-технического прогресса и социального развития в целом. В большинстве случаев экологическая безопасность включает в себя оценку соответствующей технологии и техники, новые подходы к производству. Конкурентоспособность изделий и технологий является производным от понятия экологическая безопасность. Конкурентоспособность – это соответствие изделий экологической безопасности, что включает затраты на удовлетворение экологических потребностей, сформулированных в виде законов, правил, стандартов. Требования по экологической безопасности изделий очень широки и включают практически все экономические параметры. При этом дополнительные преимущества приобретают также ресурсосберегающие технологии, в которых заложена возможность дальнейшей конкуренции даже при ужесточении экологических стандартов.

В условиях внутреннего рынка «грязные» технологии испытывают лишь давление национальных стандартов, правил. Ситуация меняется при выходе на мировой рынок. Государства, обеспечивающие высокий уровень экологизации производства, стремятся оградить себя от ввоза «грязной» продукции. Этот процесс, охватил практически все высокоразвитые страны. И единственным средством повысить конкурентоспособность изделий или технологий на мировом рынке, будет обеспечение ее экологической безопасности. Экологические стандарты и нормы необходимо принять по все большему числу видов промышленной продукции.

Очевидно, что немаловажным условием социального прогресса в новейшей истории выступает прогресс биотехнологический. Ему сопутствует и новая группа угроз и рисков. Возникают новые проблемы, связанные с будущим человека, использованием достижений биотехнологического прогресса, и в этой связи - с нацио-

нальной и глобальной безопасностью. Принимая во внимание процессы глобализации современного мира, можно констатировать, что происходит универсализация риска и возрастание угроз. Имеется в виду тенденция постоянного возрастания возможности глобальных катастроф, касающихся каждого конкретного человека, например, угроза последствий потепления климата или разрушения озонового слоя. Происходит глобализация риска, который охватывает огромные регионы и касается большого количества людей. Факторы риска - это объекты, явления или процессы, которые при определенных условиях могут стать опасными в каком-либо отношении. Их выявление и изучение позволяет своевременно принять меры безопасности. В наши дни человечество уже столкнулось с рядом угроз, имеющих биотехнологический характер.

Генная инженерия может оказаться, как показывает современный опыт, куда более эффективной, чем использование военной техники. В числе угроз, связанных с такими разработками находятся, в первую очередь, те, которые напрямую связаны с производством нового, генетического оружия. В средствах массовой информации стали появляться сведения о ведущихся в секретных лабораториях различных стран мира исследованиях и работах по созданию такого оружия. Конечной целью таких работ является возможность воспользоваться преимуществами технической революции с тем, чтобы побеждать в будущих нетрадиционных войнах.

Что же собой представляет это генетическое оружие? Специалисты в области безопасности считают, что генетическое оружие - это искусственно созданные штаммы бактерий и вирусов, измененные с помощью технологий генетической инженерии таким образом, что они могут негативным образом влиять на организм человека. Генетическое оружие действует в зависимости от пола, возраста и различных антропологических признаков, которые выявляются путем анализа структуры ДНК. В ДНК закодированы характеристики, как внешнего вида, так и особенностей поведения человека. По признанию американских ученых, до 90% этих характеристик можно перефилировать на создание генетического оружия.

На сегодняшний день известны уже генетические особенности около 50 человеческих этносов из живущих на Земле людей. Значит, под угрозой исчезновения с помощью генетического оружия может оказаться целая этническая группа. Специалисты британской медицинской ассоциации предупреждают: «В ближайшее десятилетие может быть создано генетическое оружие массового уничтожения, которое может быть причиной проведения невиданных по масштабам этнических чисток» [4, 46].

В основе научного подхода к идее создания генетического оружия лежит избирательность воздействия такого оружия на индивида определенной расы, определенного этноса или определенной нации. Насколько активно ведутся работы по созданию такого оружия можно судить по числу научных публикаций на данную тему. Выборка по Международной базе Pub Med, которую приводит журнал ЭКОС, включает на октябрь 2004 г. свыше 12 млн. ссылок по медико-биологической тематике за период с 1965 по 2004 гг. в более чем 4800 научных журналах и книгах, и еще около 2 млн. ссылок за период с 1949 по 1965 гг.. Таким образом, если исходить только из количества работ, опубликованных за первые 15 лет (т.е. - 2 млн.), то при сохранении тенденции за последующие годы количество публикаций должно было бы увеличиться только втрое. Однако, интерес к медико-биологическим проблемам привел к тому, что количество издаваемых в год работ увеличилось в 6-8 раз. Здесь же отмечается, что общее число «открытых» публикаций по молекулярно-генетическим проблемам резко возрастало с 1971 по 1991 годы, а затем темпы их роста снижаются. Особенно это касается работ по отличительным генам человека, определяющим расовые и этнические различия, несмотря на то, что размеры только

официального финансирования работ по отличительным генам сопоставимы с финансированием любой фундаментальной темы. Совсем невелико число публикаций в открытой печати, посвященных встраиванию в вирусы белковых гормонов человека. Они являются основой создания мощного психотропного оружия [4; 46].

Работы по расшифровке генома, предпринятые в программе «Геном человека» позволяют перейти к работам над новым поколением высокоточного генетического оружия, способного обеспечить производство избирательно действующих токсичных продуктов, которые невозможно отличить от обычных без специальной генетической экспертизы. Сегодня на смену «Геному» приходит новая программа «Протеом» по расшифровке и изучению назначения и взаимодействия белков, открывающая путь к получению абсолютного оружия, позволяющего за любой выбранный срок – от нескольких часов до десятков лет – уничтожить любые человеческие популяции, заданные по генетическим признакам, не опасаясь при этом возможного ответного удара.

Отличительной особенностью генетического оружия является легкость его распространения: небольшое количество штаммов легко перенести в места массового скопления людей, переслать по почте (пример – распространение спор сибирской язвы по почте США). Такое оружие не имеет обратного адреса и может сказываться спустя долгое время после его незаметного распространения. Вирус может быть помещен, например, в какой-нибудь экспортируемый по всему миру пищевой продукт. Потреблять его могут все, а оказывать разрушительное воздействие он будет на представителей какой-либо нации.

Биологическое оружие, как правило, блокирует иммунную систему, ослабляя защитные реакции организма. По этому поводу академик Российской Академии наук И.П. Ашмарин на I Российском симпозиуме по биологической безопасности, отметил: «Особого внимания заслуживают исследования, демонстрирующие существование особых моногенных вирусов, которые блокируют определенные узловые защитные реакции. Примерами являются последние данные о вирусных блокаторах образования интерферона. Идентичность малых участков на поверхности белковых молекул, запрещенных к атаке антителами (защите – Н.Л.) является одной из реальных причин преодоления вирусом иммунных барьеров. Однако выявление таких участков у потенциально угрожающих человеку вирусов – задача весьма трудная» [1; 5]. Возможно манипулирование с помощью биологического оружия и психическим состоянием людей. По мнению того же автора, такая угроза складывается из двух проблем:

1) быстрое расширение средств прицельного воздействия на психический статус, разрабатываемых на основе молекулярно-биологических методов в сочетании с психофизиологией;

2) появление весьма длительно действующих и поэтому особенно коварных и опасных корректоров психического статуса.

Первая проблема представлена сейчас очень большим числом примеров, в частности различными формами маниакально-депрессивных состояний, патологических страхов, состояний повышенной внушаемости.

Вторая проблема находится в стадии начального развития, но имеет вполне достоверные данные о возможности изменять поведение на многие месяцы и более с помощью кратковременных процедур активной иммунизации к эндогенным молекулярным детерминантам разных форм поведения» [4; 47].

Встает закономерный вопрос: известны ли какие-либо конкретные случаи применения генетического оружия? На сегодняшний день нет прямых доказательств того, что генетическое оружие кем-либо было создано. Существуют лишь косвенные дока-

зательства, основанные на появлении неизвестных болезней, поражающих людей только одной этнической группы (июнь 2002г., о. Мадагаскар).

Научно-технические разработки и достижения в области молекулярной биологии и генетики, геномики, протеомики, биоинформатики, компьютерного моделирования, создали предпосылки для проектирования и конструирования новых видов микроорганизмов и создания токсинов, обладающих потенциальными возможностями применения в биологическом оружии. Последние успехи в области установления полных геномов многих, в том числе патогенных микроорганизмов, открывают широкие возможности их генно-инженерных модификаций, усиливающих, например, способность преодолевать иммунитет, привносящих устойчивость к лекарственным препаратам, а также обладающих комбинированными патогенными свойствами.

Биотехнологические знания могут становиться достоянием не только различных государств, но и отдельных людей. Легкодоступность научно-технической информации благодаря всемирной компьютерной сети Интернет, может способствовать получению необходимых сведений не только государственными организациями, но и экстремистскими и террористическими группировками во многих странах мира. Характер преследуемых террористическими группировками целей и задач представляет собой борьбу за власть и политико-экономическое влияние в мире. Реализация этих целей возможна, в том числе, путем применения или угрозой применения какого-либо из видов оружия, например, биологического.

Широко известен факт применения террористами «белого порошка» – спор сибирской язвы – на территории США в 2001 году. И хотя в результате почтовой атаки умерло всего 5 человек, на выявление источников и ликвидацию последствий было израсходовано 100 миллионов долларов. Психологический эффект оказался очень сильным. По нашему мнению, в этой же плоскости находится появление штаммов «птичьего гриппа».

Опыт показывает, что создание и применение биологического оружия оказывает деструктивное воздействие на целые страны. Многие люди перестают ходить на работу, вскрывать корреспонденцию, снижается экологическая и политическая активность. По словам руководителя Национального центра биологической обороны США Кена Алибека, «биологическая атака может поставить на колени любую страну, даже самую развитую. Наряду с человеческими жертвами самым главным является эмоциональный аспект влияния такой угрозы. Мы должны очень серьезно отнестись к проблеме биологического терроризма, так как XXI век будет веком все большего числа использования биологического оружия в террористических целях» [4, 50].

Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но люди так заняты собственными делами, что утратили представление о сложности окружающего нас мира. В истории трудно найти другой такой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой тревогой. Трагедия на Чернобыльской атомной станции наглядно продемонстрировала миру несовершенство технологий атомной энергетики. Голод ежегодно уносит сотни тысяч жителей стран «третьего мира»; что подтверждает пессимистические прогнозы А.Печчеи и Д.Медоуза. Эти и множество других примеров показывают, что при всех достижениях технической революции мир будущего еще очень далек от стабильной, бесконфликтной модели.

Экологическая безопасность предполагает следующее: важно сконцентрировать физические усилия, финансовые и материальные затраты не на решении исключительно локальных проблем стабилизации эколого-социальных аспектов, а на координации средств мирового сообщества с целью разработки системно-целостных целевых про-

грамм комплексного решения экологических проблем современности как первоочередной задачи выживания цивилизации. Известно, в 2005-2006 г.г. даже США не смогли самостоятельно изыскать необходимые средства, препараты, специалистов в предстоящей борьбе с надвигающейся угрозой «птичьего гриппа» из Азии и Европы.

В динамичном мире III-го тысячелетия бесперспективно изучать биотехно-логические новации изолированно от общеэкологической стратегии, как это имело место в научных публикациях века прошлого. Современная биотехнология не что иное, как составляющий элемент общеэкологической стратегии, представляющий стержневые биологические, агрохозяйственные, технико-технологические и иные методы производственных циклов, базирующихся на принципах устойчивой регенерации всей иммунно-функциональной системы живой природы и организма человека. Именно в этом заключено величайшее предназначение биотехнологий и в целом мировой науки XXI столетия.

Литература

1. Ашмарин И.П. Доклад по биобезопасности на первом Российском симпозиуме. М., 2003. – 5 с.
2. Кочергин А.Н. Экология и техносфера. М., 1995. – 168 с.
3. Поздняков В.В. Социокультурные основания экологической безопасности. Мн., 2004. – 3 с.
4. Цидендамбаев В. Генетически модифицированные организмы, биологическое оружие и терроризм // ЭКОС. – 2005 (весна-лето). – 46 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Одним из значимых факторов глобализации является массовая коммуникация, формирующая специфическую для современного этапа развития общества глобальную информационную среду и способы взаимодействия ее субъектов. В своем развитии средства и способы коммуникации прошли несколько этапов, каждый из которых коррелирует с определенными формами социокультурной практики, психическими и ментальными свойствами индивидов. М. Маклюэн выделяет, во-первых, эпоху дописьменного варварства, когда преобладала устная коммуникация, а индивид не отделял себя от окружающего мира и от общины; во-вторых, эпоху кодификации, которая наступает с появлением письменности, а затем и печати, и характеризуется рационализацией воспринимаемого мира и отчуждением; в-третьих, аудиовизуальную эпоху, когда наступает господство электронных средств массовой коммуникации. Его анализ данной формы коммуникации показывает, что электронные средства массовой информации кладут конец психической, социальной, экономической и политической изоляции, а моментальная электронная связь превращает мир в «глобальную деревню». Характерными для этого этапа развития массовой коммуникации являются также перманентный и бессистемный характер информации, направленной на потребителя, а также формирование особого объекта (и одновременно субъекта) коммуникации – массы с усредненным восприятием мира.

Французский философ Ж. Бодрийяр в своих работах «Реквием по масс-медиа» [1] и «В тени молчаливого большинства» [2] также раскрывает специфику современных средств массовой коммуникации, которая в его интерпретации перестала быть коммуникацией по существу, так как сводится к передаче и приему информации, но не допускает ее обратимости и обмена. По определению Бодрийяра, средства массовой коммуникации в настоящее время выступают в качестве антипроводника, они нетран-

зитивны и антикоммуникативны. Существенное значение приобретает не содержание сообщения, а само сообщение и способы его кодировки, в силу чего коммуникация сменяется симуляцией коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. В таких условиях прекращает существование само социальное пространство, превращаясь в сферу симуляции, гиперреальность. По Бодрийяру, реальность – это некая система объектов, связанных в сознании субъекта отношениями обмена и использования, ценности и эквивалента; это проективный, воображаемый или символический универсум, в котором значимы оппозиции субъекта-объекта и публичного-частного. В любом случае реальность трактуется мыслителем как проекция субъекта на объект, а объект рассматривается как сцена (или зеркало), на которой разыгрывается личностная или социальная драма субъекта.

Характеризуя современную ситуацию, Бодрийяр пишет: «... люди больше не проецируют себя на свои объекты, не проецируют свои аффекты и представления, свои фантазии о том, чтобы обладать ими, свои утраты, печаль, зависть: в этом смысле психологическое измерение исчезло, и даже если оно всегда может быть во всех мелочах размечено, чувствуется, что оно нереально, что вещи улетучились» [3, 127]. Иными словами, происходит своего рода мутация объектов и среды, инициируемая тремя взаимосвязанными тенденциями: возрастающей формальной и операциональной абстрактностью элементов коммуникации и их функций; их гомогенизацией в едином виртуальном пространстве; заменой телесного передвижения и усилия на электрические и электронные команды. Для обозначения такого рода гиперреальности Бодрийяр вводит понятие «обсценности» («обес-сценности») – того, что имеет место не на сцене и не за сценой, а вообще вне реальности субъекта: «Хорошо известно, как простое присутствие телевидения превращает оставшуюся часть жилища в некую разновидность архаической обертки, в некий рудимент человеческих отношений, чье собственное выживание оказывается сомнительным. Когда с этой сцены исчезают ее актеры и их фантазии, когда действие кристаллизуется на отдельных экранах и операциональных терминалах, тогда то, что осталось, является только как большое бесполезное тело. Само реальное является как большое бесполезное тело, опустошенное и проклятое» [3, 129]. Гиперреальность характеризуется также миниатюризацией в пространстве и времени тех процессов, которые ранее происходили в личностном и социальном пространстве-времени субъекта, а в эпоху электронных средств массовой коммуникации выступают во взаимодействии бесконечно малой памяти и экрана, с которым они сообщаются: «Это время миниатюризации, телекоманд и микропереработки времени, тел. удовольствий. Нет больше идеального принципа для подобных вещей ни на самом высоком уровне, ни в человеческом масштабе. Остаются лишь концентрированные эффекты, миниатюризированные и доступные непосредственно. Это смещение от человеческого масштаба к системе ядерных матриц наблюдается повсеместно...» [3, 129]. Бодрийяр видит это смещение, во-первых, в элиминации неопределенной географической периферии и смысловом переносе всех значимых событий в города; во-вторых, в не востребованности свободного времени, которое оказалось бесполезным из-за мгновенности коммуникации; в-третьих, в размывании границ и различий между личным и социальным пространством: «... это исчезновение публичного пространства происходит одновременно с исчезновением приватного пространства. Одно – уже более не спектакль, другое – уже более не тайна. Их четкая оппозиция, ясное различие экстерьера и интерьера строго описывали домашнюю сцену объектов, с ее правилами игры и пределами, и суверенностью символического пространства, которое было при этом пространством субъекта. Теперь эта оппозиция изгладилась в некий род *обсцен-*

ного, где большинство интимных процессов нашей жизни становится виртуальной питательной почвой для медиа... Наоборот, целый универсум начинает произвольно разворачиваться на вашем домашнем экране...» [3, 130].

Бодрийяр показывает, что современная разновидность коммуникации потенциально содержится уже в товарной форме обмена, которая еще в анализе Маркса обнаруживает абстрактность и возможность формальной транскрипции всех объектов. Сообщение, которое передается через товар, всегда одно и то же, - меновая стоимость объектов. Поэтому сообщение в своей основе уже не существует, оно принуждает само себя к чистой циркуляции. В современном универсуме коммуникации способность товара репрезентировать любой объект наследует информация как средство коммуникации. Но если товар «передал» сообщение только о стоимости объекта, то информация «считывает» любое проявление объекта, превращая его в простой элемент коммуникации. Коммуникация в форме обмена меновых стоимостей так же, как и массовая коммуникация, предполагала определенный тип беспорядочных связей, но она имела органический характер, была так или иначе связана с плотской жизнью и духовным миром индивидуума. В отличие от нее «промискуитет, который царствует над коммуникационными сетями, оказывается промискуитетом поверхностного насыщения, непрерывного приставания, истребления промежуточных и защитных пространств», «сеть захватывает и улавливает меня с нестерпимой добросовестностью того, что хочет и призывает меня коммуницировать» [3, 131]. Такое состояние индивида, когда он погружен в перманентный процесс насыщения информацией и сам является фрагментарным участником этого процесса, Бодрийяр называет экстазом коммуникации – гиперреальностью «видимого, слишком-видимого, более-видимого-чем-видимое» [см. там же].

Такой экстаз по мысли Бодрийяра имеет негативный характер, поскольку индивид не свободен в выборе цели, способа и средств коммуникации: он вынужден воспринимать то, что ему сообщается из насыщенного пространства коммуникации всеми, кто хочет быть воспринятым. Коммуникация поэтому не приносит более удовлетворения и не вызывает удовольствия: «... вся тенденция нашей современной «культуры» ведет нас от постепенно исчезающих форм выразительности и соревнования... к преобладающим формам риска и головокружения. Последние более не включают сценической игры, зеркала, вызова и дуальности: они, скорее, экстатичны, индивидуалистичны и нарциссичны. Удовольствие уже извлекается не из манифестации, сценической и эстетической, но, скорее, из чистой fascinации, алеаторики и психотропики» [3, 132]. Категорический императив современной коммуникации Бодрийяр формулирует следующим образом – принудительная экстраверсия всего внутреннего и принудительная инъекция всего внешнего [см. там же]. Массовая коммуникация порождает, по его мнению, новый вид патологии (в сравнении с истерией как патологией выразительности и паранойей как патологией организации) – шизофрению, причины которой – «абсолютная близость, тотальная мгновенность вещей, ощущение незащищенности, отсутствие уединенности» [3, 133]. Для индивида экстаз коммуникации, по Бодрийяру, - это «конец внутреннего и интимного, выпячивание и прозрачность мира, который пересекает его без всяких преград. Он более не способен проводить границу собственного существования; не способен разыгрывать пьесу себя самого, не способен творить себя как зеркало. Отныне он лишь чистый экран, переключающийся центр для всех сетей влияния» [там же].

Суммируя сказанное, следует отметить, что в изложении Бодрийяра массовая коммуникация является не столько следствием изменяющихся социокультурных условий, сколько фактором, формирующим сами эти условия. Характер современных средств коммуникации таков, что коммуникационная среда охватывает все проявления

частной и публичной жизни, причем ее воздействие непрерывно, беспорядочно и принудительно. В силу этого индивид как участник коммуникации утрачивает реальность собственного «я» и включается в гиперреальность коммуникативного пространства, которое лишает объект субъективного качества и превращает его в совокупность эффектов: «Страсть удвоения, эскалации, восхождения к власти, экстаза – некоторого качества, которое, переставая соотноситься со своей противоположностью (истина лжи, красота безобразной, реальность воображаемого), становится высшей властью, положительно величественной, ибо оно как бы поглощает всю энергию своей противоположности. Вообразите красоту, которая поглотила всю энергию уродства: вы получите моду... Вообразите истину, которая поглотила всю энергию лжи: вы получите симуляцию...» [4, 2]. Массовая коммуникация и формируемое ею социокультурное пространство, по Бодрийяру, есть не что иное, как фонтанирующее размножение формальных качеств, которое мыслитель и называет экстазом: «Экстаз есть чистое качество любого тела, которое вращается вокруг себя самого вплоть до обесмысливания и благодаря этому начинает светиться своей чистой и пустой формой» [там же]. Вся современная культура существует в экстатических формах: симуляция есть экстаз реальности, а массы суть экстаз социального. «Реальное не стирается в пользу воображаемого, оно стирается в пользу более реального, чем реальное: гиперреальности» [4, 3].

Реакцией на такое состояние становится не забвение старых ценностей, а чрезмерно определенное обострение всего относительного, конечного и функционального; определенность перерастает в гиперопределенность, поглощая неопределенность, неизбежность – в гипернеизбежность, поглощая случайность. Лейтмотивом современной жизни Бодрийяр поэтому считает сверхспециализацию объектов и людей, операциональность малейших деталей и сигнификацию мельчайших знаков, которые выражают инерцию социального и культурного: «Феномены инерции разрастаются. Размножаются застывшие формы и рост замораживается в развращении... Массы также вовлечены в этот исполинский процесс инерции. Масса есть этот развращенный процесс, ускоряющий гибель всякого роста. Это кольцо-окольцованное чудовищной финальностью» [4, 4]. Информационное общество, по мнению французского мыслителя, достигло мертвой точки, в которой любая система переступает границу обратимости и перехода в свое иное. За этой гранью события происходят без последствий, приобретаая характер катастрофы: «Катастрофа – это полное максимальное событие, еще более событийное, чем событие, – но событие без последствий, когда мы оказываемся в неизвестности» [4, 7]. Любое событие в современном мире открывается всевозможным толкованиям, причем ни одно из них не способно уловить смысл, поскольку вероятны все причины и все последствия.

Безучастный товарообмен индустриального общества сменяется инерцией массовой коммуникации, приобретшей глобальный характер, субъектом и эталонной инстанцией которой является имманентное самому себе человечество. «С этого момента насилие глобального – насилие системы, которая третирует любые формы негативности, сингулярности, включая крайнюю форму сингулярности, а именно, саму смерть – насилие общества, где мы в принципе лишены права идти на конфликт, где запрещена смерть – насилие, которое кладет конец в некотором смысле самому насилию и работает над тем, чтобы поставить на место мир свободный от всякого естественного порядка вещей, будь то тело, секс, рождение или смерть» [5, 20]. Бодрийяр полагает, что противодействие глобализации не является цивилизационным шоком, а представляет собой про-

тивостояние на антропологическом уровне – между универсальной недифференцированной культурой и культурами, сохранившими дифференцированность.

Бодрийяр сравнивает глобализм с религиозной ортодоксией, поскольку обеим ориентациям свойственны фундаментализм и консерватизм, а все отличные формы воспринимаются как еретические. Поскольку западная культура (с точки зрения Бодрийяра) давно уже не имеет собственных ценностей, постольку миссия Запада ныне сводится к тому, чтобы всеми средствами подчинить другие культуры универсалистскому закону равнозначности. «Речь не о том, чтобы отказать современности в ее претензиях на универсальность. Каким бы очевидным Добром и естественным идеалом в своем роде она не пыталась предстать, универсальность наших нравов и ценностей ставится под сомнение, несмотря на то, что некоторыми умами это характеризуется как фанатизм и нечто само по себе преступное в отношении единого мышления и консенсуальных перспектив Запада» [5, 21]. Сущность противостояния западных культур Западу, а также проклятие самой западной культуры Бодрийяр видит в том, что ней оказалось нарушенным символическое равновесие людей и вещей. В традиционных культурах всегда была (и есть) возможность воздать должное властной инстанции – будь то природа, Бог или нечто иное, в западном же обществе нет никого (ничего), кому можно было бы вернуть символический долг. «Мы пребываем в жестком и достаточно суровом положении, – получая, причем всегда получая, не от Бога или природы, а от технического механизма общего товарообмена и всеобщего вознаграждения. Потенциально нам все дано, и мы имеем волей-неволей право на все», – пишет Бодрийяр и продолжает: «То, что мы презираем в себе, трудноразличимый объект нашей злобы – это как раз избыток реальности, избыток власти и комфорта, этой всеобщей свободы, этого окончательного осуществления – участь, которую приберет для «домашних», «ручных» масс Великий Инквизитор Достоевского» [5, 22].

Подводя итог анализу идей Бодрийяра, можно отметить, что массовая коммуникация формирует специфическую социальную и культурную среду – гиперреальность, в которой размыты границы между субъектом и объектом, частным и публичным. Категорическим императивом массовой коммуникации является принудительная экстраверсия всего внутреннего и принудительная инъекция внешнего, следствием которых становится шизофреническое состояние индивида, не имеющего возможности провести границу между собой и навязываемой ему в ходе коммуникации информационной средой. Возникает «экстаз коммуникации», который приводит к социальной инерции, охватывающей все сферы и структуры западного общества. Глобализм может быть рассмотрен как выражение социальной инерции, распространяющейся на те культуры, которые сохранили внутреннюю дифференциацию и динамику. Данная точка зрения не является бесспорной, однако трудно не согласиться с философом в том, что антиглобалистские настроения основаны «на незримом отчаянии привилегированных глобализацией, на нашем собственном подчинении интегральной технологии, подавляющей виртуальной реальности, фактическому господству сетей и программ, которое уже очерчивает инволюционный, стареющий профиль человеческого рода вообще. ... И это наше незримое отчаяние лишено и жалоб, и апелляций, ведь оно происходит из осуществления всех желаний» [5, 23].

Литература.

1. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / пер. с франц. М.М. Федоровой // Материалы кафедры социологии культуры Санкт-Петербургского университета / www.soc.spb.ru.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.

3. Бодрийяр Ж. Экстаз коммуникации / пер. с франц. Д.В. Михель // Электронная полнотекстовая библиотека Ихтика / Книги по философии / www.ihitik.lib.ru.
4. Бодрийяр Ж. Экстаз и инерция / пер. с франц. Б. Юлдашходжаева // Электронная полнотекстовая библиотека Ихтика / Книги по философии / www.ihitik.lib.ru.
5. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации / пер. с франц. Ю. Бессоновой // Логос. – 2003, № 1.

КОНСТИТУЦИЯ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1992 г. – ОСНОВНОЙ ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИТОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Казимерас Монквявичус

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Трансформация литовского общества, начавшаяся в годы перестройки, получила более интенсивное развитие во второй половине 1988 года, когда 3 июня была основана инициативная группа Литовского Саюдиса Перестройки (LPS), а 22 - 23 октября состоялся первый съезд Саюдиса [7].

Вследствие интенсивно развивающегося процесса трансформации, Литва стала первой из союзных республик, которая Актом от 11 марта 1990 года, объявила о восстановлении государственной независимости [7]. Таким образом, Литва стала первой республикой бывшего СССР, избравшая независимый путь развития и начавшая демократические преобразования общества.

В процессе трансформации литовского общества можно выделить два основных периода:

– первый – революционный, начавшийся во второй половине 1988 года и длившийся до конца октября 1992 года;

– второй – эволюционный, начавшийся в конце 1992 года [8].

В течение первого – революционного периода – были созданы идеологические, политические и экономические предпосылки для дальнейшего осуществления демократических преобразований [8], а в конце периода данные предпосылки получили конституционно-правовую основу. 25 октября 1992 г., на всенародном референдуме, была принята Конституция Литовской Республики [1, 8].

В течение второго – эволюционного периода – начались структурные изменения в политических, экономических и социальных сферах. В политической сфере было осуществлено разделение государственной власти, образовано демократическое государство, созданы новые институты власти, началось восстановление старых и образование новых политических партий, была образована многопартийная система [2, 8]. В экономической сфере – восстановление и укрепление частной собственности, образование частного сектора производства, переход к рыночной экономике. Структурные изменения в политической и экономической сферах привели к значительным изменениям и в сфере социальной: произошла трансформация рабочего класса. Сократилось число работников, задействованных в промышленности; начался рост числа работников, связанных с частным предпринимательством и сферой услуг. В связи с резким изменением форм собственности и хозяйствования на селе, существенно изменился облик крестьянства, началось его численное уменьшение. Изменения коснулись и интеллигенции, особенно ее творческого слоя, также в сторону сокращения численности. А появление новых форм собственности привело к образованию нового социального слоя, связанного с крупным, средним и мелким предпринимательством [7, 8].

Вышеизложенный краткий анализ дает возможность сделать вывод, что Конституция Литовской Республики 1992 г. занимает важное место в процессе трансформации литовского общества. Появившаяся в конце первого, революционного периода трансформации, она, в конституционно-правовой форме, утвердила разделение власти, закрепила начавшиеся демократические преобразования в различных сферах жизни литовского общества. Вместе с тем, Конституция, утвержденная на более длительный исторический период, создала правовую основу для дальнейших преобразований в литовском обществе. Поэтому, дальнейший анализ основных положений Конституции, предложенный в статье, позволит более четко понять и объективно оценить те изменения, которые происходят в процессе трансформации современного общества Литвы.

Так как определенные ограничения объема статьи не позволяют проанализировать все принципы и положения Конституции, в дальнейшем, более подробно, будет рассмотрен один из важнейших принципов – принцип разделения властей. Из-за ранее указанных причин, автор статьи также вынужден отказаться и от освещения практических результатов, достигнутых в ходе трансформации литовского общества.

Принцип разделения властей обуславливает организационную структуру государственной власти, ее полномочия, взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной власти, их равновесие и взаимосдерживание. Таким образом, данный принцип является как бы внутренней движущей силой механизма государственной власти и оказывает существенное влияние на эффективность ее работы. В конечном итоге это способствует успешному решению сложных задач в процессе трансформации литовского общества.

Принцип разделения властей, для удобства его освещения, условно можно разделить на две взаимозависящие части: первая - разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, определения их правового статуса и полномочий, вторая – взаимодействие властей, функционирование системы сдержек и противовесов.

Принцип разделения властей относится к производным конституционным принципам и чаще всего дословно в тексте не фигурирует. О наличии этого принципа можно судить по содержанию определенных глав и статей, которые регламентируют полномочия и компетенции законодательной, исполнительной и судебной власти. В Конституции Литовской Республики 1992 г. о наличии этого принципа можно судить по первой части пятой статьи Конституции, в которой говорится: „Государственная власть в Литве осуществляется Сеймом, Президентом Республики, Правительством и Судом“ [1]. Этому положению Конституции также соответствуют главы, определяющие полномочия Сейма, Президента, Правительства и судебных институций, их организацию и функционирование [1, 5].

Принцип разделения властей, в первую очередь, обуславливает основы организации и функционирования государственной власти. На основе анализа статей, определяющих полномочия и компетенции законодательной, исполнительной и судебной власти, можно определить форму правления государства. По Конституции Литовской Республики 1992 г. форма правления Литовского государства является полупрезидентской (смешанной) [6, 9].

При полупрезидентской форме правления Литовской Республики, в системе трех властей, заметно выделяется относительно автономная институция Президента, наделенная Конституцией необходимыми полномочиями для выполнения не только роли главы государства, но и роли арбитра [9]. Данная роль позволяет Президенту обеспечить слаженное функционирование институтов власти, их равновесие, а также

своевременное разрешение конфликтных ситуаций, которые довольно часто возникают при решении сложных задач в процессе трансформации. Для исполнения такой роли Президент может воспользоваться авторитетом главы государства, всенародно избираемого и политически независимого от законодательной власти – Сейма. Также Конституция наделяет Президента следующими полномочиями: право объявлять досрочные выборы в Сейм, право на законодательную инициативу и вето для отсрочки на десятидневный срок вступления в действие закона, возможность иметь решающее влияние на персональный состав Правительства в процессе его формирования, объявлять чрезвычайное положение и созывать внеочередную сессию Сейма (ст. 58, ч. 2, п. 1, 2; ст. 68, ч. 1; ст. 84, п. 17, 19) [1].

В общественно-политическом преобразовании общества большую роль играет законодательная власть, создающая правовую основу данных преобразований, а также материальное и институциональное их обеспечение. С этой точки зрения, Конституция Литовской Республики 1992 г., предоставившая большие полномочия и прерогативы Сейму, сыграла важную роль в процессе обеспечения законодательных основ в политических, экономических и социальных сферах преобразований. К такого рода полномочиям относятся: единоличное право Сейма издавать законы, принимать решение по проведению референдумов, обсуждать и принимать поправки к Конституции, назначать выборы Президента, учреждать государственные институты и назначать их руководителей, одобрять или не одобрять кандидатуру Премьер-министра и программу Правительства, утверждать государственный бюджет и осуществлять контроль за его исполнением (ст. 67, п. 1-7, 9, 14) [1]. В решении сложных задач преобразовательного характера немаловажное значение имеют и такие полномочия Сейма, как, контроль над деятельностью Правительства, возможность выражать недоверие Премьер-министру или министрам, назначать или освобождать Государственного контролера и председателя Банка, а также целый ряд статей, которые обязывают исполнительную власть тесно сотрудничать с Сеймом. Сотрудничество с сеймом и его согласие необходимо при решении таких вопросов, как назначение Премьер-министра, судей Конституционного и Верховного суда, а также назначение лиц на высокие государственные посты (ст. 67, п. 9, 11; ст. 61, ч. 3; ст. 101, п. 2; ст. 84, п. 11-14) [1].

Исполнительная власть при полупрезидентской форме правления состоит из двух частей – президента и правительства. Такой дуалистический характер дает возможность эффективнее реализовать исполнительную власть, значительно уменьшить ее уязвимость и зависимость от парламента.

По Конституции Литовской Республики 1992 г., в частности в пятой статье, косвенно утверждается, что исполнительную власть осуществляют Президент Республики и Правительство [1]. Однако, в отличие от других государств со смешанной формой правления (Франция, Финляндия и др.), в которых президент имеет полномочия руководить правительством, Конституция Литовской Республики 1992 г. таких прав Президенту не предоставляет. Президент только совместно с Правительством имеет право осуществлять внешнюю политику (ст. 84, п. 1-3) [1]. Поэтому, сосредоточение исполнительной власти в руках Правительства, способствует более успешному решению практических задач, как обычного, так и преобразующего характера. Согласно 94 статьи Конституции, Правительство управляет делами края, исполняет законы, постановления Сейма и декреты Президента, координирует деятельность министерств и других правительственных учреждений,

готовит и предоставляет Сейму проект государственного бюджета, исполняет и отчитывается за его выполнение перед Сеймом (ст. 94, п. 1-4) [1].

Особо надо отметить и то, что Конституция предоставляет Правительству полномочия законодательной инициативы, создавая тем самым возможность оказывать большое влияние в решении вопросов внутренней политики (ст. 94, п. 4-5) [1]. Таким образом, Правительство, disponируя данными полномочиями, готовит законопроекты, касающиеся задач преобразовательного характера, а после их утверждения в Сейме, практически их решает через министерства и различные учреждения исполнительной власти. Однако, наличие таких полномочий и возможность диспони́ровать средствами управления государства, делает Правительство одной из главных институций в реализации внутренней политики государства. Такое наличие реальной власти в руках Правительства, создает предпосылки институциям исполнительной власти для нарушений границ собственной компетенции. Поэтому, для предотвращения таких действий, в Конституции предусмотрен целый ряд статей, регулирующих надзор и контроль со стороны Сейма, а также ответственность Правительства за свою деятельность перед парламентом (ст. 67, 96, 101) [1].

Одна из самых действенных мер по надзору и контролю над деятельностью Правительства является институт парламентской ответственности правительства [3]. Ответственность Правительства перед Сеймом регламентируют 61, 67, 96 и 101 статьи Конституции [1]. В этих статьях указывается, что Правительство несет солидарную ответственность перед Сеймом за свою деятельность, и Сейму предоставлено право контролировать его работу, а в определенных случаях и оказывать вотум недоверия. В случае отказа доверия Правительству или Премьер-министру, Правительство обязано подать в отставку (ст. 101) [1]. Таким образом, деятельность Правительства, в значительной степени, зависит от Сейма (ст. 61, 67, п. 9; ст. 101, п. 2) [1]. При этом, Правительство не имеет адекватных мер противодействия Сейму, за исключением того, что Конституция предоставляет право Правительству обратиться к Президенту с предложением объявить о досрочных выборах в Сейм (ст. 58, п. 2) [1]. Однако, такая возможность, в лучшем случае, может быть лишь превентивной мерой воздействия на Сейм, в случае его намерения оказать вотум недоверия Правительству. Такая зависимость Правительства от Сейма имеет не только положительную, как ранее указывалось, но и отрицательную сторону, ибо влияет на эффективность его работы.

Третья составная часть государственной власти – судебная, согласно Конституции Литовской Республики 1992 г., занимает особое место и совершенно отделена от законодательной и исполнительной. Такое положение судебной власти создает благоприятные условия для строгого соблюдения Конституции и выполнения своих функций по законам, не противоречащим Конституции (ст. 109; ст. 110, ч. 1) [1]. Таким образом, судебная власть играет большую роль в конституционно-правовом контроле над деятельностью законодательной и исполнительной властей, и, тем самым, обеспечивает правопорядок и преобразование общества в рамках Конституции и законов.

Судебной власти, как и другим ветвям власти, Конституция предоставляет полномочия в принятии соответствующих решений. Принятые судебными институциями решения приравниваются к закону, провозглашаются от имени государства и обязывают все государственные институции, должностные лица и граждан их строго соблюдать (ст. 109) [1, 10].

Особо важное место в надзоре за законами в их соответствии с Конституцией, издаваемыми Сеймом, занимает Конституционный Суд. Такая прерогатива Конституционного Суда распространяется и на акты Президента, и на постановления Правительства (ст. 102, ч. 2) [1]. Вместе с тем, надо отметить, что Конституция не дает право Конституционному Суду самостоятельно, по собственной инициативе, решать, принадлежащие его компетенции, вопросы. Данные вопросы Конституционный Суд имеет право решать лишь тогда, когда к нему обращается Правительство, не менее 1/5 всех членов Сейма, Президент или судьи различных судебных инстанций (ст. 106) [1]. Такая регламентация работы Конституционного Суда отнюдь не ограничивает его деятельность, а наоборот, создает возможность не только осуществлять контроль над издаваемыми законами, актами и постановлениями в соответствии с Конституцией, но и решать, с правовой точки зрения, спорные вопросы, неизбежно возникающие при взаимодействии различных институтов власти. Таким образом, Конституционный Суд, выполняя свои функции, обеспечивает верховенство прав и законов, способствует соблюдению законности во всех звеньях государственной власти, принципов демократии, прав и свобод граждан: Все это, в конечном итоге, благоприятно влияет на успешные решения вопросов, возникающих в процессе преобразования литовского общества.

В деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей, особенно при их взаимодействии в процессе принятия решений, имеющих государственное значение, важное место занимает вторая составная часть принципа разделения властей – взаимодействия властей; система сдержек и противовесов.

Необходимость взаимодействия властей обуславливает то обстоятельство, что ни одна из институций власти не может выполнять соответствующие функции, не согласовывая свои действия с другими институтами [4]. В процессе взаимодействия происходит интенсивное сотрудничество и согласование действий институтов власти при решении вопросов государственной важности. Такое равноправное сотрудничество властей невозможно без их равновесия, взаимного контроля, которое и обеспечивается системой сдержек и противовесов. Действие этой системы основано на том, что каждая институция власти, имея различные полномочия и компетенции для реализации своих функций, имеют также и определенные полномочия по отношению одна к другой. Такого рода полномочия позволяют не допустить нарушений границ компетенции и занять доминирующее положение ни одной из институтов государственной власти. Тем создается возможность слаженно и эффективно решать вопросы, связанные с подготовкой законопроектов, их принятием на заседаниях Сейма и последующей их реализацией, а также при формировании институтов власти и назначении должностных лиц на высшие государственные посты.

Взаимодействие властей, действие системы сдержек и противовесов, очевидно, проявляется и в процессе формирования Правительства. В процессе формирования Правительства, большую роль играет Президент, которому Конституция предоставляет большие полномочия и право инициативы. Однако, Президент, представляя Сейму кандидатуру на пост Премьер-министра, обязан согласовать ее с фракциями Сейма (ст. 84, п. 8) [1]. И только после того, когда Сейм одобрит представленную кандидатуру, Президент имеет право ее назначить, поручить образование Правительства и утвердить его состав (ст. 84, п. 4, 8) [1]. А образованное Премьер-министром Правительство получает свои полномочия только тогда, когда его состав и программа будут одобрены голосованием большинства членов Сейма (ст. 92, ч. 3, 5) [1]. Анализируя процесс формирования Правительства, можно наглядно убедиться, как Конституция регламентирует очередность действий Президента, Сейма и Премьер-министра, а

также определяет взаимозависимость и ограниченность полномочий, не позволяющих ни одной из институций доминировать в этом процессе. Действие системы сдержек и противовесов в данном случае проявляется в том, что ни Президент, ни Сейм не могут, в отдельности, сформировать правительство. В этом случае Сейм, имеющий право одобрить или не одобрить кандидатуру, предложенную Президентом, является противовесом его действиям.

В решении вопросов, связанных с назначением должностных лиц, Президент, имея соответствующие полномочия и права на выдвижение кандидатур, выполняет свои действия в тесном сотрудничестве с Сеймом (на заседаниях Сейма принимаются решения по назначению кандидатур, представленных Президентом). Противовес Сейма по отношению к действиям Президента проявляется двояко. В одних случаях Сейму принадлежит решающая роль в процессе назначения, в других – достаточно только его согласия. Так, по статье 84 Конституции, Президент имеет право представить Сейму кандидатуры судей Верховного Суда. Однако свой статус они получают только после назначения их Сеймом (ст. 67, п. 10) [1]. А при назначении командующего войсками и руководителя департамента безопасности, Президенту достаточно лишь согласия Сейма (ст. 84, п. 14) [1].

Таким образом, взаимодействие властей, действие системы сдержек и противовесов имеют большое значение в практической деятельности институтов власти, особенно в подборе и назначении кандидата на пост Премьер-министра и кандидатур на высшие государственные должности, что в немалой степени способствует успешному решению вышеизложенных задач в процессе трансформации литовского общества.

Выводы.

1. Процесс трансформации литовского обществе протекал интенсивнее, чем в других республиках бывшего СССР. Литва первой восстановила свою государственность и стала на путь демократических преобразований.

2. Конституция Литовской Республики, принятая на всенародном референдуме в конце 1992 г., закрепила начавшиеся преобразования революционного периода трансформации и положила прочные правовые основы для дальнейшего демократического преобразования литовского общества.

3. Закрепленный в Конституции один из важнейших конституционных принципов – принцип разделения властей, узаконил демократический режим государства в форме полупрезидентской республики.

4. Принцип разделения властей, обуславливая взаимосвязь и взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной властей, оказывает существенное влияние на эффективность деятельности институтов государственной власти. Это, в конечном итоге, способствует успешному решению сложных задач в процессе трансформации литовского общества.

5. Составная часть принципа разделения властей – система сдержек и противовесов, обеспечивая равновесие институтов власти, возможность взаимного контроля и взаимосдерживания, создает, в процессе взаимодействия властей, условия для строгого соблюдения границ своих компетенций и, тем самым, обуславливает их согласованность при решении задач государственной важности.

Литература

1. Конституция Литовской Республики. Издательство Сейма Литовской Республики. Вильнюс, 1993.

2. Зелински Е. *Политическая трансформация Центральной и Восточной Европы*. В кн.: Transformacija Rytų ir Vidurio Europoje: lūkesčiai ir tikrovė. Mokslinės konferencijos medžiaga. Klaipėdos universitetas 1996 balandžio 19-20 d. Klaipėda, 1996, c. 18-22.
3. Энтин М. *Разделение властей: опыт современных государств*. Москва: Юридическая литература, 1995.
4. Jarašiūnas E. *Konstitucinė valdžios institucijų sistema*. Kn.: Lietuvos konstitucinė teisė. Vilnius: Lietuvos teisės universiteto Leidybos centras, 2001, p. 674-698.
5. Monkevičius K. *Valstybinės valdžios padalijimo principas 1992 m. Lietuvos Respublikos Konstitucijoje*. Kn.: Verslas, vadyba ir studijos '98. IV Respublikinės konferencijos, įvykusios Vilniuje 1998 m. lapkričio 11-13 d., medžiaga, II tomas. Vilnius: Technika, 1999, p. 74-76.
6. Pugačiauskas V. Pusiau prezidentinio modelio įtaka demokratijos stabilumui: Lietuvos ir Lenkijos lyginamoji analizė. *Politologija*, 1999, Nr. 3(19), p. 50-84.
7. Šabajevaitė L. *Lietuvos socialinė transformacija 1990-1997 metai*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1998.
8. Saulauskas M. P. *Postkomunistinės revoliucijos želmenys: iš revoliucinio tarpsnio į postmodernistinę Lietuvą?* [http:// www.unfovi.vu.lt/mpz/zelmanys.htm](http://www.unfovi.vu.lt/mpz/zelmanys.htm)
9. Talat-Kelpša. Pusiau prezidentizmo link: Lietuvos institucinės reformos analizė. *Politologija*, 1996, Nr.1(17), p. 93-111.
10. Vaitkienė E. *Teismas*. Kn.: Lietuvos konstitucinė teisė. Vilnius: Lietuvos teisės universiteto Leidybos centras, 2001, p. 769-794.

РЫНОЧНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОПЫТ НЭПА

Н.Б.Нестерович

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Сегодня, когда переходный период в экономическом развитии Беларуси, начавшийся в 90-е годы минувшего столетия, продолжается и проблема реформирования, системной трансформации экономики остается нерешенной, все более насущным становится выяснение действенных путей выхода из такой ситуации. В этой связи довольно полезным представляется обращение не только к мировому, но и к отечественному опыту системно-трансформационных преобразований в экономике, как современному, так и прошлому. Благо, последний имел место во времена новой экономической политики, которая проводилась в СССР и советской Беларуси в 1920-е годы.

Прежде всего, это определяется в целом одинаковой направленностью существенных изменений в экономической сфере жизни белорусского общества, происшедших в годы нэпа и в конце XX - начале XXI века: переходом от командно-плановой к свободной рыночной экономике. Фактически одинакова в обоих случаях и основная причина этих изменений – сама система господствующих экономических отношений, суть которой – неэффективное по своей природе административно-командное руководство экономикой. Поэтому схожими оказались и начальные условия переходного, трансформационного развития – глубокий экономический кризис, охвативший Беларусь и в начале 20-х годов, и в начале 90-х годов.

С другой стороны, схожая направленность развития экономики не привела к схожим практическим результатам. Если в результате экономических преобразований в годы нэпа белорусская экономика была относительно быстро (в течение 1921-1925

г.) восстановлена и добилась значительных успехов в продвижении к рынку (в 1925/26 хозяйственном году доля частного сектора в общем объеме продукции преобладающей тогда в БССР мелкой промышленности составляла 43,1 %) [7, с. 103-104], то реформирование экономики Республики Беларусь до сих пор не привело к кардинальному перелому ситуации в ней: Уровень докризисного 1990 г. превзойден лишь недавно, да и то не по всем позициям, удельный вес частного сектора далеко не достиг необходимого для формирования рыночной модели экономики уровня и составляет всего 25 % [2, № 9, с. 11; 4, с. 62]. Такая противоположность еще больше повышает интерес к отечественному опыту переходного периода 20-х годов.

Было бы явной натяжкой видеть в этом предшествующем советском опыте некие однозначные указания по сегодняшнему реформированию экономики. Такой подход был бы слишком прямолинейным и упрощенным. Для сложных современных преобразований в сфере экономики в прошлом нет полностью соответствующих аналогов, ибо различны социально-экономические условия, политическая ориентация, национально-культурные предпосылки. Так, быстрому переходу в начале 20-х годов к широкому использованию товарно-денежных отношений; к рынку в значительной мере способствовало то, что накануне Октябрьской революции эти формы существовали в Беларуси. Иная ситуация была в конце 80-х годов, когда у нас свободный рынок и рыночные отношения отсутствовали. Но нельзя и полностью отвлечься от собственной истории, накопленного опыта. Обращение к предшествующему отечественному опыту, как положительному, так и отрицательному, помогает разобраться во внутренних причинах действия того экономического механизма, от которого сегодня Беларуси приходится отказываться, но который еще обладает большой силой энергии. А это в свою очередь необходимо для того, чтобы не повторять ошибки прошлого, ясно видеть способы и перспективы дальнейшего развития.

Обращение к опыту нэпа наиболее полезно: хотя целью новой экономической политики было создание социалистической модели экономики, мероприятия, которые осуществлялись в рамках этой политики, носили по существу характер радикального реформирования хозяйственного механизма.

Опыт нэпа, его в целом положительные практические результаты показывают, что на современном этапе реформирования экономики Беларуси применимы многие "нэповские" принципы, формы и методы хозяйствования. Прежде всего, это – широкое использование товарно-денежных отношений, рыночных механизмов. В 20-е годы "признание" рынка было достаточно последовательным. Административно-приказная конфискация продукции крестьянского труда в форме "военно-коммунистической" продразверстки была заменена меньшим по размеру продналогом, после выплаты которого крестьянин получил право использовать оставшуюся продукцию по своему усмотрению, в том числе и в целях прямого обмена на промышленные изделия и покупку необходимых товаров. Размер продналога, сначала составлявший около 20 % от чистого продукта крестьянского труда, уже с 1 января 1924 г. был снижен до вполне приемлемого для крестьянского хозяйства уровня – 5 % дохода с одного двора и в среднем был в два раза меньше размера продразверстки [9, с. 199]. Продналог позволил государству концентрировать в своих руках определенную часть продовольствия, а остальную часть получать за счет прямого обмена промышленных товаров на продукцию крестьян. Одновременно он способствовал развитию инициативы крестьянства, создавая у него материальную заинтересованность в результатах своего труда. Поэтому идея оптимального налога не утратила своей актуальности и сегодня при переходе к экономическим, рыночным методам ведения хозяйства и разным формам деятельности, особенно учитывая чрезвычайно высокий уровень налоговой

нагрузки на субъекты хозяйствования в Беларуси. На протяжении последних пяти лет этот уровень составляет 45-46 % к внутреннему валовому продукту (ВВП) [2, № 5, с. 12]. Для сравнения: в России в 2004 г. совокупная налоговая нагрузка составляла 34% ВВП [2, № 2, с. 24].

Частный сектор при нэпе пользовался немалой поддержкой государства. Например, частные торговцы получали государственное товарное кредитование, банковский кредит, так называемый внутрифинансовый и внутритоварный кредит. Эти виды кредита были льготными. Проценты по ссудам, которые получали частники через общества взаимного кредита, составляли 48 % годовых, а учетный процент на вольном рынке достигал 5-6 % в месяц, т.е. до 70 % годовых [5, с. 188]. Поддержка частной торговли способствовала быстрому развитию торговой сети, формированию свободного внутреннего рынка. Уже в 1921/22 хозяйственном году численность частных торговых предприятий достигла 18,3 тыс., в то время как государство имело на территории республики всего 213, а кооперация – 847 торговых предприятий. В 1922/23 хозяйственном году удельный вес частника в товарообороте составлял 78,2% (в границах 6 уездов БССР) [5, с. 185-186; 7, с. 127]. Сегодня такая последовательная поддержка государством частного бизнеса, особенно в непроизводственной сфере народного хозяйства явно не наблюдается и ее осуществление, несомненно, ускорило бы процесс рыночного реформирования белорусской экономики. По Индексу гостеприимства по отношению к капиталу, впервые опубликованному в феврале 2006 г. авторитетным в деловых кругах журналом *Forbes* для всех 135 стран мира, Беларусь оказалась лишь на 131-м месте. Хуже, чем у нас, согласно этим данным, к частному бизнесу относятся только в Гаити, Лаосе, Анголе и Зимбабве [1, № 8, с. 20].

Последовательный переход Беларуси к рыночным отношениям в годы нэпа выразился и в том, что в основном отсутствовало административное регулирование цен. Государство стремилось устанавливать оптовые и розничные цены в большинстве случаев, учитывая рыночную конъюнктуру. Такая практика была бы довольно полезна в современных условиях Беларуси, когда государство все еще считает за лучшее регулировать цены в административном порядке, регулярно осуществляет директивно-командный "возврат цен", устанавливая "справедливые" цены. Оно, как и ранее, сохраняет административное регулирование цен по основным позициям (топливо, связь, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), на товары и услуги субъектов хозяйствования, занимающих доминирующее положение на товарных рынках республики [2, № 8, с. 16; 4, с. 60; 8, № 2, с. 4].

Таким образом, достаточно последовательное "признание" рынка в годы нэпа свидетельствует, что фактически дело шло к переходу от административно-командной ("военно-коммунистической" – по терминологии того времени) системы к качественно новой модели хозяйствования, основанной на преимущественном использовании экономических, рыночных методов хозяйствования, а не на совершенствовании хозяйственного механизма вообще. Подобная однозначная, последовательная направленность движения к рынку сегодня довольно необходима Беларуси, где процесс рыночного реформирования экономики идет недостаточно уверенно, то ускоряясь, то значительно уходя назад.

Вполне применим на современном этапе перехода Беларуси к рыночной экономике такой "нэповский" метод хозяйствования, как перевод государственных промышленных предприятий (трестов) с государственного снабжения на коммерческий расчет, т.е. на хозяйствование в соответствии с рыночными условиями. "Мы, - писал В.И. Ленин, - не долж-

ны чуждаться коммерческого расчета, а должны понять, что... только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство" [3, с. 219-220].

Созданные на всей территории Беларуси на протяжении 1921-1924 гг. подобные тресты были поставлены в довольно жесткие условия: входившие в них предприятия снимались с государственного снабжения и переходили на закупку ресурсов на рынке, государство за долги трестов не отвечало и детаций на покрытие убытков они почти не получали. Высший Совет Народного Хозяйства мог сделать представление в Совет Труда и Оборона о целесообразности покрытия убытков треста за счет государственной казны только в случае "особого государственного значения работ треста". Убыточные тресты закрывались [5, с. 30-33; 6, статья 336; 9, с. 201-202]. Такая система взаимоотношений между государством и государственными предприятиями позволяла избегать ситуации, когда убыточные предприятия тяжелым грузом ложились на плечи государства, помогала выяснить, какие предприятия могут оставаться государственной собственностью, а какие имеет смысл передать в частные руки. Сегодня широкое применение подобной практики в Беларуси, где количество убыточных государственных предприятий, несмотря на его постепенное снижение, остается значительным (на 1 декабря 2005 г. их доля, согласно официальной статистике, составляла 15,7 %) [1, № 5, с. 29; 2, № 9, с. 11], существенно помогло бы в продвижении к рыночной экономике.

Результатом государственной поддержки в годы нэпа разных форм собственности и организации производства стало разрешение и значительное развитие аренды на государственных промышленных предприятиях, аренды земли с использованием наемного труда. В сфере оборота наряду с государственно-плановыми широкое распространение получили чисто рыночные организационные формы торговли, в частности, товарные биржи. К 1925/26 хозяйственному году биржи сосредоточили 59,3 % оптового оборота БССР [5, с. 60-65, 102-104, 195].

Усиление внимания к принципу многообразия форм собственности и организации производства и оборота помогло бы избавиться от характерного для теперешней экономической политики Беларуси неоправданного упора на государственные формы хозяйствования (частный сектор, как уже говорилось, охватывает сегодня только 25 % всей экономики, тогда как, например, в России – не менее 70, в Литве – 75, в Польше – 75, в Венгрии – 80 %) [2, № 9, с. 11; 4, с. 62]. Опыт нэпа как раз и показывает, что для успешного рыночного реформирования белорусской экономики необходимо больше развивать рыночные формы, найдя в итоге оптимальное их сочетание с государственными.

Но не менее важно учитывать и негативный опыт нэпа. Возьмем лишь один пример. Известно, что нынешняя внешнеэкономическая политика Беларуси ориентирована в основном на Россию, в то время как внешнеэкономические связи с более развитыми странами и прежде всего со странами развитой рыночной экономики довольно ограничены и все больше ухудшаются. Республика фактически лишилась крупных внешних инвестиций. Чистое поступление прямых иностранных инвестиций в 2005 г. составило только 33,9 % от уровня 2004 г. [8, № 19, с. 21]. В этой связи опыт нэпа, еще раз подтверждая мировой опыт, доказывает, что одной из общих, универсальных закономерностей перехода стран к рыночной экономике является открытость по отношению к внешнему миру. Экономика бывшего СССР и соответственно советской Беларуси реформировалась в годы нэпа в отсутствие нормальных связей с мировой экономикой. Сохранялась монополия внешней торговли, ставшая огромным препятствием для расширения внешнеэкономических связей, без которых снижалась эффективность реформирования экономики, а долговременный экономический подъем был невозможен.

Свертывание нэпа во второй половине 20-х годов являлось не актом субъективного самоволия, а закономерным следствием обострения его противоречий, было подготовлено взаимодействием экономических и политико-идеологических причин. К середине 20-х годов четко определилось основное противоречие нэпа: между многообразием экономических отношений, рыночными методами экономики и монополией одной партии. Исходя из политической цели создания социалистической модели экономики, нэп объективно не мог стать законченной системой. Рыночные методы хозяйствования почти повсеместно соседствовали с директивно-командными, переплетались с ними. Окончательное утверждение к концу 20-х годов авторитарно-тоталитарной политической системы неизбежно привело к перерастанию административного начала в традиционную политику и ликвидации хозяйственной системы нэпа.

Таким образом, опыт нэпа учит, что однозначное, полное утверждение рыночной экономики возможно только одновременно с решительной демократизацией политической системы общества. В определенной мере актуально это и для сегодняшней Беларуси, где все еще остаются проблемы с работой Советов депутатов, во взаимоотношениях государства с оппозицией, политическими партиями и общественными организациями, средствами массовой информации.

Таковы наиболее общие уроки переходного периода 20-х годов. Творческое применение их вместе с накопленным мировым опытом преобразований в странах переходного типа развития, безусловно, поможет решить не одну из проблем, стоящих сегодня перед экономикой Беларуси.

Литература

1. БелГазета. 2006. № 5 (6 февраля).
2. Белорусы и рынок. 2006. № 2 (16 января), № 5 (6 февраля), № 8 (27 февраля), № 9 (6 марта).
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44.
4. Несцярковіч М.Б. Рэфармаванне эканомікі Беларусі ў паслясавецкі час // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2005. № 1.
5. Развитие экономики Белоруссии в 1921-1927 гг. – Мн., 1973.
6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1923. № 29.
7. Экономика Советской Белоруссии. 1917-1967. – Мн., 1967.
8. Экономическая газета. 2006. № 2 (6 января), № 19 (7 марта).
9. Экономическая история Беларуси. – Мн., 2004.

ПОЛЬШЧА ПАД УЛАДАЮ КАМУНІСТАЎ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ СУЧАСНАГА АСЭНСАВАННЯ

М. В. Стралец

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

Пасля таго, як у ліпені 1944 г. на тэрыторыю Польшчы ўвайшлі войскі Чырвонай Арміі, Масква вяла мэтанакіраваную лінію, накіраваную на дасягнення поўнай улады прасавецкіх сіл у гэтай краіне. Размова ішла перш за ўсё пра польскіх камуністаў (ППР).

“Яліцкія дамоўленасці азначалі, што Польшча становілася адным з ключавых звянаў савецкай сістэмы бяспекі ў Еўропе, да фарміравання якой Масква прыступіла на заключным этапе вайны. Гэта яе месца было замацавана польска-савецкай дамовай аб сяброўстве, узаемнай дапамозе і пасляваенным супрацоўніцтве, заключанай 21 красавіка 1945 г.

Прынятыя ў Ялце рашэнні ў поўнай меры адпавядалі інтарэсам ПНР і яе саюзнікаў. Ім удалося дабіцца міжнароднага прызнання новай улады ў Польшчы, вывесці з гульні правыя сілы лонданскага лагера, умацаваць свае пазіцыі ў краіне. Тым самым былі дасягнуты асноўныя палітычныя мэты, сфармуляваныя ў маніфесце ПКНВ." (1, с. 209).

На ПНР істотна працавала тая абставіна, што дзякуючы СССР для паспяваеннай Польшчы сталі рэальнасцю істотнае прырашчэнне тэрыторыі на поўначы і на захадзе, прахаджэнне новай савецка-польскай мяжы на усход ад "лініі Керзона".

Зразумела, ідучы на істотныя уступкі ў тэрытарыяльным пытанні, Масква разлічвала на тое, што Польшча назаўсёды стане часткай знешняй імперыі Крамля. Сталін разглядаў у кантэксце экспарту савецкай мадэлі сацыялізма ў гэту краіну выбары ў заканадаўчы сейм, прызначаныя на 17 студзеня 1947 года. Зараз ўсе сур'ёзныя даследчыкі адзіныя ў тым, што з задачы савецкага кіраўніцтва быў запушчаны механізм фальсіфікацыі вынікаў дадзеных выбараў. Насуперак яго рэальнаму рэйтынгу, так званы дэмакратычны блок быў абвешчаны пераможцам. У гэтым блоку ключавую ролю адыгрывала ППР. Пэпэраўцы з сваімі саюзнікамі забраніравалі за сабой у парламенце 394 дэпутатскіх месца, а іншыя партыі і аб'яднанні, разам узятыя, - толькі 50. Прычым у якасці непрымירים праціўніка дэблока выступалі толькі 28 парламентарыяў, якія прадстаўлялі партыю Польска Строніцтва Людове (ПСЛ). 3 канца 1947 года ПСЛ пераходзіць да супрацоўніцтва з уладнымі структурамі.

Канешне, ППР дзейнічала ў вельмі жорсткіх рамках, зададзеных Крамлём. Аднак трэба аддаць належнае Генеральнаму сакратару ЦК Уладзіславу Гамулку. У яго быў найбольш рэалістычны адказ на пытанне: «Як трэба будаваць сацыялізм?». У Гамулка выключай фарсіраваныя тэмпы, заклікаў улічваць польскую спецыфіку. Зразумела, гэта не падабалася Маскве. Абураў Сталіна і той факт, што генсек ППР не далучыўся да антыюгаслаўскай кампаніі, распачатай «бацькам усіх народаў». Таму Крэмль вырашыў памяняць «апартуніста» У. Гамулку на сталініста Баляслава Берута. Адпрацаваны ў Маскве сцэнарый быў поўнасцю рэалізаваны на Пленуме ЦК ППР, які датуецца 31 жніўня - 3 верасня 1948 года. Новы лідэр ППР Б. Берут адразу стаў укараняць сталінскую мадэль сацыялізму. Яго першы крок у гэтым напрамку — аб'яднанне ППР і ППС у Польскую аб'яднаную рабочую партыю (ПАРП), якое здзейснілася ў снежні 1948 года. З 1948 па 1989гг. ПАРП мела манополію на ўладу ў ПНР.

Камуністычныя улады з канца 1940-ых гг. зрабілі акцэнт перш за ўсё на цяжкую прамысловасць, што ніяк не стыкавалася з унутрыпольскімі рэаліямі. Парушаючы аб'ектыўныя эканамічныя законы, Берут і К* не адказвалі на наступнае пытанне: як яны могуць хутка кампенсаваць відавочны недахоп сыравіны, праланавець адэкватны фарсіраванаму развіццю дадзенай галіны палітна-энергетычны баланс пры дэфіцыце адпаведных рэсурсаў? Падобная палітыка моцна біла па інтарэсах польскага сялянства, прывяла да глыбокага крызісу ў сферы сельгасвытворчасці. Вялікае абурэнне працаўнікоў вёскі выклікала прымусовая калектывізацыя сельскай гаспадаркі. Берутаўскі рэжым кінуў за краты без малага 150 тысяч грамадзян ПНР. Камуністычныя улады ацэньвалі гэтых суайчыннікаў як ворагаў сацыялізму.

XX з'езд КПСС (люты 1956 года) выкрыв культ асобы І. В. Сталіна і тым самым пазбавіў Б. Берута яго казырнай карты. Рэальнасцю тагачаснай Польшчы стаў моцны антыаўтарытарны рух, які знайшоў сваю кульмінацыю ў Познаньскім паўстанні (1956г.). Паўстанне мела шырокі рэзананс унутры краіны. Многія палякі былі салідарныя з паўстаўшымі ў тым, што уладам трэба кардынальна мяняць эканамічную

палітыку, што неабходна вярнуцца да тых свабодных выбараў, якія існавалі да ўсталявання камуністычнага рэжыма, што савецкая вайсковая прысутнасць супярэчыць нацыянальным інтарэсам Польшчы.

Безумоўна, сілы паміж уладамі і паўстаўшымі былі няроўнымі. Афіцыйная Варшава прыбегла да сілавога аргумента і паўстанне пацярпела паражэнне. Заўважым, што ў вышэйшых эшалонах не прасочвалася агульны назоўнік у прагназаванні уплыву познаньскіх падзей на грамадзянскую свядомасць палякаў. У корпусе ключавых функцыянераў ПАРП выразна абзначыліся дзве фракцыі: «пулавяне» і «натолінцы». Першая фракцыя бачыла галоўны ўрок паўстання ў тым, што трэба ажыццяляць ліберальны курс і адпаведна рэфармаваць розныя сферы грамадскага жыцця. «Натолінцы» думалі катэгорыямі берутаўскай эры. Яны жорстка зацyklіліся на тым, каб не дапускаць аніякага іншадумства, кідаць не згодных з рэжымам за краты. У гэты няпросты час пераемнік Б.Берута на пасадзе галоўнага кіраўніка ПАРП Э.Охав, кіраўнік вышэйшага органа выканаўчай улады Ю.Цыранкевіч выказваліся асцярожна, туманна, не выступалі з прынцыповых, самастойных пазіцый. Таму рэйтынг гэтых дзеячоў сярод суайчыннікаў быў нізкі. Імі была запатрабавана выдатная асоба, здольная ажыццявіць дэсталінізацыю, рэалізаваць на практыцы польскі шлях да сацыялізму. У гэтай сувязі ў вачах палякаў альтэрнатывы для кандыдатуры Уладзіслава Гамулі для пасады кіраўніка ПАРП не было. Дадзеная кандыдатура была ва ўсіх на слыху з нагоды маючага адбыцца VIII кастрычніцкага (1956г.) пленума ЦК ПАРП. М.Хрушчоў не хацеў бачыць У.Гамулку польскім лідэрам. Ён робіць ход, які ніхто з аглядальнікаў не прагназаваў: накіроўваецца ў сталіцу ПНР, дае загад савецкім вайскоўцам, дыслацыраваным у Польшчы, прадэманстраваць прыхільнікам У.Гамулі ў Палітбюро ЦК ПАРП наяўнасць у савецкага лідэра сілавога аргумента, набліжаючыся да Варшавы. Ход Першага сакратара ЦК КПСС не спрацаваў. Галоўны вынік Пленума — новы старт У.Гамулі на вышэйшым прыступку партыйнай лесвіцы. З пастановы Пленума вынікала, што Гамулка неўзабаве будзе працаваць з новым Міністрам абароны. Партыйны форум вырашыў, што Маршал Савецкага Саюза, Маршал Польшчы Канстанцін Ракасоўскі не павінен больш быць членам Палітбюро ЦК ПАРП.

Да задавальнення ліберальна настроенай часткі палякаў «сталініст» К.Ракасоўскі праз непрацяглае прамежак часу перастане ўзначальваць ваеннае ведамства і вернецца ў Савецкі Саюз.

У заслугу У.Гамулку можна паставіць частковую дэсталінізацыю, унясенне карэктыў у галіне унутранай палітыкі. Было пашырана кола пытанняў, якія суб'екты гаспадарання маглі вырашаць самастойна. Прасочвалася імкненне цэнтральных органаў дзяржаўнага кіравання пераадолець перакос у суадносінах паміж вытворчасцю сродкаў вытворчасці і вытворчасцю прадметаў спажывання. Уладныя структуры не рабілі болей ужо такі жорсткі акцэнт на развіццё цяжкай прамысловасці, як у эру Б.Берута. Набывала рэальныя абрысы дэкалектывізацыя сельскай гаспадаркі і рэзка ўзрасла доля індывідуальных сельгасвытворцаў у аграрнай сферы. Больш ліберальнай стала палітыка ў адносінах да СМІ, на свабодзе апынуліся кінутыя за краты праціўнікі сталінскай мадэлі сацыялізма, быў пакладзены канец уседзволенасці польскіх чэкістаў. Разам з тым У.Гамулка і яго атачэнне не адмовіліся ад многіх рэцэптаў вырашэння пытанняў дзяржаўнай важнасці, якія упершыню атрымалі апрабацыю ў часы кіравання «бацькі ўсіх народаў».

Эра У.Гамулкі ў польскай гісторыі скончылася ў 1970 годзе. Яе фінал адбываўся на дрэннай ночце. Распачаўся другі пасля 1956 года крызіс. Пасля таго як забунтавалі рабочыя ў Гданьску, хваля грамадскага незадавальнення ахапіла ўсю краіну. Пераемнікам У.Гамулкі на пасадзе кіраўніка партыі становіцца Эдвард Герэк. Новы польскі лідэр вельмі актыўна звяртаўся да іншаземных заімадаўцаў. Пэўны час з пункту гледжання макраэканамічных паказчыкаў здавалася, што Э.Герэк абраў правільны курс. Аднак выкананне польскім бокам умоў, на якіх прадстаўляліся займы, моцна біла па кішэні падаткаплацельшчыкаў. Таму сярэднестатыстычны паляк адмоўна ўспрымаў палітыку ўлад, лічыў натуральным адказам на антынародны курс ПАРП забастоўкі, дэманстрацыі. З сярэдзіны 1970-ых гадоў такі адказ становіцца тыповай з'явай унутрапольскай рэчаіснасці. Бездапаможная ўлада ўсё актыўней прыбягала да рэпрэсіі супраць рабочых. Адначасова яна прапісала ў Асноўным Законе новыя антыдэмакратычныя моманты, што яшчэ больш павысіла градус грамадскага незадавальнення. У другой палове 1970-ых гг. упершыню ў гісторыі антыаўтарытарнага руху ў сацыялістычнай Польшчы выразна акрэслілася структурыраваная апазіцыя. З 1976 года распачынаецца гісторыя Камітэта абароны рабочых, з 1977 года — Руху ў абарону правоў чалавека і грамадзяніна. Высокую грамадзянскую свядомасць прадэманстравалі ключавыя дзеячы каталіцкай царквы. Ім надаў дадатковыя сілы той факт, што з 1978 года пачаўся адлік пантыфіката кракавяніна Караля Вайтылы (Іаана Паўла II). Суайчыннікі ўпершыню убачылі яго на радзіме ў такой якасці ў 1979 годзе. Антытаталітарныя, антыаўтарытарныя, антыкамуністычныя перакананні кіраўніка Рымска-каталіцкай царквы ўспрымаліся ў польскім грамадстве як перакананні вялікага маральнага аўтарытэта, выдатнага мысліцеля, сумлення польскай нацыі.

Адмоўныя з'явы ў сацыяльна-эканамічным развіцці краіны знайшлі свайго апагея ў 1980 годзе. Менавіта тады распачаўся трэці, самы глыбокі крызіс у ПНР. Польшча павінна была сваім заімадаўцам 20 млрд. даляраў. Зноў старт антыаўтарытарнаму руху далі нязгодныя з рэжымам рабочыя Гданьска. У ходзе забастовак на Балтыйскім узбярэжжы актыўна вылучаўся гданьскі электрык Лех Валенса. Менавіта ён пакладзе пачатак стварэнню агульнапольскага незалежнага прафсаюза «Салідарнасць», надоўга узначаліць гэту арганізацыю.

“Салідарнасць” з самага пачатку была пераважна грамадска-палітычным, а не прафсаюзным рухам, які аб'ядноўваў разнастайныя сілы. Яна вырастала на хвалі рабочага пратэсту, і ў першы час не мела выразных планаў далейшага развіцця краіны. Боязь перад савецкай інтэрвенцыяй прымусіла інтэлектуальны штаб руху выступіць з канцэпцыяй “самарэгулявальнай рэвалюцыі”. Яна прадугледжвала, што Польшча, застаючыся удзельнікам савецкага ваенна-палітычнага блоку, адначасова павінна імкнуцца да ўнутранага пераўтварэння грамадска-палітычнага ладу: палітычнаму плюралізму, усталяванню грамадскага кантролю за дзейнасцю дзяржавы, забеспячэнню незалежнасці грамадскіх і дзяржаўных інстытутаў ад ПАРП.” (1, с.220)

Сацыяльна-палітычны антаганізм у грамадстве рэзка нарастаў. Сістэмны крызіс прымусіў Э.Герэка ўйсці ў адстаўку. Новы лідэр ПАРП Станіслаў Каня аказаўся слабай постацю для вырашэння задач, якія паўсталі перад краінай. У 1981 годзе яго мяняе на дадзенай пасадзе генерал Войцэх Ярузельскі. Ён атрымаў даставерную інфармацыю аб тым, што Масква рыхтуе ваенную інтэрвенцыю ў Польшчу. Крамлю яна хацелася паўтарыць вопыт падаўлення пражскай вясны. У Ярузельскага быў толькі адзін спосаб прадухілення рэалізацыі планаў савецкага кіраўніцтва: зрабіць рэальнасцю ваеннае становішча. 13 снежня 1981 года пад яго падводзіцца прававы базіс. Ваеннае становішча

дзеінічала па 1983 год. Ва унутрапольскім плане яно мела перш за ўсё адмоўныя наступствы, па сутнасці павялічваючы глыбіню грамадскіх супярэчнасцяў. Кіраўнік партыі, вышэйшая службовая асоба ў сістэме дзяржаўнага кіравання Войцэх Ярузельскі атрымаў большую ступень свабоды пасля таго, як у СССР да ўлады прыйшоў М.С.Гарбачоў. Абвешчанае ім новае палітычнае мысленне меркавала свабоду выбара, што з'явілася моцным штуршком для антыаўтарытарных сіл у Польшчы.

Натуральна, зараз мы падыходзім да разбору лёсавызначальных падзей у бліжэйшай суседкі.

Сапраўды пераломным быў Пленум ЦК ПАРП, які адбыўся ў снежні 1988 — студзені 1989гг. Галоўны вынік пленума — згода камуністычных уладаў на правядзенне круглага стала, які адбыўся ўвесну 1989г. Удзельнікі круглага стала былі дэлегаваны ад цэнтральных органаў дзяржаўнага кіравання, ПАРП, грамадскіх арганізацый, Касцёлу, «Салідарнасці», Усепольскага пагаднення прафсаюзаў. Была выпрацавана складаная, але ў той жа час спрыяльная для апазіцыі формула выбараў у сейм: 60% на 40%. 60% дэпутацкіх месцаў павінны былі заняць прадстаўнікі ПАРП, Аб'яднанай сялянскай партыі (АСП) і «Строніцтва дэмакратычнага» (СД), 40% - іншыя сілы. Чэрвеньскія (1989г.) выбары ў сейм сталі відавочным поспехам для апанентаў камуністычнага рэжыма. Неўзабаве пасля выбараў адбылася перагрупіроўка сіл, якая ўнесла кардынальныя змены на капітанскім мосціку польскай палітыцы. Сталі супрацьстаяць адзін да аднаго два блокі: першы блок («Салідарнасць», АСП, СД) і другі блок (ПАРП). Менавіта першы блок узяў на сябе з канца жніўня 1989г. урадавую адказнасць. У Польшчы быў створаны першы ў пасляваеннай гісторыі Усходняй Еўропы некамуністычны ўрад, які ўзначаліў вядомы дзеяч «Салідарнасці» Тадэвуш Мазавецкі.

Такія некаторыя аспекты сучаснага асэнсавання таго перыяду ў гісторыі Польшчы, калі яна знаходзілася пад уладаю камуністаў.

Літаратура

1. История южных и западных славян: В 2 т.: Учебник. Т. 2: Новейшее время / Под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. — М.: Издательство МГУ, 1998.

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА: ПОПЫТКА «ТИХОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Н.Н.Ковалёва

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Сто лет назад, 9 ноября 1906 года премьер-министром Петром Аркадьевичем Столыпиным был издан исторический указ, освободивший крестьян от власти общины и положивший начало реализации аграрной реформы в России. Необходимость перемен в стране была очевидна: о кризисном положении страны свидетельствовало как поражение в русско-японской войне, так и революционный взрыв 1905-1907гг. Причем решение аграрного вопроса представлялось первоочередной задачей ввиду того, что с аграрным сектором экономики было связано более 4/5 населения страны и ввиду наличия множества проблем, нерешенных реформой 1861 года.

Заметим, что аграрный вопрос был в центре внимания различных политических сил, поэтому попытка Столыпина найти оптимальное решение вопроса не могла не привлечь внимание к его персоне со стороны революционеров. «Проведением хуторской реформы, где каждый крестьянин становился сам маленьким помещиком, уничтожалась партия социал-революционеров. Поэтому понятно их стремление остановить реформу...», - писала дочь Столыпина. До его трагической гибели в 1911 году на

Столыпина было 11 покушений и первое из них – 12 августа 1906 года, когда находившаяся рядом с отцом 14-летняя дочь Наташа лишилась обеих ног. Революционеры воспринимали Столыпина, как представителя реакционного лагеря, который реализовывал различные проекты для спасения существующего строя. В то же время, многие представители правящего класса считали реформы Столыпина слишком радикальными. Различную оценку получила деятельность Столыпина и в советской историографии. Известный советский историк А.Я.Аврех считает, что приход Столыпина к власти в ранге министра внутренних дел не случайно совпал с началом работы I Думы (26 апреля 1906 года), так как «ему было доверено продолжить политический курс в новых, совершенно непривычных для царизма условиях – обеспечить сожительство дотоле ничем не стесненного самодержавия с «народным представительством» [1,16]. Выбор же Николаем II кандидатуры Столыпина на должность министра, а затем (через 72 дня) перевод его на пост председателя Совета министров (при сохранении портфеля министра) был обусловлен «энергичным подавлением Столыпиным аграрного движения в Саратовской губернии» [1,17], где он губернаторствовал до своего назначения министром. А.Я. Аврех трактует Столыпина как сильную личность, призванную в критических условиях для подавления революции, а его реформаторская деятельность представляется как средство успокоения народного недовольства.

Весьма распространена и другая точка зрения, представленная авторами первого цельного жизнеописания этого политического деятеля, Рыбасом С.Ю. и Таракановой Л.В., согласно которой Столыпин и Витте – «бюрократы», стоящие слева, настроенные конструктивно. Они понимают, что исторические реалии меняются, и спасение – на путях реформ [2,41]. В условиях революции царь вынужден прибегнуть к помощи таких, реформаторски настроенных людей. «Столыпину не раз приходилось сталкиваться с государем, обаятельным, упрямым, нерешительным человеком. Будучи монархистом, он должен был подчиняться. Будучи реформатором, он должен был спорить. Никогда между ними не было полного понимания. И оба сознавали это» [2,61].

Между тем, есть все основания полагать, что реформаторские идеи возникли и развивались у Столыпина постепенно, задолго до начала первой русской революции. Уже к 1902 году, когда 40-летний Столыпин стал гродненским губернатором, у него сложилась в общих чертах программа необходимых России преобразований. Очевидно, определенные идеи на сей счёт могли появиться ещё ранее, когда молодой помещик жил некоторое время в своём имении в Колноберже, неподалёку от Ковно, где был назначен уездным предводителем дворянства, а затем губернским предводителем дворянства в Ковенской губернии (в Северо-западном крае предводители дворянства не выбирались, а назначались правительством). Возможно, опыт хуторского землеустройства в соседней Пруссии, Польше и Прибалтийском крае вдохновили П.А.Столыпина на реализацию тех мероприятий, которые он проводит в Гродненской губернии.

На Гродзенщине ещё в конце XIX в. было реализовано ряд мероприятий, направленных на ликвидацию пережитков феодализма: арендаторства на чиншевом праве, сервитутов и чересполосицы. Арендаторство на чиншевом праве существовало в Беларуси со времён Речи Посполитой. Арендаторы (вольные люди: однодворцы, староверы) пользовались правом бессрочно-наследственной аренды на помещичьих землях с фиксированной денежной платой (чинш). Причём, наибольшая часть чиншевиков находилась в западных и центральных районах Беларуси. По закону от 9 июля 1886 г. чиншевики были переведены на обязательный выкуп. Многие из них перешли

к простой аренде (на срок от 6-ти до 12-ти лет), что, безусловно, было прогрессивным явлением [3]. Что касается сервитутов (общинных земель, которые были отобраны помещиками при крепостном праве), то эта проблема, разраставшаяся до всё больших масштабов в связи с переходом на многопольную систему севооборота, повышением цен на землю и лес, а также по мере дробления крестьянских наделов, не была решена правительством до конца. В 1911 г. сервитуты охватывали в Гродненской губернии 28,8 %, а в Виленской – 22,6% помещичьих хозяйств [4, 100].

С большим трудом решалась проблема ликвидации чересполосицы. Хотя по реформе 1861 г. предусматривалось развёрстывание помещичьих и крестьянских земель, но в условиях подворного землевладения, сложившегося в западных губерниях, реализовать эту установку было весьма сложно. При подворном землевладении участки крестьянского хозяйства образовывались по так называемой шнуровой системе, требовавшей, чтобы каждый домохозяин имел столько полос земли, сколько усматривалось в крестьянском наделе видоизменений в качестве почвы, пахотных полей и покосов. Подворные участки состояли поэтому часто из многих десятков узких полосок, разбросанных во всех направлениях надела чересполосно с полосками других хозяев. Сформированные таким образом участки устраняли всякую возможность развития крестьянского хозяйства, обрекая его на устаревшую систему земледелия (трёхполье) и использование ручного труда. В середине 80-х гг. в Гродненской губернии чересполосица охватывала 42,1 % имений, а в Виленской – 50,9 % [5,98].

Чересполосица приобретала угрожающие размеры в связи с активным процессом дробления крестьянских хозяйств, вызванным ростом численности населения. Правительство рекомендовало местной администрации активно распространять хуторскую систему землепользования (как в прибалтийских губерниях). Помимо роста производительности сельского хозяйства новая система должна была привести к сокращению численности деревенских пожаров, становившихся для крестьян настоящим бедствием (дробя участки, крестьяне вынуждены были застраивать вплотную свои небольшие усадьбы, поэтому, в случае пожара, крестьянские строения, крытые соломой, полыхали как сплошной костёр). Как показывает анализ протоколов заседаний местных комитетов Гродненской губернии, местные административные органы прилагали значительные усилия для изменения сложившегося порядка землепользования. В декабре 1897 г. гродненский губернатор Д.Н. Батюшков предложил мировым посредникам при всяком удобном случае разъяснять пользу расселения. 30 мая 1898 г. им было представлено Министру Внутренних Дел ходатайство об отнесении расходов по составлению планов хуторных владений на страховой сбор, а также о разрешении выдавать беспроцентные ссуды на перенос построек и рытьё колодцев, т.к. многие крестьяне отказывались переселяться из-за бедности [6, 7] Губернатор поручил также мировому посреднику Слонимского уезда В.И. Штейну составить записку о расселении на хутора и разослать её по уездам [6, 8]. Несмотря на проводимые мероприятия, крестьяне продолжали относиться к хуторской форме землепользования настороженно, в результате чего до 1901 г. по всей губернии только 40 деревень изъявило желание расселиться на хутора [7, 98].

Новый губернатор П.А. Столыпин продолжает работу в тех направлениях, которые уже определились в губернии как приоритетные. На первом же заседании Гродненского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности 11 июля 1902 года председательствующий на заседании П.А. Столыпин обращает внимание на то, что «главнейшим фактором улучшения экономических условий в губернии и сельскохозяйственной промышленности, в частности, следует считать: 1) расселение крестьян на

хутора, переход от так называемого шнурового пользования надельной землей к хуторскому хозяйству; 2) устранение чересполосицы земель; 3) ликвидацию сервитутов и 4) «мелиоративный кредит» [6, 1]. Кроме того, он проявляет заинтересованность в распространении сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Эта задача решалась на местах в тесной связи с проблемой введения всеобщего образования. Многие представители дворянства подходили к этой проблеме неоднозначно, боясь, что всеобщее образование приведёт к распространению анархических идей. Более прогрессивно мыслящие деятели, в частности сам губернатор П.А. Столыпин и Губернский предводитель дворянства Гродненской губернии П.В. Верёвкин, ссылаясь на пример стран, где введено всеобщее обязательное образование (Германия, Дания, Швеция, США) и где, благодаря этому, каждый сельскохозяйственный рабочий следит за печатью, ратовали за его введение. Благодаря их настояниям гродненский губернский Совет принял решение ходатайствовать перед Министерством Просвещения об открытии такого числа мужских и женских школ, при котором «желательная обязательность (выд. авт. Н.Ковалёвой) народного образования могла бы получить осуществление» [6, 33]. Было признано также необходимым и желательным иметь хотя бы по одному на губернию инструктору (по молочному хозяйству, по разработке торфа, по улучшению лугов и т.д.) Предполагалось, что в качестве инструкторов будут привлекаться лица, получившие агрономическое образование путём предоставления им платных должностей, льгот, особых привилегий. Действительно, должность инструктора становилась чрезвычайно необходимой в условиях роста товарности сельского хозяйства для выполнения требований zahraniчного рынка (доброкачественность и известное однообразие товара), что могло быть достигнуто только при однообразии способа обработки. Для Гродненской губернии, где была сконцентрирована большая часть небольших маслоделательных заводов (в 1912 г. тут работало 27 заводов по производству масла и сыра, выработавших продукции на 44,1 тыс. рублей,) [4, 162], наличие инструкторов и специальных школ маслоделия становилось особенно актуальным.

Важной заботой Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в бытность Столыпина гродненским губернатором была и борьба «с врагами сельского хозяйства», в частности, песками, оврагами, болотами. Было признано необходимым для борьбы с песками, которые в связи с вырубкою лесов занесли крестьянские земли, производить облесение, что невозможно было осуществить только на частные средства. В связи с этим перед правительством ставилась задача учреждения в казённых лесничествах обширных питомников саженцев и складов семян [6, 39]. Осушение болот в Беларуси приобрело целенаправленный характер после рассылки в 1853 г. Министерством государственных имуществ циркуляра губернским палатам с предписанием начать осушение болот. Для западных регионов Беларуси проблема осушения болот была весьма актуальной. По сведениям из Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами генерального штаба с 1859 по 1864 г, на которые ссылается Н. Столпянский, в Гродненской губернии болота занимали 1/15 доли всего пространства. Они изобиловали торфом, железною тундровою рудою и плохой жёсткою травой». И далее автор отмечает, что «большинство болот возможно осушить прорытием каналов, к чему уже делаются попытки» [8, 47]. В 1873 – 1898 гг. в Гродненской губернии работала «Западная экспедиция по осушению болот Полесья» во главе с генералом И.И. Жилинским. Объектом осушения стали в основном казённые дачи (земли помещиков и царских чиновников). В Гродненской области было осушено 7 таких дач. Осушенные площади отводились под сенокосы, либо использовались под огороды и пашню. Членами экспедиции в Пинске была построена метеостанция [9]. В ноябре 1902 г. на своём заседании Гродненский губернский комитет констатировал, что " в деле осушения болот

Полесья никакая частная инициатива не может дать положительных результатов, поэтому надо ходатайствовать о восстановлении правительственного учреждения, которое вело бы это дело [6, 40]. Кроме того, как упоминалось выше, Столыпин выдвигает задачу развития мелиоративного кредита.

Следует признать, что перечисленные выше правительственные мероприятия (наделение землёй чиншевиков, бывшей шляхты, внедрение хуторской системы землепользования и другие) принесли определённые плоды и привели к увеличению мощности крестьянских хозяйств. Динамику роста крестьянского землевладения наиболее полно проанализировал Довнар-Запольский М.В.: Он выявил, что надел в 3-4 десятины на душу мужского пола, «не обеспечивающий будущие поколения и ставящий данное хозяйство в положение хозяйства, которое может всегда пошатнуться», получили в Виленской губернии 1/3 часть крестьян, а в Гродненской – 1/4 часть крестьян [10, 56]. Распределение же крестьянских наделов в 1905 г. (по его же подсчётам) было наиболее благоприятным по Гродненской губернии [10, 59].

	до 5 дес.	5-10 дес.	свыше 10-ти
Виленская губерния	3,1	31,4	65,2
Гродненская губерния	4,4	10,3	84,8

Как видим, основные направления деятельности П.А. Столыпина на посту Гродненского губернатора переключаются с основными направлениями реформы 1906 года. Решалась та же задача создания крепких крестьянских хозяйств, которые при использовании техники и достижений агрономической науки, а также при известной поддержке со стороны государства могли бы стабильно и неуклонно повышать свою производительность. Поведение Столыпина на посту председателя Совета министров было вполне предсказуемым, царизм знал, что можно и должно ожидать от нового руководителя правительства. Таким образом, программа столыпинских мероприятий действительно представляется заранее спланированной «тихой революцией» (по словам одного из журналистов начала века), альтернативой кровавой революции, готовящейся социал-демократами, а не маневром контрреволюции.

Литература

1. А.Я.Аврех. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России.–М., 1991.
2. С.Рыбас, Л.Тараканова. Жизнь и смерть Петра Столыпина.–М., 1991
3. Энциклапеды гісторыі Беларусі Т.6. Ч.2. Мн., 2003. (арт. "Чыншавая рэформа")
4. А.П.Жытко. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму 1861 – 1914 гг.- Мн., 2003.
5. В.П.Панютіч. Соцыяльна-эканамічнае развіццё беларускай дзевяці в 1861-1900гг.-Мн., 1990
6. Гродненская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.– СПб, 1903.
7. Л. Солоневич. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за 100 лет её существования (1802-1902гг.).–Гродно, 1901
8. Н.Столянский. Девять губерний Русского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. – С-П., 1866.
9. Энциклапедыя гісторыі Беларусі.– Т.3. Мн., 1996 (арт. "Заходняя экспедыцыя па асушэнню балот Палесся 1873 – 1898 гг")
10. М.В.Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии.–Мн., 1926

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С.М. Восович

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи русская православная церковь продолжала проводить миссионерскую деятельность, которая официально была направлена на нехристианские конфессии (иудаизм, ислам), а также язычников. Но в Беларуси православная церковь пыталась проводить миссионерскую работу среди староверов, протестантов и католиков. В пропаганде православной веры и обращении иноверцев в православие принимали активное участие приходское духовенство и монастыри.

Главным средством утверждения православной веры в белорусско-литовских епархиях до середины 80-ых гг. XIX в. являлись строительство церквей и открытие новых приходов, особенно в тех местностях, население которых проживало далеко от православных храмов или вблизи костелов. Православные храмы являлись не просто местом молитвы, но и центрами религиозного просвещения и нравственных назиданий. С 1890 по 1894 года в четырех белорусско-литовских епархиях было построено 87 церквей, 25 часовен и молитвенных домов, то есть в среднем в каждой епархии ежегодно строилось около 5 – 6 храмов и 1 – 2 часовни [таблица 1, 2].

Таблица 1

Количество церквей, построенных в 4 белорусско-литовских епархиях в 1890 – 1893 гг.

Название епархии	Годы			
	1890	1891	1892	1893
Литовская	3	3	9	6
Минская	5	12	8	2
Могилевская	6	11	4	4
Полоцкая	4	3	4	3

Таблица 2

Количество часовен и молитвенных домов, построенных в 4 белорусско-литовских епархиях в 1890 – 1893 гг.

Название епархии	Годы			
	1890	1891	1892	1893
Литовская	0	2	1	0
Минская	4	3	2	0
Могилевская	2	1	1	0
Полоцкая	6	2	1	0

Строительство храмов в белорусско-литовских епархиях происходило неравномерно. Так, в 1896 – 1897 гг. в Полоцкой епархии было построено 17 новых храмов (10 каменных и 7 деревянных), и окончен капитальный ремонт Витебского кафедрального собора, а в 1898 г. было построено всего 4 деревянные церкви. В целом, в конце XIX в. в Полоцкой епархии состоянием значительной части церквей было крайне неудовлетворительным. Некоторые церкви из-за ветхости должны были закрыться, а многие – стали маломестительными из-за увеличения числа прихожан в 3 – 4 раза (со времени их постройки).

Несмотря на принимаемые руководителями белорусско-литовских епархий усилия, в 1907 г. в Могилевской епархии одна церковь приходилось на 80 квадратных верст, в Гродненской – на 96, в Витебской – на 125, в Минской – на 149. На одну цер-

ковь в среднем приходилось в Литовской епархии 2513 прихожан, в Гродненской – 2727, в Полоцкой – 2950, в Могилевской – 2956, в Минской – 3584. Количество церквей не соответствовало интересам православной церкви в белорусско-литовских губерниях, так как священники из пастырей превращались в требоисправителей, обязанных почти ежедневно совершать 30-верстные поездки по своим приходам для исправления треб. В то же время в Гродненской епархии число приписных и кладбищенских церквей в указанный год составляло 242, то есть 41 % от общего числа всех существовавших в данной епархии церквей, в Витебской – 175 (55 %). Существовали приписные церкви в Могилевской и Минской епархиях [1, с. 416]. Поэтому некоторые епископы Беларуси превращали приписные церкви в приходские храмы.

Руководство белорусско-литовских епархий заботилось также и о придании богослужениям торжественного характера, о внятном и неторопливом чтении в церквах, об участии в церковном пении детских хоров, состоящих из учащихся местных церковных школ. В конце XIX в. придавалось большое значение и организации торжественных крестных ходов в населенные пункты, где праздновались большие храмовые праздники.

С середины 80-ых гг. XIX в. духовные власти обращают большое внимание на развитие церковно-приходских школ, особенно в местах проживания староверов и католиков. Церковно-приходские школы рассматривались Св. Синодом, как «важнейшее средство к утверждению православия и русской народности в Западном крае». В данном типе школ учащиеся разных исповеданий знакомились с основами православной веры. Хотя следует признать, что неправославных детей в школах Св. Синода обучалось очень мало. Церковные школы являлись центрами религиозно-нравственного просвещения не только детей, но и взрослого населения белорусско-литовских губерний. В них в начале XX в. священники проводили религиозно-нравственные чтения и собеседования.

В конце XIX в. в некоторых православных белорусско-литовских епархиях открываются специальные миссии. В 1892 г. в Литовской епархии для активизации православной миссии среди иноверцев, особенно евреев, было учреждено особое миссионерство. Первым миссионером был назначен бывший еврейский раввин Павел Дрейзин, на содержание которого ежегодно выделялось 600 рублей, и на проезды – 200 рублей. Свою деятельность Дрейзин начал с лета 1892 г. С 1 октября 1892 г. он стал еженедельно по субботам проводить публичные собеседования с иноверцами, главным образом, с евреями. Первые беседы отличались напряженностью, так как евреи, не вникая в предмет чтений или бесед и стараясь перекричать друг друга, неоднократно выступали против самого миссионера и даже угрожали ему. Но постепенно собеседования приобрели спокойный характер и сопровождались переходом евреев в православную веру. В 1892 г. в Литовской епархии приняло православие 33 еврея, а в 1893 г. – 43. Следует заметить, что данная противоиудейская миссия в Литовской епархии просуществовала недолго.

В Полоцкой епархии придавалось большое значение миссионерской деятельности среди латышей. По вероисповеданию большинство латышей были католиками (приблизительно 50 %), остальные были православными (22%), лютеранами (12 %) и старообрядцами «федосеевского толка» (16 %). Для предотвращения распространения католицизма и лютеранства среди латышей и перехода их в православие руководство Полоцкой епархии предписало приходскому духовенству в местах проживания латышей совершать богослужения на их родном языке. Для латышей была построена даже отдельная церковь в м. Варклянах. В результате, с 1893 г. в Полоцкой епархии стали проводиться богослужения на латышском языке, например, в Режицком соборе,

Варклянской церкви. Ряд таких богослужений было совершено даже самим епископом Полоцким и Витебским Александром. Так, 21 февраля 1899 г. епископ Александр совершил богослужение на латышском языке в г. Витебске в Богоявленской церкви. После окончания богослужения при целовании креста епископ раздавал молящимся крестики, иконки, брошюры религиозно-нравственного содержания и книги вероучительного характера на латышском языке. Следует заметить, что из-за незнания многими священниками Полоцкой епархии латышского языка, данная инициатива не получила широкого распространения.

5 февраля 1894 г. Св. Синод учредил в Полоцкой епархии особую должность латышского миссионера-священника. На него было возложено выполнение следующих обязанностей: 1) проводить богослужения в приходских церквях на латышском языке; 2) организовывать религиозно-нравственные собеседования; 3) контролировать учебно-воспитательный процесс в русско-латышских церковно-приходских школах. На содержание латышского миссионера Св. Синод выделял ежегодно 1300 рублей. Первым латышским миссионером в Полоцкой епархии был назначен священник Николай Пестмаль, хорошо знающий русский и латышский языки [2].

В 1898 г. латышский миссионер священник Петр Лепиня собрал некоторых молодых парней 16 – 20-летнего возраста на ферму Кокорево на катехизацию. В течение двух недель, с 12 по 26 апреля, катехизанты заучивали молитвы, изучали священную историю Ветхого и Нового Завета, катехизис и краткую церковную историю, знакомились с разъяснением православного богослужения. Следует заметить, что изучение молитв, священной истории Ветхого и Нового Завета происходило со слов, так как некоторые парни были безграмотными. Епархиальный латышский миссионер при изучении Символа веры подробно разъяснял те пункты вероучения православной церкви, которые вызывали критику у католиков, лютеран, баптистов. В свободное вечернее время катехизантам читались переведенные на латышский язык епархиальным миссионером жития некоторых, особо чтимых святых [3, с. 729].

В Полоцкой епархии миссионерская работа проводилась и среди старообрядцев. В конце 1887 г. в Витебскую губернию для «постоянной борьбы с расколом» был назначен особый миссионер с высшим богословским образованием, который стал систематически проводить со старообрядцами публичные беседы. Вначале староверы уклонялись от всяких собеседований и на предлагаемые им вопросы отвечали резко. Но впоследствии они собирались на такие духовные собеседования и иногда даже соглашались с положениями епархиального миссионера, опровергающего их учения. Кроме публичных собеседований миссионер практиковал и частные беседы, которые совершались как в квартире самого миссионера, так и в домах старообрядцев, не сторонящихся православного священника. До 1892 г. епархиальный миссионер ограничивал свою деятельность преимущественно Режицким и Двинским уездами, выезжая в другие местности только по особому распоряжению епархиальной власти. В 1892 г. епархиальный миссионер получил предписание ежегодно организовывать собеседования со староверами в тех благочиниях, где проживало не менее 200 старообрядцев.

Епархиальные миссионеры Полоцкой епархии контролировали также и церковные школы Режицкого уезда, используя их в своих целях. Практиковалась миссионерами и бесплатная раздача противораскольнических брошюр.

В 1893 г. по предписанию Св. Синода и с благословения епископа Полоцкого и Витебского Антонина были открыты публичные собеседования со старообрядцами в Витебской духовной семинарии. Проводил их преподаватель семинарии И.Т. Никифоровский.

13 апреля 1894 г. по инициативе епископа Полоцкого и Витебского Александра был учрежден при Витебском Свято-Владимирском братстве противораскольнический комитет. Председателем данного комитета был назначен преподаватель истории и обличения раскола Витебской православной духовной семинарии И.Т. Никифоровский. В противораскольнический комитет входили также епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ священник Нил Серебренников и член местной духовной консистории протоиерей Соколов. В первый год своего существования деятельность комитета была направлена как на изучение старообрядческого движения, так и на борьбу с ним. Противораскольнический комитет собирал точные сведения о старообрядцах Полоцкой епархии; выяснял наличие книг, обличающих учение староверов, при некоторых церквях; распространял в епархии противораскольнические листки, издаваемые на средства братства (таких листков, редактируемых И.Т. Никифоровским, в 1894 г. было напечатано братством 6 номеров, каждый тиражом в 2000 экземпляров, то есть всего 12000); открыл в г. Витебске склад противораскольнических книг для продажи по номинальной цене и бесплатной раздаче, проводил другие мероприятия, направленные на ослабление старообрядческого движения. В 1894 г. с целью расширения противораскольнической миссии было избрано 17 окружных миссионеров: пятнадцать священников и два учителя церковно-приходских школ, окончивших семинарский курс. Утверждение в должности окружного миссионера происходило после рекомендации этого лица местным благочинным и личного согласия кандидата [4, с. 441; 5, с. 1422].

При Витебской духовной семинарии на 350 рублей серебром, выделенных епископом Полоцким и Витебским Александром из миссионерских сборов, была создана центральная противораскольническая библиотека, которая служила для подготовки учащихся и окружных противораскольнических миссионеров к беседам со старообрядцами. Учреждались противораскольнические библиотеки также при единоверческих и некоторых православных церквях Полоцкой епархии.

В результате миссионерской деятельности в 1884 – 1893 гг. в Полоцкой епархии приняло православие или присоединилось к единоверию 420 старообрядцев [таблица 3].

Таблица 3

Количество старообрядцев, принявших православие или присоединившихся к единоверию, в Полоцкой епархии в 1884 – 1893 гг.

Количество старообрядцев	Годы									
	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893
Принявших православие или присоединившихся к единоверию	22	37	51	21	54	34	37	60	53	51

Проводилась активная миссионерская деятельность среди старообрядцев и в Могилевской епархии.

В миссионерской деятельности принимали активное участие и православные монастыри. Своей культурно-благотворительной, религиозно-просветительской деятельностью монастыри способствовали укреплению православной веры в белорусско-литовских епархиях. Примерная иноческая жизнь, монастырское богослужение оказы-

вали сильное воздействие на богомольцев и жителей ближайших деревень. Православные жители белорусско-литовских губерний шли в монастыри не только помолиться, но здесь они получали утешение в горе, совет, наставление, медицинскую помощь, нравственную и даже материальную поддержку. Богомольцы возвращались из монастырей духовно укрепленными. Православные монастыри в Беларуси являлись также и оплотом русской культуры и государственности. Поэтому Св. Синод всячески старался поддержать белорусско-литовские обители, особенно в тех местностях, где проживало много неправославного населения. Некоторые монастыри Беларуси создавались с миссионерской целью: во-первых, для оживления православной миссии; во-вторых, для защиты православного населения от римско-католической, протестантской или старообрядческой пропаганды. К числу таких миссионерских белорусско-литовских монастырей можно отнести следующие обители: Красностоцкая Гродненской епархии, Березвечская и Антолептская Литовской епархии, Ивенецкая Минской епархии, Чонская (единоверческая) и Макарьевская (единоверческая) Могилевской епархии.

Красностоцкий Рождество-Богородичный женский второклассный общежительный монастырь был учрежден в 1900 г. в урочище Красностоке Сокольского уезда по инициативе епископа гродненского Иоакима. В 1900 г. епископ Гродненской епархии ходатайствовал перед Св. Синодом о переводе Гродненской Рождество-Богородичной женской обители в здания упраздненного красностоцкого доминиканского монастыря. Руководитель Гродненской епархии предлагал также открыть при монастыре женскую второклассную школу. Св. Синод определением от 5 – 25 июля 1900 г. разрешил перевести Гродненский женский монастырь в Красносток, выделив на устройство школы и ремонт монастырских зданий 2500 рублей. 7 – 8 сентября 1901 г. состоялось перенесение святынь Гродненского монастыря из г. Гродно в урочище Красносток.

Березвечский Рождество-Богородичный женский первоклассный общежительный монастырь был восстановлен в 1901 г. в Дисненском уезде на основании определения Св. Синода от 26 – 31 января 1901 г. На ремонт монастырского храма и зданий Св. Синод ассигновал 10000 рублей, а на организацию второклассной женской школы – 20000 рублей.

Перед этими двумя женскими монастырями ставились три задачи:

- 1) «искоренить следы долговременного отчуждения» белорусского народа от православия и российской государственности;
- 2) утвердить в православном населении края «сохраненные им начала православия и русской гражданственности»;
- 3) «пролить блага просвещения среди окрестного населения» [6, с. 1258].

Для выполнения последней задачи при монастырях были открыты второклассные школы, а при Красностоцкой обители – приют, в котором по желанию Финляндского Карельского братства в 1912 г. воспитывалось для православной миссии 12 девочек-карелок.

На содержание Красностоцкого монастыря ежегодно из государственных средств выделялось пособие в размере 5183 рублей, Березвечского – 2766 рублей. Но этих средств было недостаточно, чтобы привести эти две обители в благоустроенный вид. Поэтому Св. Синод своим определением от 3 – 16 августа 1901 г. постановил произвести во всех церквях и монастырях Российской империи 5 января 1902 г. сбор добровольных пожертвований в пользу Березвечского и Красностоцкого монастырей. Эта чрезвычайная мера была вызвана как важным миссионерским значением этих

монастырей, так и крайним недостатком средств этих обителей. 15 мая 1903 г. был повторно произведен сбор пожертвований по церквам Российской империи в пользу этих монастырей.

С целью укрепления православия в Могилевской епархии Св. Синод в декабре 1899 г. принял решение превратить Чонский Макарьев единоверческий монастырь в женскую православную второго класса обитель. Открытый 26 августа 1900 г. Чонский православный женский монастырь имел большое миссионерское значение, так как являлся единственной православной обителью в Гомельском и Рогачевском уездах Могилевской губернии. С целью создания среди старообрядцев Гомельского уезда единоверческого центра, откуда викарный епископ Могилевской епархии совершал бы ежегодно летом миссионерские поездки, Св. Синод в 1907 г. приписал Макарьев монастырь со всеми угодьями к Могилевскому Братскому монастырю. Причем в Макарьевском монастыре восстанавливалось единоверческое богослужение. Но, несмотря на восстановление единоверческого богослужения, Макарьев монастырь, как и Чонский (до 1899 г.), так и не стал центром миссионерской деятельности среди староверов на Гомельщине. Сказалось как отсутствие иноков-единоверцев, так и недостаток монастырских средств. В течение шести лет Макарьев монастырь продолжал находиться в «неблагоустроенном положении». В результате епископ Могилевский и Мстиславский Константин исходатайствовал у Св. Синода разрешение преобразовать Макарьев монастырь в женскую общину с причислением к Чонскому женскому монастырю. Такое преобразование отвечало не только интересам Русской православной церкви в белорусско-литовских губерниях, но и желанию жителей ближайших деревень, которые хотели, чтобы в Макарьеве была открыта женская обитель со строгим православным уставом, как в Сарове и Валааме. В целом, все попытки Могилевского епархиального руководства организовать в Гомельском уезде единоверие оказались безуспешными. Ни открытие единоверческих приходов (например, Крупец, Огородня), ни устройство единоверческих монастырей (Чонского и Макарьева) не привели к ожидаемым результатам. Старообрядцы Гомельского уезда враждебно относились к единоверию и предпочитали переходить прямо в православие [7].

В Минской епархии большое миссионерское значение имел Ивенецкий женский общежительный монастырь, созданный по инициативе епископа Минского и Туровского Митрофана в северо-западной части Минского уезда, где преобладало римско-католическое население. Учреждение данной обители рассматривалось Св. Синодом как наилучшее средство борьбы с католицизмом в указанном регионе. На этот монастырь возлагались большие надежды в религиозно-просветительской, благотворительной и экономическо-хозяйственной деятельности [8].

В конце XIX в. в миссионерской деятельности принимали активное участие епархиальные церковные православные братства. Помимо содействия епархиальным миссионерам, они содержали на свои средства братские библиотеки, бесплатно раздавали церквам и народу книги, брошюры, листки религиозного характера и крестики. С целью распространения религиозных знаний среди простого народа церковные братства с середины 90-х гг. XIX в. организовывали внебогослужебные собеседования и чтения. Так, Виленское Свято-Духовское братство в период с 1895 г. по 1909 г. провело 2144 чтений, на которых присутствовало 415720 слушателей.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. расширились средства миссионерской деятельности русской православной церкви в Беларуси. Помимо строительства церк-

вей и открытия новых приходов, в белорусско-литовских епархиях организовывались специальные миссии, активно открывались церковно-приходские школы, проводились внебогослужебные собеседования и чтения. В миссионерской работе принимали активное участие не только приходское духовенство и монастыри, но и церковно-общественные организации и учреждения.

Литература

1. Вестник Виленского Православного Св.-Духовского братства. – 1907. – № 8. – с. 413 – 417.
  2. Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1894. – № 18. – с. 581.
  3. Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1899. – № 18. – с. 729 – 730.
  4. И.Н. Седьмая годовщина деятельности Витебского Свято-Владимирского братства // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1895. – № 12 – с. 440 – 442.
  5. Противораскольническая миссия в Полоцкой епархии // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1895. – № 41. – с. 1421 – 1422.
  6. Березвичи и Красносток // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1901. – № 35. – с. 1250 – 1259.
  7. Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1914. – № 14 – 15. – с. 731 – 732.
- Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1913. – № 36. – с. 1625 – 1626.

PRZEBIEG I REPERKUSJE STRAJKU KOLEJOWEGO POMORSKIM OKRĘGU KOLEJOWYM W 1990 R.

M. Szczepański

Politechnika Białostocka, Białystok Polska

Od początku 1990 słupscy kolejarze sygnalizowali za pośrednictwem związków zawodowych swoją złą sytuację materialną. 7 maja bez porozumienia z władzami regionalnymi związku przeprowadzili strajk ostrzegawczy a 10 maja rozpoczęli strajk głodowy. Komitet strajkowy, grożąc blokadą ruchu kolejowego, zażądał bezpośrednich rozmów z Ministerstwem Transportu i przedstawicielami rządu. [1 s.170-171]

Kolejarze domagali się:

1. Przedstawienia w trybie pilnym przez MTiGM jasnego i spójnego programu zmian strukturalnych i organizacyjnych na PKP, które doprowadzić miały do radykalnego przemieszczenia etatów administracyjnych na rzecz służb wykonawczych, przy uwzględnieniu koncepcji wypracowanej przez zespół przy węzłowej Komisji Zakładowej NSZZ Solidarność w Słupsku: Włączenia przedstawicieli zespołu do prac nad programem zmian strukturalnych na PKP.
2. Ustalenia poziomu płacy minimalnej, rent, emerytur, a także zasiłków rodzinnych, które gwarantowałyby godziwe warunki życia.
3. Dotrzymania postanowień zawartych w porozumieniu z poprzedniego roku, według których średnia płaca kolejarska miała wynosić 110% średniej krajowej.
4. Opracowania i przedstawienia do 15 czerwca 1990 do konsultacji ze związkami zawodowymi nowego systemu płac na PKP.
5. Zapłaty za czas pobytu na stacji zwrotnej jak za dyżur.

6. Zawieszenia do 1 września podwyżki taryfy osobowej i towarowej.
7. Pilnych zmian w systemie ekonomicznym przedsiębiorstwa.
8. Odwołania z zajmowanego stanowiska p.o. Dyrektora Gen PKP Janusz Głowackiego.
9. Odwołania z zajmowanego stanowiska Dyrektora Pomorskiej DKP Stefana Maksymowa.
10. Zapłacenia strajkującym za czas udziału w strajku i nie wyciągania konsekwencji w stosunku do organizatorów i uczestników strajku głodowego i ostrzegawczego.
11. Zapewnienia biorącym udział w strajku głodowym kompleksowych badań lekarskich na koszt przedsiębiorstwa.
12. Umożliwienie poinformowania w środkach masowego przekazu o wynikach negocjacji w trakcie ich trwania i po ich zakończeniu. [9 s. 131-132]

Wobec fiaska rozmów z delegacją Dyrekcji Generalnej PKP, oraz odmowy premiera przysłania przedstawiciela rządu do Słupska MKS ogłosił strajk generalny na pomorskich liniach kolejowych. W nocy z soboty na niedzielę - 20 maja wyłączona została trakcja elektryczna na obszarze Pomorskiej DOKP. Do strajku przystąpiono po dziesięciu dniach głodówki protestacyjnej, która przez cały ten czas była w gruncie rzeczy ignorowana zarówno przez rząd jak i Min Transportu i Dyr. Gen PKP. Instytucje te negocjować chciały jedynie z legalnymi związkami zawodowymi. Strajkujący z kolei dystansowali się od istniejących central związkowych przekonani, że źle reprezentują one ich interesy. Długa głodówka, wyrazy poparcia napływające od kolejarzy z całego kraju, brak reakcji rządu, wszystko to zwiększyło determinację protestujących i spowodowało zaostrzenie formy protestu. [1 s.176] Prąd wyłączyli również na kilku odcinkach poznańscy kolejarze. Skutkiem był m.in. brak połączenia Trójmiasto-Szczecin. Strajk rozpoczął się bez żadnego ostrzeżenia i był całkowitym zaskoczeniem dla podróżnych. Zatrzymanych zostało wiele składów pociągów. Strajk zakłócił funkcjonowanie kolei w innych rejonach kraju. 5 pociągów dalekobieżnych nie dojechało do celu, liczne pociągi miały wielogodzinne opóźnienia, niektóre miały pozmieniane trasy.

W momencie wstrzymania ruchu pociągów w Pomorskiej DOKP liczba głodujących zwiększyła się do 45 osób. [5 s.1] Wśród głodujących byli pracownicy różnych stacji i rejonów m.in. Gdyni, Radomska, Poznań, Szczecin, Inowrocław, Białogard, Miastka, [1 s.177.] co stanowiło niepodważalny przejaw poparcia środowiska kolejarzkiego dla protestu.

Rząd niemal natychmiast zajął oficjalne stanowisko wobec strajku. W oświadczeniu rzecznika prasowego podkreślano, że spełnienie żądań placowych kolejarzy prowadziłoby do załamania programu naprawy gospodarki. Poinformowano też o trwających rozmowach ze związkami zawodowymi na temat nowego systemu płac, projekt porozumienia w tej sprawie miał być przedstawiony w połowie czerwca. Zastrzeżono, że wszelkie podwyżki płac muszą wynikać z poprawy działalności przedsiębiorstwa. W sprawie rent i emerytur dla rodzin kolejarzy rząd stanął na stanowisku jednakowego traktowania wszystkich rodzin pracowniczych według ustawy. Podkreślono, iż cały czas dokonywane są zmiany personalne czego wyrazem było ogłoszenie konkursów na dyr. gen PKP i dyrektorów wszystkich okręgów. Poinformowano iż rząd w najbliższym czasie zajmie się przyjętą już przez Komitet Ekonomiczny Rady Ministrów koncepcją zmian strukturalnych w transporcie kolejowym. A także o opracowywanych od pewnego czasu zmianach w systemie wynagradzania w przedsiębiorstwach użyteczności publicznej. Podkreślano iż strajk nie uzyskał poparcia działających na kolei central związkowych. Rząd zgłosił gotowość do rozmów, natomiast z całą stanowczością odmówił negocjacji w warunkach protestu strajkowego dokonywanego poza strukturami związkowymi. Gdyby podjęto rozmowy w Słupsku, otworzyłoby to drogę dla podobnych żądań innych grup zawodowych, artykułowanych poza strukturami związkowymi, rząd musiałby rozmawiać z tysiącami strajkujących i głodujących grup. [10 s.1]

Twarde stanowisko rządu utrudniało położenie Solidarności. 22 maja prezydium Komisji Krajowej Solidarności wydało oświadczenie w którym odcinało się od strajku, który został oceniony krytycznie. Jednocześnie wysunięto szereg zarzutów pod adresem rządu i DG PKP. Władze oskarżano o spóźnione działanie w kwestii płac kolejarzy, brak zasadniczych zmian personalnych w administracji PKP. KSK Solidarności wydała oświadczenie o przejęciu kontroli nad realizacją postulatów słupskich. Zarząd Sekcji powołał zespół negocjacyjny. Równocześnie zaapelowano do wszystkich organizacji związkowych Solidarności PKP o zawieszenie podjętych i niepodejmowanie nowych akcji protestacyjnych na czas trwania negocjacji.[6 s.1] Niewątpliwie podstawowym celem tego posunięcia miało być zahamowanie rozszerzania się strajku oraz przechwycenie inicjatywy rozmów z rządem z rąk protestujących w Słupsku.

Strajk rozwijał się jednak nadal. W środę 23 maja zatrzymany był ruch pociągów w całym niemal okręgu pomorskim. Do strajku przyłączyli się kolejarze należące do okręgu północnego węzła Inowrocław, Włocławka i Ponętowa. Nastąpiła blokada magistrali węglowej, przez którą strajkujący przepuszczali wyłącznie dalekobieżne pociągi pasażerskie. O 17 rozpoczął się też trwający dwie godziny strajk w Bydgoszczy. Pogotowie strajkowe ogłoszono na węzłach w Łodzi i Poznaniu. Tego dnia na Pomorzu Zachodnim funkcjonowały tylko trzy linie kolejowe: dwie trasy lokalne Dąbie-Świnoujście i Trzebież-Szczecin-Świnoujście oraz, stanowiąca jedyne połączenie Szczecina i Świnoujścia z resztą kraju, magistrala nadodrzańska Poznań- Szczecin przez Rzepin i Kostrzyn. Przepuszczano po niej wyłącznie pociągi pasażerskie. 24 maja całkowicie zatrzymany został ruch na stacjach Szczecin Port Centralny i Szczecin Dąbie, gdzie już od doby nie przepuszczano pociągów towarowych. 23 maja strajk rozszerzył się na stację Gdynia Port i węzeł chojnicki. Odwołano 21 pociągów dalekobieżnych a 8 kursowało na skróconych trasach. W piątek rano 25 maja stanęła SKM w Trójmieście.[13 s.1]

W tej sytuacji słupski komitet strajkowy mógł pozwolić sobie na oświadczenie, że dalsza zwłoka z przystaniem przez rząd kompetentnych przedstawicieli do prowadzenia negocjacji grozi wybuchem strajku generalnego na całej sieci PKP. Głodujący kolejarze deklarowali, że nie chcą do tego dopuścić. Słupski MKS wezwał szefów wszystkich central związkowych, Lecha Wałęsę, Alfreda Miodowicza i Mariana Jurczyka, do przyjazdu do Słupska. Wałęsa podziękował za zaproszenie. Zgodził się, że postulaty kolejarzy są słuszne, wyraził jednak dezaprobatę dla formy protestu. Poprosił o zakończenie strajku na drodze mediacji.[7 s.1] Do Słupska przyjechali natomiast Alfred Miodowicz, Marian Jurczyk oraz przewodniczący wszystkich kolejańskich związków zawodowych. Doszło do całonocnej burzliwej dyskusji. Zie przyjęty został szef KSK Solidarności J. Dąbrowski.[1 s.182] Z aplauzem spotkały się natomiast, krytykujące rząd i jego politykę gospodarczą, wystąpienia Miodowicza i Jurczyka. Poparli oni stanowisko strajkujących, aby rozmowy odbyły się w Słupsku. Szefowie central związkowych oficjalnie przejęli patronat nad protestującymi i poparli ich postulaty oraz żądanie przysłania delegacji rządowej do Słupska, tym samym postawili w bardzo niezręcznej sytuacji Solidarności, stawiając pod znakiem zapytania reprezentatywność tego związku w toczącym się sporze. Międzyokręgowy Komitet Strajkowy powierzył rolę mediatora w dalszych kontaktach z rządem Alfredowi Miodowiczowi.[2 s.4-5] Rada OPZZ oficjalnie poparła strajk i wezwała rząd do niezwłocznego rozpoczęcia rokowań ze strajkującymi.[13 s.1]

Rząd znalazł się w nowej sytuacji. Dwie centrale związkowe oraz 3 związki zawodowe kolejarzy przejęły postulaty i formalnie wsparły strajkujących. Stanowisko Prezydium Rządu w sprawie sytuacji w PKP przedstawił 24 maja na posiedzeniu Sejmu wicepremier Leszek Balcerowicz. Prezydium rządu uznało za konieczne przyśpieszenie realizacji reformy PKP, której celem ma być uproszczenie struktur organizacyjnych, usunięcie przerostu zatrud-

nienia w administracji. W tym celu powołano pełnomocnika rządu do spraw reformy PKP – wiceministra transportu Ewarysta Waligórskiego. Zapowiedziano korektę systemu płacowego mieszczącą się w ramach programu gospodarczego. Odwołano ze stanowiska dyrektora Pomorskiej DOKP. Zastąpił go Jan Wesołowski działacz Solidarności. Wicepremier podkreślił, że rząd nie może spełnić żądań płacowych przekreślających możliwość dalszej realizacji programu gospodarczego i stawianych w warunkach strajku.[4 s. 1]

Tego samego dnia, 24 maja, w Warszawie doszło do spotkania mającego na celu rozwiązanie konfliktu. Wzięli w nim udział min. Jacek Kuroń, wiceminister finansów Ryszard Pazuro, min. komunikacji Franciszek A. Wielędek wiceminister Ewaryst Waligórski, związkowców reprezentowali Alfred Miodowicz i Waclaw Martyniuk z OPZZ, Michał Boni, Maciej Jankowski i Marian Krzaklewski z Solidarności Mec. Marek Bieńkowski z Solidarności 80 oraz działacze czterech kolejarskich związków zawodowych.[11 s.1] Rozmowy zostały jednak zerwane przez OPZZ i związki branżowe.[1 s.183-4] Związki te powołały Komitet Akcji Protestacyjnej, który udał się do Słupska i zapowiedział, że tam będzie czekał na delegację rządową.[11 s.1]

Jedynie Solidarność akceptowała dalsze kompleksowe rozmowy. Doszło do spotkania z premierem Mazowieckim, podczas którego oficjalnie stwierdzono, że strajk, w związku z włączeniem się do niego OPZZ i A. Miodowicza nabiera charakteru jawnie politycznego. Zwracano uwagę, że strajk nasilił się na dwa dni przed wyborami samorządowymi, w których celem obozu solidarnościowego było rozbitcie lokalnych układów nomenklaturowych. Według premiera strajk i rozpoczęła wokół niego gra polityczna stała się, wbrew woli samych strajkujących, zagrożeniem dla rodzącej się polskiej demokracji. A toczący się konflikt dotyczy utrzymania autorytetu i programu rządu.[1 s.184-5]

25 maja na posiedzeniu Komisji Krajowej Solidarności, dyskutowano o sytuacji wynikającej ze strajku kolejarzy. Członkowie KK doszli do wniosku iż „Solidarność” musi zgasić strajk własnymi siłami, samodzielne złamanie strajku przez rząd oznaczałoby dla związku osłabienie jego pozycji.[1 s.187] Oficjalne przejęcie patronatu nad strajkiem przez Miodowicza wpłynęło na wyklarowanie się nowej, politycznej, płaszczyzny konfliktu. Zarysowały się ostre podziały zmuszające zainteresowanych do dokonania wyboru między poparciem OPZZ - związku będącego wytworem poprzedniego systemu politycznego i Alfreda Miodowicza - byłego członka biura politycznego PZPR albo reform obozu solidarnościowego reprezentowanych przez ekipę premiera Mazowieckiego. Uznano za zasadne przyczyny, które doprowadziły do protestu kolejarzy. Jednocześnie Komisja Krajowa zaapelowała do kolejarzy członków „Solidarności” o zaniechanie strajku. Zapowiedziano przy tym podjęcie kompleksowych negocjacji w sprawach płac - w pierwszej kolejności dla przedsiębiorstw użyteczności publicznej.[1 s.188]

Następnego dnia - 25 maja w Słupsku MKS przekształcił się w Krajowy Komitet Protestacyjny Kolejarzy Polskich. Powstał on poprzez rozszerzenie dotychczasowego komitetu strajkowego o przewodniczących central branżowych, które wsparły strajk.[8 s.138] Komitet zdecydował o zawieszeniu głodówki na 2-3 dni. Celem tego posunięcia miało być ułatwienie premierowi Mazowieckiemu podjęcia decyzji o wydelegowaniu do Słupska upelnomocnionych przedstawicieli rządu. Jednocześnie zastrzeżono, że jeżeli takie rozmowy nie rozpoczną się to strajk głodowy zostanie wznowiony. Jako wyraz swojej dobrej woli komitet zdecydował, iż nie będzie zabiegał o dalsze rozszerzanie strajku, postanowił też o przywróceniu komunikacji w Trójmieście. Pozostałe akcje strajkowe miały być kontynuowane do czasu przybycia przedstawicieli rządu do Słupska. Niezależnie od decyzji podjętych w Słupsku został tego dnia przerwany strajk na kilku stacjach: Bydgoszcz, Toruń, Tczew, odblokowano też trasę Gdańsk - Warszawa. Częściowo był to skutek działalności KSK Solidarności. Wydaje się że zakończenie strajku jednocześnie w kilku miejscach świadczyło o przekroczeniu

apogeum protestu. Strajk zaczął wygasać.[8 s.2] Wobec zerwania rozmów jedynym konsekwentnym sposobem działania strajkujących było zaostrzenie protestu, czyli wywołanie na kolei strajku generalnego. Upolitycznienie sporu sprawiało, że konfrontacja ta była raczej skazana na porażkę, szczególnie w kontekście pojawiających się coraz wyraźniej oznak wygasania strajku. Grożąc więc wywołaniem strajku generalnego kolejarze czynili kolejne ustępstwa jak przerwanie głodówki, wzywaniem do nie rozszerzania strajku, uruchomienie niektórych tras. Następnym ustępstwem było wysłanie delegacji do Warszawy, która nie uzyskała jednak żadnych ustępstw płacowych.[1 s.188-9]

Po powrocie delegacji do Słupska, w przeddzień wyborów samorządowych, do strajkujących przyjechał Lech Wałęsa, który jako przewodniczący solidarności zaferował swoje pośrednictwo w negocjacjach płacowych pod warunkiem przerwania strajku na dwa tygodnie. Oferta ta została jednak odrzucona.[1 s.189] Po wyjeździe Wałęsy Komitet Protestacyjny postanowił nie wznawiać zawieszanej głodówki, nie rozszerzać zasięgu akcji strajkowej w dniu wyborów oraz wystąpił z apelem do premiera o przysłanie do Słupska upoważnionej komisji rządowej. W wypadku braku reakcji rządu od 28 maja nastąpić miała eskalacja protestu do strajku generalnego włącznie.[1 s.189]

Na zorganizowanej w dniu wyborów samorządowych 27 maja, telekonferencji przedstawiciele KSK, Solidarność oświadczyli, że członkowie Solidarności nie wezmą udziału w strajku generalnym. Zarządy regionalne Solidarności zaapelowały o wyjście członków tego związku z akcji strajkowej. Podczas trwania telekonferencji, z różnych węzłów i stacji kolejowych napywały telexy od lokalnych komitetów strajkowych które popierając słupskie postulaty sprzeciwiały się jednocześnie strajkowi generalnemu. Pojawiły się sugestie przerwania wszelkich formy protestu do połowy czerwca, w tym czasie miałyby być prowadzone negocjacje. W wypadku nie osiągnięcia porozumienia w tym terminie, kolejarze mieli powrócić do bardziej zdecydowanych działań. Przeprowadzeniu strajku generalnego sprzeciwił się też ZZMK.[1 s.190] Zainicjowane przez S działania mające na celu niedopuszczenie do strajku generalnego przyniosły rezultaty. Prawdopodobieństwo rozszerzenia protestu znacznie się zmniejszyło.[1 s.190]

Wobec niekorzystnej dla siebie zmiany sytuacji słupski komitet zwrócił się o pomoc do Lecha Wałęsy. Przewodniczący Solidarności przyjechał po raz drugi do Słupska. Przeprowadził rozmowy z kolejarzami, którzy zawiesili głodówkę oraz przedstawicielami pierwszego MKS, a więc z pominięciem dokooptowanych 25 maja przedstawicieli związków branżowych. Wałęsa zobowiązał się reprezentować strajkujących w negocjacjach z rządem. Przewodniczący Solidarności do 13 czerwca miał przedstawić w Słupsku rezultaty swoich rozmów z władzami w Warszawie. Wspólnie podjęto decyzję o zakończeniu strajku.[12 s.2]

Podsumowanie.

Krajowy Komitet Protestacyjny jako koalicja strajkujących kolejarzy, branżowych związków kolejowych, OPZZ i Solidarności 80 nie mógł być skuteczny i przekonujący z uwagi na zróżnicowane cele działania jego członków.[1 s.192] Uczestnictwo central związkowych, których cele były odmienne od interesów pracowników, PKP, szkodziło sprawie kolejarzy. OPZZ potrzebny był sukces polityczny przed zapowiadającym na 1 czerwca kongresem tej centrali. Centrala ta była w przez ogół społeczeństwa kojarzona z władzami poprzedniego systemu. OPZZ usiłowała odzyskać dla siebie społeczne poparcie poprzez aktywny sprzeciw wobec polityki gospodarczej rządu. Solidarność 80 usiłowała wykorzystać strajk dla podważenia pozycji politycznej i związkowej Solidarności i Lecha Wałęsy. Marian Jurozyk osiągnąłby to dzięki udziałowi w zwycięskim strajku, któremu Solidarność byłaby przeciwna. Reasumując poparcie strajku przez obie centrale było pozorne i w rezultacie w gruncie rzeczy osłabiło kolejarzy.[1 s.192]

Celem branżowych związków zawodowych było przede wszystkim wywalczenie postulowanych od dłuższego czasu podwyżek płac. Nie angażowały się one w problemy reformy PKP, koncentrując się na obronie interesów związanych z płacami i warunkami pracy.[1 s.192-3]

Protestujący kolejarze zdeterminowani byli wielodniową głodówką i następnie strajkiem na niespotykaną dotąd skalę. Celem ich było osiągnięcie podwyżek płac oraz prestiżowej satysfakcji płynącej z prowadzenia negocjacji w Słupsku. Rozwijający się gwałtownie bieg wypadków przerósł ich zamiary i ulokował cały konflikt na wysokim szczeblu rzeczywistości politycznej. W zaistniałej sytuacji szukali gwałtownie honorowego wyjścia, pozwalającego uniknąć ostatecznej konfrontacji w formie strajku generalnego. Ratunkiem okazało się przejęcie dalszej odpowiedzialności za postulaty strajkujących przez L. Wałęsę. Niezwykle istotnym czynnikiem okazał się autorytet, jakim cieszył się wówczas przewodniczący Solidarności. Pracownicy PKP w swej większości popierali żądania Komitetu Słupskiego. Wątpliwości budziło upolitycznienie całego konfliktu, metody protestu i konsekwencje ewentualnego strajku generalnego.[1 s.193]

W bardzo trudnej sytuacji strajk postawił NSZZ Solidarność, zwłaszcza jego sekcję kolejową. Związek ten zmuszony był skutecznie funkcjonować na kilku płaszczyznach jednocześnie. Musiał bronić swojej tożsamości oraz stanowiska wobec konkurencyjnych związków zawodowych oraz wobec rządu. Przy tym musiał starać się nie stracić poparcia własnych członków pracujących na PKP.

KSK Solidarność popierała żądania podwyżek płac i poprawy warunków pracy. Nie mogła jednak popierać działań grozących eskalacją konfliktu. Solidarność znalazła się pośrodku między głównymi stronami sporu: rządem i komitetem strajkowym.[1 s.193]

Rząd od początku zajął wobec strajku zdecydowane i twarde stanowisko. Konsekwentnie odmawiał rozmów z protestującymi. Najpierw powoływano się na brak poparcia strajku ze strony związków zawodowych, później – gdy poparcie było to formalnie już było – strona rządowa odmówiła negocjacji pod presją strajku. Stwierdzić należy, iż argumenty rządu o odpowiedzialności za program gospodarczy i o tym, że wszystkie grupy społeczne i zawodowe poniosły straty w wyniku jego realizacji, były słuszne. Ta konsekwentna postawa, której efektem było przerwanie strajku wzmocniła pozycję rządu, powstrzymała groźbę wybuchu kolejnych strajków oraz ogólnie osłabiła pozycję związków zawodowych w Polsce.[1 s.194]

Z powodów struktury sytuacji strony nie mogły podjąć efektywnych rozmów. Nie zawarto żadnego porozumienia. Większość została jednak zrealizowana z pominięciem oficjalnej drogi negocjacji. Rząd nie podpisał żadnych zobowiązań, ale spełnił żądania. Wszystkie postulaty, z wyjątkiem dotyczących kwestii finansowych, zostały załatwione w oparciu o wystąpienie Balcerowicza w Sejmie.[14 s.2] Przyznali to przedstawiciele Komitetu Protestacyjnego, stwierdzając w niedzielę 27 maja, że część postulatów została załatwiona.[9 s.132] W sprawach finansowych rząd nie ustąpił.

Strajk nie miał poparcia społecznego. Według nieoficjalnych danych popierało go 16,6% przeciwnych było aż 61,9% społeczeństwa.[14 s.1]

W strajku wzięło udział 5300 osób, na 344 tys. zatrudnionych w przedsiębiorstwie. Sparaliżowane zostało ok. 10% sieci PKP. Według Centralnego Urzędu Planowania straty spowodowane strajkiem w podstawowych działach gospodarki wyniosły 106 mld. 627 mln zł., przy czym bezpośrednie i pośrednie straty PKP to 95 mld.109 mln zł. Straty te były jednym ze źródeł pogłębienia się kryzysu PKP.[9 s.133] Strajk pogorszył także obraz Polski za granicą. Nastąpił wyraźny spadek notowań Polski jako kraju, w którym warto inwestować. z grupy krajów o średnim ryzyku Polskę przekwalifikowano do krajów o wysokim ryzyku.[3 s.3]

Literatura:

1. Kloc K. Przyczyny i przebieg strajku na PKP w maju 1990 w. *Studia nad ruchami społecznymi*, 1990, t: 5, (red.), E. Lewicka-Banaszak, P. Marciniak Uniwersytet Warszawski, Instytut Socjologii.
2. Kolej strajku *Gazeta Wyborcza* 28 maja 1990.
3. Konferencja rzecznika rządu Rzeczpospolita nr 120 25 maja 1990.
4. Leszek Balcerowicz w Sejmie. *Rzeczpospolita* 26-27 maja 1990.
5. Niebezpieczny strajk. *Rzeczpospolita* 22 maja 1990.
6. Oświadczenie prezydium KK NSZZ Solidarność. *Gazeta Wyborcza* 23 maja 1990.
7. Proszę o zakończenie. *Gazeta Wyborcza* 25 maja 1990.
8. Piątek na Kolei – Przesilenie. *Gazeta Wyborcza* 26-27 maja 90.
9. Sobolewski Z. NSZZ Solidarność w przedsiębiorstwie Polskie Koleje Państwowe 1980-2000. T.1. Sekcja Krajowa Kolejarzy NSZZ Solidarność Kraków 2000.
10. Stanowisko rządu. *Gazeta Wyborcza* nr 117 23 maja 1990.
11. Strajk Kolejarzy. Zerwane rozmowy *Gazeta Wyborcza* 26-27 maja 1990.
12. Strajk zgaszony nocą. *Gazeta Wyborcza* 29 maja 1990.
13. Środa strajkowa. *Gazeta Wyborcza* 25 maja 1990.
14. Zerwane rozmowy. *Gazeta Wyborcza* 26-27 maja 1990.

**SOCIAL WORK EDUCATION - TEACHING HUMAN RIGHTS
THEORETICAL REFLECTIONS – EXPERIENCES – INVITATION TO EXCHANGE
ABOUT IT¹**

Graça André, Portugal

Hans Walz, Germany

*The concept of 'Social Work as a Human Rights Profession'
Reasons for the UN, IFSW and IASSW to proclaim the concept*

1.1 The necessity of an intercultural view of Social Work

We don't only work with children, youngsters, families, men, women, handicapped persons, senior citizens, criminals or mentally ill people, we also work with persons² of various cultures. Regarding this multicultural structure of our societies the fundamental necessity of an intercultural view becomes obvious. Another reason for the urgency of an intercultural Social Work is the world-wide globalisation which has a positive impact on trade and commerce, but also negative effects leading to growing social problems both local and global.

In his essay "Education after Auschwitz" (1966) Theodor W. Adorno shows historical reasons for the necessity of an intercultural view of education. In a first step he refers to

¹ The presenters of this workshop have worked together in the teaching and practice of Human Rights for many years. Graça André works for a housing project with migrant families in the Lisbon area in a partnership with the local neighbouring association. She teaches theoretical and practice disciplines at the Portuguese Catholic University of Lisbon – Social Work License. Hans Walz teaches Sociology, Ethics and Intercultural Social Work at the University of Applied Sciences (Engineering and Social Work) in Weingarten/South Germany. In his lecturing and writing he combines the concept of Human Rights with the concept of Sustainable Development for interdisciplinary and interprofessional dialogue and cooperation in theory and practice.

² In the terminology of the welfare-orientated perspective these persons are called 'clients'; Silvia Staub-Bernasconi (2000,161-166) suggests in the perspective of Human-Rights-Oriented the term 'social-citizens'/'SozialbürgerInnen'.

Germany, and later on of course also to other regions. So, regarding the mass murder done to the Jewish citizens by the Hitler-Regime Adorno demands the necessity of an intercultural education:

"The demand that Auschwitz must never take place again is the first aim of education. It is more important than any other aim, and I don't think that I should or must give reasons. Giving reasons would have something monstrous given the monstrosity that happened."

A science-based theoretical foundation for the necessity of intercultural orientated Social Work finally results from the change of perspectives of our world view, from an universalistic to a particularistic, from an exclusive, deterministic to an inclusive-holistic.

1.1.1 *The urgency of global orientated ('universal'³) ethical perspectives*

Sometimes it is very complicated to handle the problems of people from other cultures. Their situation can be so difficult that helping them or even the aim of self-help can not be achieved at all.

All in all we can focus on the following ethical questions whenever we are confronted with intercultural ethical conflicts and racial discrimination:

- Where can I make concessions without serious personal contradictions?

- What's important to me, even if it should not be important to the client? What seems to be problematic, but debatable?

- What can I do without? What is not respectable any more?

Of course, there is still the risk of answering these questions from a culturally-based or even biased point of view. Therefore it is important that Social Work becomes a world-wide net of solidarity not confining itself to little regional provinces. An orientation based on science and ethics can help to solve conflicts of culture and value. It can enable intercultural communication, the exchange of information and, of course, the debate between professionals even from all over the world.

1.1.2 *The proclamation of the concept and its publication in a 'Manual'*

The urgency for a world-wide communication about basic human values and about the violation of the Human Rights has grown in the last years with mobility, migration and globalisation. Members of

- "Centre for Human Rights" of United Nations in Geneva,

- International Federation of Social Workers (IFSW), and

- International Association of Schools of Social Work (IASSW)

have decided to consider Social Work as a Human Rights Profession. Silvia Staub-Bernasconi shows that such a concept is based on science and ethics and is therefore internationally debatable.

The self-concept of actors in Social Work, to work or teach in a Human Rights profession goes back to the Universal Declaration of Human Rights declared on 10th of December 1948. This declaration is a recommendation, not a treaty. In 1992, when the United Nations proclaimed the Year of Human Rights, an essential step was taken towards its international confirmation. They proclaimed that the Human Rights are not only a universal obligation, but from now on they are regarded as a fundamental part of international law. To confirm their demand the "Centre of Human Rights" in Geneva published the manual "Human Rights and

---

³ We prefer the term 'global-orientated' instead of 'universal' dimensions because 'universal' is usually associated with its colonialist inheritance, whereas the term 'global-orientated' also shows the relation to the process of globalisation, which is responsible for the need of global-orientated ethical perspectives.

Social Work" together with the IFSW and IASSW. "A Manual for Schools of Social Work and Social Work Profession" (United Nations, 1994).

In their congresses in Lisbon in April/May 1995 the European sections of IFSW and IASSW accepted the recommendation of that Manual to realize the Human Rights in practice and education. Presented by Hans Ellenberger from the Association for Social Workers in Switzerland, by Faisal Azaiza from the "School of Social Work" at the University Haifa (Israel), the two of us (G. A. and H. W.) held a workshop about "Religion and Human Rights". At first we looked at the way social workers should see their profession as a Human Rights profession, and at the Ethic-Codex, published by the International Union of Social Workers in Sri Lanka in 1994. This way we learnt more about this Manual and could therefore use it in our lectures at our universities at home.

In the following chapters we are going to explain the fundamental significance of the Human Rights for social work.

1.1.3 Contents of the 'Manual'

The first part of the Manual contains basic questions and the philosophical background to the complex of "Human Rights and Social Work". As a consequence the following questions arise:

- Which rights are Human Rights?
- What is Social Work?
- How did the conception of Human Rights develop? And also:
- What is the meaning of philosophical values like "independence, liberty, equality, justice, solidarity...?" with the background of the Human Rights?

Part 3 of the Manual (43-82) is about suggestions how to realize "Human Rights and Social Work" in education. Other subjects are poverty, discrimination of sex, racism, religion, environment and development. Part 3 also deals with the specific problems of "vulnerable groups", such as like children, women, elderly people, handicapped, prisoners, refugees or migrants. The conclusion of this practical part is composed of eight examples of how to handle disregards of Human Rights in different countries in a professional way.

It is worth mentioning that this Manual contains fundamental documents and important suggestions for international communication between the workers in social fields. Because of this it can help to support their professional identity. This professional identity is based on a code of values which can give reasons for the scientific structure of the field.

The essential meaning of the concept

a) Universal human needs as fundament for Human Rights

Silvia Staub-Bernasconi (1995a; 2000a:155) was the first in the German speaking area to demonstrate the importance of the Human Rights for education and how social work can be seen in general. In her article "The professional self-image of Social Work – Ways out of modesty" (1995a) she shows, that Human Rights can give the possibility to Social Work to leave the alienation imposed by extern institutions which have the power to give orders to help, to an independent scientific order or rather to a theoretical foundation. Staub-Bernasconi develops the following basic thesis:

Human Rights are the local and global answer to the fundamental human needs. Responding to these human needs, Social Work can gain an independent scientific fundament for its self-concept. This means, of course, that in Social Work need-orientation takes priority over function-orientation.

To give reasons for this thesis, Silvia Staub-Bernasconi demonstrates that the development of social work in German-speaking areas is characterized by being too much bureaucratic, different from Social Work practice in Latin America during the Sixties with the reconceptualization of the methodologies. Because of this Staub-Bernasconi demands of social workers to take the needs of the concerned persons as the basis of their work – their needs and their resources, and not function and regulation.

b) Basis for an independent scientific concept of Social Work

According to need as a basis for Human Rights and also for Social Work, Staub-Bernasconi distinguishes between three categories of needs, following the concept of her colleague Werner Obrecht (1995):

- 1) Biological needs, for example to protect our body against violation
- 2) Psychological needs, for example to stimulate our senses – our eyes or ears – to perceive the world around us and to find our ways in it
- 3) Social needs, for example emotional care, love, friendship, self-respect, and dignity.

On the basis of the existing results of research it can be assured that these needs belong to everybody. Therefore a theoretical-scientific explanation for Human Rights exists and at the same time for the concept of its realisation world-wide.

Now we can conclude:

The orientation of Social Work

first by the basic human needs and

second by the Human Rights that respond to those needs,

has not the quality of "as you like" but the quality of urgency. In the international Code of Ethics for Social Workers from 1994 this urgency is proclaimed as follows: Social Work is not a profession with professional values "as you like", Social Work is a Human Rights Profession.

On the basis of this cognition and regarding to the self-concept of Social Work we can further conclude:

In whatever institutions social workers are employed – governmental, church or any other so called 'free' ('private') institutions – the obligation and the responsibility for a helping Social Work grows directly out of the needs of the social-citizens ('clients')⁴. All orders that come from institutions are indirect orders because in general they depend directly on the needs of the social-citizens.

Both are important – attitudes and contents of Human Rights Interaction between attitudes and contents

a) The anthropological understanding of Human Rights with the attitude to stand up in dignity and self-determination

In all reports about teaching Human Rights to Social Work students (for example in Fachhochschule Coburg, 1998; Pantucek, Vyslouzil 1999; Wronka, 1999) it is stated that there must be a continuous interaction between

training and reflecting the ethical attitudes of the Human Rights and

teaching the contents and articles of Human Rights.

We could recognise, that the basic attitude of 'Human Right' can become more transparent by looking at the anthropological meaning of the word 'right' ac-

---

⁴ cf. note. 2

According to the etymological roots of the terms 'di-reito' (Portuguese) – 'Recht' (German) – 'right' (English):

In etymological dictionaries (Kluge, 1989: 586) we find the following information about the original etymologic meaning of the word "right":

The term "right" goes back to the Indo-European word stem 'reg' = 'steer, direct, lead', to the synonymous Latin word 'régere' and the Greek word 'orégo' = 'I stretch' and finally to the old-Indian 'irajyati' = 'he/she arranges, leads'. So the word 'right' contains the meaning of 'to stretch oneself' ('to stand up'), 'to lead oneself and determine oneself'. This is the basis for the three central objectives of Human Rights – dignity, self-determination and justice.⁵

This etymological meaning of 'right' – 'direito' – 'Recht' (and similar in other Indo-European influenced languages) justifies the fundamental anthropological meaning of Human Rights:

Human Rights are the innate inalienable rights and fundamental liberties which belong to every individual. The individual has this right not as a gift from the government, no, the right belongs to the individual as human being. Therefore Human Rights must be considered fundamental existential categories of human being. You can get or lose some Civil Rights, but the right to be a human being is connected with every woman and man.

To express especially the anthropological dimension of Human Rights in a linguistically correct form, we prefer the following ontologically based formulation:

We as men – and in a more accurate way this means: we as women, men and children – don't have Human Rights, but we are our Human Right, that means the right to live in humane and sustainable conditions.

b) Gender-orientated and intercultural dimensions with the attitude of partnership

On the basis of this anthropological meaning of Human Rights we try to teach not only the contents of Human Rights in our lectures at the Portuguese Catholic University (G. A.) and at the Fachhochschule Ravensburg-Weingarten, (H. W.), no, we first try to make experiences about the attitudes of Human Rights by short sequences of trainings in working groups.

In consequence of the reflection on these attitudes we developed gender-orientated and intercultural orientated dimensions first in special seminars and now we try to integrate these dimensions in all lectures, seminars and trainings.

Networking between Human Rights and Sustainable Development

a) The concept of Sustainable Development from the UN-Conference 1992 in Rio de Janeiro.

Human Rights are not to be understood as a fixed dogmatic block of articles and laws. Rather their basic ethical demands have to be developed; they must be realised in actual manifestations – global and regional and vice versa, again and again. We came to know the Human Rights in a first step – and step by step we have reached new generations in which there are included the right not to be excluded (multicultural dimension) and the right to have the best living conditions (environmental dimension). It concerns the collective rights – the Human Rights of third generation.

---

⁵ Human-orientated Justice does not mean that we must give all our clients exactly the same. It means that we must give each client what she or he needs to attain and maintain a way of living in dignity. Justice is not merely material justice. Justice must be orientated to needs and be given with 'love' and 'empathy'. Maybe this is a problem in the everyday social work; but such a subject-orientated or need-orientated way of working in the field of Social Work is the consequence of the concept claiming that the Human Rights are the basis of fundamental human needs. Therefore we must learn to act with different views of justice.

So the development could happen if we confront the pillars of Human Rights – dignity, self-determination and justice – with the global and regional circumstances of human co-existence. In consequence of this co-existence follows the urgency that all human beings are responsible to build their future by participation and co-operation:

The living conditions include the three most important dimensions of ecology, social life and economy. The significance of these collective dimensions for our common future was proclaimed at the United-Nations-Conference 1992 (14th of June) in Rio de Janeiro.

At this conference nearly all states of the world (178) committed themselves to realising the concept of 'Sustainable Development' – also called 'Agenda 21' (1992) which deals with the most important world-wide tasks in the 21st century.

The essential message of the concept of 'Sustainable Development' was already expressed at the so called 'Brundtland-Report' from 1987 with the classical phrase:

Sustainable Development "meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs." This principle guidance of Sustainable Development was overtaken in principle 3 of the Declaration from Rio de Janeiro with the following demand: The right of development has to be realised in a way that the needs of today's and future generations to development and environment will be fulfilled justly.

b) The urgency to interdisciplinary and interprofessional cooperation with the attitude of responsibility by participation

We have recognised that the concept of 'Social Work as a Human Rights Profession' must be developed according to the needs of all human beings world-wide. In the concept of Sustainable Development these needs are seen in the context of ecology, economy and social life.

Especially regarding the facts,

- that most of the tasks of Social Work are so complex (theoretically and practically) that they can only be solved by interdisciplinary or interprofessional co-operation, and

- that most sciences and professions (e. g. technicians, economists, lawyers, architects) except Social Work are rather orientated to the concept of Sustainable Development than to the Human Rights,

it seems necessary to combine the anthropologically emphasised concept of Human-Right-Orientation with the more extensive ecological, social and economical concept of Sustainable Development.

The connection between the two concepts to the principal guidance of "human-orientated Sustainable Development" (Walz, 2000) can be a scientific basis for interdisciplinary and interprofessional cooperation in a global and local scale.

For example, in community projects (André, 1999-2001) and especially in a housing project in Lisbon suburbs a practical partnership was developed with social educators, nurses, doctors, teachers, garden-architects, lawyers, local entrepreneurs, politicians and social workers. Another realisation of this connection can be seen in continual multimedia projects (since 1997) at the Fachhochschule Ravensburg/Weingarten. In these projects teachers and students of Computer Science, Design, and Social Work are co-operating to create CD-ROMs with presentations under the perspective of Human Rights and Sustainable Development (Keller, Walz, 1998).

Empathy to the eastern traditions of Human-Rights-orientated values

Sometimes it is criticised that the Human Rights have Jewish-Christian and western traditions, and therefore they cannot be accepted in Asian regions. In a way this is true, indeed. We can see this by a short review of the historical origins of the Human Rights:

a) *Mainly western-occidental origins of the Human Rights*

If the Human Rights consist of such fundamental human values as dignity, self-determination and justice, you can expect that they must have been articulated already long time ago in historical documents. Such documents can be regarded as the roots for the development of the Human Rights. The scientist of Religion Hubertus Halbfas (1983: 37) enumerates the following origins of Human Rights:

- 1) The Codex of King Hammurabi in the 2nd millennium BC;
- 2) The 'Decalogue' in the Jewish-Christian Bible (Exodus 20)
- 3) The laws of Solon in Athens (640-520 BC)
- 4) The edict of the Buddhist King Ashoka (3rd century BC)
- 5) The Sermon of Jesus on the Mount in the Christian Bible (Mathew 5-7)
- 6) The American Declaration of Human Rights in 1776
- 7) The declaration of Human Rights in the French Revolution 1789
- 8) The Communist Manifest (Karl Marx 1847/48)
- 9) Mahatma Gandhi's (1869-1948) program of non-violence.

b) *Appreciation of an independent eastern origin of Human Rights*

Since the occidental-western influences in the development of Human Rights are predominating, there is often brought the argument, that Human Rights were forced on Asian people in a colonist manner. Surely, if we look especially at the dominant western resources of Human Rights, pointed out above, this argument can be justified. But today even Asian experts confirm that Asian traditions contain the human basic values: dignity, self-determination and justice. Therefore the Human Rights could be valid in future also for Asian people as a legal-ethical basis for a world-wide ('universal') society.

Eu-Jeung Lee (1998) from South Korea teaches politics at the University of Halle (Germany) as a scientist. She confirms:

"Even if the authoritarian politicians in Eastern-Asia want to deny it: Human dignity and criticism of power are central components of Confucian's doctrine". According to Lee a discussion between East and West is necessary, held with empathy about the respective traditions to democracy and Human Rights. As a consequence of this aspect, she gives the following comment:

The "simplified black-white perspective" between East and West has been predominant up to these days. This view hinders us from developing a real western-eastern dialog of Human Rights. As long as Human Rights and democracy are propagated only as western values, the West plays the role of a master. This reminds of the colonial past when particularly the West violated Human Rights and democracy. In the mind of the people in Eastern Asia the humiliation still lingers on. And this is the reason why it is so easy for authoritarian regimes to use national pride against the West. The western Human Rights policy against Asia should try to get empathy and an orientation which allows to derive Human Rights and democracy from the Asian culture and tradition itself.

The Iranian scientist of Literature and activist for Human Rights Faradsch Sarkuhi (1998) takes a very similar view about the relationship between Human Rights and democracy in the perspective of Islam:

"It's important to not look at the Islam ideologically. All people have to think about their own way of life in freedom and without fear and live it in an independent way. All of our mysticism says that there are many ways to reach the truth... We cannot copy everything from

the West... We have to find a solution that gives justice to our society. We need a modern interpretation of religion...

If the western intellectuals and of course also the governments understand the dialogue with us as a critical dialogue, then this would make sense. It is important that the West takes the Human Rights seriously, that they don't think only of their advantage..."

An Example: Supervision in the perspective of Human-Rights-orientated Sustainable Development – an experience with students at a Neighbouring Association

In the seminar about Strategies of Socially Inclusive Policies held in Prague (4th-9th of May 1999) the following conclusions were proclaimed: "...the building of communities in which everybody is considered as a member without any kind of exclusion must be the principal aim of the integration processes. So, the integration policies must reject marginalizing and segregating situations..."

A group of Social Work students of a Portuguese University have developed some projects at a local community concerning the aims referring to the conclusions drawn at the Prague Seminar. One of the students has organised a project which supports the local Neighbouring Association. The student improves the program activities with the representatives of the Association Social Bodies.

It is intended to support an immigrant population returned from ex-Portuguese African colonies into a complex process of integration at a social housing quarter and to stimulate them in direction to replying to their local, family, professional and personal needs.

We (supervisor and student) must be very aware with some important principles, such as, taking care of the integration of these persons considering their individual traits to be a complete citizen and refusing all the dangerous processes close to xenophobia, little self esteem, and – in a multicultural way – wrong perspectives among them.

The housing processes have been successful in so far as it has been possible to dynamise interchanges and co-operation among the neighbours even when they have arrived from different parts of the world and challenging their participation capacities.

Living in a neighbouring group requires good housing conditions but also (not less important) an adequate process of urban integration concerning a sustainable perspective of the local development because the life happens everyday in several dimensions and with responsibility to the future generations. We all – neighbours, students and supervisors – must join together and learn how to do it in the best way.

At this workshop session we will invite the participants to exchange with us about this experience.

Conclusion

The development of Social Work as a Human Rights Profession in combination with the concept of Sustainable Development leads us to the principal guidance of human-orientated Sustainable Development and to the following changes of perspective in theory and practice:

- In sciences: from a deterministic and mechanistic understanding to a participating and more holistic understanding;
- in our view of the world and the relationship between nations, cultures and religions: from colonialist and universalistic perspectives to mainly federalist, intercultural and inter-religious perspectives;
- in our view of gender-relationship: from gender/sex neutral or gender/sex hostile to gender-reflecting and gender-related perspectives with partnership-orientated principles of guidance.

Bibliography

Adorno T. W. (1971): *Erziehung nach Auschwitz*, in: Kadelbach, Gerd (Hrsg.): *Theodor W. Adorno. Erziehung zur Mündigkeit. Vorträge und Gespräche mit Hellmut Becker 1959-1969*, Frankfurt am Main, p.89-104.

Agenda 21. Verabschiedet von der Konferenz der Vereinten Nationen für Umwelt und Entwicklung im Juni 1992 in Rio de Janeiro – Dokumente – herausgegeben vom Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit, Postfach 120629 53048 Bonn.

André G. (1992): *Human Rights and East Timor Population Situation; Os Direitos Humanos e a Situação da População de Timor Oriental, apresentação de documento em workshop em Washington D.C. na World Conference da Federação Internacional dos Assistentes Sociais (IFSW) Jul.*

:Will be the Human Rights contents an adequate ethical support to the Social Work practice?; É o conceito dos Direitos Humanos uma base ética suficiente para o Serviço Social? In manuscrito para trabalho de Mestrado na disciplina *Questões de Ética na Sociedade Contemporânea*, ISSSL 1998.

Banks S. (1995): *Ethics and Values in Social Work*, London, MacMillan.

Barroco M. L. (1992): *Bases Filosóficas para uma Reflexão sobre Ética e Serviço Social*, in *Serviço Social e Sociedade*, (39) Rio de Janeiro.

Bobbio N. (1992): *A Era dos Direitos*, Rio de Janeiro, Ed. Campus.

European Commission (1996): *European Sustainable Cities – Report by the Expert Group on the Urban Environmental*, Bruxelas.

Fachhochschule Coburg – Fachbereich Sozialwesen – Studiengang soziale Arbeit: *Menschenrechte und Soziale Arbeit. Dokumentation zur Fachtagung vom 30.11.1998 – 01.12.1998 an der Fachhochschule Coburg.*

Feng Z. (1995): *Human Rights and the Political Development of Contemporary China, 1979-1994*, in: Davis, p.116-142.

Foucault M. (1992): *A Microfísica do Poder*, Rio de Janeiro, Graal.

Haarscher G. (1993): *Philosophie des Droits de l'Homme*, Bruxelles, Éditions de l'Université de Bruxelles.

Halbfas H. (1983): *"Das Welthaus. Ein religionsgeschichtliches Lesebuch"*, Calwer Verlag, Stuttgart/ Patmos Verlag, Düsseldorf.

Hobsbawm E. (1996): *A Era dos Extremos- história breve do século XX 1914-1991*, Lisboa, Ed. Presença.

Idañez M. J. A. (1994): *Introducción a la supervisión*, Buenos Aires, Ed. Lumen.

Keller S., Walz H. (1998): *"Vermittlung von Teamfähigkeit und ökologisch-sozialethischen Leitbildern in interdisziplinären Multimedia-Projekten"*, Fachhochschule Aalen – Hochschule für Technik und Wirtschaft, Begleitheft zum Tag der Lehre, S. 62f.

Kluge F. (1989): *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Auflage unter Mithilfe von Max Bürgisser und Bernd Gregor völlig neu bearbeitet von Elmar Sebold*, Verlag Walter de Gruyter, Berlin - New York, p. 586: Artikel: Recht.

Lee E-J. (1998): *Menschenrechte in Asien. Der Wille des Volkes ist der Wille des Himmels*. In: *Publik Forum*, Nr. 5.

Obrecht W. (1997): *Umriss einer biopsychosozialen Theorie menschlicher Bedürfnisse. Geschichte, Stand, Probleme, Struktur, Funktion. Interdisziplinärer Universitätslehrgang für Sozialwirtschaft, Management und Organisation sozialer Dienste (ISMOS), Salzburg/Zürich 1995, referiert bzw. zitiert nach Staub-Bernasconi, p. 339.*

Pantucek P., Vyslouzil M. (Hrsg.) (1999): Die moralische Profession. Menschenrechte & Ethik in der Sozialarbeit, SOZAKTIV e.V., St. Pölten.

Rawls J. (1993): A Justiça como Equidade in Uma Teoria da Justiça, Lisboa, Ed. Presença.

Reamer F. (1995): Social Work Values and Ethics, New York, Columbia University Press.

Santos, Boaventura de Sousa (1994): Pela Mão de Alice: o Social e o Político na Pós Modernidade, Porto, Ed. Afrontamento.

Sarkuhi F. (1998): Wer denkt, wird zwangsläufig politisch, in: Süddeutsche Zeitung 23./24.5.

Shklar J. (1985): Justice et Citoyenneté in Pluralisme et Equité. La Justice Sociale dans les Democracies, Paris, Ed. Esprit.

Staub-Bernasconi S. (1995): Das fachliche Selbstverständnis sozialer Arbeit - Wege aus der Bescheidenheit. Soziale Arbeit als "Human Rights Profession", in: Wolf Rainer Wendt (Hrsg.): Soziale Arbeit im Wandel ihres Selbstverständnisses. Beruf und Identität, Lambertus Verlag, Freiburg/Br., p. 57-104.

-: Sozialrechte – Restgröße der Menschenrechte?, in: Udo Wilken (Hrsg.): Soziale Arbeit zwischen Ethik und Ökonomie, Lambertus-Verlag, Freiburg im Breisgau 2000, 151-174.

United Nations, Centre for Human Rights, Geneva (in cooperation with the International Federation of Social Workers - IFSW - and the International Association of Schools of Social Work - IASSW): Human Rights and Social Work. A Manual for Schools of Social Work and the Social Work Profession. Professional training Series No 1, New York and Geneva 1994.

Vereinte Nationen – Zentrum für Menschenrechte/Internationaler Verband der SozialarbeiterInnen (IFSW)/Internationale Vereinigung der Ausbildungsstätten für Soziale Arbeit (IASSW): Menschenrechte und Soziale Arbeit. Ein Handbuch für Ausbildungsstätten der Sozialen Arbeit und für den Sozialberuf. Übersetzung von United Nations et al. 1994 von Michael Moravek: als Manuskript gedruckt in: Soziale Arbeit. Texte und Materialien aus dem Fachbereich Sozialwesen der Fachhochschule Ravensburg-Weingarten. Hochschule für Technik und Sozialwesen (Postfach 1241, D 88241 Weingarten). Reihe Arbeitsmaterialien Heft 1 1997. 4. Aufl. 2000.

Organizacao das Nações Unidas. Serie Formação Profissional N° 1: Direitos Humanos e Serviço Social. Manual para Escolas e Profissionais de Serviço Social. ISSS – Departamento Editorial, Rue Bernardo Lima, 3 – 1150 – 074 Lisboa 1999.

Walz H.: Soziale Arbeit als Menschenrechtsberuf, in: Soziale Arbeit. Fachzeitschrift des Schweizerischen Berufsverbandes Soziale Arbeit SBS, 30 (1998) 21, p. 17-28.

-: "Deutschsprachige Ausgabe zum Manual" Human Rights and Social Work.

<http://www.fh-mannheim.de:2000/horizonte/menschenrechte.html>, 2/1999.

-: "Soziale Arbeit – Menschenrechte – Nachhaltige Entwicklung. Zur Bedeutung des Konzepts 'Soziale Arbeit als Menschenrechts-Profession' und seiner berufsfeldübergreifenden Weiterentwicklung, in: forum sozial 3/1999, p. 3-7.

-: Sozialarbeit als menschenrechtensorientierte nachhaltige Entwicklung, in: EthikMagazin 2(2000)1, 34-37.

THE TRANSFORMATION OF SOCIAL CONTROL IN POSTMODERN AMERICA CONFERENCE ON SYSTEM TRANSFORMATION OF A SOCIETY: EXPERIENCE AND MODERNITY

Craig B. Little, *State University of New York at Cortland, USA*

My intentions in this short paper are very broad. First, I want to articulate some major American trends in social control, defined for purposes of this paper as "the repertoire of organized social responses to deviance (5)." In particular, I will point out some basic facts concerning policing, extraordinarily high American incarceration rates and related trends in the criminal justice system. Second, I shall indicate how technologies expressly developed in the context of a criminal justice response to crime have become widely diffused in American everyday life. Finally, I will sketch a theoretical model intended as a preliminary attempt to link the American transformation in social control to several factors fundamental to the development of global corporate capitalism and to some historical specifics of the contemporary American context.

American Trends in Social Control

During the past two or three decades, the following trends have transformed American institutions and practices of social control:

- An expansion of public policing
- The eclipse of public policing by private policing
- Use of computer technology to enhance policing
- A massive growth of imprisonment
- Privatization of prisons, especially at the federal level
- Revival of capital punishment, especially "medicalized" execution
- The infusion of surveillance technologies into everyday life

Below I will briefly document each of these trends.

Expansion of Public Policing. According to the most recent data from the Bureau of Justice Statistics (2006),

- The total number of justice employees grew 86% between 1982 and 2003 with the Federal Government having the largest percentage increase - 168%.
- Total per capita expenditure for each justice function increased more than 300% between 1982 and 2003, with corrections having the largest per capita increase - 436%.
- The total direct justice expenditure for all levels of governments grew from \$3.6 billion in 1982 to \$185 billion in 2003, a 418% increase.

In recent decades, crime control has been an American "growth industry" both in the public sector and, as described next, in the private sector. (See Christie, 2000.)

Eclipse of Public Policing by Private Policing. In 1970, there were approximately 1.4 public police for each private security guard in the U.S. Now there are between three and four private police for each public police officer. The reasons for this shift are rooted in a general privatization of American life. Over the last three decades, ever increasing numbers of Americans spend greater portions of their daily lives in places where crime prevention is delivered by private security guards hired by shopping malls, educational institutions, medical or recreational facilities, and private condominiums or gated communities (Connolly, 2006). The expansion of public policing has been supplemented by a huge growth in private policing.

Use of Computer Technology to Enhance Policing. Perhaps the most widespread innovation in this regard is the COMPSTAT process whereby detailed data on crimes reported to the police, arrests and other police performance measures are collected, analyzed and mapped on a daily basis using advance computer techniques. These data can be used to hold police managers

accountable for their performance and to enhance the most efficient deployment of policing resources. (For New York City, see <http://www.ci.nyc.ny.us/html/nypd/html/chfdept/compstat-process.html> ; for Philadelphia, see http://www.ppdonline.org/hq_compstat.php ; for Washington, DC, see <http://www.ojp.usdoj.gov/nij/maps/briefingbook.html>) The expansion of public and private manpower devoted to policing has been enhanced by sophisticated telecommunications and computer technology.

Massive Growth of Imprisonment. At the end of 2004, there were 2,135,901 prisoners held in Federal or State prisons or local jails (U.S. Bureau of Justice Statistics, 2005a). This yields an American incarceration rate of about 725 per 100,000, by far the highest in the Western world. Western European countries typically have incarceration rates less than 100 per 100,000. Our best estimates for Central and Eastern European countries place their rates from about 40 in Slovenia to about 685 in the Russian Federation. (The estimate for Belarus is about 500.) (See, Christie, 2000.) For most of the twentieth century, prior to 1980, American incarceration rates typically hovered at around 100. Since 1980, they have shot up very rapidly due primarily to the politically charged "wars" on drugs and crime and the implementation of harsh sentencing policies. (See Austin and Irwin, 2000.)

Privatization of Prisons, Especially at the Federal Level. At mid-year 2004, about 99,000 American inmates were held in privately operated facilities. Since 2000, the federal inmate population held in private prisons has grown from about 15,000 to about 24,000 (U.S. Bureau of Justice Statistics, 2005a). From 1991 to 1999, there was an 838% increase in the rated capacity of private prisons in the U.S. (Thomas, 1999). While the growth of private prisons has slowed in the state systems, it has not at the national level.

Revival of Capital Punishment. From a 20th-century peak in the late-1930s, capital punishment general trended downward in the U.S. until between the late-1960s and late-1970s there were no executions. From about 1980, the rate of executions has generally increased. Since 1977, 944 people have been executed in the U.S., more than one-third of them in the state of Texas. In 2005, 60 inmates were executed in the U.S., one more than in 2004. American capital punishment has become "medicalized" with lethal injection the method in 37 of 50 states and the federal system. (See U.S. Bureau of Justice Statistics, 2005b.)

Infusion of Surveillance Technologies into Everyday Life. Methods of surveillance, often developed initially for military purposes or to enhance security in dangerous criminal justice situations, such as prisons, have now become ubiquitous in American life. Closed circuit television (CCTV) is now used widely to watch people on public streets, private shopping malls, small independent stores and in gated communities. CCTV is also to be found on school busses and in the bedrooms of sleeping infants so parents can watch for signs of medical distress. As one other example among many, Radio Frequency Identification Tags (RFIDs) are now commonly used to track consumer purchases of everything from pharmaceuticals to clothing. The wireless technology on which the tags are based allows objects, people or animals to be tagged and tracked from more than 500 feet away. The use of the tags is exploding with sales of an estimated 1.3 billion tags this year. (Consumer Reports, June 2006). (For the history of surveillance in American society, see Parenti, 2005. See also, Staples, 2000 and Lyon, 2001.)

Master Trends in American Society

The social control trends noted above are embedded in still larger American transformational developments over the last quarter century or longer. They are enormous growth in:

1. Economic and Social Segmentation; 2. Privatization; and 3. Advanced Information-Age Technology.

Economic and Social Segmentation. In 1999, Gary Burtless wrote, "Over the past two decades the United States has experienced a startling increase in inequality. The incomes of poor Americans shrank and those of the middle class stagnated while the incomes of the richest families continued to grow. The well-being of families up and down the income scale has increased over the past five years, but the average income of the poorest Americans remains well below where it was at the end of the 1970s."

Between 1947 and 1979, family income growth for all quartiles of American families was about equal, with the top 5% being even a bit less than the rest. Between 1979 and 1998, the bottom fifth of American families decreased their income by 5% while those households earning \$260,00 or more, the top 1%, increased by over 100%. The escalating income inequalities and corresponding disparities of wealth are reflected in patterns of residential segregation by class and race and unequal educational and employment opportunities. America is a segmented society where the segments are increasingly distanced by widening gaps in wealth and income. (See <http://inequality.org>)

Privatization. The "privatization" movement in the U.S. is very extensive involving the purchase of public hospitals by private corporations, widespread private contracting of public service such as trash collection, educational services and, of course, corrections—to say nothing of private contracting by the U.S. military. (See <http://privatization.org/>) A growing manifestation of privatization, linked to the excluding segmentation of growing inequality, is the increasing number of well-to-do Americans who live in "gated communities" or privately secured condominiums. Approximately eight million Americans, six percent of the population, now live behind the walls of gated communities and in some major metropolitan areas, gated communities comprise about half of all new housing construction (Low, 2004).

Advanced Information-Age Technology. The Radio Frequency Identification Tag (RFID Tag), already mentioned, is perhaps the most representative example of how the marriage of the computer-assisted collection and analysis of huge data-bases with the miniaturization of radio technology increases the information-gathering and surveillance capacity of business and governments. To take but another example, the exponential growth in the use of mobile telephones—an obvious convenience demanded by people world-wide—carries with it the opportunity for businesses and governments to collude in assembling massive databases comprising virtually everyone who uses a telephone. In respect to collecting information—whether for commercial or government purposes—advanced information-age technologies are now the primary mechanism by which there is a "widening of the net and thinning of the mesh (Cohen, 1985)" in respect to capturing information in the service of social control.

A Model of Transformation in American Social Control Institutions and Practices

Finally, I want to conclude this brief sketch with a model that relates the three master transformational developments—economic and social segmentation, privatization, and advanced information-age technology—to the trends in American social control that I enumerated at the outset.

Figure 1

About Here

The origins of both segmentation and privatization, I believe, are to be found in the dynamics of global corporate capitalism. The widespread public acceptance of extreme ine-

qualities (segmentation) and hostility toward the public sector (privatization) are deeply rooted in an American ideology of individualism. (See Bellah, et al., 1985 and Putnam, 2001). The polarization engendered by economic and social segmentation creates a growing sense of threat and fear among class, ethnic and racial groups in the U.S. This is what drives the growing trend toward exclusion—particularly in its residential and educational manifestations. At this moment, the strain toward exclusion is manifest in the intense public debate concerning American immigration policies. The appeal of exclusionary policies, heightened in a climate of threat and fear, forms the backdrop for American trends in policing, security, surveillance, tolerance for extraordinarily high rates of incarceration and a "fortress" residential mentality. A politics of fear, now reflexively practiced by those of the American right-wing, regularly reinforces both the public sense of threat and justifies ever increasing surveillance and harsh penal policies in the name of "law and order" in a chaotic world. The trends and transformations I have described have all been evident for two decades or longer. The anxious American public reactions to "9/11" have merely made it easier for the right-wing to employ a politics of fear in the service of intensified policing, surveillance and social control.

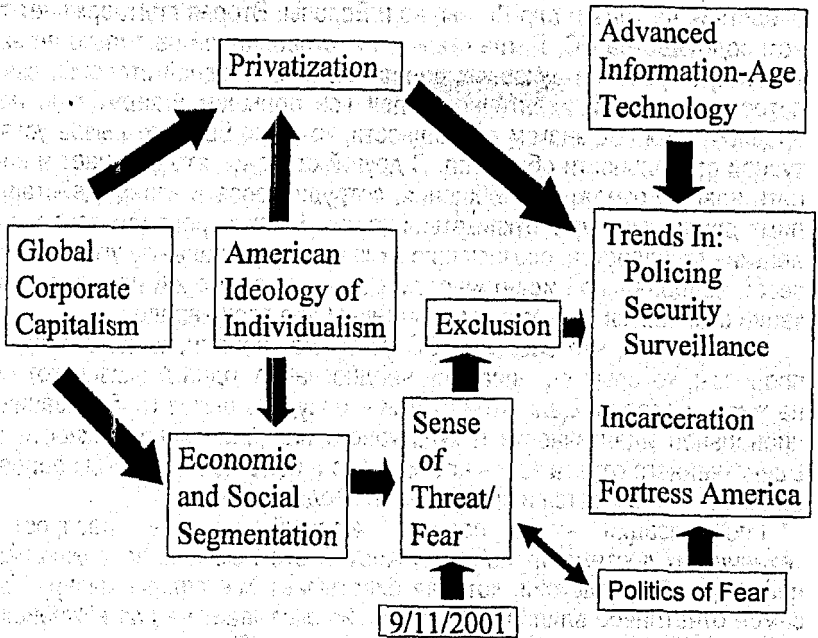
References

- Austin, James and John Irwin. 2000. *It's About Time: America's Imprisonment Binge*. Wadsworth.
- Bellah, Norman N., Richard Madsen, William M. Sullivan, Ann Swidler and Steven M. Tipton. 1996. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. University of California Press.
- Blomberg, Thomas G. and Stanley Cohen. 1995. *Punishment and Social Control*. Aldine.
- Burtless, Gary. 1999. "Growing American Inequality: Sources and Remedies." *Brookings Review* 17: 31-35. <http://www.brookings.edu/press/review/winter99/gburtless.htm>
- Christie, Nils. 2000. *Crime Control as Industry: Towards Gulags, Western Style*. Routledge.
- Connolly, Charles P. "The Role of Private Security in Combating Terrorism," *Journal of Homeland Security*, July 2006: <http://www.homelandsecurity.org/newjournal/Commentary/displayCommentary2.asp?commentary=29>
- Low, Setha M. 2004. "The Politics of Fear: Gated Communities," <http://www.nyas.org/ebriefreps/main.asp?intSubsectionID=822#>
- Lyon, David. 2001. *Surveillance Society: Monitoring Everyday Life*. Oxford University Press.
- Putnam, Robert D. 2001. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon and Schuster.
- Thomas, Charles, "Private Adult Correctional Facility Census: A 'Real-Time' Statistical Profile." <http://www.crim.ufl.edu/pcp/census/1999/>
- U.S. Bureau of Justice Statistics, 2006. "Justice Expenditure and Employment in the United States, 2003." <http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/abstract/jeeus03.htm>
- U.S. Bureau of Justice Statistics, 2005 (a), "Prison and Jail Inmates at Midyear 2004" <http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/pub/pdf/pjim04.pdf>
- U.S. Bureau of Justice Statistics, 2005 (b), "Capital Punishment, 2004"

Figure 1

A Model of Transformation in American Social Control Institutions and Practices

<http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/pub/pdf/cp04.pdf>

Walzer M. (1979): *Ensaio sobre a Desobediência, Guerra e Cidadania – das Obrigações Políticas*, Rio de Janeiro, Zahar.

Wronka J. (1999): *Teaching Human Rights to Social Work Students*, in: Pantucek, Peter/ Vyslouzil, Monika (Hrsg.): *Die moralische Profession. Menschenrechte & Ethik in der Sozialarbeit*, SOZAKTIV e.V., St. Pölten, p.197-210.

ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Проф. habil. dr. Вальдас Прускус

Department of Philosophy and Political Theory, Vilnius Gediminas Technical University

С восстановлением независимости Литва решительно повернула в сторону Запада, внедряя рыночную экономику и ценности демократической жизни. Широко поддерживаемые стремления экономического благосостояния и решительные действия властей ускорили процесс превращения Литвы в полноправного члена ЕС, а вместе с тем и надежды достичь более высоких жизненных стандартов для своих граждан. В свою очередь интеграция в экономические и политические структуры ЕС и обязанности членства в нем наряду с надеждами породили и проблемы.

Взрачиваемая ЕС идея более тесного сотрудничества государств и народов и взаимопомощи, по сути означает две важных вещи. Первая – подтверждение того, что Литва может надеяться на действенную помощь, предоставляемую через структурные фонды ЕС на осуществление реформ и преодоление трудностей, потому что одни мы вряд ли решим свои проблемы. А провал реформ может иметь непредсказуемые последствия не только для Литвы, но и Европы. Вторая подтверждает то, что, став членом содружества ЕС, Литва становится сторонницей не только ее экономических, но также культурных и духовных ценностей. Это, с одной стороны, означает опасность потери культурной идентичности при все большем утверждении новых культурных предпочтений под знаком всеобщности, которые бросают вызов установленной культурной стабильности общества. С другой стороны, это означает и необходимость понять новые возможности общения, сотрудничества и взаимодействия с представителями других культур и откликаться на них. К таким реалиям особо чувствительны маленькие государства, осознающие их как вполне реальную угрозу. И прежде всего для своей национальной идентичности, сохранение которой на фоне процессов глобализации становится серьезным испытанием для всех народов.

Несомненно, что создание ЕС ускорило глобализацию, а заодно и подчеркнуло процессы, которые оцениваются неоднозначно, однако оказывают большое влияние на жизнь народов. Цель этой статьи – обсудить вызов глобализации сохранению национальной идентичности и культурного наследия и возможности ответить на это. Единственного ответа здесь нет. Видимо и быть не может. Тем более, что и сама глобализация понимается и принимается неоднозначно.

Глобализация – это процесс, который поощряет распространение научно-технических достижений по всему миру. В этом смысле ее можно назвать своеобразной формой ортодоксии, которая охватывает все сферы жизни. Однако чуть ли не самое отчетливое влияние глобализация оказывает на две важнейшие области человеческой деятельности – экономику и культуру. Правда, воздействие глобализации на упомянутые области неодинаково.

Кажется, что экономика не так ранима, как культура. Дело в том, что взгляд на экономику как на определенную систему мышления основывается на модели экономического поведения индивида, которая обуславливается отношениями, возникшими на рынке между отдельными участниками сделки. Парадигма экономического мышления основана на мотиве рациональной деятельности индивида, стремящегося к большей прибыли. Этим мотивом отмечены все старания отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом [1].

Тогда как на арене культуры такой всеобщей цели нет. Культура (и ее ценности) по разному понимают и рассматривают представители разных национальностей (культурологи, социологи, философы и др.). Нет единодушного взгляда на то, каковы основные мотивы культурного действия и источники, что поощряет создавать ценности культуры (продукты). Поэтому неудивительно, что влияние глобализации на культуру гораздо заметнее. С другой стороны, нужно заметить, что именно культура является тем, что более слабые (экономически) страны стараются преподнести миру. Более сильные обычно представляют свои экономические достижения. Поэтому на так навязываемые глобализацией универсальные правила, которые стали бы предпосылкой не только всеобщего распространения рынка, но и создания стандартов соответствующего культурного поведения, подходящих для представителей всех культур, смотрят с особо большим недоверием. [2]

С одной стороны, это означает явную опасность потери национальной идентичности при все большем укоренении новых культурных предпочтений под знаком всеобщности. Новые культурные ценности и предоставляемые продукты и услуги культуры бросают вызов установившейся культурной стабильности общества, и следовательно, начинают покушаться на его культурную безопасность, которая нередко очень выделяется закрытостью и корпоративной солидарностью. С другой стороны, это означает необходимость пытаться понять и принять новые возможности общения, сотрудничества и взаимодействия с представителями других культур. Воспитывать в себе дух гостеприимства. А это не легко и не просто. Однако необходимо стараться яснее понять, распознать и определить особенность ценностных ориентаций и возможности взаимодействия, которые могут влиять на развитие общества и индивида. А это самое главное. Несмотря на напряженность и трудности, которые объективны, возможности перенятия ценностей культуры для всех народов более или менее одинаковы. Другое дело – их желание и проявляемые усилия. Куда сложнее обстоит дело с возможностями в сфере экономики. Поскольку неравенство возможностей здесь особенно отчетливо и продолжает увеличиваться.

Вне сомнения, – глобализация является серьезным вызовом и экономике национальных государств. Информационная революция дает возможность быстро передавать технологии производства продукции от одной страны другой, влиять на изменение экономических структур, рабочей силы и миграцию капитала и через это способствовать процессам глобализации экономики. [3] Очевидно и то, что ослабевает мощь и роль национальных государств как эффективной экономики и политической силы. И хотя миру это идет на пользу, однако эта польза сохраняет свою «ограниченность»: общество становится более продуктивным и эффективным, так как появляются возможности воспользоваться новейшими технологиями производства и управления в стремлении ко всеобщему благосостоянию и безопасности. Эта безопасность – результат увеличения глобальной экономической безопасности. [4] Но ясно и то, что общества, становясь безопаснее, не делаются справедливее.

Правда, большее доверие к частной инициативе, чем к коллективной возрастает, благосклоннее смотрят на уменьшение государственных функций регулирования, все чаще высказываются за приватизацию. Однако в этом процессе есть свои выигравшие и проигравшие. Это означает, что существующее неравенство в сфере экономики, обусловленное конкретными обстоятельствами исторического развития и формами экономической жизни, сохраняется и далее. Более того, реальность экономического развития такова, что разрыв между бедными и богатыми странами возрастает. Такой факт вызывает дискуссии, в самом ли деле глобализация предоставляет всем народам одинаковые возможности экономического развития и из-за нее неизбежно увеличивается национальный продукт. Итак, нет единодушного мнения насчет того, благо или зло глобализация, увеличивает она разрыв между развитыми странами и развивающимися или уменьшает, увеличивается ли бедность при процессах глобализации или наоборот.

Глобалисты утверждают, что в процессе глобализации неравенство среди стран уменьшается. В качестве доказательства приводятся и такие широко применяемые показатели, как рост ВВП на одного жителя и рост годовых доходов одного жителя. [5] Антиглобалисты возражают: так поступать нельзя, потому что страны разного размера. Например, Китай и Саудовская Аравия. Жителей в Китае больше, а потому и

относительно выше рост ВВП, т.е. в Китае создается больше продуктов, чем в Саудовской Аравии; однако и жителей больше, поэтому и произведенного продукта на одного жителя приходится меньше, чем в Саудовской Аравии. Значит, применение такого критерия, как ВВП на одного жителя, не годится.

Во-вторых, доходы, приходящиеся на одного жителя, также не могут быть критерием роста, потому что различна покупательная способность денежной единицы. Например, что купишь за юань и за фунт стерлингов? Очевидно, что их покупательная способность будет сильно различаться. Следовательно, для сравнения доходов на душу населения необходим сложный пересчет покупательной способности денежной единицы по сравнению с другими валютами. Кроме того, не нужно забывать, что одни страны вычисляли рост ВВП давно, а другие начали делать это еще сравнительно недавно. Потому трудно установить тенденции роста ВВП и их закономерности.

Нет единого взгляда и на рост бедности. По утверждению глобалистов, бедность при глобализации хозяйства снижается (20 лет назад бедные в мире составляли 30 % всего населения, теперь – около 20 %).

Антиглобалисты, также основываясь на статистике, доказывают, будто бедность в мире не уменьшается: богатые развитые страны и дальше богатеют, а бедные все более нищают. Более того – разрыв меж ними увеличивается (в 2003 г. по данным Юнеско 20% населения бедных стран мира имели доходы 10% от среднего значения доходов населения развитых стран).

Так же увеличивается неравенство среди населения стран. Возьмем, к примеру, хотя бы Словению и Саудовскую Аравию: в обеих странах приблизительно одинаковые доходы на душу населения. Однако неравенство более явное в С.Аравии, где налицо большее расслоение, чем в Словении.

Нужно отметить, что при установлении степени бедности (богатства) определяющее значение имеют выбранные критерии. Как показывает опыт, в странах применяются различные параметры бедности. Другими словами, в «корзину бедности» складывают разные вещи (возьмем хоть бы границу бедности в США и Литве – доходы на душу населения в год...) Справедливости ради надо признать, что в абсолютном выражении бедность в мире все же уменьшается.

Существуют два существенно различных взгляда на глобализацию, ее последствия, и свои критерии измерения ее последствий имеют право на существование, тем более, что это помогает лучше понять само явление глобализации и выявить проблемы, связанные с неравенством и бедностью, актуальностью и сложностью. Создаются все новые инструменты измерения указанных явлений. Правда и то, что их использование дает различные результаты.

Несмотря на это, неоспоримы позитивные действия глобализации, поощряющие развитие экономических сил, заставляющие использовать все имеющиеся возможности, оказывающие заметное влияние на стиль жизни.[6] Появляется все больше возможностей пользоваться не только материальными товарами и услугами, отмеченными знаком всеобщности (например, джинсы, кока кола и пр.), но и ценностями культуры, сыскавшими известность в мире кинофильмами, произведениями литературы т.д. Это оказывает влияние, с одной стороны, на изменение понимания в целом самого функционирования экономики и экономического поведения индивидов, а с другой стороны – культурного поведения и роли культуры в жизни общества (приемлемости культурных ценностей). Следовательно, можно утверждать, что глобализация:

- способствует распространению экономических и культурных ценностей (упраздняет границы) и через это дает новые возможности индивиду и обществу.
- требует их поглощения, усвоения, и таким образом, превращает их в «работающие ценности». Другими словами, обосновывает ими необходимость удовлетворения материальных и нематериальных потребностей человека.

Вероятно, что именно из-за их усвоения будет создано новое качество социальной, политической и культурной жизни. А это, в свою очередь, повлияет не только на дальнейший экономический рост, но и на возникновение новых парадигм общественного развития, инкорпорирующих экономические, социальные, политические, экологические и культурные действия в единое целое. [7]

Упомянутые факторы станут решающими и при установлении требований пригодности для общества осуществляемых экономических, социальных и культурных проектов, которые в свою очередь стали бы и *критериями демократизации общества и поддержания его стабильности*. Такими критериями могли бы быть:

- поддержание баланса между стремлениями экономического благосостояния и удовлетворением духовных культурных потребностей общества (т.е. в каком объеме учитывается в реализуемых проектах соотношение материальных и нематериальных благ);
- принятие во внимание внутренних отношений поколений в отношении справедливости среди отдельных социальных групп, поколений (не создаются ли искусственные препятствия для проявления в определенных сферах деятельности, и все ли, невзирая на социальное положение, пол, национальность т.д. обладают равными правами и возможностями заняться той деятельностью, которой хотели бы);
- помощь и поддержка разнообразия в экономике, культуре и других областях человеческой деятельности;
- существование механизмов, которые бы защитили от безответственных и неосмотрительных действий власти и экономических структур (т.е. насколько общество подготовлено к неожиданностям – экономическим, экологическим потрясениям и т.п.);
- поддержка культурных систем и признание их независимости, а также значения для экономического развития, т.е. насколько поддерживается в обществе равномерное развитие разных форм культуры, не выделяя ни одной как особенной; созданы ли условия, и в какой степени для самовыражения их создателей; как обеспечивается независимость этих культурных систем (экономическая, социальная, идеологическая и т.д.).

Последнее особенно важно для сохранения культурных «экосистем», так как известно, что реальная экономика этому уделяет значительно меньше внимания, чем сохранению естественных экосистем. Это связано с тем, что естественные природные ресурсы - основной источник экономического производства.

С другой стороны, очевидно и то, что отрицание культурного и человеческого капитала, недостаточная оценка его важности может реально угрожать и самой судьбе натурального капитала: при попусшении безоглядному истощению природных ресурсов в конце концов имеется риск их потери как важных производственных ресурсов, что неизбежно повлияет и на экономическое развитие. [8]

Итак, глобализация не только актуализирует необходимость взаимодействия экономики и культуры в достижении экономического благосостояния, но и бросает вызов народам, культурам и обществам. [9]

Один из них – усиливающийся индивидуализм. Дело в том, что глобализация, характеризующаяся не только свободным движением рабочей силы и капитала, но и более

интенсивным обменом продуктами культуры формирует человека нового типа – иммигранта, глобалиста, лелеющего индивидуализм и демонстрирующего нежелание связать себя с нормами и ценностями общества, принадлежать им. Этот принцип «непринадлежности» (не связывать себя с конкретной группой, традицией, поведением) стал своего рода принципом принадлежности обществу индивидуалистов. Не секрет, что индивидуализм уничтожает чувство национального «мы», которое исторически сформировалось на основе сложившейся общности культуры, языка, территории, экономики, проживания. В таких обстоятельствах государство теряет свою основу – национальную идентичность. А культурная индивидуальность – существенная часть индивидуальности национальной.

Во-вторых, потребление культуры. Глобализация экономики втягивает в рынки своего управления и культуру, которая все более становится продуктом массового потребления. Быстрыми темпами интернационализируется индустрия развлечений (кинофильмы, музыкальная мода и т.п.). Так, процесс глобализации бросает сильный вызов национальным культурам, за долгие годы развития воспитавшим в себе особый код, согласно которого воспринимаются и аккумулируются воздействия мирового процесса. Теперь этот код подвергается сильному давлению, которому все труднее сопротивляться. Несомненно этому способствуют и современные средства коммуникации. Интернет передает и помогает внедрять культурные ценности, взгляды на социальные отношения, семью, религию, человеческое существование и т.д., которые, будучи новы и привлекательны, могут вызвать (и вызывают) сомнения в традиционных культурах и заглушить их. Культурное доминирование становится особенно серьезной проблемой, когда распространяет ошибочные ценности (искусственные, мотивируемые узкими эгоистическими стремлениями), враждебные действительному благу каждого индивида или их группам. Современное положение отличается тем, что *современные средства коммуникации передают ценности Западной культуры людям и обществам, часто недостаточно подготовленным их оценить и воспринять.* Вместе с тем заглушается и национальное самосознание, а с его ослаблением все трудней становится сохранить своеобразие. Так понемногу «промывается» и народная память, а именно она тот источник, который питает стремление к своеобразию и вызывает сопротивление вызову глобализации.

В-третьих, ослабевание роли религиозных ценностей и церкви. Уменьшается влияние церкви как провозгласителя и хранителя универсальных ценностей, так как одобрение их обществом понемногу слабеет: утверждается постмодернистский плюрализм ценностей, все чаще переосмысляются ценности, которые общество считало неизблемыми. Занятая католической церковью и ее иерархами строгая позиция по актуальным вопросам и явлениям в обществе, скандалы по поводу неприличного поведения клира, тоже не способствуют росту авторитета церкви. Так, церковь постепенно, несмотря на свое особое положение, теряет влияние и все чаще понимается как организация, полезная и обществу и государству, поскольку готова выполнять социальные действия, которые не считаются «престижными» (развитая деятельность Каритас в епископатах) и в узком смысле защищает лишь ограниченные специфические интересы верующих. Распространение энергичных (и даже агрессивных) новых религиозных движений и неспособность католической церкви найти на это адекватный ответ, еще более уменьшают ее влияние в обществе. Следовательно, ей все труднее претендовать на роль объединителя нации, как это было в XX в.

Однако едва ли не наибольшее воздействие глобализация оказывает на три важнейших гаранта сохранения национальной идентичности – язык, экономическую самостоятельность и политическую самодеееспособность.

Прежде всего, на значимый элемент национальной культуры – язык. Он лишается своей важности, так как все меньше удовлетворяет индивида, все более зависит от потребительского образа жизни общества и диктуемых рынком новых традиций. Суть в том, что все более укореняется английский язык как единственный язык общения и сотрудничества, вытесняя на обочину языкового пространства родной язык. И к сожалению с этой ситуацией смиряются. Неуважение родного языка, неправильное публичное его употребление в речи чиновников и высших должностных лиц, вытеснение из научных, академических сфер деятельности, замена его английским языком, – это теперешняя реальность. Таким образом, литовский язык, бывший в начале 20 в. одним из важнейших средств сохранения национальной идентичности, за права которого после запрещения его царскими чиновниками (1864) боролись четыре десятилетия, заметно сдает позиции. Хотя формально литовский язык – это один из используемых рабочих языков ЕС, тем не менее, как свидетельствуют факты, им не пользуются на всех мероприятиях, как то предписано в регламентах ЕС. И вина в том по большей части на наших институтах власти, которые об этом недостаточно радуют. И поэтому не только не защищаются права литовского языка, но и уменьшается престиж государства.

Другой не менее важный результат глобализации – уменьшение экономической самостоятельности. Реальность такова, что экономика Литвы все теснее интегрируется в мировую экономику, неизбежно теряя свою самостоятельность, становится все более зависимой от мировой экономики. С другой стороны, в условиях свободного движения капитала и труда международный капитал с большей силой пускает корни в Литве. Для Литвы это становится актуальной проблемой. От того, что общая экономическая мощь Литвы намного слабее, чем других развитых стран, существует реальная опасность, что в Литве экономическую моду могут диктовать (и делают это) другие, уже представители чужой страны (и необязательно дружественной Литве страны ЕС), у которых свои цели и потребности. Капитал не сентиментален, деньги не пахнут, но имеют силу. Также и политики. Поэтому есть основания полагать, что снижение экономической самостоятельности умаляет и политическую. Поэтому особенно актуально звучат призывы и усилия содействовать формированию слоя своих предпринимателей, который стал бы тем активным экономическим и культурным меньшинством, которое своими ресурсами и занятой позицией поддержало бы устойчивость национального своеобразия.

Третий вызов – *ослабление политической самостоятельности*. Как член ЕС Литва делегирует часть суверенитета ЕС, и, таким образом, отказывается от доли самостоятельности. В Литве верх берут законы ЕС, которым мы обязаны подчиняться. А это, в свою очередь, уменьшает доверие к своему государству, его авторитету. Граждане не доверяют правосудию своего государства и ищут защиты своих прав в судах ЕС. Ослабляющее доверие к своей власти, компетенции чиновников ее институтов, их способности решать наболевшие социально-экономические вопросы, увеличивает эмиграцию молодежи, что способствует уменьшению национального самосознания.

С другой стороны, очевидно и то, что политики и особенно – представляющие Литву в ЕС, не осознали долга настойчиво отстаивать интересы своего государства, избегают высказывать свою позицию, которая необязательно совпадает с позицией боль-

ших государств, критически оценивать их предложения из боязни соответствующих санкций. Это политическая неполноценность, политический сервиллизм, перенятый от советских времен, нередко мешает Литве быть полноценным членом ЕС. Видя такое «тихое соглашательство» Литвы, ЕС (особенно большие страны) не слишком склонны учитывать ее жизненно важные интересы. На нее смотрят, как на транзитную страну, которая в ходе истории не раз управлялась чужаками, не имеющую своей строгой позиции по важнейшим вопросам и неспособную их отстаивать. Ее политическая элита – инфантильная, постоянно выясняющая свои взаимоотношения и все никак не могущая это сделать, не имеющая ясного взгляда насчет будущего Литвы. Из-за неуверенности в своем будущем, взгляд обращают не только на Запад, но и на Восток. Это заставляет ЕС смотреть на Литву с осторожностью и не слишком считаться с ее интересами, зная ее «сговорчивый характер».

Итак, как видно, глобализация, навязывая миру всеобщие универсальные правила общения и повсеместно принятый язык, активизировав процессы глобализации экономики, изрядно затруднила возможности сохранения национальной идентичности. Каков же возможный ответ на указанные вызовы?

Во-первых, почитание и бережное отношение к своему языку, культуре и национальным ценностям. Европа очень ясно решила быть культурной структурой и культура каждого народа – европейская ценность. ЕС полна решимости охранять, поощрять и развивать национальное своеобразие. Каждый, уважающий себя, обязан уважительно относиться и к ценностям других. Ценности тоже не вечны, они не могут не подвергаться влиянию духа времени. Уважение к национальным ценностям важно, но очевидно также и то, что мы быстрее потеряем национальные особенности, если не будем пропагандировать своих ценностей. Только сохранив национальные ценности, мы будем уважаемы и интересны как для себя, так и для других. С другой стороны, не стоит забывать и то, что раскрытие культурного наследия народа и его оберегание имеет смысл только в контексте общего культурного наследия ЕС. Это означает необходимость не только интересоваться культурами новых соседей, но и впитывать их, усваивать и через это стремиться к новому качеству экономической, политической и культурной жизни.

Во-вторых, более активное отстаивание своих экономических интересов. Вступив в ЕС, приходится защищать свои и учитывать интересы других. Это неизбежно. Чтобы делать это эффективно, нужно ознакомиться с другими государствами содружества, интересы которых совпадают с нашими и объединяться с ними в блоки. Так можно лучше отстаивать свои экономические интересы. Не менее важна и направленная, ориентированная на будущее стратегия поддержки своего бизнеса и предпринимателей как социального слоя. Это должно стать составной частью политики государства, не на словах, а конкретными делами. Вполне возможно, что это не только создаст предпосылки для того, чтобы литовский капитал оставался в стране, но и будет способствовать его возвращению в Литву. Так были бы созданы более благоприятные условия для роста среднего слоя, который мог бы поддержать и материально национальные проекты и инициативы.

В-третьих, более активное отстаивание своих политических интересов. Суть в том, что как члену ЕС Литве следовало бы активнее участвовать в принятии решений по важнейшим вопросам содружества, предлагать инициативы и таким способом снижать авторитет в ЕС. Политическая активность государства, поддерживаемая гражданами,

данами, создала бы более благоприятные условия и для распространения национальной идентичности.

Несомненно то, что сохранение национальной идентичности и культурного наследия напрямую большей частью зависит от активного меньшинства общества и усилий инертного большинства, и их равновесия. Однако в наше время реалии таковы, что нельзя полагаться лишь на поддержание равновесия самопроизвольных сил традиций общества. Гарантом сохранения народа, его культурных ценностей, преемственности все больше становится политическое государство со своим бюрократическим аппаратом. Значит, без сомнения возрастает и его ответственность за сохранение и взращивание национальной идентичности и самоутверждения, а так же национальных культурных ценностей.

С другой стороны, вызовы бросаемые глобализацией, - это реальность, с которой приходится считаться, и с каждым разом их все больше. Они, как новые знаки на дороге: возможно не все для нас приемлемы, но чтобы благополучно достичь цели, нельзя их не замечать, а тем более, не обращать внимания. Ведь за безопасную езду в пути в первую очередь ответственны мы сами.

Literature

1. Axford B., 2001. *The Global System: Economics, politics and culture*, Cambridge : Polity Press.
2. Hostede G., 2001. *Culture's Consequences*, London : Sage.
3. Hook S., 1997. *Human values and economic policy*. New York: McGraw-Hill.
4. Barro R.J., 2001. *Economics Growth*, New York: McGraw-Hill.
5. Masusyma S., Vandenbrink D. and Yue Chia Siow (eds.), 1997. *Industrial Policies in East Asia*, Tokyo: Nomura Research Institute.
6. Rao C. (ed), 1998. *Globalization, Privatization and Free Market Economy*, Westport: Quorum Books.
7. Paacock A. and Idle R. (eds), 2003. *Cultural Economics and Cultural Politics*, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
8. Griffin K. , 2003. *Studies in Globalization and Economic Transitions*, London: Macmillan.
9. Held D., 2004. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

Л.Г.Титаренко

Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь

В настоящее время в постсоветском белорусском обществе наблюдается смена доминирующих типов групповой идентичности и механизмов идентификации, позволяющая говорить о ее трансформации [см.5].

Идентичность изучается разными науками, что обуславливает необходимость как проведения ее комплексных исследований, так и разработки классификаций, которые будут приняты в этих науках, согласование их методики измерения. Прежде всего, разные авторы анализируют такие типы идентичности, как этническая и религиозная, а также профессиональная, в последние годы сюда прибавились гендерная и возрастная идентичности. Однако общего понимания процесса конструирования и трансформации ценностей, единого категориального аппарата пока не разработано.

В статье мы попытаемся проанализировать смену доминирующих прежде идентичностей белорусов с акцентом на гендерном аспекте этого процесса. Сначала мы покажем направление трансформации социальной и национальной идентичности белорусского населения в сравнении с предшествующей (советской) эпохой, затем дадим определения главным рабочим понятиям, и, наконец, раскроем гендерную специфику трансформации белорусской идентичности.

В отношении направления трансформации идентичности по сравнению с советским временем мнения окончательно не сложились, хотя смена доминирующих паттернов, их множественность уже признаны. По-видимому, процесс трансформации базовых ценностей населения, включая идентичности, еще далек от своего завершения, поэтому возможны значительные изменения в их проявлениях, особенно при тех или иных «поворотах» в реальной политике, заранее предсказать которые в современном обществе риска невозможно. Нами была выдвинута гипотеза, что сегодня среди белорусов преобладают не универсалистские, а аффективные типы идентичности (семья, друзья, соседи) [12, 88]. Подобный сдвиг закономерен. Немецкий социолог Ф. Теннис в анализе различий между общностью и обществом хорошо показал, в чем притягательность межличностных отношений, доминирующих в общности (например, деревенской общине), для простого человека [10, 216]. В этом смысле, по мере развития цивилизации, человеческие отношения в малой группе не становятся менее важными, напротив, жители большого города их ценят даже выше, чем жители деревни или городского поселка. Белорусы как нация, еще недавно жившая преимущественно в сельской местности, не утратили своих связей с землей, с почвой. Многие горожане имеют домик в деревне, дачный участок, так или иначе сохраняют связь с «малой родиной», поддерживают близкие отношения с земляками, родственниками, соблюдают традиционные обряды. Все это, вместе взятое, подпитывает «общинные» типы связей, укрепляет их в противовес динамично меняющимся типам связей на уровне большой группы. В условиях трансформации общества был естественным акцент на малой группе и ее ценностях, ибо малая группа оказалась более прочной, оказывала больше помощи индивиду в поддержании и обретении социального равновесия, психологического благополучия. Таким образом, идентичность в малых группах оказалась чрезвычайно важной и прочной. Видимо, этот тип идентичности даже повышает свою значимость по мере роста урбанизированности территориального пространства, роста отчужденности и потерянности («одиночества в толпе»). Об этом в свое время писали еще Р. Парк и другие представители Чикагской школы, изучавшие феномены городской жизни, городской культуры.

Можно предположить, что в ближайшем будущем эти виды связей и аффективных, партикуляристских идентичностей, сохраняют свою важность и для белорусов.

Для более глубокого понимания процессов трансформации белорусской идентичности важно раскрыть их исторический генезис. Многие современные типы идентичностей являются сконструированными, хотя и не представляются таковыми на уровне массового сознания. Одна из парадоксальных черт приверженности людей (групп, народов) тем или иным ценностям, (а идентичности тесно связаны с ценностями) состоит в том, что люди обычно воспринимают их не как собственное создание, а как данность, которая имеет самодовлеющую силу, покоряет и подчиняет людей себе. Только научный анализ позволяет увидеть, что ценности являются конструктами сознания, т.е. продуктом человеческой практики. Участники таких процессов, напротив, обычно считают ценности данными, существующими в мире независимо от их собственной деятельности.

Этот факт подтверждает невозможность логически непротиворечивого, чисто рационального объяснения наших высших ценностей или их трансформации. Как показал Йоас, если мы называем что-то высшей ценностью, то непонятно, на чем должно базироваться ее рациональное объяснение, ибо не может быть феномена, который одновременно будет «более высоким» и в то же время сохранит свою оценочную природу [3]. Отказ же от высших ценностей опасен тенденцией приглашения к нищенской вседозволенности и разрушению социального порядка. Прагматистское отношение к ценностной сфере может привести к историческому или культурному релятивизму, к тому, что называют «произволом постмодерна». Социология, связывая существование и оправдание ценностей специфическим образом, помогает людям осознать, что их восприятие ценностей базируется на человеческом опыте и его интерпретации. Поэтому ценности всегда историчны, «привязаны» к той или иной эпохе, стране. Они больше не выступают как преданные и вечные, они проявляют свою необходимую природу.

Такое проникновение в генезис современных ценностей должно помочь осознать, каковы те культурные силы, которые вызывают сегодня их трансформацию, и как может новый опыт вдохнуть «новую жизнь» в «старые» ценности и даже вернуть к жизни старые традиции в том случае, когда их наличие помогает людям (группе, народу) адаптироваться к новым социальным ситуациям. Среди таких «возрожденных» ценностей могут оказаться и определенные типы идентичностей. В противном случае, наш анализ покажет, какие новые типы ценностных отношений между людьми, складывающиеся в современном белорусском обществе, может решить указанные проблемы поддержания социального порядка символическими средствами. Таким образом, наше исследование изменения ценностей и идентичностей не является попыткой дать инновациям в этой области рациональное оправдание или просто реконструировать этот процесс. Нам бы хотелось показать его перманентность и незавершенность, амбивалентный характер, заключив его в рамки посттрадиционного социального контекста.

Теперь определим основные понятия нашего исследования трансформации типов идентичностей. Мы будем понимать под **социальной идентичностью** те формы группового и массового определения, которые имеют под собой объективные основания (сходный образ жизни, сходное положение группы в социальной структуре по социальному статусу, доходу, доступу к власти, полу и возрасту). В какой-то мере понятие социальной идентичности соотносимо с социально-классовыми и социально-профессиональными характеристиками групп, хотя и не сводится к ним. Это такой феномен, который тоже претерпел многие изменения: одни типы уступили главенствующее место другим, а третьи просто исчезли из поля рассмотрения. Можно представить социальную идентичность в виде пирамиды, в которой множество частных идентичностей образуют некую иерархию, наверху которой находятся самые важные типы, а внизу – те, которые менее значимы. В процессе социатальной трансформации общества эта иерархия неизбежно изменяется, что и отражается как в переоценке тех или иных типов идентичности, так и представлений об их значимости. Однако практически все частные типы социальной идентичности конструируются, приобретаются в процессе социализации.

Национальная идентичность понимается здесь, в узком смысле, как реальная групповая принадлежность к определенной стране, как самоотождествление себя с населяющим страну народом, самоосознание себя как гражданина этой страны, а

также как принадлежность к определенной этнической группе (группам), населяющей страну. Такое понимание национальной идентичности объединяет как старые, примордиальные определения этого термина, так и вносит экстраконструктивистские элементы. В результате национальная белорусская идентичность будет естественно включать осознание себя гражданином Беларуси, интериоризацию традиционных исторических ценностей народа, веками жившего на территории современной Беларуси, а в этническом плане будет включать представителей и титульной нации (белорусов), и всех «малых групп», живущих сегодня или ранее проживавших на территории нынешней Беларуси. В широком смысле, национальная идентичность может включать все те особенности, которыми наделяется народ при характеристике его национальной культуры, национального менталитета, традиций и т.п. Иначе говоря, в широком понимании, национальная идентичность включает в себя и социально-культурные типы идентичности (религиозную, лингвистическую, политическую, и т.п.).

Культура является определяющей составляющей в жизни любой нации, и особенно важно осознание и анализ своей культурной идентичности для нации не со стабильными на протяжении веков культурными ориентирами, нации, которая находится в поиске важнейших жизненных ориентиров, имея при этом несколько вариантов будущего развития. Именно это и происходит сейчас, на наш взгляд, с белорусской нацией.

Социокультурная идентичность характеризует совокупность ценностей, идей и взглядов, принятых в малой или большой группе населения, вытекающих из мировоззренческих представлений членов этой группы, понимания группой своего места и целей жизни, осознания себя в истории, а также соответствующие этим ценностям поступки, поведение в целом. Современная социокультурная идентичность белорусов представляет собой непростой предмет исследования, поскольку, с одной стороны, она определяется рядом факторов, общих для любого процесса коллективной идентификации независимо от времени, а с другой – чертами, специфическими для современной культурной ситуации как в Беларуси, так и в мире.

Социокультурная идентичность формируется в процессе социализации, культурации социальной общности, в ходе осознания группой (народом) себя в качестве определенного субъекта деятельности и в ходе самой деятельности. Социокультурная идентичность – это не только то, что народ о себе думает и говорит, во что он верит или верует, это еще и то, как он живет, работает, самореализуется в той или иной деятельности, как оценивает другие народы, как соотносит себя с ними, какова его историческая память [см. 1; 13].

Наблюдается большое разнообразие и плюрализм типов социокультурной идентичности как населения в целом, так и отдельных половозрастных групп. Современная белорусская социокультурная идентичность многослойна, она совмещает конструкты как прошлой эпохи, так и инновационность; в ней четко выделяются локальные типы идентичности, связанные с традиционными ценностями (семья, друзья, люди одного образа жизни), региональные («тутэйшыя», или жители моего села, города, этой местности). Отождествление со своим городом, селом, непосредственным местом жительства, т.е. с «тутэйшымі», является относительно популярным типом социальной идентификации всех половозрастных групп белорусского населения. Этот тип идентификации не совпадает с этническим и национальным: не только этнические белорусы, но и белорусские граждане иного этнического происхождения относят себя к этому типу, который превалировал среди жителей Беларуси и в историческом (досоветском) прошлом.

Имеет место и наднациональная идентичность (европейцы, жители мира), но она пока незначительна, что существенно отличает жителей Беларуси и граждан тех постсоциалистических стран Центральной Европы, которые стали или скоро станут членами Европейского Союза.

Сегодня у белорусов нет объединяющих всю нацию социально-культурных предпочтений, нет и общих универсалистских ценностей, определяющих всех граждан Беларуси как единую монолитную "мы" - группу. Выражаясь в терминах Хабермаса, можно признать «незавершенность» проекта модернизировать в условиях культурного наступления постмодерна. В сравнении с прежним (советским) этапом развития, когда единственным доминирующим типом был советский, сегодня единого типа идентичности с универсалистским содержанием еще не сложилось. Практически нет ни одной группы с четко выраженной доминирующей идентичностью одного типа. Общественному сознанию белорусов оказалось недостаточно времени для формирования нового доминирующего универсалистского типа идентичности, даже несмотря на сложившиеся в обществе благоприятные объективные условия (достижение стабилизации в социально-политической жизни Беларуси, преодоление постсоветского социально-экономического кризиса).

Вероятно, новый универсалистский тип идентичности, взамен утраченной советской идентичности, должен быть сформирован, ибо в нем есть потребность у национального белорусского государства. На эту роль может претендовать тип гражданской идентичности («мы – граждане Беларуси»), который в настоящее время, по опросным данным, признается доминирующим только одной третью населения Беларуси [4].

Теперь сфокусируем внимание на специфическом типе идентичности, каковым является гендерная идентичность. Она не является врожденной, хотя, несомненно, базируется на врожденных половых различиях людей, их заданной биологической программе [11]. Исследователи неоднократно отмечали, что разные исторические эпохи, культуры, цивилизации конструировали гендер и гендерную идентичность по-разному [2; 7; 8]. Можно согласиться с точкой зрения М.Губогло, который предложил понимание процесса формирования и функционирования гендерной идентичности как «триединую стратегию: во-первых, как постоянно пополняемый глэдзель представлений о гендере, состоящих в свою очередь из гендерного самосознания и гендерного сознания, во-вторых, набор разнообразных форм поведения, реализуемых при исполнении социальных и гендерных ролей, и, наконец, в-третьих, обладание багажом гендерных установок и предрассудков» [1, 96].

Гендерное сознание можно рассматривать как совокупность представлений о противоположном поле и взаимоотношениях полов на основе исторически сложившихся в данном обществе традиций и норм, а также принятых в нем законов, наделяющих женщин и мужчин определенными правами и обязанностями. Гендерное самосознание включает в себя претензии, ожидания, представления каждого пола о себе и другом поле, понимание гендерных ролей в данном обществе и установки на принятие или непринятие этих ролей, желание или нежелание включаться в социальную жизнь в соответствии с имеющими место в обществе неписаными гендерными «правилами игры» [11]. Гендерное поведение соответствует реальному «проигрыванию» принятых на себя каждым полом совокупности гендерных ролей. На него большое влияние могут оказывать конкретные социальные ситуации, а также традиции и нормы того или иного общества. Естественно, все эти три компонента находятся в постоянном изме-

нении, и чем больше общество подвержено глобальным политическим и культурным воздействиям, тем скорее в нем изменяются гендерные роли, гендерное сознание и самосознание.

Представляется возможным использовать данное определение для описания тех или иных гендерных различий, эмпирическим путем установленных в исследованиях идентичности белорусского населения. Сразу отметим, что самостоятельных «чисто гендерных» различий в этих вопросах было выявлено немного, поскольку более важными переменными в социокультурных вопросах выступают возраст и образование. Более того, эти три переменные «работают» только в комбинации, так что можно говорить о гендерной специфике в проявлении социокультурной идентичности белорусов с определенной долей условности.

Тем не менее, на основе анализа эмпирических данных, можно выделить несколько особенностей в проявлении социокультурной идентичности белорусского населения по гендерному признаку. Прежде всего, это уже упоминавшаяся религиозная идентичность (вернее, степень ее проявления среди мужчин и женщин). Среди тех, кто исповедует религию, в значительной мере преобладают женщины, особенно старших возрастных групп: количественно, женщины на 15-20% превышают число мужчин [6]. Непредвзятому наблюдателю сразу бросается в глаза факт, что большинство людей, посещающих храмы, – женщины. Да и сами женщины значительно чаще мужчин считают себя людьми религиозными. Имеющиеся гендерные различия в проявлении религиозности белорусов весьма характерны для всего постсоветского пространства и отражают современные тенденции в гендерных отношениях к социальным институтам.

Таблица 1.

Дает ли церковь ответы на проблемы в различных сферах жизни,
(% ответивших "да")

Сферы действия	мужчины	женщины	в целом
Моральные проблемы	34.7	49.9	43.1
Духовные потребности	49.0	61.5	55.9
Семейная жизнь	22.5	32.7	28.1
Социальные проблемы	13.1	20.0	16.9

Таблица 1 показывает, что гендерная разница в ответах является значимой. В опросе 2000г. она составляла от 7% по социальным проблемам до 15% в проблемах морали и чуть меньше – в вопросах о духовных потребностях. Общей остается только иерархия проблем, по которым мужчинами и женщинами оценивается роль церкви и религии: на первом месте – духовные потребности, далее идут моральные проблемы, семейная жизнь и, наконец, социальные проблемы, где роль церкви признается минимальной по сравнению с другими оцениваемыми сферами.

Не вызывает удивления и тот факт, что уровень доверия к церкви выше среди женщин, чем среди мужчин. Отметим, что в опросе 2000 года из шести институтов, получивших позитивный рейтинг доверия, церковь заняла третье место [12]. Одна из причин доверия к церкви, вероятно, в том, что церковь не была напрямую связана с прежним коммунистическим режимом, и поэтому для многих людей она не запятнала себя сотрудничеством. Многие связывают с церковью надежды на обретение новой системы верований, с культурными традициями своего народа, его духовным подъемом. Тот факт, что возрождение церкви шло одновременно с переходом общества от коммунизма к плюрализму и демократии, также способствовал росту ее

авторитета в глазах простых людей. Именно поэтому, в отличие от многих других социальных институтов, церковь имеет высокий рейтинг доверия у населения (+0.24), уступая первенство системе образования (+0.42) и второе место армии (+0.245). Так, 20 % опрошенных полностью доверяют церкви, 44% – скорее доверяют, в то время как 17% скорее не доверяют, и только 9,5% – совсем не доверяют.

Больше всего население доверяет православной церкви. В 2004 г. уровень доверия православной церкви составлял 58%, причем разница между женщинами и мужчинами составляла 10% [4]. В то же время, значительно меньше опрошенных выражали доверие католической и протестантской церкви (большинство просто затруднились с ответом, доверяют ли они этим конфессиям). В целом же, уровень доверия церкви среди белорусов оказался выше, чем в среднем по Восточной Европе.

Есть и другие гендерные различия социокультурной самоидентификации белорусов, представляющие практический интерес.

Второе гендерное различие – поколенческое. Оно менее существенно, но тоже является статистически значимым: женщины чаще мужчин (разница в ответах составила 7%) отождествляют себя со своим поколением (43% мужчин и около 50% женщин) [4]. Однако эти различия больше проявляются на эмоциональном уровне, и репрезентируются показателями гендерного сознания и самосознания, а не гендерного поведения. Судя по данным опросов, женщины и мужчины в вопросах самоидентификации часто используют иные, не гендерные критерии, тогда как возраст, образование и материальный достаток являются значимыми в большем количестве вопросов. Для лиц моложе 30 лет в самоидентификации более важна общность по образованию, по профессии, для людей старше 50 лет – религия, соседство, территориальная общность, а также упоминавшаяся ранее как «исчезающая» категория «советский народ». В России некоторые исследователи отмечают, что в поколении молодежи гендерные различия имеют тенденцию к нивелированию, что проявляется, в частности, в растущих женских амбициях в бизнесе, в стремлении занимать высокие статусные позиции в управлении, и, следовательно, в сближении показателей профессиональной, образовательной идентичности [см. 9].

В остальных вопросах, включая политические и национальные показатели, значимой гендерной разницы, подтверждаемой эмпирическими данными, не было выявлено. Можно предположить, что отсутствие значимых гендерных различий по указанным критериям – результат и современного (в основном, городского) образа жизни, и социализации и воспитания советских и постсоветского поколения, которые не знали практически иного юридически закрепленного гендерного отношения, кроме равноправного. Поэтому и женщины, и мужчины в равной мере чувствуют (или не чувствуют) себя членами семьи, сообщества друзей и соседей, а также жителями одного города, села, региона, страны, представителями одной национальности и сторонниками одних и тех же политических взглядов. Иначе говоря, указанные выше критерии больше не разделяют сообщества мужчин и женщин социокультурными барьерами. И это – историческое достижение белорусского народа и общества.

Тем не менее практически по всем дифференцирующим критериям духовно-нравственной культуры женщины проявляли несколько больше активности, чем мужчины: на 5% больше женщин чаще идентифицировали себя с людьми общих нравственных принципов, сходных читательских вкусов, на 4% - с людьми, ведущими сходный образ жизни, и т.п. [4]. В то же время в России, на базе исследований молодежи, были зафиксированы некоторые дополнительные гендерные различия: как отмечает М. Губогло: «Прекрасный пол ниже, чем сильный, ценит профессию, здоровье, патриотизм, благополучие, зато более высокую оценку дает дружбе, совести, умению веселиться, справедливости, конформизму, предприимчивости, духовности» [1, 143]. Однако,

поскольку эти результаты получены на чужих выборах, мы не можем с полной уверенностью переносить их на белорусское население. Вполне возможно, что среди белорусов (включая молодежь), указанные различия не будут выявлены.

По данным межэтнических исследований, проведенных в других странах, внутри каждого этноса имеют место свои специфические гендерные различия, связанные с культурным и историческим развитием этноса [1, 115]. Однако ввиду того, что в исследованиях, проводимых в Беларуси, преобладали этнические белорусы, пока не представляется возможным статистически подтвердить или опровергнуть подобные гендерные различия.

В заключение подчеркнем, что, поскольку гендерные проявления идентичности во многом проявляются под влиянием воспитания и образования, постольку на государственном уровне необходимо уделять достаточно много внимания их сознательному формированию, соответствующему государственной национальной идеологии. Государство должно заботиться как о предоставлении обоим полам равных социальных возможностей в развитии и самореализации личности, всех видов социокультурной идентичности, так и о поддержании жизнеспособности и нормального развития семейной идентичности.

Литература

1. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003.
2. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России // Геополитическое положение России. М., 1999.
3. Йоас Х. Креативность действия. СПб., 2005.
4. Мониторинг социально-политического состояния белорусского общества. Мн., 2005.
5. Национальная идентичность Беларуси: материалы семинара / Общ. ред. Г. Курт; Фонд им. Ф. Эберта. Мн., 2004.
6. Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Мн., 2001.
7. Пушкарева Н.Л. Русская женщина. Прошлое и современность. М., 2001.
8. Рудкоўскі П. Ад ідэнтычнасці да саборнасці // АРСНЕ. 2006. № 1-2.
9. Семья, гендер, культура / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997.
10. Теннис Ф. Общность и общество // Теоретическая социология. Антология. / Под общ. ред. С.П. Беньковской. Ч.1. М., 2002.
11. Титаренко Л.Г. Гендерная социология. Мн., 2003.
12. Титаренко Л.Г. Тенденции изменения идентичности и базовых ценностей белорусов // Восточноевропейские исследования. 2005. № 2.
13. Giddens A. Nowoczesność i tożsamość. «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności. Warszawa, 2001.

СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С.Т.Кавецкий

*Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина
г. Брест, Беларусь*

Социально-экономические изменения, проходящие в Беларуси в конце XX – XXI века, влияют на характеристику социальной структуры. Социальная структура современного белорусского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на

уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Идет активное размывание грандиозных групп населения, становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, вхождения в властные структуры, социальной самоидентификации. В условиях трансформирующегося социализма наблюдается процесс изменения сложившейся в нем структуры, когда она распадается как бы на несколько относительно независимых друг от друга измерений. Это означает, что изменение материального положения индивида не обязательно приводит к изменению его места в социально-профессиональной структуре, а изменение познания в системе управления, властных отношений не всегда связано с изменением статуса.

Следовательно, необходимо учитывать демографическую ситуацию в республике, сложившуюся в 90-е годы прошлого – в начале нынешнего столетия.

Численность постоянного населения Республики Беларусь по переписи на 16 февраля 1999 года составила 10 млн. 45 тыс. человек¹. В городской местности проживало 6 млн. 961 тыс. человек (69%), в сельской – 3 млн. 84 тыс. человек (31% от общей численности). В Брестской области проживало 1 млн. 485 тыс. человек.

Средняя плотность населения составляет 48 человек на 1 кв. км. Наименьшая плотность населения отмечалась в Витебской области – 34 человека на 1 кв. км, наибольшая – в Гродненской области – 47 человек на 1 кв. км. В Брестской области она составляет 45 человек на кв. км. В г. Минске плотность населения – 6565 человек на 1 кв. км, в г. Бресте – 5968. Численность населения, учтенная при переписи 1999 г., увеличилась на 25% в сравнении с 1959 годом. По областям республики темп прироста населения колеблется от 3% в Могилевской области до 20% в Брестской. Наиболее заметно выросло население столицы. За этот период оно увеличилось в 3,3 раза.

Изменение численности населения республики, областей и г. Минска характеризуется следующими данными.

Регионы	Численность населения (тыс. человек)					1989-1999 годы, прирост численности населения (+) уменьшение (-)
	1959	1970	1979	1989	1999	
Республика Беларусь	8032	8992	9532	10152	10045	-107
Области						
Брестская	1177	1293	1358	1449	1485	+36
Витебская	1273	1369	1385	1410	1377	-33
Гомельская	1359	1531	1595	1668	1545	-123
Гродненская	1074	1118	1127	1163	1185	+22
Минская	1465	1538	1547	1575	1559	-16
Могилевская	1176	1227	1247	1280	1214	-66
г. Минск	508	916	1273	1607	1680	+73

¹ Здесь и далее данные переписи 1999 года в Республике Беларусь.

На нынешнюю структуру населения Республики Беларусь по возрасту и полу оказали существенное влияние не только события последних 10 лет, но и все социально-политические, экономические события и войны прошлого столетия, Чернобыльская экологическая катастрофа 1986 года и вызванные ими изменения в потоках миграции и распределении населения на городское и сельское в уровне и структуре занятости как мужчин, так и женщин, в уровне рождаемости.

Численность населения в послевоенное время постоянно увеличивалась до 1994 года. Однако темпы прироста с начала 70-х годов начали постепенно снижаться.

В период между переписями населения 1989 и 1999 г.г. численность населения уменьшилась на 107 тыс. человек (или 1%), что вызвано естественной убылью населения (превышением числа умерших над числом родившихся), объем которого увеличивается и не компенсируется его миграционным приростом.

Резкое ухудшение демографической ситуации отмечается с начала 1993 года. Именно с этого времени начала проявляться демографическая реакция населения на кризис в экономике и снижение уровня жизни. Эта реакция выражается в росте смертности, в сокращении рождаемости и средней продолжительности жизни, в существенных изменениях в области формирования и стабильности семьи.

За 1989 – 1998 г.г. в республике умерли 1244 тыс. человек, а родились только 1163 тыс. детей. Естественная убыль населения составила 81 тыс. человек.

После переписи процесс депопуляции в стране, начавшийся в 1993 году, продолжался.

Изменение численности населения Беларуси после переписи 1999 года тыс. чел.¹

Возраст	1999 год			2003 год		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Всего	10045,2	10045,2	10045,2	9898,6	7036,4	2862,2
До трудоспособный	2131,9	1509,4	622,4	1833,0	1302,4	530,7
Трудоспособный	5752,1	4330,8	1421,3	5966,1	4562,5	1403,6
Старше трудоспособного	2160,1	1120,1	1040,0	2099,5	1171,6	927,9
Молодежь 16-29 лет	2018,0	1556,3	461,7	2279,5	1794,2	485,3

Численность постоянного населения Брестской области по переписи населения на 16 февраля 1999 года составила 1485,1 тыс. человек. В городских поселках проживало 902,2 тыс. человек (60,8%), в сельских населенных пунктах – 582,9 тыс. человек (39,2% общей численности).

Кроме того, на дату переписи населения учтено и 2,4 тыс. человек, временно проживающих на территории области.

Изменение численности населения Брестской области по переписи характеризуется следующими данными.

	Тысяч человек
1959 (на 15 января)	1177,3
1970 (на 15 января)	1292,8
1979 (на 17 января)	1357,9
1989 (на 12 января)	1449
1999 (на 16 февраля)	1485,1

¹ Шахотько Л. П. Демографическое развитие Республики Беларусь после переписи 1999 г. и проблемы безопасности, Ст. в сб. тезисов республиканской конференции «Беларусь: 10 лет после Каирской международной конференции по народонаселению – М. UNFPA. 2003. –304 с.

После переписи население области хотя и незначительно, но уменьшилось?

1999 16.02	1485,1
2000 0.01	1484,1
2001 1.01	1481,9
2002 1.02	1477,2

По состоянию на 01.01.2004 г. расчетная численность населения Бреста составила 298,3 тысячи человек, в том числе в Ленинском районе - 99,8 тысяч (33,5%), в Московском - 198,5 тысяч (66,5%).

За 2003 год численность жителей увеличилась на 2039 человек. Население города растет, но, если с 1990 по 1995 г. г. количество брестчан увеличилось на 19,5 тыс. чел., то за последующие девять лет, с 1995 по 2004 г.г. - только на 13,5 тыс. человек.

Решающую роль в изменении численности населения сыграл его механический прирост. Как город постоянного места жительства, Брест остается все так же притягательным для жителей провинции, и, как и в прежние годы, сюда приезжает по-прежнему больше народа, чем уезжает. Так, в 2003 году миграционный прирост, т. е. разница между прибывшими в город над Бугом и убывшими составила 1680 человек.

Впрочем, численность брестчан увеличивается не только за счет приезжих - естественный прирост населения за прошлый год составил 359 человек, на свет появилось 3018 детишек, что на 73 маленьких человечка больше, чем в 2002 году. Среди них - 1563 мальчика и 1455 девочек.

Однако, вместе с тем, за период 1990 - 2000 г.г. показатель рождаемости уменьшился с 17,8 до 10,2 случаев на тысячу населения.

За 2003 год число умерших в городах составило 2659 человек, из них 23 ребенка в возрасте до года, трудоспособных людей - 853, или 32,1% от общего количества. За период с 1990 по 2003 г.г. показатель смертности по Бресту увеличился с 6,2 до 8,9 на тысячу населения. Основными причинами, ведущими к летальному исходу, являются болезни системы кровообращения.

Численность населения городов областного подчинения и районов по переписи 1989 и 1999 и данные управлений статистики представлены следующим образом.

	1989	1999	2002	2004
Брест	256	286,4	294,3	298,3
Барановичи	158,4	167,4	168,9	168,6
Пинск	118,3	129,9	130	130,5
Кобрин	45,2	50,7	51,2	50,8
Барановичский р-н	54,9	49,6	47,8	46,4
Березовский р-н	69,2	74,0	73,3	72
Брестский р-н	42,4	45,3	44,9	42,5
Ганцевичский р-н	37,9	36,6	35,9	35,2
Дрогичинский р-н	53,5	51,1	49,8	48,9
Жабинковский р-н	25,3	25,8	25,5	25,3
Ивановский р-н	52,3	50,8	49,8	48,9

² Народное хозяйство Брестской области. Статистический ежегодник, Брест, 2002, - Мн. Статиздат, 2002, -329 с.

³ Брестский курьер № 25, 2004 г.

Ивацевичский р-н	67	69,9	68,1	66,5
Каменецкий р-н	43,5	43,7	42,8	41,9
Кобринский р-н	42,9	41,4	40,1	39,4
Лунинецкий р-н	82,2	80,5	79,8	77,7
Ляховичский р-н	39,3	37	35,6	34,4
Малоритский р-н	29,2	29,1	28,4	28,1
Пинский р-н	71,7	62,2	60,4	58,7
Пружанский р-н	68,5	64,7	63	61,2
Столинский р-н	91,3	89	87,6	86,3

По данным переписи 1999 года на территории республики проживает более 130, а на территории области – более 100 национальностей и народностей. Национальность указывалась опрашиваемыми на основе самосознания. Национальность детей определялась родителями.

Большинство жителей (81%) считают себя белорусами, 11% – русскими, почти 4% – поляками, 2% – украинцами, 0,3% – евреями.

Наибольший удельный вес белорусов в Минской области (87%), наименьший в Гродненской области (62%), наибольший удельный вес русских в г. Минске – 16%, наименьший в Брестской области – 9%, соответственно украинцев в Брестской области – около 4%, в Витебской – 2%, поляков в Гродненской области – 25%, в Могилевской – 0,2%.

Отнесли себя к коренной национальности (белорусы) 85% жителей области, почти 9% – к русским, 3,8% – к украинцам, почти 2% – к полякам, 0,1% – к евреям.

Таким образом, в последние годы демографическая проблематика оказалась в эпицентре общественного внимания и обсуждения на различных уровнях государственного управления, в научных дискуссиях, в средствах массовой информации. Оснований для беспокойства по поводу будущности белорусского этноса более, чем достаточно. В XX веке Беларусь (также как и Россия и Украина) пережила три демографические катастрофы, каждая длительностью в 7-9 лет.

- 1) 1815-1922 г.г. – первая мировая и Гражданская войны;
- 2) 1930-1936 г.г. – коллективизация;
- 3) 1941-1948 г.г. – Великая отечественная война и послевоенная разруха.

С середины 90-х годов явно проявились признаки четвертой такой катастрофы, которая оказалась более растянутой по времени, но не менее разрушительной по своим социальным последствиям, чем предыдущие, и перешла в XXI век. С 1993 года смертность в стране превышает рождаемость: 93 год – на 11 тысяч; 94 – 19 тыс.; 95 г. – 30 тыс.; 96 г. – 46 тыс.; 97 г. 78 тыс.; 2000 г. 41 тыс.; 2001 г. 31,5 тыс. Как свидетельствует статистика, численность населения Беларуси в 2003 году составила 9889,1 тыс. чел., а по классификации экспертов ООН нация, насчитывающая менее 10 млн., обречена на переход в разряд малочисленных вымирающих народов.

В 2003 г. средняя продолжительность жизни в республике составила 68 лет для всего населения, 62,3 года - для мужчин, 74,1 – для женщин. Разница между показателями по полу составляет 11,8 лет.

По уровню продолжительности предстоящей жизни при рождении мы существенно отстаем от большинства развитых стран. Так, например, в Японии этот показатель в 2001 году был равен 78,1 года для мужчин и 84,9 года для женщин, в Швеции – соответственно 77,5 и 82,3 годам, в Канаде – 76,2 и 83,1 годам, т.е. мы уже отстаем от

Японии по мужчинам на 15,8 лет, а по женщинам на 10,8 лет и этот разрыв увеличивается¹.

Сложившаяся в стране кризисная демографическая ситуация требует принятия более кардинальных мер в области демографической безопасности страны. В связи с этим в январе 2002 г. был принят Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь», что предполагает осуществление системы конкретных мер и механизмов, направленных на предотвращение демографических угроз. В первую очередь необходимы:

мониторинг угроз демографической безопасности и прогнозирование факторов, определяющих эти угрозы;

определение прогнозных значений социально-экономического развития, влияющих на демографическую безопасность;

подготовка комплексных государственных мер по обеспечению демографической безопасности путем разработки и реализации демографических программ и прогнозов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

При этом основными значениями демографической безопасности на перспективу, по нашему мнению, должен стать:

в области снижения смертности и повышения продолжительности жизни;

стабилизация роста смертности на уровне 13,5-14 % в ближайшие годы и снижение этого показателя в долгосрочной перспективе;

дальнейшее снижение детской смертности (детей до года) до уровня, сложившегося в развитых странах (4-5%), - в долгосрочной перспективе. Обеспечение мероприятий по выживанию детей, снижение материнской смертности;

удержание продолжительности жизни на уровне 69-70 лет в ближайшей перспективе и увеличение этого показателя до прогнозных значений развитых стран – 74-75 лет в более отдаленной перспективе.

Следует учитывать, что даже при стечении очень благоприятных обстоятельств и эффективности мер демографической политики, направленной на рост рождаемости и сокращение смертности естественный прирост будет минусовым. Хотя в случае высокой эффективности мер демографической политики население будет убывать за счет естественного движения несколько медленнее. Сложившаяся к настоящему времени структура населения, и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию в стране, и численность населения будет уменьшаться еще длительное время. Особенно активно во втором десятилетии XXI века.

Это позволяет оценить современную демографическую ситуацию в стране как кризисную, чрезвычайно опасную, предстоящую угрозу национальной безопасности страны. Следует отметить усиление внимания правительства Беларуси к демографической политике в контексте экономического роста и устойчивости развития. Так, Республика Беларусь – практически единственная среди республик бывшего СССР, где в 2001 году принят Закон о демографической безопасности на 2006-2010 г.г.

¹ Шахотько Л.П. Демографическое развитие Республики Беларусь после переписи 1999 г. и проблемы безопасности, Ст. сб. тезисов республиканской конференции «Беларусь: 10 лет после Капрской международной конференции по народонаселению – М; UNFPA, 2003, - с. 136

Проведенные в феврале 2005 года в г. Бресте конкретно-социологические исследования под руководством автора (выборка 280 респондентов, пол, возраст, социальный статус, образование), показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к следующим социальным группам:

Кем Вы себя считаете?

1. Богатым	1,4%
2. Состоятельным	5%
3. Среднеобеспеченным	25,9%
4. Малообеспеченным	37,1%
5. Бедным	24,2%
6. Живу ниже черты бедности	6,4%

Критерии дохода брестчан следующие: а) богатые – более 3 тысяч долларов в месяц на душу, б) состоятельные – от 3 тысяч до 250 долларов в месяц, в) среднеобеспеченные – от 250 до 150 долларов в месяц «чистыми без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей», г) малообеспеченные и бедные (150-70 долларов) без выплат на человека, д) ниже черты бедности (60 долларов и менее).

Показанная выше социоструктура, как матрица, исходящая из дифференциации доходов населения, соотносится матрицей социального статуса. Понятие социального статуса характеризует место личности в социальной структуре общества, и может выражаться в различных качествах и количественных показателях – авторитет, престиж, привилегии, уровень доходов, зарплата, премия, награда, звание, слава и т. п.

Академик Е.М. Бабосов выделяет следующий субординационный ряд:

1) на вершине стратификационной пирамиды находится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, частных крупных фирм и др.), высшие должностные лица в ранге министра и выше. Это фактически новая буржуазия и высшая государственная бюрократия;

2) высший средний слой – средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, крупные ученые, владельцы частных больниц, стоматологических кабинетов и др.;

3) средний слой – профессура, врачи и юристы, имеющие частную практику, руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, старшие офицеры и др.;

4) низший средний слой – учителя, линейные (рядовые) инженеры, работники учреждений культуры, младшие офицеры, квалифицированные работники и т. п.;

5) низший слой – малоквалифицированные рабочие, крестьяне, служащие, сержантский состав вооруженных сил и правоохранительных органов и др.;

6) паразитические слои – мафиозные группы, рэкетеры, грабители, вымогатели, участники бандитских формирований, колдуны, гадалки, проститутки и т. п.;

7) маргинальные слои – опустившиеся на социальное дно из различных социальных групп нищие, бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы, беспризорные подростки и т. п.¹

¹ Бабосов Е.М. Современное общество: социально-стратификационная динамика. с.9.

Таким образом, в условиях белорусской действительности происходит расслоение населения по уровню доходов, материальному благосостоянию, по целому комплексу показателей, формирующих социальное неравенство. Изменяется социальное положение многих групп экономически активного населения. Эта проблема особенно остра для работников с достаточно высоким социально-профессиональным статусом, приобретенным еще до начала изменений 90-х годов. Второй важный аспект - это увеличение маргинальных слоев, и, соответственно, бедных и нищенствующих.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИДЕНТИТЕТ: ВЗГЛЯД С ЛИТОВСКОЙ СТОРОНЫ

Н.Н.Беспамятных

*Гродненский государственный университет им. Я. Купалы,
г. Гродно, Беларусь*

Исследовательский интерес к белорусско-польско-литовскому пограничью как к определенному исторически сложившемуся топосу, локализованному в географическом центре Европы и «прочерченному» изнутри политическими границами Беларуси, Польши и Литвы, не случаен. Глобальные тенденции кросс-культурного взаимодействия приобретают здесь свое концентрированное, «рельефное» выражение, что позволяет усматривать в данном регионе своеобразную лабораторию, в которой эти тенденции поддаются как теоретическому анализу, так и верификации на материалах полевых исследований. Есть и другие, более прагматические предпосылки интереса к пограничной проблематике, связанные как с повышенным риском конфликтности, обусловленным культурной гетерогенностью региона, так и с развитием приграничного сотрудничества в Еврорегионе «Неман». На протяжении последнего десятилетия белорусско-польско-литовское пограничье привлекает к себе все более пристальное внимание социологов, культурологов и представителей других отраслей знания трех стран. Поэтому концептуализация самого понятия пограничья и связанной с ним проблематики не может не принимать во внимание направления исследований и их результаты, предопределяемые как научными традициями, так и особенностями актуальной социокультурной ситуации, сложившейся в каждом из сопредельных государств.

Исследование литовскими учеными проблематики, связанной литовско-польско-белорусском пограничьем, актуализировалось в последнее десятилетие. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные публикации, анализ которых интересен хотя бы уже в том отношении, что они изданы в своем подавляющем большинстве на литовском языке и поэтому представленный в них ракурс рассматривает пограничье в меньшей мере известен русскоязычному читателю. Вместе с тем, этот ракурс достаточно специфичен, поскольку отражает особенности и проблемы этнокультурной ситуации в Литовской Республике, переживающей, как и другие государства региона, период транзитивности, интересен, поскольку основан на серьезном методологическом фундаменте и обширной базе эмпирических данных, и продуктивен, так как результаты проводимых в Литве исследований представляются значимыми и для других пограничных регионов. В целом проводимые в Литве исследования сфокусированы на следующих узловых темах.

Первая исследовательская тема связана с осмыслением литовской культуры и идентитета как ее важнейшей составляющей, как в историческом контексте, так и в контексте современных глобальных трансформационных процессов и порождаемых

ими геополитических реалий. Исторически Литве предопределена принадлежность к региону, который принято называть Центральной Европой и которой традиционно был и остается сферой цивилизационного размежевания и взаимодействия между Востоком и Западом, своего рода цивилизационным пограничьем. А. Андрияускас в этой связи отмечает, что литовцам, последним язычникам Европы, «тайная логика истории» дала жребий находиться в географическом и духовном пространстве между Западным и Восточным мирами, в результате чего «столетиями литовская культура взаимодействовала с культурой соседних народов, испытывала их влияние и, в свою очередь, оказывала влияние на них» [14, 31].

Специфика исторического развития Литвы (длительное сохранение языческих традиций, сравнительное позднее принятие христианства в его римско-католическом варианте, необходимость сдерживания агрессивных устремлений Тевтонского ордена, образование Великого княжества Литовского с доминированием в нем славянского элемента и старобелорусской культуры, постепенная полонизация литовского этноса в результате образования Речи Посполитой, включение в состав России и национальное возрождение, приобретающее как военно-политические, так и собственно культурные формы и приведшее к образованию в 1918 г. независимого государства и т.п.) обусловила «бинарный» характер литовской культуры, в котором, хотя и в разной степени, выражены как «западный», так и «восточный» векторы. Доминирование в ней «западной» культурно-политической ориентации предопределило позицию литовского общества в ситуациях «выбора» (выход из состава СССР и провозглашение независимости в 1990, вступление в ЕС и НАТО). Вместе с тем, актуален и «восточный» вектор, который проявляется как в теоретическом обосновании принципа культурного плюрализма (о чем речь пойдет ниже) и практических шагах в направлении его утверждения в этнически гетерогенном литовском обществе, так и в поддержании и расширении партнерского сотрудничества с восточными соседями, и, прежде всего с Республикой Беларусь. Последнее реализуется в различных сферах, в том числе и в научной области, в совместных исследовательских программах и проектах. Одним из «знаковых» событий в этой сфере стало издание совместной книги «Регионализм как культурная альтернатива глобализации» [18], представляющей собой сборник статей белорусских и литовских авторов и посвященной актуальным проблемам сохранения аутентичных культур пограничного региона в условиях глобализирующегося мира.

Ситуация глобализации, которую переживает Литва, катализируется интеграцией страны в западноевропейское сообщество. Эта ситуация затрагивает все сферы культуры литовского общества и порождает трансформацию самих ценностных оснований литовского идентитета. Проблематика, связанная с изучением идентитета литовского народа, является одним из приоритетных направлений гуманитарных исследований в стране, о чем свидетельствуют не только многочисленные публикации, но и институционализация самого этого направления. Наличие в структуре Института культуры, философии и искусства, ведущего учреждения Литвы в области гуманитарных исследований, сектора литовского идентитета служит этому достаточным подтверждением. Подчеркивая приоритетный характер этой проблемы, А. Самалавичюс отмечает следующее: «Не вызывает удивления, что в течение последних лет вопросы национального идентитета обсуждаются открыто и остро, как в академических кругах, так и в общественном дискурсе. Следует добавить, что быстрая экспансия глобализации и проникновение глобальных сил в локальные сообщества и их рынки порождает чувство небезопасности, страха и разочарования во многих регионах мира» [14, 9]. Литва, ставшая частью объединенной Европы, не является исключением.

Фактически начало философско-социологическому изучению литовского идентитета было положено еще в начале 1990-х гг. Наиболее интересные материалы для понимания особенностей современных идентификационных процессов в литовском обществе содержатся в обобщающей монографии «Изменения идентичности в современной Литве» [4], в первую очередь в таких ее разделах, как «Изменения идентичности: память и забывчивость» (А.Валантеюс), «Изменения идентитета: различия между поколениями» (Л.Астра), а также в работах Р.Григаса других авторов [5; 6]. В последующем закономерности социокультурной динамики литовского общества и его ценностных оснований в своем обобщенном выражении нашли отражение в монографиях, вышедших в серии «Ценности литовцев». К настоящему времени опубликованы четыре книги этой серии: «Европа и мы» (2001), «Измерения различий: ценности литовцев в европейском контексте» С. Юнкявичюса (2002), «Объединяющаяся Европа: ценностный аспект» (2003), «Постматериализм и глобализация: специфика ценностных изменений в посткоммунистическом обществе» А.Савицкой (2004). Характерно, что изменения литовского идентитета, обусловленные процессами глобализации и вестернизации (автор последнего исследования проводит различие между этими понятиями), на протяжении последнего десятилетия связаны, главным образом, со «сдвигом» от локального к национальному, тогда как европейские и глобальные ценности доминируют пока у незначительной прослойки литовского общества: «Чем люди моложе, образованнее, профессионально более подготовлены и состоятельны, тем в большей мере они подвержены глобализационным воздействиям и тем более широким оказывается пространство, с которым они себя идентифицируют» [15, 130].

Третий аспект, неразрывно связанный с предыдущим и достаточно артикулированный в современных гуманитарных исследованиях литовских авторов, связан с вхождением Литвы в Европейское сообщество. Политическая трансформация и расширение Евросоюза актуализирует проблему этнокультурного плюрализма как одного из базовых принципов культурной политики сообщества и их распространения на реалии литовского общества. В рамках данного аспекта представляют интерес теоретические исследования Б.Никифоровой и других авторов, в которых эта проблема находит свое осмысление, главным образом, с позиций постмодернистской философии [11; 12]. В рамках небольшой статьи нет возможности представить сколь бы то ни было развернутый анализ самой проблемы культурного плюрализма в ее интерпретации литовскими исследователями, тем более его практической реализации. Сложность проблемы заключается в том, что этнокультурная гетерогенность литовского общества оказывается неразрывно связанной с его религиозной плюралистичностью. Наряду с традиционным доминированием католицизма среди литовцев и поляков в Литве представлены православие, старообрядчество, греко-католичество, лютеранство, реформатство, многочисленные постпротестантские течения, иудаизм, ислам, караимы, кришнаиты, неоязычество (чаще всего в его имитационных формах) и т.п. При этом имеет место частичное наложение этнических и конфессиональных границ, что порождает дифференциацию этнических групп по конфессиональному признаку (русские православные и староверы; белорусы православные и униаты и т.п.). Литовский мультикультурализм имеет как традиционные, исторические корни, так и относительно новые тенденции и проявления. Эти обстоятельства осложняют задачу подведения литовского общества под европейские стандарты, тем более, что сами эти стандарты являются предметом дискуссии. В рамках постмодернизма формируется концепция «нового» плюрализма, который носит, по мнению Б.Никифоровой, национально-этнический характер, разрушая при этом не

только религиозную монолитность европейских государств, но и расовую и национально-этническую. При этом складывается новая модель взаимоотношений национально-этнических меньшинств с национально-этническим большинством общества. Во всяком случае, «религиозно-культурный плюрализм в условиях глобализации мирового сообщества порождает новые проблемы, а вступление Литвы в ЕС значительно ускоряет процесс плюрализации. Поэтому в Литве, в сравнении с другими европейскими странами, есть на что опереться в своей истории» [11; 158-159].

Важно подчеркнуть, что юридической основой построения гражданского общества в Литве на основе принципа культурного плюрализма стал «нулевой вариант» законодательства о гражданстве. В современной Литве функционируют многочисленные и разнообразные (образовательные, конфессиональные, культурно-просветительские, масс-медийные и т.п.) институты, призванные удовлетворить запросы «меньшинств» и обеспечить партнерские отношения в обществе. Приведем лишь один пример. В первые годы независимости в Вильнюсе, где белорусы составляют 6% населения города, открыта средняя школа с преподаванием на белорусском языке. Подготовка кадров для этой школы (и для белорусских классов других школ страны) осуществляется в Вильнюсском педагогическом университете на отделении белорусской филологии силами кафедры белорусской филологии и межкультурных коммуникаций, которая также была организована в годы независимости и на которой автор этих строк имел возможность вести преподавательскую деятельность в 2000 г.

Четвертый аспект исследований литовского общества предопределен этническим составом населения Литвы и с анализом взаимоотношений титульной нации как «большинства» и нелитовских общностей, выступающих как этнокультурные «меньшинства». Однако, если проблема культурного плюрализма, о которой речь шла выше, рассматривается преимущественно с философско-культурологических позиций, то разработка темы «большинство / меньшинство», жизненно важная для укрепления независимого Литовского государства и консолидации его общества, осуществляется социологическими методами.

Этнокультурная ситуация в Литовской Республике такова, что, в сравнении с другими балтийскими государствами ее национальный состав более моноэтничен. Литовцы составляют в структуре ее населения 81,3%; вместе с тем, здесь представлены другие этносы: русские (8,4%), поляки (7,0%), белорусы (1,5%) [1, 46]. Особенностью этносоциальной структуры населения страны является и то, что, во-первых, этнокультурные меньшинства достаточно компактно сосредоточены в ее юго-восточной части, примыкающей к государственной границе Литвы с Польшей и Беларусью, и которая в Литве именуется Вильнюсским краем, во-вторых, что эти общности представляют собой диаспоры больших наций, обладающих государственным суверенитетом. Если речь идет о Вильнюсском крае, то его этническая структура заметно контрастирует со структурой населения страны в целом. В составе его населения литовцы составляют 53%, поляки – 26%, русские – 16%, белорусы – 5% [1, 46]. Эта ситуация предопределяет специфику межкультурных взаимодействий и особенности культурной и структурной интеграции меньшинств в литовском обществе.

Среди существенно важных результатов проводимых литовскими учеными исследований погранично является обоснование стратегий аккультурации этнокультурных меньшинств. Методологической основой таких исследований является современная кросс-культурная психология. В конце 1990-х гг. канадский исследователь Дж. Берри, один из основоположников кросс-культурной психологии и автор теории стресс-аккультурации, обосновал четыре модели аккультурации: ассимиляцию, сегрегацию,

маргинализацию и интеграцию [3]. Применительно к реалиям литовского пограничья эти модели нашли конкретизацию в работах Н.Касаткиной и других исследователей [7; 8; 9] как стратегии аккультурации и были обозначены как «традиционная», «конкурентная» и «космополитическая». Первая проявляется в возрождении частичной реконструкции национальных традиций. Вторая выражается в стремлении национальных меньшинств посредством образования и социальной активности утвердиться в доминирующем обществе. Третья состоит в стремлении индивидов различных групп изучить как можно больше языков и получить образование, соответствующее мировым стандартам и стать «настоящими европейцами» [17, 83-85]. В Вильнюсе состоялось несколько научных конференций, посвященных проблемам меньшинств в Литовской Республике. Продолжением этой темы стали исследования идентитета литовской диаспоры, прежде всего в США (исследования А.Норвиласа) [13] и Беларуси. В этом отношении представляет интерес вышедшее в 2002 г. в Каунасе под редакцией ныне покойного профессора Велюса двухтомное исследование, посвященное литовцам Лидского района Беларуси [10].

Еще одна тема проводимых в Литве исследований связана с осмыслением жизненной ситуации и творческого наследия представителей литовской духовной элиты двадцатого столетия, прежде всего Видунаса (работы В.Багдонавичюса) [2; 17; 18; 19, 30-35], Мацейны (И.Бальчюс) [19, 21-25], Сеземана (Л.Анилените) [19, 35-40], Карсавина (А.Коницкис) [19, 35-40]. На первый взгляд эти исследования носят историко-философский характер и непосредственно не связаны с современными трансформационными процессами. Однако более пристальное обращение к этим и другим мыслителям позволяет выявить принципиально важную закономерность, которая имеет не только узко локальный, но и универсальный характер, и в этом отношении органически связана с проблематикой трансформирующегося пограничья и его влияния на творческую креативность. Дело в том, что жизненная экзистенция каждой из этих личностей, заложивших начала литовской философии XX столетия, может быть выражена в категориях этно-социального и личностно-психологического характера, что предопределило как общую интенциональность их духовных поисков, так и конкретные способы осмысления идентичности, в которых личностное начало оказалось сопряженным с национальным, региональным и глобальным.

Мудрец Видунас, литовец, чьей духовной аурой были отеческое язычество и мистика Востока, искавший в ситуации немецкого культурно-языкового доминирования «смысл бытия нации в глобальном движении к всеобщности» [2, 314]; Сеземан, обрусевший швед, ученый с европейским именем, заложивший начала академической философии в Каунасском университете и немало сделавший для разработки литовской философской терминологии; не менее знаменитый философ Карсавин обретший в Литве не только родину, но и наиболее благоприятную почву креативной деятельности и продолжавший писать по-литовски теоретические тексты в лазарете заповядного концентрационного лагеря, — эти личности являют собой феномены, чья творческая экзистенция в немалой степени была предопределена ситуацией этнокультурного пограничья. Этнокультурное пограничье всегда предполагает наличие Другого. Поэтому, как пишет в статье «Творческая экзистенция и культурная среда» Т.Качераускас, «вовлечение Другого (в обличье предмета или человека) в нашу экзистенциальную целостность становится критерием его действительности. Вовлечение предполагает постоянное перемещение границ экзистенциального пространства, т.е. подвижность нашей последовательной целостности. Значит, творчество человека направлено... на жизненную целостность, требующую постоянно открывающего возобновления» [19, 45]. Вхождение творческой личности в инокультурную среду и являло

собой подобное расширение ее экзистенциального пространства, благодаря (а не вопреки) чему ее креативная деятельность достигала своих вершин.

Таковы лишь некоторые аспекты и направления гуманитарных исследований в области этнокультурного пограничья, проводимых литовскими учеными. Представленный здесь эскизный взгляд на подходы и результаты этих исследований позволяет составить более предметное представление о литовско-польско-белорусском пограничье как исследовательском объекте, так и о концептуальных основаниях его изучения. Происходящие в этом ареале процессы имеют свои особенности, которые фокусируют исследования на проблеме идентитета и литовской культуры в целом как в европейском и глобальном, так и во внутреннем, национальном масштабе.

Литература

1. Acquaintance with Lithuania: Education, science, new technologies. - Vilnius: Kraštotvarka, 1997.
2. Bagdonavičius V. Vydūnas tarp tautiškumo ir globalumo // Etika globalizacijos sąlygomis. - Vilnius: Kultūros filosofijos ir meno institutas, 2004.
3. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation. - Ontario: Sage Halsted, 1996.
4. Changes of identity in modern Lithuania / M. Naljunaitė (ed.). - Vilnius: Lithuanian Institute of Philosophy and Sociology, 1996.
5. Grigas R. Tautinė savivoka. - Vilnius: Rosma, 2000;
6. Grigas R. Tautos likimas sociologinė apybraža. - Vilnius: Rosma, 1995.
7. Kasatkina N. Rusai Lietuvos valstybėje: etninio identiteto istorinė perspektyva / Paribio Lietuva: Sociologinė Paribio gyventojų integravimosi į Lietuvos valstybę apybraža. - Vilnius, 1996.
8. Kasatkina N., Leončikas N. Lietuvos etninių grupių adaptacijos kontekstas ir eiga. Tyrimo modelis. - Vilnius: Eugrimas, 2000.
9. Kasatkina N. "Istorinės" diasporos šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje // Filosofija. Sociologija. - 2003. - N 2.
10. Lydos krašto lietuviai: Monografija, 2 tomai, red. komis. N. Velius (pirm.) ir kt. / - Kaunas: Poligrafija ir informatika, 2002.
11. Nikiforova B. Nauji religinio pluralizmo profiliai globaliame pasaulyje // Kultūrologija: Kultūros, filosofijos ir meno institutas. - 2004. - T.11.
12. Nikiforova B. The Other in a Situation of Religious Pluralism (A Postmodernist Discourse) // Logos: religijos, filosofijos ir komparatyvistikos žurnalas. - 2004. - N 44.
13. Norvilas A. Amerikos ir Kanados lietuvių jaunuolių tautinė sąmonė bei tapatybė // Psichologija. - 1999. - N 19.
14. Post-Communist Lithuania: Culture in Transition / Ed. by S. Junkevičius. - Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2005.
15. Savicka A. Postmaterialism and Globalisation: The Specificity of Value Change in the Post-Communist Milieu. - Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2004.
16. Sugrįžti prie Vydūno: straipsniai, esė, pokalbiai / Red. V. Bagdonavičius - Vilnius: Kultūra, 2001.
17. Vydūnas lietuvių kultroje: straipsnių rinkinys / Red. V. Bagdonavičius. - Vilnius: FSTI, 1994.
18. Kasatkina N. Стратегии аккультурации в группах этнических меньшинств Литвы // Русские граждане Литвы: Материалы конференции "Проблемы русских Литвы в гражданском обществе Литвы". - Вильнюс, 1999.
19. Регионализм как культурная альтернатива глобализации: сб. научн. статей / Regionalizmas kaip kultūrinė alternatyva globalizacijai: Mokslinių straipsnių rinkinys / red. Vaclovas Bagdonavičius. - Гродно / Gardinas: ГрГУ / GUV, 2005.

НЕОМИСТИЦИЗМ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

И.И.Акинчиц, Т.И.Акинчиц

Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

В научном религиоведении понятие "мистика" употребляется в широком и узком смысле. В первом случае имеется в виду такое толкование бытия, при котором в объективной реальности усматривается таинственное непостижимое начало. В узком смысле мистика – это религиозная практика, имеющая целью экстатическое переживание непосредственного "единения с абсолютом", а также совокупность теологических и философских доктрин, осмысливающих, оправдывающих и регулирующих эту практику. Причем в ортодоксальных системах теизма (иудаизм, христианство, ислам) под абсолютом понимается личный Бог, а единение с ним представляет собой диалогическое общение, не достигаемое лишь односторонним усилием. В харизматических течениях протестантизма и новых христологических культах данное общение рассматривается как "слияние с Богом". В нетеистическом мистицизме (даосизм, неоплатонизм, буддизм) место личного Бога занимает безличное трансцендентное начало.

Мистицизм начинает формироваться еще в первобытном обществе. Его первоначало можно усмотреть в шаманско-оргастических культах, главная задача которых заключалась в экстатическом снятии дистанции между человеком и сверхъестественным миром, т.е. миром духов, а затем и богов. В родовом обществе мистика охватывала широкий круг явлений познавательной деятельности человека, являясь, с одной стороны, неизбежным дополнением к положительным знаниям о человеке и окружающем его мире и образуя мировоззренческую и обрядовую основу перво-бытных верований, – с другой. Так, например, знахари-лекари тех времен, стремясь сохранить за собой монополию на знание, окружали его разного рода домыслами и вымыслами, подчеркивая непостижимое для рядовых соплеменников его таинственное происхождение. С самого начала развитие первобытной мистики было детерминировано социально-культурными условиями и гносеологическими обстоятельствами.

В дальнейшем мистика самым причудливым образом переплетается с зачатками научных знаний и играет значительную роль не только на бытовом уровне, но и в общественно-политической жизни. В частности, в древних цивилизациях была широко распространена астрология, мантика, каббала, халдейская мистика. Например, халдейские астраномы знали, что солнечный год составляет 365,25 суток, умели на несколько десятилетий вперед исчислять время солнечных затмений. Но в то же время они считали, что судьбы отдельных людей, народов и государств можно определить по положению небесных тел. В средневековой Европе широкому распространению мистицизма способствовали бесконечные войны, стихийные бедствия и эпидемии. Причем особенно широкое распространение получила вера в ведьм и колдунов. Об этом свидетельствует сочинение Шпренгера и Инститориаса "Молот ведьм", издававшееся в течение столетия 29 раз в Германии, Франции и Италии и получившее самую высокую оценку со стороны папы римского.

В новое и новейшее время пышным цветом расцветает спиритуализм, теософия, антропософия, чародейство, различные виды мантики. Вера в возможность предсказания будущего становится наиболее распространенным видом мистицизма. Так, во Франции официально зарегистрировано около 40 тысяч профессиональных

хиромантов, в США открыт ряд учебных заведений по подготовке предсказателей судеб – "Американский колледж астральных наук" (Нью-Йорк), "Колледж магов" (Сан-Франциско), "Колледж универсальной правды" (Чикаго) и т.д.

В трансформирующемся обществе мистика не только удерживает свои прежние позиции, но и систематически их укрепляет. На наш взгляд, данное укрепление свидетельствует о духовном кризисе трансформирующегося общества. Эпоха "советского социализма" была тесно связана с грандиозными "эсхатологическими" ожиданиями народа, верившего, что очень скоро наступит "земной рай". Эта вера помогала людям переносить невыносимые тяготы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, репрессии 30-х годов, Великую Отечественную войну, восстановление разрушенного войной народного хозяйства, эпоху "развитого социализма". Но, хотя социализм вроде был построен "полностью и окончательно", никакого земного рая явно не наступило. "Эсхатологические" ожидания с неизбежностью должны были переноситься на более отдаленное светлое будущее. К концу XX столетия слишком великим оказался разрыв между народными чаяниями и реальным положением дел. Поэтому возникла потребность в новых идеологических подпорках. И найти их оказалось не так уж и трудно. Мы не построили земного рая, но зато получили суверенитет и начали строить "сильную и процветающую Беларусь". Смещение акцентов с "социалистической эсхатологии" на суверенитет и культ мощной государственности сопровождалось своеобразным религиозным ренессансом. К началу XXI столетия религиозные идеи и культовая практика объединили около 50% взрослого населения республики.

В религиозной жизни современной Беларуси наиболее важную роль играет Белорусская Православная Церковь. Согласно результатам конкретно-социологических исследований, около 80% верующих считают себя православными. Белорусский Экзархат Московского Патриархата объединяет 10 епархий, в которые входит около 1,5 тысячи приходов, 8 женских и 5 мужских монастырей, 12 религиозных братств и 6 сестричеств, 3 духовные учебные заведения. В приходах функционируют около 400 воскресных школ и групп по обучению религии детей и взрослых.

Немногим более 14% от общей численности верующих считают себя католиками. Римско-католическая церковь в Беларуси имеет более 400 парафий, 7 женских монастырей, 3 благотворительных общества "Каритас", духовную семинарию, около 300 воскресных школ. В республике учреждена Конференция католических епископов во главе с кардиналом К.Свентеком, одной из главных задач которой является укрепление веры.

В процессе трансформации белорусского общества заметно усилили свои позиции протестантские течения. 15 протестантских конфессий имеют в своем распоряжении почти 900 общин, в которых верующие удовлетворяют свои религиозные потребности. Действуют также старообрядческое, мусульманское и иудейское объединение, общины греко-католической церкви и т.д.

Эти цифры и факты наглядно свидетельствуют о возросшей интенсивности религиозной жизни в Беларуси. Несомненно, на этот процесс существенное влияние оказало новое законодательство, регулирующее взаимоотношение церкви и государства. Уже в Законе "О свободе вероисповедания и религиозных организациях", принятом в декабре 1992 года Верховным Советом Республики Беларусь, было подчеркнуто, что государство берет на себя ряд обязательств, связанных с

деятельностью религиозных организаций, а также содействует установлению отношений терпимости и уважения между гражданами, исповедующими религию или не исповедующими ее. Закон представлял собой совокупность нормативных актов, дающих гражданам право самостоятельно определять свое отношение к религии и церкви, высказывать и распространять убеждения, связанные с этим отношением.

30 марта 1994 года вступила в силу пятая Конституция Республики Беларусь. В ней было записано, что в нашей республике отношение государства и конфессий регулируется законом. В новой редакции Конституции, принятой на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года, данный принцип дополнен следующим образом: "Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа". Следовательно, государство не ориентирует общественную жизнь исключительно на светские ценности и нормы. Напротив, оно ориентирует церковь на усиление духовно-нравственного влияния на сознание и поведение людей. Оно сняло запрет и ограничения не только на культурную, но также социальную, хозяйственную и иную деятельность религиозных организаций. Оно признало за этими организациями право собственности и право юридического лица. Оно распространило на клир нормы трудового законодательства, социального обеспечения и страхования. Государство также заключило с Белорусской Православной Церковью соглашение о тесном сотрудничестве. Таким образом, в Беларуси набирает обороты процесс сращивания церкви и государства. Причем речь идет прежде всего о Белорусской Православной Церкви. В качестве примера такого сращивания может служить "Соглашение о сотрудничестве", подписанное министром образования Республики Беларусь А.М.Радьковым и патриаршим экзархом всей Беларуси, митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, а также присвоение последнему звания "Герой Беларуси".

Прямое нарушение принципа свободы совести, важнейшей чертой которого является отделение церкви от государства и школы от церкви, "оправославливание" государства, с одной стороны, ведет к постоянному росту численности православного населения республики, укреплению "государственной" религиозности. Такое положение дел напоминает Россию эпохи Николая I. Тогда православие было основным идеологическим символом самодержавия и основным источником его легитимации. Суть известной триединой уваровской формулы заключалась в том, что православие объявлялось истинной верой русского народа, самодержавие — его «естественным» политическим устройством. При этом утверждалось, что все эти три компонента — русский народ, русская вера и русское самодержавие — находятся в неразрывном единстве. Разумеется, никакая мысль об отделении церкви от государства в то время не могла быть озвучена. Россия была страной с самой «неотделенной» от государства церковью в Европе. Здесь осуществлялось постоянное ограничение прав и преследование всех «неправославных». Тоталитаризм формального православия ставил труднопреодолимую преграду на пути религиозной мысли. И, как поток, на пути которого поставлена плотина, изменяет свое направление, так и мысль многих россиян устремилась в «неправославном», а нередко и нерелигиозном направлении, как об этом прекрасно написал в «Бесах» Ф.М.Достоевский.

В современной Беларуси государственное православие и «оправославивание» государства с неизбежностью порождает мысль о сопротивлении данному процессу. И многие из тех людей, которые не воспринимают материалистическую концепцию мироздания, уходят от «официальной» религии в мистицизм. Именно в этом, на наш взгляд, заключается одна из важнейших причин укрепления мистицизма в трансформирующемся обществе. Разумеется, нельзя не учитывать при этом социальных условий, приводящих к мистике тех людей, которые потеряли уверенность в завтрашнем дне.

Поэтому самиздатовские переводы и пособия по восточным диетам, медитации, астрологии, каббале заполнили книжные киоски. Поэтому многие, затаив дыхание, слушают рассказы о звездных пришельцах, снежных людях. Поэтому многие лечатся у экстрасенсов, пытаются вступить в «энергетический контакт» с космосом, становятся поклонниками ушу. Поэтому многие стремятся постичь окультную загадочность «Ста веков» Илья Глазунова, «Тайную Доктрину» Елены Блаватской, «Агни-Йогу» Елены Рерих и т.д.

Современный мистицизм не ограничивается рамками какой-либо одной религии. В нем можно найти следы первобытных верований, синкретизированные представления современных религий, а также понятийный аппарат современной науки. Причем благодаря синтезу науки и религии, восточных и западных учений неомистицизм устремлен в будущее. Но в то же время его отличает ностальгическая оглядка на далекое прошлое, в котором человек находился в естественной гармонии с природой. Неомистики заявляют о том, что наши далекие предки в совершенстве владели ясновиденьем, а мы поменяли этот дар на сомнительные преимущества современной цивилизации. С другой стороны, они подчеркивают, что в результате органического соединения восточных и западных учений раскрываются паранормальные способности индивида, свидетельствующие о выходе человечества на новую ступень развития. По их мнению, дальнейшая эволюция человечества связана с выходом науки на новые рубежи, где она сольется с мистическим опытом.

В нашей республике действует ряд неомистических групп, претендующих на владение эзотерическими знаниями, полученными на основе мистического опыта. Эзотерический означает тайный, понятный лишь посвященным. Странники эзотерических знаний утверждают, что их учение труднодоступно для понимания, оно может быть постигнуто лишь интуитивно. Этим группам, как правило, присущ холистический подход к объяснению мироздания, т.е. они рассматривают мир как органическое целое, в котором каждая часть связана с универсумом. Они призывают к защите природы и животного мира. Но, по их мнению, окружающую среду необходимо охранять для облегчения контактов с космосом и энергетического обмена с деревьями и минералами. А животных надо охранять прежде всего потому, что они связаны с человеком цепочкой перерождений. Более того, необходимо охранять и церковные здания, поскольку они содержат в себе целительную энергию космической любви.

Есть в республике также сторонники Агни-йоги (живой этики). Они верят в реальность существования Шамбалы, где находятся также махатмы (мудрецы) Майтрея (будущий Будда), И.Христос и т.д. Для установления контакта с Шамбалой приверженцы Агни-йоги совершают групповую медитацию по принципу спиритического сеанса. Они верят, что наша планета контролируется внеземными цивилизациями с более высоким уровнем развития. А неопознанные летающие

объекты, по их мнению, являются посланниками Шамбалы из других миров. Белорусские последователи живой этики занимаются также экстрасенсорикой, лечебным голоданием, испытывают себя холодом.

Среди неомистиков можно встретить также группы уфологов, которые различные аномальные явления, неопознанные летающие объекты рассматривают как проявление астрального и космического миров. Они почитают особые зоны, в которых наблюдались НЛО, а также предметы, доставленные из этих зон. Эти уфологи считают, что при помощи таких предметов можно относительно легко вступить в контакт с представителями внеземных цивилизаций.

В Минске и Бресте проявляют заметную активность сторонники учения Праджапита Брахма Кумарис. Это мистико-религиозное течение было зарегистрировано в Министерстве юстиции Республики Беларусь как «общественная организация». Но в основу ее деятельности положено учение Брахма Кумарис (дочери Брахмы), в котором отмечается, что Праджапита Брахма обладает божественными качествами и является воплощением бестелесного бога Шивы. Неомистицизм данного течения базируется на идее экзистенции трансцендентной сущности человека (всевышней души), которая якобы является матерью и отцом всех индивидуальных душ. Сторонники данного учения верят, что Праджапита Брахма имеет видения «с помощью третьего глаза овальной бестелесной формы Всевышнего». Главным элементом культовой практики Брахма Кумарис является раджа-йога, которая расценивается как «королевский путь» к самореализации личности. По мнению учеников Праджапиты Брахмы, благодаря раджа-йоге человек преодолевает возмущение, высокомерие, гордость, гнев, желание, зависть, злость, страсть и ревность.

Минюст Республики Беларусь зарегистрировал также «Международное общество сознания Кришны», основополагающим принципом вероучения которого является постулат «сознания Кришны», под которым, в свою очередь, понимается «сокровенное чистое знание», выходящее за пределы объективного мира. Согласно данному учению, человек является частью Бога и должен стремиться к «высшему сознанию в образе Кришны». Реальный мир в кришнаизме рассматривается как нечестный и неблагочестивый, поэтому «избранным» необходимо уклоняться от общения с другими людьми. Кришнаиты заимствовали в индуизме идеи реинкарнации и кармы, характеризуя биологический статус человека как следствие переселения его бессмертной души из одного тела в другое в зависимости от поведения в предыдущей жизни. Культовая практика основывается на использовании бхакти-йоги как средства богопознания и спасения. Каждый кришнаит обязан ежедневно произнести 1728 раз маха-мантру, представляющую собой приветствие бога Кришны: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Мантра звучит также во время ритуальных танцев и шествий. Подчеркивая свою исключительность, кришнаиты обривают наголо головы, питаются только растительно-молочной пищей, носят унифицированную одежду, изменяют прежние фамилии на новые, монашеские. Разумеется, такой образ жизни, главной целью которого является «достижение сознания Кришны», наносит ущерб психическому, нравственному и физическому здоровью личности, проявляющемуся в индуцированных бредовых расстройствах, десоциализации индивида. Систематические медитации в кришнаитских ашрамах приводят к уродливой деформации психики.

Не обошло стороной нашу республику религиозно-философское мистическое течение оомото. Ее семена в 1994 году посеял в Беларуси В.Ф.Буяк, взявший религиозное имя Бумата Мататацу и титул «священник веры». В этом течении идеи синкретизации современных религий эклектически совмещены с язычеством, поэтому его сторонники в культовой практике руководствуются принципом «единый бог, единый мир, единый язык» и почитают плоды земли, природу в целом. Каждое богослужение сопровождается сеансом групповой терапии, медитацией единоверцев. В процессе медитации, по мнению апологетов оомото, происходит изменение сознания людей, и они приготавливаются к тому, чтобы «слиться с Богом воедино».

Пропитано духом мистицизма сатанинское движение, имеющее своих сторонников в Беларуси. Основатель первой «церкви Сатаны» Энтони Лавей сочинил «Сатанинскую Библию», «Сатанинские ритуалы», а затем написал фундаментальный труд по магии, используемый как руководство в практической деятельности всеми дьяволопоклонниками. В соответствии с этой своеобразной «методической разработкой» сатанисты совершают «черные мессы», во время которых приносят в жертву как животных, так и людей, а затем осмеивают символы христианства. Сатанизм разрешает совершать любые деяния, доставляющие члену «церкви» физическое или же интеллектуальное удовольствие. Сатанисты убеждены, что дьявол – это не чудовище, а феномен, которому следует возносить хвалу и поклоняться ему. Они полагают, что с каждым днем сила христианского Бога убывает, а сила Сатаны растет. И.Христос изображается ими как талантливый мистификатор, убедивший бессильных и растерянных людей поверить в его лживые рассказы. Сатанисты заявляют, что лучше быть князем в аду, нежели рабом в раю.

Последователи сатанизма считают его неотделимым от христианства, так сказать его оборотной стороной. Например, их цвет – черный, символизирующий плотские увлечения, в отличие от белого – символа чистоты и трансцендентности в христианстве. Белой магии они не признают, считая проявление заботы о других либо лицемерием, либо наивностью. В сатанинской теологии алчность и зависть признаются за нормальные чувства, а гнев рассматривается как необходимость самосохранения.

В Беларуси сатанисты за последнее время осквернили ряд православных храмов. А на стенах кафедрального Свято-Духова собора в Минске написали: «Час настал. Волчье логово восстало из пепла, которое несет смерть христианским собакам. Я есть сатана. Я есть истина». Сатанистами были также осквернены могилы православных на кладбищах в Барановичах, Березе, Бресте, Дрогичине и в других местах.

Кроме вышеперечисленных, в Беларуси действуют сторонники ряда других неомистических течений, приносящих психические и моральные страдания людям, калечащих жизнь главным образом молодежи. Новоявленные гуру провозглашают себя всемогущими посланцами потусторонних сил, обещают людям спасение от невзгод и вечное блаженство за гробом. Но проходит некоторое время, и эти «пророки новой истины» исчезают в небытие. Однако «свято место пусто не бывает». Им на смену спешат новые «спасители человечества». Они ловко используют неуверенность некоторых людей в завтрашнем дне, их духовную опустошенность и создают новые неомистические группы в нашей республике.

ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Е. В. Скакун

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Только то общество имеет будущее, в котором молодежь окружена всенародной заботой. Это положение все в большей степени становится аксиомой правительств, серьезно озабоченных перспективой развития. Причем не только аксиомой, но и приоритетным, основным направлением государственной социальной политики. Ведь именно молодежь является тем «мостиком», по которому настоящее страны переходит в будущее. От того, какой она станет, будет зависеть направление социального и научного прогресса.

Поэтому вопросы роли и места молодежи в жизни современного общества, политических позиций и идейных убеждений молодого поколения, уровня его культуры, образования и профессиональной квалификации, нравственного облика и материальных потребностей, жизненных планов и социальных ориентиров имеют огромное теоретическое и практическое значение. Очень важен целостный, системный подход в изучении всего многообразия общественных связей и интересов молодежи. Вклад молодого поколения в развитие белорусской государственности, судьба материального и духовного наследия предшествующих поколений в значительной степени зависят от социально-политической ориентации молодежи, ее идеалов, нравственных ценностей и убеждений, мотивов и внутренних установок.

Как и любая социальная группа в обществе студенчество всегда вызывает огромный интерес у социологов. Студенчество – одна из самых значительных групп молодежи как по численности, так и по своей роли. Эта социальная группа по характеру своей деятельности, взглядам очень близка к интеллигенции. Именно студенчество является основным источником воспроизводства интеллектуального потенциала общества. Это будущая элита страны.

Молодые люди приходят в вуз, уже имея довольно ясные представления о многих проблемах жизни. Становясь студентом, выпускник школы, вчерашний производственник, военнослужащий встает на путь осознанного саморазвития – профессионального и духовного. В эти годы студенческая молодежь включается в различные виды деятельности – учебную, общественно-политическую, научно-исследовательскую, культурно-массовую. Для этого возраста характерно ускоренное накопление знаний, выработка представлений, становление жизненных позиций, убеждений, идеалов, ценностных ориентацией. Студенческий период в жизни молодежи является переходным от состояния общего образования к специальному, высшему.

Своеобразие положения студенческой молодежи в обществе состоит и в том, что студенчество является социальным слоем, образованным на пересечении социально-демографической и социально-профессиональной структур общества. В них оно занимает весьма специфическое положение, которое обусловлено возрастными особенностями и характером основной деятельности. Вузовская молодежь заметно выделяется среди других социальных слоев, причем, по мере развития научно-технической революции ее значение будет постоянно возрастать. Высшая школа выполняет свою самую важную функцию – формирование резерва интеллектуальной элиты. Ведь по сути вуз – это субъект социокультурной трансформации.

На результатах социологического исследования, проведенного социологической учебно-методической лабораторией Брестского государственного университета имени

А.С. Пушкина среди студентов 4-го курса, проанализируем гражданско-политические позиции, жизненные приоритеты студенческой молодежи.

Высокий интерес к политической жизни в стране проявляют 31,9% опрошенных студентов. Еще 44,1% ответили на соответствующий вопрос анкеты «скорее да, чем нет», а 17,9% – «скорее нет, чем да». Только 2,6% респондентов дали на этот вопрос отрицательный ответ (см. диагр. 1). Таким образом, необходимость политического информирования студентов подтверждается данными опроса.

Диаграмма 1

Из событий, которые происходят в мире и в Республике Беларусь, студенческую молодежь больше всего привлекают международные отношения и внешняя политика (72,4%). Не безразличны и к событиям, которые происходят ежедневно в нашем государстве (37,0%). Значительная часть студентов интересуется экономической политикой нашего государства (34,2%).

Интересуется молодежь и спортивными событиями (27,3%), и культурная политика их привлекает (25,0%). Четверть студентов интересуется деятельностью Президента Республики Беларусь.

Таблица 1

Приоритеты в политической и социальной информации
(в. % к числу опрошенных студентов)

Какие события чаще всего привлекают Ваше внимание?	Итого
1. Международные отношения и внешняя политика	72,4
2. Ежедневные события в Республике Беларусь	37,0
3. Экономическая политика	34,2
4. Спортивные события	27,3
5. Деятельность Президента РБ	25,3
6. Культурная политика	25,0
7. Деятельность оппозиции	9,2
8. Работа молодёжных организаций	6,4
9. Работа Национального собрания	1,3
10. Деятельность политических партий в РБ	0,8

В то же время, нельзя не отметить, что 9,2% опрошенных студентов проявляют интерес к деятельности оппозиции. И хотя это не столь и большой процент, данный факт, пожалуй, должен быть в поле зрения университетских идеологов при проведении общественно-политических мероприятий. Каждому студенту, безусловно, надо дать исчерпывающие ответы на все интересующие его вопросы.

Следует иметь в виду, что деятельность оппозиции в сознании студентов отождествляется с конкретными личностями и почти не ассоциируется с функционированием политических партий. О работе политических партий хотели бы получить дополнительную информацию только 0,8% опрошенных.

Практически нет никакого интереса студентов к работе парламента. Только 1,3% респондентов обратили внимание на этот вариант ответа, предусмотренный в бланке анкеты. 6,4% респондентов интересуются работой молодежных организаций.

Каково состояние патриотического сознания сегодняшнего студенчества?

Для того чтобы действовать как гражданин в рамках государства, человек должен считать себя членом сообщества граждан, определять свое отношение к системе ценностей, испытывать чувство гражданской принадлежности.

Патриотизм отождествляется с лояльностью к государству, властным структурам, конституции страны. С этой точки зрения патриотизм является базовым измерением гражданской принадлежности. В советские времена патриотическое выражение чувств одобрялось господствующей идеологией, национализм, безусловно, осуждался, в нем видели угрозу советской гражданской идентичности. Результаты исследования дают возможность выявить отношение студенческой молодежи к ценностям гражданской принадлежности (см. табл. 2).

Ответы студентов показывают, что по сравнению с советскими временами практически исчез идеологический компонент, выросло значение культурного и территориального компонентов гражданской идентичности. Подавляющее большинство студентов испытывают привязанность к земле, на которой живут (88,0%), любят белорусский народ (89,8%), уважают государственные символы (79,0%). Слабо студенты знают язык и культуру своей страны. Только 19,1% респондентов ответили, что знают и 62,5% - скорее да. Менее половины ответивших студентов уважительно относятся к действующей власти (46,4%).

Полученные результаты можно оценивать по-разному, но нельзя не обратить внимание на те базисные ценности, которые определяют отношение молодых граждан нашей страны к своей отчизне. Поэтому особое внимание необходимо обратить на формирование патриотических чувств по отношению к действующей власти.

Таблица 2

**Отношение студенческой молодежи к ценностям гражданской принадлежности
(в % к числу опрошенных студентов)**

Можете ли Вы сказать о себе, что Вы:	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	3/о
1. Знаете язык и культуру Беларуси	19,1	62,5	15,1	2,3	1,0
2. Уважаєте государственные символы (флаг и герб Беларуси)	42,3	36,7	8,2	6,1	6,6
3. Испытываете привязанность к земле, на которой живете	52,3	35,7	5,6	3,1	3,3
4. Уважительно относитесь к действующей власти	12,5	33,9	22,2	13,8	17,6
5. Любите белорусский народ	48,0	41,8	4,1	0,8	5,4

Однако формирование патриотизма немыслимо без роста национального самосознания: национального сознания, национальной гордости, приверженности к национальной культуре, национальным традициям, языку Беларуси. Результаты опроса показали, что для подавляющего большинства студентов важны: суверенная Беларусь (92,1%), национальная гордость (92,6%), национальная культура (93,6%), национальные традиции (92,6%), национальное сознание (90,3%). К белорусскому языку респонденты относятся по-разному. Для 13,3% опрошенных знание белорусского языка очень важно, 62,5% - считают важно. И каждый пятый считает, что для него белорусский язык не важен. Пока еще белорусский язык не входит в число патриотических символов студенческой молодежи.

Таблица 3

В какой степени важны для Вас:	Очень важно	Важно	Не важно
1. Суверенная Беларусь	48,5	43,6	7,9
2. Национальная гордость	45,9	46,7	7,4
3. Национальная культура	44,4	49,2	6,4
4. Национальные традиции	40,6	52,0	7,4
5. Национальное сознание	31,1	59,2	9,7
6. Белорусский язык	13,3	62,5	24,2

Отечество, Родина – это не только объективная реальность, не только система ценностей, в которой каждый ее элемент приобретает для человека личный смысл. Это – одно из самых глубоких чувств человека, эмоционально окрашенное ощущение своей причастности к истории родной страны, её прошлому, настоящему и будущему.

Более 80% участников опроса заявили, что они гордятся историей, прошлым Беларуси. К высказыванию «Я горжусь историческим прошлым Беларуси» присоединились 47,7% опрошенных студентов и еще 32,4% ответили, что «горжусь частично, но не всегда». Студенческой молодежи приходится вырабатывать свои взгляды на жизнь в условиях построения демократического общества. Важнейшим позитивным моментом молодежного сознания последних лет является взвешенный подход к историческому прошлому.

Положительная оценка прошлого, обычно, порождает и веру в будущее. 40,1% студентов полностью присоединились к мнению: «Я верю в лучшее будущее Беларуси» и 41,3% присоединились к этому высказыванию, но с оговоркой «частично».

Более скептическое мнение у студентов о настоящем. Более половины (54,6%) поддержали высказывание: «Я горжусь настоящим Беларуси». Максимализм – характерная черта для молодежи любой эпохи в оценках настоящего. Из этого можно сделать вывод, что воспитание уважительного отношения к происходящему в стране должно стать главным содержанием идеологической работы в вузе.

Таблица 4

Отношение студенческой молодежи к прошлому, настоящему и будущему Беларуси
(в % к числу опрошенных студентов)

	Да, это так	Частично, не всегда	Нет, не могу так сказать	3/0
1. Я горжусь историей, прошлым Беларуси	47,7	32,4	6,4	13,5
2. Я горжусь настоящим Беларуси	13,0	41,6	28,3	17,1
3. Я верю в будущее для Беларуси	40,1	41,3	4,3	14,3

И здесь, пожалуй, не обойтись одними только учебными занятиями. Тем не менее, в процессе трансформирования сознания студенческой молодежи в переходном белорусском обществе, просматривается его главный вектор. Медленно, но уходят в прошлое отжившие мифологемы, постепенно преодолевается отчуждение от государства, власти и политики, все более проявляется рациональность и терпимость в политическом мышлении, поворот к принципам гуманизма, происходит становление новой иерархии ценностных ориентаций молодежи.

Данные социологического исследования показали, что студенческая молодежь свою нынешнюю и будущую жизнь еще не сильно связывает со своей страной. Так на вопрос: «Если бы у Вас был выбор, в какой стране Вы предпочли бы жить?». 37,5% респондентов выбрали бы Беларусь. Почти каждый десятый (12,0%) отправился бы в ближнее зарубежье, каждый пятый (22,4%) – в дальнее зарубежье, и 28,1% еще не определились с выбором, ответив «затрудняюсь ответить».

Таблица 5

Потенциальная эмиграция

(в % к числу опрошенных студентов)

Если бы у Вас был выбор, в какой стране Вы предпочли бы жить?	Итого
1. В Беларуси	37,5
2. В ближнем зарубежье	12,0
3. В дальнем зарубежье	22,4
4. Затрудняюсь ответить	28,1

Мотивы выбора студентами возможной страны для постоянного местопребывания (если бы такая возможность представилась) определяются, в первую очередь, уровнем материального благополучия (59,2% респондентов присоединились к такому варианту ответов).

Среди аргументов потенциальной эмиграции на втором месте называется причина, связанная с расширением возможностей за рубежом для личного самоутверждения – 41,8%.

Почти каждого третьего из опрошенных респондентов могли бы склонить к перемене места жительства родственники, знакомые (27,9%). 12,2% опрошенных студентов хотели бы жить в стране с развитой демократией.

Еще 8,9% предпочли бы жить в более благоприятном климате.

Почти каждый пятый студент однозначно против переезда в другую страну: «Родину не поменяю». К такому выводу присоединились 17,9% опрошенных респондентов.

Таблица 6

Мотивы выбора страны для постоянного проживания

(в % к числу опрошенных студентов)

А что, в этом случае, определит Ваш выбор?	Итого
1. Уровень материального благополучия	59,2
2. Возможность для самоутверждения	41,8
3. Наличие родственников, знакомых	27,6
4. Родину не поменяю	17,9
5. Наличие демократии в стране	12,2
6. Лучший климат	8,9

Таким образом, в условиях трансформирующегося общества гражданско-политические позиции студенческой молодежи подвержены изменениям. И на этом этапе развития общества чрезвычайно актуальным является воспитание чувства собственного достоинства, патриотизма, чувство национального самосознания. Без этих качеств не возможно успешное развития общества, эффективное функционирование всех его сфер.

Патриотизм выступает составным элементом мировоззрения личности, на его основе укрепляется любовь к родине, появляется чувство ответственности за ее будущее, стремление всеми силами способствовать ее независимости и процветанию. На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что формирование ценностно-патриотических установок в сознании и поведении молодежи было и остается одним из важнейших направлений воспитательной работы. В сознании молодежи следует повсеместно культивировать патриотические ценности, какими являются Родина, Отечество, родная земля, труд.

Задача высшей школы состоит не только в том, чтобы выпустить профессионально ориентированного специалиста, но и широко образованного, политически грамотного, разбирающегося в общественной жизни человека.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

А.И.Лысюк, В.П.Люкевич

Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

Проблема общественной безопасности является чрезвычайно разносторонней и многоаспектной. Степень ее актуализации зависит от широкой совокупности факторов исторического, культурного, военно-политического, географического порядка.

В данной статье исследуются особенности восприятия жителями приграничных регионов Брестской области проблем безопасности, связанных с непосредственным соседством с тремя важными игроками европейской политики – Польшей, Украиной и в целом, Евросоюзом. Это тем более важно сделать, поскольку они (жители) связаны с народами сопредельных государств множеством нитей: историческими стереотипами, актуальной практикой, межличностными коммуникациями, медийными потоками, экономической повседневностью, туристическими маршрутами, языковой близостью и т.п.

Насколько же актуальны для жителей приграничных регионов проблемы безопасности, вызванные фактором границы? Именно данной проблеме был посвящен социологический опрос (ноябрь-декабрь 2005 года), проведенный Центром приграничных исследований Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина. По случайной выборке было опрошено 375 респондентов (ошибка репрезентативности не превышает 5%), проживающих в приграничных регионах Брестской области и представляющих основные демографические и профессиональные группы.

Первоначально перед нами стояла задача - определить, какое же место в сознании жителей данного региона среди совокупности угроз и беспокойств занимают военно-политические «страхи» и насколько они актуализированы в настоящее время? Очевидно, что деструктивно влияют на человека и могут, в конечном счете, привести к его уничтожению не только внешние, но и внутренние факторы (природные и техногенные катаклизмы, террор, религиозный и национальный фанатизм, политические репрессии и др.).

Данное исследование показало, что «часто» и «время от времени» испытывает тревогу и беспокойство за безопасность своей личности значительная часть респондентов – 60%, в то время как «редко» и «никогда» соответственно 19,1% и 16,0% опрошенных (табл. 1). Важным в контексте рассматриваемой нами проблемы является то, что в качестве угрозы собственной безопасности назывались, чаще всего, внутренние обстоятельства: низкое качество медицинской помощи (48,9% респондентов), высокий уровень преступности (40,9%), экологические проблемы (32,8%), в то время как угроза военного нападения извне оказалась актуальной только для 6,2% населения региона.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы испытываете тревогу и беспокойство за безопасность своей личности?», в %

Варианты ответа	%
Часто	12,4
Редко	19,1
Время от времени	47,6
Никогда	16,0
Затрудняюсь ответить	4,9

Если же брать в качестве анализа проблему безопасности не личности, а белорусского государства, то выясняется, что уровень общественного беспокойства за его безопасность высок и охватывает почти две трети всех опрошенных – 62,2% (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о белорусском государстве, то вызывает ли у Вас тревогу его безопасность?»

Варианты ответа	%
Да, безусловно	26,7
Нет	31,1
Частично	35,5
Затрудняюсь ответить	6,7

Что или кто, в представлении жителей белорусского приграничья, угрожает Республике Беларусь?

По мнению 40,9% из них, основная угроза – это международная изоляция, что особенно чувствительно для населения приграничных регионов, поскольку естественным образом сопровождается ужесточением пограничного/таможенного режима и ограничением трансграничных коммуникаций.

«Страдающей стороной» являются, правда, не только обыватели, но и государственная элита страны, приобретающая статус «невъездной» в геополитическое пространство западнее Бреста.

Вторая по значимости угроза безопасности РБ, по мнению респондентов, бедность и отсталость (33,3%). Безусловно, основная причина этого традиционна – недостаточно эффективная политика государства. Однако здесь имеется и приграничный аспект. Дело в том, что десятки тысяч жителей регионов, прилегающих к границе, активно участвуют в трансграничной торговле, включая и ее контрабандную составляющую. Ужесточение визового, пограничного и таможенного контроля с неизбежностью наносит экономический нокдаун тысячам людей.

27,1% опрошенных называют в качестве угрозы безопасности Беларуси потерю независимости, что совершенно логично, учитывая как русофильские настроения части белорусской государственной элиты, слабость национального самосознания, так и соответствующую политику российского руководства.

Остальные угрозы белорусской государственной носят «внутренний характер». Среди них лидирует «разгул преступности» (18,8%), что объясняется ростом числа совершаемых преступлений, равно как и коррумпированностью белорусского чиновничества, в особенности, в приграничном регионе.

Само содержание угроз белорусскому государству предопределяет (отчасти) и совокупность государств, являющихся их носителями. Безусловное лидерство среди «врагов РБ» за США – так считают 29,3% респондентов. Причин этого как минимум две: (1) ожесточенная антиамериканская пропаганда в белорусских и российских СМИ; (2) антиамериканские стереотипы, почерпнутые из «советского прошлого».

Обращает на себя внимание тот социологический факт, что впервые за последние годы на второе место в качестве носителя угроз для Беларуси выступили исламские государства (11,1%), что объясняется как интегрированностью части белорусского общества в процессы глобализации, так и очевидностью масштабы исламского террора в современном мире.

Несмотря на обострение отношений с Беларусью и активную презентацию в государственных СМИ образа Евросоюза как политического противника; в реальности рассматривают его таковым только 7,9% жителей приграничных регионов. В первом приближении основная причина этого в том, что если для белорусов США являются в значительной степени виртуальным фантомом, то страны ЕС – это повседневная и совершенно не пугающая реальность, с которой установлено множество коммуникаций.

Россию называют в качестве государства, представляющего реальную угрозу для безопасности современной Беларуси, 5,0% опрошенных (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, какие государства представляют угрозу для безопасности современной Беларуси?»

Варианты ответа	%
США	29,3
Исламские государства	11,1
Страны Евросоюза	7,9
Россия	5,0
Израиль	1,8
Украина	1,0
Страны СНГ	0,6
Китай	0,6
Никто Беларуси не угрожает	26,9
Другое	1,5
Затрудняюсь ответить	2,2

Следует отметить, что в последние два года тонус антироссийских настроений в белорусском обществе снизился. Ключевая причина этого – позиционирование Беларуси в качестве «осажденной крепости», нуждающейся, естественно, в военно-политических союзниках. Данное исследование показало, что 55,2% жителей

приграничных регионов Брестской области полагают, что в случае военной угрозы именно РФ окажет Беларуси необходимую помощь. Далее идут по нисходящей ООН (15,5%), Китай (9,3%) страны СНГ (8,9%), Украина (8,0%), ОДКБ (6,1%) (табл. 4). Обратим внимание на то, что и в ООН, и в СНГ, и в ОДКБ российский фактор более чем существенен. Что касается Китая, то его появление в списке ближайших союзников Беларуси не случайно: в последние годы государственные СМИ часто артикулируют тезис о том, что наиболее устойчивым и верным союзником Беларуси на международной арене является Китай и что формирование стратегической оси «Минск – Москва – Пекин», с примкнувшими к ним Дели и Тегераном, может позитивно изменить существующий миропорядок.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «В случае военной угрозы, на поддержку каких государств мира и международных организаций могла бы надеяться Беларусь?», в %

Варианты ответа	%
Россия	55,2
ООН	15,5
Китай	9,3
Страны СНГ	8,9
Украина	8,0
ОДКБ	6,1
Страны Евросоюза	4,4
Исламские государства	1,1
Никто нам не поможет	5,5
Военной угрозы не существует	19,5
Другое	2,2
Затрудняюсь ответить	10,8

Разумеется, общая канва межгосударственных отношений РБ с другими государствами мира не может не сказываться на безопасности в белорусском приграничье и ее интерпретации его жителями. Наряду с этим, существует и специфика приграничной жизни, формирующая идентификацию угроз с «местной пропиской».

Следует специально отметить, что для большинства респондентов (70,4%) сам по себе факт проживания в районе границы не является источником дополнительных тревог и беспокойств. Ситуация на границе обладает, в представлении жителей данного региона, стабильностью, несмотря на известные трудности в межгосударственных отношениях с нашими соседями на западе и юге. Вместе с тем, 18,4% опрошенных заявили о том, что ситуация на границе в последние годы стала более напряженной (табл. 5).

Таблица 5. Оценка респондентами динамики безопасности в приграничных районах Брестской области, в %

Варианты ответа	Польша	Украина
Стала более напряженной	20,0	17,8
Стала менее напряженной	16,0	8,9
Осталась на прежнем уровне	47,2	59,4
Затрудняюсь ответить	16,8	13,9

Среди конкретных тревог и беспокойств, вызванных проживанием в приграничном регионе, чаще всего называются три фактора: (1) приграничная контрабанда, особенно распространенная в приграничных с Украиной районах; (2) привлечение в приграничные районы маргинальных, криминальных элементов, а также мигрантов; (3) некоторая (небольшая) часть жителей этих районов рассматривает сопредельные территории как плацдарм возможной внешней агрессии.

Однако, по мнению жителей данного региона, «плюсы» проживания в приграничье явно перевешивают существующие «минусы». И потому, что граница дарит возможность дополнительного заработка. И по той причине, что открывает доступ к более дешевым товарам в Польшу и Украине. И в силу того, что местное население активно вовлечено в культурные контакты с соседями. И, безусловно, важным является доступ к информационным каналам соседей.

Что же касается внешнеполитических угроз, исходящих от Польши и Украины, то, по мнению респондентов, их тонус невысок. Так, например, только 5% из них полагают, что от Украины исходит какая-либо угроза для Беларуси и 13,6% - от Польши (табл. 6). При этом, что характерно, среди совокупности зафиксированных угроз чаще всего называются не факторы военно-политические, а те, которые препятствуют приграничной торговле и ограничивают въезд белорусов на территорию соседнего государства. Кроме этого, часть респондентов (около 5%) в качестве угрозы, исходящей для Беларуси из «ближнего Пограничья», указывает на поддержку «заграницей» деятельности белорусской оппозиции.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Исходит для Беларуси со стороны Польши (Украины) какая-нибудь угроза?», в %

Вариант ответа	Польша	Украина
Да	13,6	5,0
Нет	70,4	88,1
Затрудняюсь ответить	16,0	6,9

Чем же обусловлен столь невысокий уровень напряженности в приграничных регионах Беларуси? В значительной степени содержанием и интенсивностью тех информационно-коммуникативных потоков, в которые интегрированы их жители.

Можно выделить три таких потока. В первую очередь, это непосредственные посещения соседних стран. Впечатления от непосредственного восприятия реальности обладают, как известно, наибольшей убедительностью. За последние годы в РП побывали 60,0% жителей приграничных регионов, а в Украине – 89,1%. Основными целями этих посещений являются коммерческие и культурно-туристические соображения, а также посещение друзей и родственников.

Кроме этого, жители Приграничья активно вовлечены в польское (в меньшей степени) и украинское (в большей степени) медийное пространство: 20,0% из них получают информацию от польских радио и ТВ, а 43,6% - от украинских. Уровень доверия к польским электронным СМИ достигает 52%, к украинским – 76,2%.

В определенной степени эффективность информационных содержаний, транслирующихся из-за границы, «снимается» белорусскими радио и ТВ, поскольку именно из этого источника 42,4% респондентов черпают информацию о Польше, а 56,4% - об Украине. Специально отметим, что презентуемые на этих каналах образы соседних государств однозначно негативные.

Темы Польши и Украины являются для жителей региона также частым предметом коммуникаций с друзьями и знакомыми. Основу же этих коммуникаций составляют непосредственные впечатления.

Какой же образ сопредельных государств и народов сформирован у жителей приграничных районов белорусского Приграничья и насколько он заключает в себе для них тревогу и опасения?

Во-первых, Польша воспринимается страной, в которой люди живут лучше, чем в Беларуси, в то время как относительно Украины ситуация с точностью до наоборот (табл. 7). Этот тезис подтверждается и тем, что 54,4% респондентов полагают, что в Польше выше, чем в Беларуси, уровень экономического развития. Аналогичный показатель относительно Украины составляет 18,8%.

Таблица 7. Оценка респондентами уровня жизни в Польше и Украине, в %

Варианты ответа	Польша	Украина
Лучше	57,6	15,8
Хуже	7,9	61,4
Так же как и мы	25,6	11,8
Затрудняюсь ответить	8,9	11,0

Во-вторых, по мнению большинства жителей приграничных регионов Брестской области, в Польше и Украине гораздо хуже обстоит дело с уровнем социальной защиты населения и уровнем преступности.

В-третьих, в представлении наших респондентов, в Польше эффективность органов государственной власти выше чем в Беларуси, в то время как на Украине она несколько ниже.

В-четвертых, данное социологическое исследование указывает на тот факт, что в известной мере в приграничных регионах тонус политической напряженности снимает чувство близости, кровнородственности народа Беларуси с польским и украинским народами. Так, согласно полученных эмпирических данных, только 14,4% респондентов воспринимают поляков сквозь призму некоторой враждебности, чужеродности, и 4,0% - украинцев (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали в настоящее время состояние отношений между народами Беларуси и Польши (Украины)? Эти отношения»; в %

Варианты ответа	Польша	Украина
Дружественные	36,0	44,6
Скорее дружественные, чем нейтральные	29,6	40,6
Нейтральные	17,6	7,8
Скорее враждебные, чем нейтральные	14,4	4,0
Враждебные	0	0
Затрудняюсь ответить	2,4	3,0

В-пятых, трансграничные отношения не могут не испытывать на себе воздействие «большой политики» - сферы межгосударственных отношений между Беларусью и, соответственно Украиной и Польшей. Если общественное мнение жителей приграничных районов существенно расколото относительно дружественности / враждебности отношений между РБ и РП, то в интерпретации отношений между Беларусью и Украиной доминируют мажорные тона (табл. 9).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали в настоящее время состояние межгосударственных отношений между Беларусью и Польшей (Украиной)?» Эти отношения», в %

Варианты ответа	Польша	Украина
Дружественные	16,8	7,9
Скорее дружественные, чем нейтральные	24,8	50,5
Нейтральные	22,4	20,8
Скорее враждебные, чем нейтральные	21,6	12,7
Враждебные	13,6	3,9
Затрудняюсь ответить	0,8	4,2

В-шестых, по мнению респондентов, соседние государства, независимо от направленности своей политики, оказывают ограниченное влияние на развитие событий в Беларуси: 11,2% из них полагают, что Польша оказывает очень сильное или просто сильное влияние на события в Беларуси, и 5,9% согласны с тем, что подобное влияние оказывает Украина.

Что же касается направления и содержания такого влияния, то оно большей частью положительное: 6,9% респондентов указывают, что со стороны Польши оно отрицательное, а 45,5% - «иногда положительное», а иногда отрицательное». Относительно Украины эти цифры выглядят соответственно 3,9% и 38,6% (табл. 10). В целом очевидна позитивная интерпретация влияний соседних государств на Беларусь, включая и приграничные районы.

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос: «Какое влияние на развитие событий в Беларуси оказывает Польша (Украина)?», в %

Варианты ответа	Польша	Украина
Положительное	16,8	21,7
Отрицательное	6,9	3,9
Иногда положительное, иногда отрицательное	45,5	38,6
Нет никакого влияния	9,6	12,8
Затрудняюсь ответить	21,2	23,0

Следует отметить также, что проевроатлантическая политика Польши и Украины не вызывает существенного беспокойства общественности приграничных районов Брестской области. Опасения по поводу вступления Польши в НАТО и Евросоюз выразили 18,4% респондентов, в то время как 56,8% полагают, что «это дело самих поляков». Намерение же Украины вступить в НАТО и ЕС вызывают беспокойство у 10,9% опрошенных. Сравним: 20,8 полагают, что «мы должны сделать то же, что и украинцы», а еще 46,5% - «это дело самих украинцев». Как следствие этого, только 15,5% опрошенных отрицательно относятся к тому, что Беларусь стала граничить с Евросоюзом.

Позитивное отношение к Евросоюзу держится на трех основаниях. В первую очередь, на ментальном: жители белорусского приграничья в своем большинстве рассматривают жителей стран Евросоюза как похожих на себя людей. Только 16,0% опрошенных полагают, что они - «совершенно другие люди».

Позитивный «образ Европы» основан также на восприятии этой организации, как эффективного экономического и социального сообщества, членство которое обеспечивает реализацию широкого спектра интересов граждан. 76,8% опрошенных полагают, что вступление Беларуси в Евросоюз повысит уровень жизни ее населения.

44,8% респондентов солидаризируются с высказыванием, что: «членство в ЕС позволит повысить безопасность РБ».

Обращают на себя внимание два социологических факта, что называется «не в пользу Евросоюза». С одной стороны, у около 30% опрошенных существуют опасения по поводу того, что «в ЕС белорусы будут людьми второго сорта» и «вступление Беларуси в ЕС ухудшит отношения с Россией».

С другой стороны, очевидна высокая степень неопределенности позиции респондентов относительно Евросоюза, зафиксированная в графах «нет мнения» и «затрудняюсь ответить».

Однако и белорусских евроскептиков, и еврооптимистов объединяет одно – ориентация на максимальное расширение сотрудничества с Евросоюзом (81,3% опрошенных). При этом приоритетными сферами сотрудничества были названы развитие малого и среднего бизнеса (60,4%), обустройство границы (49,5%), решение экологических проблем (43,2%), сфера здравоохранения (37,8%), образовательные программы (36,9%).

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Во-первых, уровень военно-политических страхов в приграничных районах Беларуси сравнительно невысок и довольно-таки статичен. Продвижение Евросоюза и НАТО на восток, равно как и «оранжевая революция» на Украине, не вызвали у местного населения дополнительного беспокойства.

Во-вторых, среди источника угроз чаще всего называются, что принципиально, не соседние государства, а «далекие» - США и исламские государства.

В-третьих, тонус безопасности в приграничных районах снижает позитивное восприятие «местным населением» соседних народов, которые рассматриваются как народы близкие («такие же, как мы»).

В-четвертых, существенным образом на идентификацию угроз в приграничных регионах воздействует положительный, в глазах местных жителей, образ Евросоюза.

В-пятых, региональным общественным мнением по-прежнему основным защитником Беларуси от «внешних врагов» называется Россия и родственные ей структуры – СНГ и ОДКБ.

GLOBALNE TENDENCJE NA RYNKU PRACY

E. Sadowska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Na obraz rynku pracy i dokonujące się w jego obszarze zmiany istotny wpływ mają czynniki związane z przeobrażeniami w procesie pracy i zatrudnieniu, które generowane są poprzez powstawanie gospodarki opartej na wiedzy, a tym samym społeczeństwa informacyjnego oraz postępujący proces globalizacji.

Zjawiskiem niewątpliwie kreującym nowe, globalne tendencje na rynku pracy jest powstawanie gospodarki opartej na wiedzy. W gospodarce XXI wieku to wiedza jest najcenniejszym zasobem, który decyduje o rozwoju ekonomicznym. Produkty, których jest

óna głównym składnikiem, są najbardziej konkurencyjne na rynkach międzynarodowych. Ograniczeniu ulega znaczenie zasobów naturalnych i nisko wykwalifikowanej siły roboczej, rośnie zaś rola kapitału ludzkiego. To wykwalifikowani pracownicy i naukowcy są najbardziej poszukiwani na rynku pracy i najlepiej opłacani. Przedsiębiorstwa, które inwestują w badania oraz efektywnie wykorzystują zewnętrzne źródła wiedzy rozwijają się dynamicznie i tworzą największą wartość dodaną.

Zmieniające się zapotrzebowanie rynku pracy na wykwalifikowaną siłę roboczą ma ogromne konsekwencje programowe dla systemu edukacji i szkoleń. Absolwenci szkół wyższych i osoby z wykształceniem średnim radzą sobie na rynku pracy lepiej niż osoby z wykształceniem podstawowym lub niepełnym, w przypadku których ryzyko bezrobocia jest większe. Najgorsza jednak sytuacja panuje wśród absolwentów szkół zasadniczych zawodowych, podczas gdy nie uzyskują oni konkretnych, formalnych kwalifikacji.

Międzynarodowe badania jednoznacznie wskazują, że na współczesnym rynku pracy nie można oczekiwać stabilnego zatrudnienia u jednego pracodawcy przez cały okres aktywności zawodowej. Trzeba być przygotowanym na częstą zmianę stanowiska pracy i nabywanie nowych umiejętności. Ponadto, nie można trafnie przewidzieć jakiego rodzaju umiejętności będą potrzebne na rynku pracy w przyszłości. Także w poszczególnych firmach zakres obowiązków na danym stanowisku pracy ulega często znaczącym zmianom i kładzie się duży nacisk na elastyczność, gotowość do podejmowania nowych zadań i ustawicznego kształcenia w miejscu pracy.

Oprócz wiedzy teoretycznej oraz technicznego i biznesowego know-how, system edukacji i szkoleń powinien wyposażyć absolwentów w umiejętności, takie jak rozwiązywanie problemów i praca w grupie, rozwijać ich zdolności komunikacyjne i biznesowe, a także przygotować do podejmowania ryzyka, nieodłącznie związanego z przedsiębiorczością i prowadzeniem działalności gospodarczej. W społeczeństwie innowacyjnym, zdolności absorpcyjne, tzn. dostępność wysoko wykwalifikowanych zasobów ludzkich będzie nieodzownym warunkiem generowania i propagowania wiedzy [3, s. 74].

Zjawiskiem towarzyszącym przechodzeniu z gospodarki przemysłowej do gospodarki opartej na wiedzy jest rozwój sektora usług. Udział tego sektora ulega szybkiemu zwiększeniu w PKB wszystkich krajów gospodarki światowej.

Obserwując stan rozwoju sektora usług w Polsce, widzimy wzrost znaczenia działalności usługowych w gospodarce krajowej. W 2003 roku sektor usług wytworzył w Polsce prawie 66% wartości dodanej całej gospodarki, dając miejsca pracy dla ponad 55% pracujących w całej gospodarce. Od 1995 do 2003 roku udział sektora usług w tworzeniu wartości dodanej i liczbie osób pracujących wzrósł odpowiednio o około 10 pkt. i 12 pkt. W 2002 roku wśród państw Unii Europejskiej najwyższy udział sektora usług pod względem wartości dodanej odnotowano w Luksemburgu – 82,7%. W Wielkiej Brytanii, Belgii, Francji udział ten wyniósł ponad 73%. Dla porównania w Stanach Zjednoczonych udział wartości dodanej wytworzonej w sektorze usług wyniósł 75,6%, zaś w Japonii 69,3% [11; 24.04.06]. W 2003 roku udział sektora usług dla krajów Unii Europejskiej wynosił 71,1%, dla Stanów Zjednoczonych – 79,5%, natomiast w przypadku Japonii kształtował się na poziomie 69,6% [9, s.7].

Motorem rozwoju sektora usług jest wzrost zapotrzebowania na usługi i to zarówno ze strony gospodarstw domowych, jak również ze strony innych przedsiębiorstw i podmiotów. Wśród przedsiębiorstw coraz bardziej powszechnym staje się zjawisko outsourcingu, polegające na rezygnacji z prowadzenia działalności pomocniczej związanej z obsługą podstawowej działalności przedsiębiorstwa i zakupie usług na zewnątrz przedsiębiorstwa [11; 24.04.06].

Kolejnym zjawiskiem, nierozzerwalnie związanym z kreowaniem się gospodarki opartej na wiedzy jest rozwój społeczeństwa informacyjnego. Przemiany związane z powstawaniem i rozwojem nowego typu społeczeństwa, opartego na wytwarzaniu i obiegu informacji, dotyczą w mniejszym lub większym stopniu prawie każdej dziedziny życia. Informacja, jako czynnik umożliwiający podejmowanie decyzji i racjonalnych działań, jest obecnie niezwykle cenna w zdobywaniu odpowiedniej pozycji społecznej, w realizowaniu życiowych zamierzeń i celów, a zwłaszcza ambicji zawodowych. Spojrzenie na rynek pracy z perspektywy społeczeństwa informacyjnego wskazuje na olbrzymie znaczenie przepływu informacji. Umiejętność posługiwania się i wykorzystania technik informacyjnych oraz dostęp do nich jest istotnym czynnikiem determinującym pozycję jednostki na rynku pracy.

Sektor informacyjny funkcjonuje wraz z innymi, standardowymi działami gospodarki, takimi jak rolnictwo, przemysł i usługi. Ponadto sektor informacyjny posiada istotny udział w dochodzie narodowym. W 2001 r. sektor ICT (technologie informacyjne i telekomunikacyjne) stanowił 10% wartości dodanej w biznesie na obszarze OECD. Największy jego udział odnotowano w Finlandii (16%) oraz Irlandii (13%). [8, s. 4]

W związku z powyższym wykreowało się pojęcie społeczeństwa informacyjnego. Charakterystyczną jego cechą jest łatwy, szybki i efektywny proces transmisji informacji oraz proces przetworzenia jej w formę pożądaną przez odbiorcę [1, s. 49].

Według L. H. Habera charakterystyczne desygnaty społeczeństwa informacyjnego to [4, s. 44]:

- posiadanie rozwiniętych środków do wytwarzania, przetwarzania, przekazywania informacji i komunikacji,
- posiadanie przez większość społeczeństwa umiejętności w zakresie posługiwania się i wykorzystywania technologii informacyjnych, które stanowią podstawę zatrudnienia i utrzymania,
- praktyczne wykorzystanie technologii informacyjnej i ich znaczący wpływ na kształtowanie się poziomu dochodu narodowego danego państwa,
- zakres zastosowania technologii informacyjnych jako wskaźnika rozwoju cywilizacyjnego i kulturowego.

Termin społeczeństwo informacyjne kładzie nacisk na fakt, iż zastosowanie i rozwój infrastruktury informacyjnej ma przede wszystkim, oprócz wielkiego znaczenia dla ekonomii, daleko idące konsekwencje społeczne [6, s. 11].

Spółeczeństwo informacyjne definiowane bywa jako takie społeczeństwo, w którym, po pierwsze, siła robocza składa się w większości z pracowników informacyjnych (ang. information workers); po drugie informacja jest najważniejsza [5, s. 11].

Wpływ nowych technologii informacyjnych na sytuację na rynku pracy jest jednym z najistotniejszych problemów społeczeństwa informacyjnego. Determinuje on szersze procesy, a mianowicie zmianę stylu życia, komunikowania się, procesów ekonomicznych i społecznych. Dyfuzja nowych technologii informacyjnych w krajach wysoko rozwiniętych we wszystkich sferach działalności ludzkiej postępuje bardzo szybko. Nowe technologie przenikają zarówno przemysł, jak i usługi, sektor prywatny, jak i publiczny. Wpływają na organizację pracy całej sfery zatrudnienia, począwszy od robotników, a skończywszy na kadry zarządzającej.

Postępujący proces upowszechniania się społeczeństwa informacyjnego stwarza szereg szans i nowych możliwości na rynku, kreuje jednak także pewne zagrożenia.

Do szans z pewnością można zaliczyć stopniową likwidację barier przestrzeni w wymianie informacji, co sprzyja dynamicznemu rozwojowi struktur organizacyjnych. System pracy na

odległość wprowadza nowe formy aktywności zawodowej, inspirowane nowe zawody, wprowadza zmiany w dotychczasowym stylu życia. Upowszechnia się praca w domu przy wykorzystaniu własnego komputera, czy też telepraca. Elastyczne formy zatrudnienia pomagają lepiej pogodzić obowiązki związane z wykonywaniem prac domowych z pracą zawodową. Nabiera to szczególnego znaczenia w przypadku kobiet, które decydują się na urodzenie dzieci i nie chcą rezygnować z kariery zawodowej. Stwarza to także możliwości dla osób niepełnosprawnych, które niejednokrotnie nie mają szans na wykonywanie pracy poza domem. Rozwój technik komputerowych przywraca ich do aktywności zawodowej, dzięki skutecznemu zastosowaniu metod telepracy. Można więc stwierdzić, iż procesy informacyjne sprzyjają tworzeniu nowych zawodów i dodatkowych miejsc pracy oraz rozwojowi sektora usług. Ponadto kreują możliwości zdobywania nowych kwalifikacji i wiedzy dla szerokiego kręgu odbiorców.

Nie można jednak pominąć faktu, iż znaczącą barierą wdrożenia się w społeczeństwo informacyjne są trudności związane z opanowaniem niezbędnych umiejętności z zakresu technik informacyjno-komunikacyjnych. Niejednokrotnie pracownicy zmuszani są do restrukturyzacji zawodowej, determinującej zmianę kwalifikacji i reedukację zawodową. Pracownicy nie dysponujący umiejętnościami z zakresu komunikowania się elektronicznego są wypierani z rynku pracy. Możliwy jest także wzrost bezrobocia technologicznego, redukcji etatów poprzez wdrażanie praco-oszczędnych technologii. Ponadto efektywne wykorzystywanie procesu informacyjnego wymaga odpowiedniego nasycenia technologiami informacyjno-komunikacyjnymi, powszechnego do nich dostępu, a co najistotniejsze wykwalifikowanych pracowników wszystkich szczebli, którzy będą w stanie kreatywnie wykorzystywać sieci informacyjne.

Kolejnym z procesów globalnego rynku pracy jest powstawanie systemu ponadnarodowych firm działających w obrębie różnych państw. Umiejędzynarodowienie procesów produkcji oraz świadczenia usług nie pozostają bez wpływu na sposób funkcjonowania przedsiębiorstw o charakterze lokalnym. Wpływ ten jest wywierany między innymi poprzez zastosowanie nowych technologii i nowoczesnych sposobów produkcji.

Zmiany pod wpływem procesu globalizacji w strategii działania przedsiębiorstw i decyzjach alokacyjnych prowadzą w konsekwencji do istotnych przeobrażeń w zakresie popytu na pracę. Wzrasta zapotrzebowanie na pracowników umysłowych w związku z rozwojem sektora usług.

Ponadto rośnie mobilność pracowników, którzy w coraz szerszym zakresie mają zagwarantowany swobodny przepływ siły roboczej, czy też dostosowują do potrzeb rynku kwalifikacje zawodowe. Polityka ta jest na przykład realizowana na obszarze Unii Europejskiej, gdzie przywiązuje się dużą wagę do zwiększania mobilności siły roboczej nie tylko w aspekcie przestrzennym, ale zawodowym i kwalifikacyjnym [7, s. 14-28]. Z drugiej strony, mając do czynienia z międzynarodowymi korporacjami, pracownicy w ramach awansu, bądź zmiany stanowiska pracy, nie są ograniczeni do jednej firmy, będącej na terenie danego kraju, a poruszają się w hierarchii sieci koncernów ponadnarodowych mających swe placówki na całym świecie.

Zmiana miejsca jednostek i grup w strukturach społecznych lub w przestrzeni w wyniku zmian miejsca, charakteru pracy, bądź pozycji zawodowej ma różne aspekty i pociąga za sobą wiele konsekwencji dla rynku pracy. Związek między mobilnością siły roboczej a sytuacją na rynku pracy powoduje, że dostosowania w obrębie tego rynku są szybsze i łagodniejsze w przypadku wyższej mobilności, tzn. wyższej zdolności do zmiany miejsca zamieszkania, zawodu, kwalifikacji [12, s. 52].

W związku z globalnymi procesami tworzenia równych szans oraz liberalizacji przepisów rynku pracy kreuje się także tendencja do powstawania „nietypowych” form zatrudnienia. Należy do nich praca w niepełnym wymiarze godzin, zatrudnienie tymczasowe, nietypowy rozkład czasu pracy, praca na własny rachunek i umowy podwykonawstwa. Takie zatrudnienie oznacza większą elastyczność zarówno w wypadku pracodawcy, jak i osoby zatrudnionej [2, s. 79].

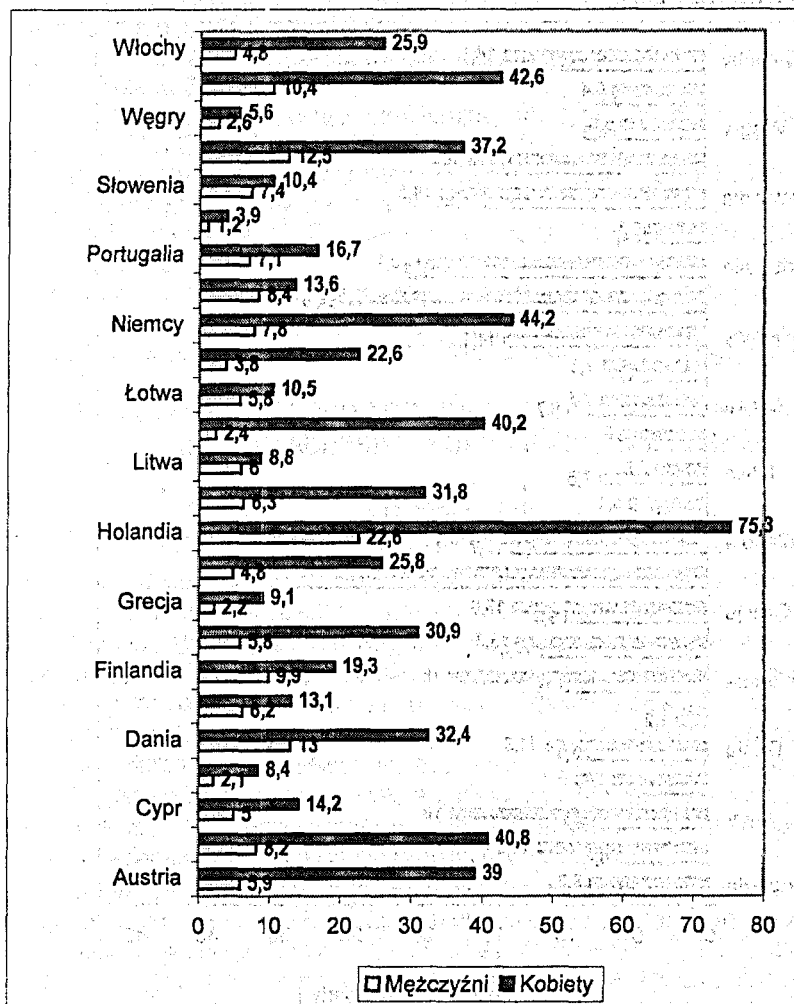

Jedną z najpopularniejszych „nietypowych” form zatrudnienia jest praca w niepełnym wymiarze. Analizując dane ukazane na Wykresie 1 można stwierdzić, iż ta forma we wszystkich krajach Unii Europejskiej jest częściej praktykowana przez kobiety, które uzyskują możliwość pogodzenia pracy zawodowej z macierzyństwem. Większa elastyczność zatrudnienia sprzyja kontynuowaniu aktywności zawodowej.

Krajem, w którym w pierwszym kwartale 2005 roku występował najwyższy udział tego typu zatrudnienia w zatrudnieniu ogółem była Holandia. W niepełnym wymiarze czasu pracowało tam aż 75,3% kobiet oraz 22,6% mężczyzn.

Wykres 1

Zatrudnienie w niepełnym wymiarze jako odsetek zatrudnienia ogółem w krajach Unii Europejskiej według płci w I kwartale 2005

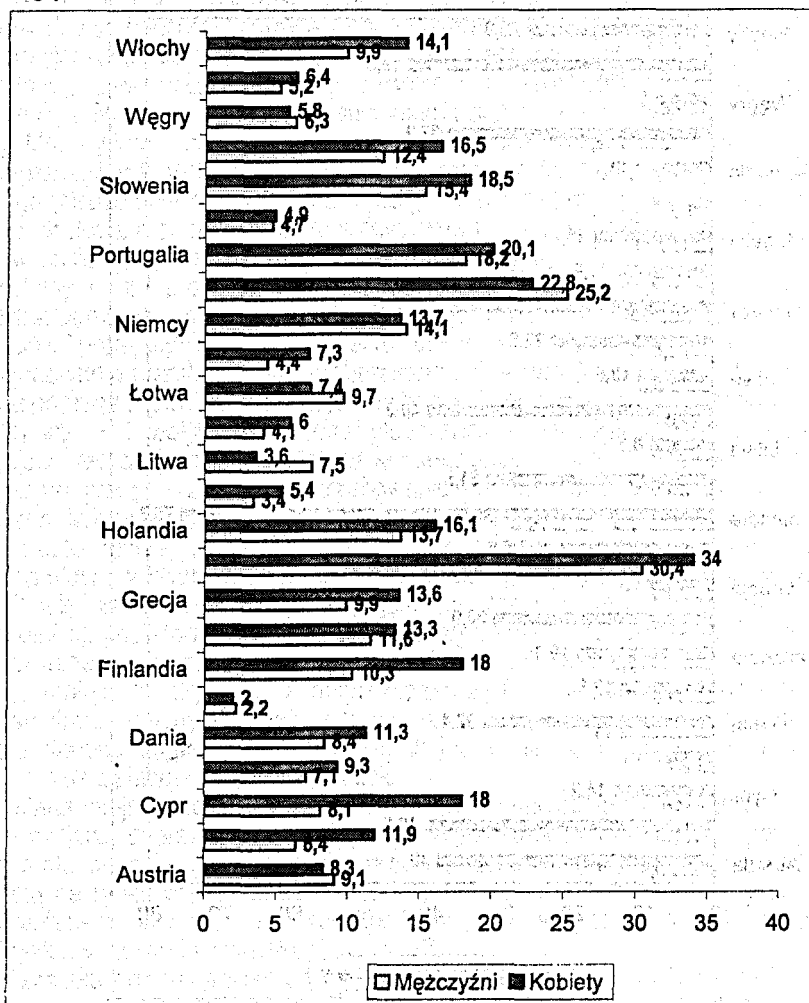
Źródło: [10, s. 5].

Luksemburg - dane z IV kwartału 2004 r.

Kolejną, spopularyzowaną formą „nietyposwego” zatrudnienia jest praca tymczasowa. W pierwszym kwartale 2005 roku 13,8% pracowników Unii Europejskiej pracowało na kontraktach tymczasowych. Najwięcej osób z tego typu umowami było zatrudnionych w rolnictwie (29,5%) i budownictwie (19,9%) [10, s. 2]. Dane przedstawione na Wykresie 2 ukazują, iż ten rodzaj zatrudnienia jest najczęściej praktykowany w Hiszpanii (34% kobiet i 30,4% mężczyzn) oraz w Polsce (odpowiednio 22,8% i 25,2%). Nie we wszystkich krajach Unii Europejskiej występuje tendencja większego udziału kobiet niż mężczyzn zatrudnionych na kontraktach tymczasowych wśród zatrudnionych ogółem.

Wykres 2

Udział zatrudnionych z kontraktami tymczasowymi w krajach Unii Europejskiej według płci w I kwartale 2005

Źródło: [10, s. 7].

Luksemburg - dane z IV kwartału 2004 r.

Bibliografia

1. Byłok F. (red.), Społeczno-ekonomiczne determinanty funkcjonowania rynku pracy, WWZPCz, Częstochowa 2005.
2. Geske Dijkstra A., Plantega J. (red.), Ekonomia i płeć. Pozycja zawodowa kobiet w UE, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk 2002.
3. Goldberg I., Polska a gospodarka oparta na wiedzy. W kierunku zwiększania konkurencyjności Polski w Unii Europejskiej, Raport Banku Światowego, 2004.
4. Haber L. H. (red.), Mikrospołeczność informacyjna. Na przykładzie miasteczka internetowego Akademii Górniczo-Hutniczej w Krakowie, AGH Uczelniane Wyd. Naukowo-Dydaktyczne, Kraków 2001.
5. Juszczyk S., Człowiek w świecie elektronicznych mediów – szanse i zagrożenia, Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2000.
6. Kluszczyński R. W., Społeczeństwo informacyjne. Cyberkultura. Sztuka multimediów, Wyd. Rabid, Kraków 2001.
7. Kryńska E., Instrumenty polityki strukturalnej na rynku pracy w Polsce w okresie dostosowań do Unii Europejskiej, IPISS, Warszawa 1997.
8. Nauka, technologia i przemysł w krajach OECD. Raport 2005, OECD 2005.
9. Riley G., European Economy in Focus 2005, Tutor2u, Eton College 2005.
10. Romans F., Hardarson O. S., Statistics in Focus, Population and Social Conditions, 16/2005; Labour Market.
11. Rynek wewnętrzny 2004, GUS, http://www.stat.gov.pl/dane_spol-gosp/
12. ceny_handel_uslugi/rynek_wewnetrzny/2004/notatka/index.htm.
13. Urbaniak B. (red.), Gospodarowanie pracą, Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2001.

КОНЦЕПЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОДОВ BOGDANA WOJCISZKE И WIESŁAWA BARYŁY (ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕОРИИ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

М.Н. Чернявска

Белостоцкий политехнический университет, г. Белосток, Польша

Известные психологические теории представляют разными способами сущность нравственности. В течение двадцати лет динамично развивается культурный подход к интерпретации функционирования человека. В этой концепции принимается положение, что нравственность – это специфический плод культуры. R.A. Shweder [4, 6, 7, 8] выступил против абстрактных принципов в анализе нравственности: абстрактной идеи "естественных прав", абстрактного "принципа зла" и абстрактного "принципа справедливости". Нравственность не имеет универсального характера, а представляет собой созданную культурой структуру, причем в рамках каждой культуры приняты различные нравственные коды. Эти коды позволяют людям жить в относительной гармонии, так как они дают направление интернализации моральных принципов [2].

I. Концепция пяти этических кодов Bogdana Wojciszke и Wiesława Baryły

Интересный подход в анализе нравственности, вытекающий из кросс-культурного течения в психологии, представляют B. Wojciszke и W. Baryła [1, 10, 11]. Опираясь на всеми признанный принцип, что этические нормы лежат в основе функционирования общества, авторы стараются ответить на вопрос, что обычные люди (а не философы) понимают под понятием нравственности и что фактически подвергается моральным оценкам людей? Иначе говоря, авторы обдумывают проблему, что для людей является моральным, а что нет, и какого типа содержание является областью моральных суждений.

Wojciszke [9] считает сферу нравственности культурно переменной. Он представил концепцию модулярности моральных суждений, в которой допустил, что личности (а также общества) обладают многими этическими кодами, лежащими в основах моральных суждений. Каждый код, как указывает автор, является относительно независимым от остальных (автономичным) и образованным вокруг какой-либо центральной ценности, например, благо другой личности; благо собственной группы. Центральная ценность является основой для определения нравственных достоинств ("добродетелей") и нравственных недостатков ("грехов") в рамках каждого кода.

Отдельные коды используются не одновременно, а альтернативно в зависимости от того, какой из них в данный момент активизирован. Большой шанс на активацию (активация кодов то же самое, что и активация других структур знаний) имеет тот код, который часто используется и который был использован в недавнем прошлом, а так же тот, который связывается со специфическими сигналами; выявляющимися в данном контексте. Это означает, что активация данного кода связывается также с факторами ситуационными, например, код коллективизма может быть активизирован в случае оценки поведения в собственной группе, но не в случае оценивания поведения людей, принадлежащих к другой группе. Таким образом, из тезиса модулярности моральных оценок вытекает их восприимчивость к ситуационным факторам.

В своей работе Wojciszke и Varyfa старались идентифицировать типовые моральные коды, выступающие в польском обществе. Они постулируют существование пяти моральных кодов – этики автономии, этики коллективизма, этики общественного блага, этики достоинства и этики продуктивности.

Этики автономии и коллективизма присутствуют в разных культурах и свидетельствуют о человеческом стремлении к охране блага другой отдельной личности (уважение ее целостности и свободы) или блага первичного коллектива (уважение блага, интересов и прав собственной группы). Способность к развитию этих двух кодов является родовым свойством людей, сформированным в процессе эволюции.

Авторы обращают внимание на то, что распространение кода общественного блага - явление относительно более позднее в истории человечества, что связано с нарастающей сложностью общественных отношений в таких структурах, как государство или международные организации. В этом универсальном коде, построенном на общих нормах, которые служат благом всех людей, в выигрыше находится человеческое общество как целое (а не как было в предыдущих кодах: личность или собственная группа). Усиливающееся распространение этого кода может быть связано с глобализацией событий и с развитием технологии.

Описывая код продуктивности, авторы обращаются к классическому Веберовскому понятию протестантской этики труда, хотя этот код признается и обществами, не имеющими ничего общего с протестантством. Рассмотрение труда в категориях нравственности решает вопрос о специфической ментальности обществ и составляет основу хозяйственного развития (этот код распространен в динамично развивающихся обществах). В понимаемой таким образом этике авторы видят основы капитализма.

Этика достоинства связана с европейской культурой и происходит из старинных рыцарских обычаев (морали, нравственности). Благородство и, одновременно, непродуктивность являются чертами этой этики, которая запрещала дворянству заниматься продуктивной деятельностью, например, торговлей. Концентрация на собственной человечности, достойное поведение в соответствии с правилами чести и закалывание собственного характера являются главными ее требованиями.

Как легко заметить, все вышеупомянутые этики характеризуются разными центральными ценностями. В случае этики автономии - это „благо другой личности“, в случае этики коллективизма - „благо собственной группы“. Показателем этики общественного блага является „благо общества как целого“, этика достоинства требует „достойной жизни“, а этика продуктивности - „продукции материальных благ“.

Авторы описывают также основные нравственные недостатки („грехи“) и достоинства („добродетели“) соответствующие каждому коду.

1. Человек нравственный, с точки зрения кода автономии, обязан уважать добро, свободу и права личности, помогать другому человеку и быть по отношению к личности лояльным. Грехом, с моральной точки зрения этой этики, является причинение вреда другому человеку, нарушение прав личности (в физическом, психическом, моральном смысле), а так же нелояльность по отношению к личности.

2. В этике коллективизма основными принципами являются уважение добра, интересов и прав собственной группы, поддержание целостности группы, лояльность по отношению к группе и конформизм. Человек „неморальный“ - это тот, который действует во вред группе, разрушает целостность группы или отрекается от нее, выражает нелояльность в отношении группы и неконформизм.

3. Соблюдение этики общественного блага требует уважения норм, относящихся к обществу как к целому, несмотря на прибыль или издержки, понесенные личностью или группой. В связи с этим, основным грехом является нарушение тех норм, которые способствуют благополучию общества как целого.

4. Чертами людей, реализующих этику достоинства, являются духовность (земная или неземная), честь, презрение к ценностям материальным, а так же, сохранение чистоты, например, расы, класса. Нарушить этику достоинства можно опозорившись, запятнав свою честь, погнавшись за материальным добром или изменив традиции.

5. В этике продуктивности высокой ценностью считается продуктивность, эффективность, трудолюбие, бережливость, успех и отсрочивание получения поощрения. Человек с низкими показателями этой этики является человеком непродуктивным, ленивым, расточительным (по отношению и к добру, и ко времени), сразу тратящим заработанное, эстетствующим и теряющим поражения.

II. Эмпирические исследования

Wojciszke и Baryła проделали эмпирические исследования, имеющие целью ответить на вопрос, функционируют ли вышеупомянутые коды в польском обществе и исчерпывают ли они обиходный смысл этических оценок (лежат ли вышеупомянутые этики в основе суждений, оценивающих человеческое поведение, как моральное или неморальное).

Авторы разработали шкалу, измеряющую степень распознавания пяти этических кодов - Анкета по этикам.

До сих пор исследования, проведенные с помощью Анкеты по этикам, позволили собрать следующую информацию [1, 10, 11].

1. Наиболее акцептованной этикой в той и другой выборках (студенческой и всепольской) была этика автономии, которая касается добра-зла личности. Во всепольской выборке более слабо была акцептована этика общественного блага, а три оставшиеся этики были акцептованы еще слабей. Студенты ценят этику достоинства больше, чем вообще поляки, и они же выражено менее ценят этику общественного блага. Этика продуктивности была оценена ниже всего и в той, и другой выборках.

2. Женщины, и в той, и другой выборках, проявляют большую, чем мужчины, акцептацию трех этик – автономии, общественного блага и достоинства, что может быть интерпретировано как более сильный показатель социализации женщин, чем мужчин.

3. Степень акцептации отдельных этик связывается с уровнем образования, и в более слабой степени - с местом проживания. Общественная группа, показавшая самую слабую веру в исследованные коды, состоит из людей, имеющих профтехническое образование и живущих в деревне.

4. Возраст благоприятствует акцептации всех исследуемых этических кодов, а особенно, акцептации этики всеобщего блага и коллективизма.

5. Этические коды были проанализированы в контексте наиболее высоко ценимых черт труда (выделены три черты труда - осмысленность, легкость и приятность). Оказалось, что код продуктивности коррелируется с "осмысленностью труда", предпочтение же труда "легкого" связывается с усилением этики коллективизма и ослаблением акцептации этик автономии и общественного блага. Этика автономии была связана с предпочтением труда, обеспечивающего "удовольствие и безопасность".

6. Акцептация этики автономии тормозит тенденцию к перекалыванию ответственности за то, как живет семьям участников исследования, на факторы внешние (например, на президента страны). А акцептация этики коллективизма связывается с перекалыванием ответственности на факторы внешние (человек не чувствует себя ответственным за благополучие собственной семьи и благополучие страны). Кроме того, акцептация этики коллективизма выступает совместно с проявлением низкой жизненной удовлетворенности и представлением собственной жизни значительно более счастливой в будущем. Позитивная оценка собственной жизни (удовлетворенности жизнью) и состояния страны зависит от принятия этики достоинства. Акцептация же этики продуктивности повышает приписываемую самому себе ответственность за благополучие семьи и одновременно усиливает убежденность о невозможности влияния на состояние государства. Люди, в большей степени акцептирующие этику общественного блага, более негативно оценивали собственную ситуацию и ситуацию в стране, одновременно не чувствуя себя ответственными за благо семьи (перекалывали ответственность на власть в стране). Сильная привязанность к универсальным нормам связывается с пониженной степенью удовлетворенности жизнью и низким оптимизмом.

Подводя итоги работе над Анкетой этик, Wojciszke и Baryła утверждают, что постулирование пяти этических кодов становится источником существенных критериев моральных оценок. По мнению авторов, для всех пяти этических кодов удалось создать специализированные, адекватные, т.е. отвечающие психометрическим критериям шкалы. Результаты же проведенных исследований показывают, что эти коды образуют разумный и цельный образец связей с рядом психологических и социодемографических переменных. Во всех исследованных в Польше выборках сильнее всего акцептована этика автономии, а слабее всего - этика продуктивности. Акцептация почти всех этик самая высокая среди людей старшего возраста, женщины также в большей степени руководствуются нормами постулированных этических кодов. Каждая этика имеет специфические психологические результаты в виде ожиданий относительно характера профессиональной работы и различные виды показателей жизненной удовлетворенности. Одновременно авторы проводили исследования, имеющие целью установление связи между отдельными кодами и эмоциональными реакциями.

III. Связь между отдельными этическими кодами и эмоциональными реакциями

Межкультурные исследования Shweder'a и Haidt'a [3, 7, 8] показали, что отдельные этические коды имеют также определенные эмоциональные последствия. Нарушения

этих кодов связано с появлением особенных, специфических для каждого кода эмоций. Нарушение кода коллективизма вызывает презрение, нарушение кода автономии вызывает гнев (злость), нарушение кода божественности вызывает отвращение. Стыд характеризует в большей степени культуры коллективизма, а внутренние механизмы контроля, связанные с чувством вины, более заметны в культуре индивидуализма. Нравственные чувства испытывают люди всех культур, но они различаются своей доступностью. Это означает, что культурные нормы и культурно обусловленные эмоции имеют особенное значение в области нравственности и нравственных оценок [5].

Wojciszke и Baryła [11], обращаясь к межкультурным исследованиям Shweder'a и Haidt'a (3, 7), показали, что эмоциональные реакции являются универсальными коррелятами нравственных оценок. Авторы совершают содержательный анализ эмоций, располагая их в четырех основных группах.

1. Стыд, чувство вины, смущение – эмоции, являющиеся реакцией на собственное поведение, нарушающее важные (для субъекта) нормы и групповые ценности. Эти эмоции лежат в основе попытки искупления вины (имеющие в виду возвращение доброго имени);

2. Жалость, сочувствие, симпатия, эмпатия – эмоции, являющиеся реакцией на чужие страдания и побуждающие к поступкам на благо другого человека (альтруистические);

3. Восхищение, симпатия, любовь – положительные эмоции, являющиеся реакцией на чужое достойное поведение, функцией которых является поддержание этого поведения, а так же установление позитивных связей между личностью и нравственными людьми;

4. Гнев, презрение, отвращение – негативные эмоции, вызванные грешным поведением, осуждающие это поведение, а так же склоняющие грешника на путь истинный.

Эмоции из четвертой группы, называемые нравственными эмоциями осуждения других, отличают неморальное поведение, связанное с различными этическими кодами, выделенными Shweder'ом [11].

Гипотеза, касающаяся связи этических кодов с содержательно различающимися эмоциями, также была тестирована в исследованиях Wojciszke и Baryły. С точки зрения определенной этики были выбраны такие описания поступков, которые были сильно связаны с ценностями и нормами этой этики и слабо связаны с ценностями и нормами каждой из оставшихся этик. Также анализировались и соответствующее („добродетельное“) поведение и несоответствующее („греховное“) поведение с точки зрения данной этики (пять соответствующих поступков и пять несоответствующих, с точки зрения каждой этики). Участникам исследования было дано задание представить себе человека, поступающего определенным образом, и назвать чувства, которые вызвала бы в них такая личность. Авторы предположили, что поступки, нарушающие нормы каждого из пяти кодов или согласованные с ними, приведут к:

- более сильным эмоциональным реакциям людей, знакомящихся с описаниями этих поступков;

- более сильным эмоциональным реакциям на „грехи“, чем „добродетели“;

- специфически содержательным эмоциональным реакциям для каждого из этих кодов.

Оказалось, что самые сильные негативные эмоции появились в случае разрушения этических норм автономии, сильные – в случае разрушения норм коллективизма и достоинства. Более слабые реакции появились в случае нарушения этики общественного блага, а самыми слабыми были реакции в случае нарушения этики продуктивности. Одновременно подтверждается, что в случае всех четырех

этик, т.е. этики автономии, коллективизма, достоинства и общественного блага, отрицательные эмоциональные реакции, связанные с негативным поведением („грехами“, которые являются последствиями нарушения конституционных норм данной этики), были более сильными, чем позитивные эмоциональные реакции, связанные с соответствующим данной этике поведением („добродетелями“ данной этики). Это означает, как указывают авторы, что сила этики заключается скорее в силе и чувствительности негативных санкций, чем в привлекательности позитивных. В случае этики продуктивности получен иной образец связи (зависимость хотя и не существенна, но статистически тенденция имеется). Оказалось, что позитивное поведение („добродетели“) возбуждают более сильные эмоции, чем негативное поведение („грехи“). „Грехи“, с точки зрения этики продуктивности, вызывают безразличие чаще, чем они же, с точки зрения других этик, достоинства же, по этике продуктивности, вызывают зависть. Этот результат указывает на нехватку моральной релевантности кода продуктивности.

Целью настоящей статьи было представление концепции этических кодов Bogdana Wojciszke и Wiesława Baryła. Ответ на вопрос о том, что люди вкладывают в понятие нравственности представляется особенно существенным, учитывая изменения в общественном строе. Например, общества стран центрально-восточной Европы стремятся к преобразованиям в экономической сфере, но, тем не менее, экономические успехи связаны с развитием этики труда (код продуктивности). Надеюсь, что эта статья станет обещающим предложением для проведения совместных научных исследований этических кодов в белорусском и польском обществе. Автор настоящей статьи располагает Анкетой этик на русском языке.

Литература

1. Baryła W., Wojciszke B. (2000). Potoczne rozumienie moralności: badania psychologicznej realności etyki godności i etyki produktywności. *Przegląd Psychologiczny*, 43, 4, 423-445.
2. Baumeister R.F., Exline J.J. (1999). Virtue, personality, and social relations: Self-control as the moral muscle. *Journal of Personality*, 67, 6, 1166-1194.
3. Haidt J., Koller S.H., Dias M.G. (1993). Affect, culture, and morality, or is it wrong to eat your dog? *Journal of Personality and Social Psychology*, 65, 4, 613-628.
4. Hwang K-K. (1998). Two moralities: Reinterpreting the findings of empirical research on moral reasoning in Taiwan. *Asian Journal of Social Psychology*, 1, 211-238.
5. Lyon M.L. (1998). The limitations of cultural constructionism in the study of emotion. In: G. Bendelow, S.J. Williams (Eds.) *Emotions in social life*. London, New York: Routledge.
6. Shweder R.A. (Eds.) (1996). *Thinking through culteres. Expeditions in cultural psychology*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
7. Shweder R.A., Mahapatra M., Miller J. (1987). Culture and moral development. In: J. Kagan, S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (1-83). Chicago: University of Chicago Press.
8. Shweder R.A., Mahapatra M., Miller J.G. (1999). Culture and moral development. In: J.W. Stigler, R.A. Shweder, G. Herdt (Eds.), *Cultural Psychology. Essays on comparativehuman development*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Wojciszke B. (1997). Produktywność i godność jako wartości etyczne współczesnego społeczeństwa polskiego – zarys koncepcji teoretycznej. W: J. Brzeziński, Z. Kwieciński (red.), *Polacy na prog...* (91-108). Toruń: Edytor.
10. Wojciszke B., Baryła W. (2000). Potoczne rozumienie moralności: pięć kodów etycznych i narzędzie ich pomiaru. *Przegląd Psychologiczny*, 43, 4, 395-421.
11. Wojciszke B., Baryła W. (2002). Potoczne rozumienie moralności. W: M. Lewicka, J. Grzelak. (red.), *Jednostka i społeczeństwo*. Gdańsk: GWP.

ZARZĄDZANIE ZMIANĄ – BARIERY ORGANIZACYJNE I PSYCHOLOGICZNE

Alina Borowska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Konieczność dostosowania się do gwałtownych i ciągłych zmian ekonomicznych, technologicznych, politycznych i kulturowych zmusza wszystkie organizacje do walki o przetrwanie oraz do rozwoju. Wymaga to zmian, adaptacji oraz systematycznego ulepszania i wprowadzania na rynek oraz do organizacji nowych produktów, działań i procedur. Sposoby rozwiązywania problemów dotychczasowymi metodami nie sprawdzają się w nowych czasach, stąd we wszystkich organizacjach pojawia się konieczność zmian i systematycznego wprowadzania innowacji co wymaga twórczego myślenia, wykazywania twórczych postaw w najróżniejszych aspektach działania oraz umiejętności pokonywania oporów przed ich wprowadzaniem.

Zmiany w skali globalnej dotyczące zarówno zmian technologicznych, ekonomicznych, politycznych, społecznych jak i psychologicznych, powodują zmiany w skali lokalnej. Wymienione typy zmian, które stanowią otoczenie organizacji, są systemowo powiązane między sobą oraz organizacją i zachodzi między nimi sprzężenie zwrotne. Stąd pochodzi ilość tych zmian, ich tempo oraz różnorodność, stąd niezbędna jest stała adaptacja do nich czyli zarządzanie zmianą.

Zarządzanie zmianą polega na czterech etapach:

- 1) ciągłym przewidywaniu i rozpoznawaniu wszelkich zmian w skali globalnej,
- 2) przewidywaniu ich wpływu na otoczenie firmy i samą firmę,
- 3) wprowadzaniu zmian czyli innowacji w firmie,
- 4) rutynizacji i przewidywaniu następnych zmian.

Inaczej mówiąc, zarządzanie zmianą to odpowiedź na pytanie: **jakie, kiedy i jak wprowadzić innowacje** w organizacji, aby przyniosły spodziewany efekt przy minimum kosztów ekonomicznych i psychologicznych.

Psychologiczna definicja zakłada, że: **innowacja jest to świadome wprowadzanie i zastosowanie w miejscu pracy, wewnątrz grupy pracowników lub organizacji, pomysłów, procesów, produktów bądź procedur, które są nowe dla danego środowiska, zespołu lub organizacji, i których celem jest udoskonalenie funkcjonowania tych struktur** [7,s.13].

Innowacja jest specyficznym narzędziem przedsiębiorczości, które nadając istniejącym zasobom nowe zastosowania i nadając im wartość ekonomiczną, tworzy nowe zasoby. Drucker pisze, że: **...to co zmienia możliwości wykorzystania danego zasobu do tworzenia celowym i zorganizowanym poszukiwaniu zmian i na systematycznej analizie okazji do społecznej lub gospodarczej innowacji, którą taka zmiana mogłaby umożliwić.** [1, s.44]

Zmiana w przedsiębiorstwie lub organizacji staje się innowacją dopiero wtedy, gdy zostanie zaakceptowana przez interesariuszy podmiotów i utrwalona w postaci nowych standardowych praktyk, procedur i produktów. Zmianę można potraktować jako innowację pod warunkiem, że spełnione zostaną następujące warunki:

- zmiana uważana za innowację powinna być wprowadzana w sposób świadomy, celowy i trwały,
- powinna ona podwyższyć użyteczność wyników funkcjonowania podmiotu zmiany i mieć zdolność do upowszechniania się wśród innych podobnych podmiotów. [6, s.68-69].

- We wprowadzaniu zmian (innowacji) organizacje napotykają wiele barier, do których należą: bariery techniczne, ekonomiczne, społeczne, organizacyjne i psychologiczne. Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie barier organizacyjnych i psychologicznych.

Barriere organizacyjne występują zarówno w zakresie struktur, jak i organizacji pracy i należą do nich głównie: biurokracja, sztywna hierarchia oraz autokratyzm w kierowaniu, zbyt duża kontrola, nieuczciwość kierownictwa wszystkich szczebli, atmosfera lęku i podejrzliwości oraz brak bezpieczeństwa. Wymienione bariery powodują brak jasnej i bezpośredniej komunikacji między pracownikami wszystkich szczebli, co jest podstawowym warunkiem wprowadzania wszelkich zmian.

W organizacji kierowanej w sposób autokratyczny, występuje skłonność do konformizmu, występuje opór wobec zmian, obawa przed krytyką, strach przed podjęciem ryzyka, ponieważ komunikacja jest zablokowana, a kierownictwo stosuje zbyt wiele kontroli i zbyt drobiazgową analizę koncepcji.

Nie ma miejsca na innowacje w organizacji, w której panuje atmosfera lęku, w której kierownictwo przywłaszcza sobie pomysły pracowników, albo podpisuje się pod pracami swoich pracowników. Atmosfera lęku panuje najczęściej w organizacjach w których brakuje przywództwa, w organizacjach, które są kierowane autorytarnie przez ludzi, których motywacją jest lęk i dążenie do prestiżu. Do takich ludzi należą neurotycy, ludzie z bardzo niską samooceną i ludzie, którzy charakteryzują się osobowością narcystyczną. Ich główną motywacją jest utrzymanie swojej pozycji a nie naprawa organizacji dla dobra organizacji i wszystkich zatrudnionych.

Warunkiem innowacyjności jest kreatywna organizacja, która posiada następujące cechy: otwartość na zmiany, płaska struktura organizacyjna, kierowanie przez przewodzenie, poczucie bezpieczeństwa i jasne zasady, ciepła i wspierająca atmosfera, preferowany nonkonformizm, stawianie wyzwań i motywowanie do kreatywności, sprzyjanie niezależnym umysłom i działaniom, popieranie nowych rozwiązań i pomysłów, wielostronna komunikacja, tworzenie ducha współpracy grupowej, organizowanie szkoleń, otwarcie na koncepcje z zewnątrz, otwarcie na wiedzę i na zmiany na wszystkich szczeblach organizacji.

Innowacyjność wymaga przede wszystkim zmiany w modelach umysłowych u wszystkich członków organizacji, a czynnikami, które ją umożliwiają i promują, są: bogate sieci kontaktów, płaskie struktury organizacyjne, różnorodność działań, swoboda podejmowania wysiłków, długie horyzonty czasowe, bogate kontakty między członkami organizacji a grupami zewnętrznymi (takimi jak np. eksperci, grupy generujące wiedzę i klienci), bodźce, które zachęcają do podejmowania ryzyka, praca zespołowa, orientacja na przyszłość, styl zarządzania, który promuje swobodę działania w szerokich granicach, oraz jasna wizja [4, s.101,102].

Najważniejsze bariery we wprowadzaniu innowacji to bariery psychologiczne, które są najtrudniejsze do przezwyciężenia, ponieważ dotyczą postaw i świadomości społecznej, a które dadzą się zmienić jedynie w dłuższym czasie. Należą do nich:

- obawy przed nieznanym,
- nieświadomość celu zmiany – czyli dlaczego i jakie skutki to przyniesie,
- brak wiary w ich skuteczność (ponieważ dotychczasowe zmiany nie przyniosły oczekiwanych rezultatów),
- tradycjonalizm, czego przejawem jest obawa przed nieumiejętnością przystosowania się do nowych warunków pracy, lub wygodnictwo czyli niechęć do zmiany trybu pracy;
- lęki.

Lęki powodują największy opór przed zmianą i mają one różne źródła: ekonomiczne, związane z utratą prestiżu, związane z nowymi, trudniejszymi wymaganiami, itp.

Lęki ekonomiczne wynikają z obaw przed utratą ciągłości pracy, możliwością obniżenia zarobku czy zajmowanej pozycji.

Obawy przed utratą prestiżu i posiadanej władzy dotyczą szczególnie kadry kierowniczej, której dotychczasowa pozycja w organizacji dostarczała pewnych przywilejów, lęk zaś przed ich utratą, a także przed pozornym lub faktycznym obniżeniem jej pozycji w organizacji, umacnia negatywne postawy wobec zmian.

Lęk wzbudza poczucie niepewności jako rezultat braku informacji na temat tego, jak zmiana ta może wpłynąć na dalsze życie, wrażenie utraty panowania nad własnym losem, brak postrzeganych korzyści.

Nowe wyzwania, nowe warunki pracy wymagają niekiedy czasowego ograniczenia bądź zwiększenia inicjatywy i samodzielności podwładnych w zakresie organizacji własnej pracy, powoduje to lęk przed wykazaniem braku kompetencji i nie poradzeniu sobie z nowymi wyzwaniami.

Zmiany w stosunkach grupowych: zagrożenie bezpośrednich kontaktów osobistych i przyjaźni, rozluźnienie więzi między ludźmi, powodują również niepokój i lęk.

Do innych barier psychologicznych można zaliczyć nieświadomość celu zmiany - często przyczyną niechęci do zmian jest niezrozumienie ich istoty i konsekwencji. Najczęściej zdarza się to wtedy, gdy wdrażanie zmian nie było poprzedzone konsultacjami albo informacjami o tym co ma nastąpić. W wyniku tego narasta podejrzliwość i nieporozumienie, a ludzie opierają się zmianom lub je wręcz sabotują, ponieważ nie mają oni poczucia współuczestnictwa w podejmowaniu decyzji o zmianie.

Inną barierą psychologiczną jest niska tolerancja zmian wynikająca z faktu, że w ostatnim czasie tych zmian było zbyt dużo i ludzie nie mają czasu na dostosowanie się do nich.

Takie uczucia i postawy mogą skłonić uczestników organizacji do silnego, często irracjonalnego oporu przeciwko zmianom. Opór ten można określić jako pewien stan psychiczny, który może się objawiać w działaniach utrudniających lub nawet uniemożliwiających wprowadzanie i utrzymanie zmian [2, s.104].

Dlatego skuteczne wdrażanie innowacji wymaga przede wszystkim skutecznej informacji na wszystkich szczeblach o naturze, celach i konsekwencjach wprowadzanych zmian.

Skutecznemu wdrażaniu zmian powinno towarzyszyć również tworzenie warunków uczestnictwa i zaangażowania jak największej liczby pracowników. Ważne jest również negocjowanie zmian z zainteresowanymi stronami.

Psychologiczny klimat dla zmian tworzą cechy i postawy pracowników, związane również z ich postawą twórczą, i należą do nich głównie: gotowość na nowe doświadczenia, gotowość do świadomej akceptacji zmian, tworzenie pozytywnych opinii dla innowacji. Charakteryzują się oni aktywnością informacyjną, orientacją czasową na teraźniejszość i przyszłość, a nie na przeszłość, są skutecznymi w kontroli otoczenia i realizacji własnych pomysłów, mają aspiracje oświatowe i zawodowe [5, s.164]. Badacze określają takich ludzi mianem *przedsiębiorców intelektualnych*, których ponadto cechują takie cechy jak: szerokie horyzonty poznawcze, traktowanie trudności jako wyzwanie i przygodę intelektualną, wszechstronna działalność w wielu sferach i środowiskach, szerokie kontakty. [3, s.53].

Wyżej wymienione cechy i postawy są ściśle związane z osobowością pracowników, czyli z ich poczuciem własnej wartości i skuteczności. Poczucie podmiotowości pracowników czyli samodzielność, wewnątrzsterowność i kierowanie własnym losem jak

Termin „Kapitał ludzki” stosowany jest w literaturze obok innych pojęć takich jak: potencjał ludzki, potencjał społeczny, czasem też zasób czy zasoby ludzkie. Uznany jest za najcenniejszy z kapitałów, dzięki któremu mogą być realizowane cele na różnych szczeblach indywidualnych potrzeb organizacji i państwa [1]. W wymiarze społecznym, zasób kapitału ludzkiego, nie jest w pełni zależny od potencjału demograficznego. Kraje o małej liczbie ludności mogą posiadać duże zasoby kapitału ludzkiego. Kapitał ludzki jest częścią człowieka, można go w sobie wytworzyć dzięki nakładom czasu, pieniądza, dóbr rzeczowych i usług innych osób. Obecnie kapitał ludzki utożsamiany jest najczęściej z wiedzą człowieka

i jego umiejętnościami, jego potencjałem, możliwościami rozwoju, czasem także życiem ludzkim. Kapitał ludzki, definiowany jest najczęściej jako zasób wiedzy i umiejętności zdobytych w czasie kształcenia i praktyki zawodowej, a także zasób zdrowia i energii vitalnej [2]. Terminem tym obejmujemy także predyspozycje psychiczne oraz motywację do pracy [3].

Kapitał ludzki jest również strategicznym zasobem tworzenia wartości w dzisiejszej gospodarce opartej na wiedzy. Świat w ciągu ostatnich 20-let bardzo się zmienił. Zaledwie 15% wartości dzisiejszych organizacji stanowią aktywne materialne – pozostałe 85% stanowią aktywa niematerialne. Kapitał ludzki stanowi dominującą pozycję aktywów we współczesnych organizacjach.

Analizując doświadczenia krajów wysokorozwiniętych można wyciągnąć wnioski, że sukcesy gospodarcze, wysoka pozycja kapitału ludzkiego tych krajów na rynku światowym, konkurencyjność gospodarek w znacznym stopniu zależy od poziomu wiedzy społeczeństwa

również współudział w tworzeniu i wprowadzaniu zmian, to jeden z ważniejszych warunków pokonywania barier psychologicznych i wprowadzania innowacji w organizacji czyli skutecznego zarządzania zmianą.

Literatura:

1. Drucker P.F., *Innowacja i przedsiębiorczość*, PWE, Warszawa, 1992.
2. Łuczewicz J., *Sociologiczne spojrzenie na organizację*, Wyd. Akademii Ekonomicznej, Wrocław 1997.
3. Janasz Wł., Red., *Innowacje w działalności przedsiębiorstw w integracji z Unią Europejską*, Wyd. Difin, Warszawa 2005.
4. Mohrman S.A., Mohrman A.M., *Zmiana organizacyjna i uczenie się organizacji*, w: J. Galbraith, E.E. Lawler III i inni, *Organizacje przyszłości*, Centrum rozwoju Twórczego Przywództwa, Grodzisk Mazowiecki 1998.
5. Popok St., *Człowiek jako jednostka twórcza*, Wyd. UMCS, Lublin 2001.
6. Świątalski Wł., *Innowacje i konkurencyjność*, Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2005.
7. West M.A., *Rozwijanie kreatywności wewnątrz organizacji*, WN PWN, Warszawa, 2000.

Zarządzanie zmianą jest w dzisiejszych czasach warunkiem przetrwania każdej organizacji. Wymaga ono jednak pokonania wielu barier, z których najtrudniejszymi są bariery psychologiczne, ponieważ dotyczą one postaw ludzkich i emocji, a ich zmiana jest najtrudniejsza i wymaga czasu.

KAPITAŁ LUDZKI I JEGO WPŁYW NA ROZWOJ GOSPODARCZY

oraz umiejętności tworzenia i wykorzystywania wiedzy w procesach gospodarczych. Gospodarka krajów wysokorozwiniętych oparta jest w szczególności na kapitałach i zasobach ludzi dobrze wykształconych, posiadających umiejętności twórcze, innowacyjne, co jest niezbędnym warunkiem postępu technicznego, gospodarczego i społecznego [4].

Sukces gospodarki państwa tkwi w sukcesach poszczególnych ludzi, organizacji, przedsiębiorstw. Inwestycje w kapitale ludzkim postrzegane są jako warunek trwałego wzrostu gospodarczego. Ich doskonalenie wymaga coraz większych nakładów na kreowanie i wiedzy i umiejętności człowieka. Istnieje ścisła korelacja między osiągniętym poziomem rozwoju społeczno-gospodarczego mierzonym wskaźnikiem PKB na jednego mieszkańca, a liczbą studentów na 1000 mieszkańców [5]. Badania wykazują, że w grupie piętnastu najbardziej rozwiniętych krajów z gospodarką rynkową wzrost przeciętnego wykształcenia ludności w wieku produkcyjnym o 1% podnosi tempo rozwoju gospodarczego o 0,02 - 0,07 punktu procentowego [6]. Jak wynika z Raportu Rady Strategii Społeczno-Gospodarczej prawidłowość ta nigdy nie była spełniona w Polsce. Przyczyną są zapewne niskie nakłady na kształcenie, naukę, technikę.

Zmiany, jakie dokonały się w Polsce po 1989 roku niewiele w tej dziedzinie zmieniły. W sferze deklaracji jest fakt, że od kapitału ludzkiego zależy rozwój gospodarczy państwa i tworzenie jego bogactwa narodowego.

Kapitał ludzki jako czynnik realizacji kariery zawodowej

Wszystkie organizacje interesują się tym, co należy zrobić, by dzięki ludziom osiągnąć stałe i wysokie efekty. Konieczne są tutaj sposoby najlepszego motywowania pracowników.

W wielości teorii motywacji dana organizacja winna wybrać adekwatną dla danej grupy ludzi. Może to być motywacja płynąca z satysfakcji wysokiej pensji; sprawiedliwego podziału płac, awansu, dobrego zarządzania; zaspokojenia potrzeb psychicznych. Ważną rolę odgrywają pieniądze – namacalny dowód uznania i kompetencji, a także wynagrodzenia za pracę dla przedsiębiorstwa.

Drugim czynnikiem w głównej mierze decydującym o karierze zawodowej jest wiedza i umiejętne zarządzanie nią przez pracownika [7]. Wydaje się, że wiedza bywa jedynym źródłem przewagi konkurencyjnej firmy. Uczenie się indywidualne jego tempo, gromadzenie doświadczeń winno być w danej organizacji większe niż w konkurencyjnej.

Wcześniej nie uwzględniano wpływu wykształcenia siły roboczej. Zasób wiedzy uznawano za dany w określonym momencie bez możliwości zwiększenia go; sytuacja się zmieniła, gdy wiedza zaczęła przyciągać uwagę ekonomistów i zaczęła być przez nich traktowana jako czynnik wzrostu. G. S. Becker, który otrzymał Nobla z ekonomii (1992r.) i Minar opracowali koncepcję kapitału ludzkiego. Założyli, że jednostki decydując o swoim wykształceniu, biorą pod uwagę koszty oraz potencjalne korzyści.

Do kosztów zaliczyli nie tylko koszty nauki ale i koszty wynikające z poświęcenia swojego czasu na naukę oraz potencjalne korzyści, zarówno kulturalne, nie przekładające się na pieniądze, jak i bezpośrednie – zwiększenie zarobków. Inwestycje w kapitał ludzki wpływają na wykorzystanie jednostek jako pracowników.

Wiedzę uznano za przedmiot rozważań teoretycznych. Stwierdzono, że wiedza to dynamicznie wykorzystana informacja. Spróbowano także ją podzielić na:

- wiedzę ukrytą (cichą) – ma ona charakter praktyczny i opiera się na tym, jak wykorzystujemy to co wiemy
- wiedzę dostępną (jawną lub formalną) – składa się ona z informacji, doświadczeń, jest trwała i może być przekazywana. Da się tę wiedzę wyrazić słowami lub znakami, jest uporządkowana.

Wiedza ukryta obejmuje akceptowane i rozpowszechniane w organizacjach wzorce działania, wartości, kodeksy postępowania grup, postawy i opinie. Nie ma ta wiedza charakteru formalnych procedur i regulaminów. Sposób jej przekazywania to przekazywanie doświadczeń organizacyjnych, eksperymentów sytuacyjnych, ujawnianie postaw w praktycznym działaniu, formułowaniu własnych opinii. Proces przekształcania wiedzy ukrytej w jawną jest podstawą organizacyjnego uczenia się i jest to dzielenie się wiedzą.

Rozpowszechnianie wiedzy w organizacji jest możliwe dzięki pewnym rozwiązaniom technicznym i odpowiednim strukturom.

Gromadzenie wiedzy i doświadczenia oraz ich wykorzystanie przez człowieka jest immanentną cechą kariery i rozwoju indywidualnego. Inicjatywa dotycząca rozwoju kariery i kierunek tego rozwoju zależy wyłącznie od człowieka. Kariera i procesy rozwojowe w ramach organizacji stają się dzisiaj jednością.

Kolejny czynnik rozwoju kariery to inteligencja traktowana jako sprawność myślenia [8].

Inteligencję zdefiniowano jako:

- zdolność do rozwiązywania problemów, stosowania zasad, wnioskowania i postrzegania zależności. Inteligencja jest niezbędna człowiekowi do jego rozwoju osobistego

i zawodowego. Odpowiedni jej poziom może zapewnić bezpieczeństwo zawodowe i osobiste.

T. Buzan i R. Israel wyróżnili tzw. inteligencję handlową. Składa się ona z różnych odmian a jest podstawą właściwego rozwoju zawodowego. Wg tych autorów składa się ona z następujących typów [9]:

1. inteligencja sensoryczna: umiejętne spostrzeganie zmysłów i reakcji klientów (np. liczby, słowa, szczegóły, obrazy, kolor, rytm, przestrzeń); wypatrywanie wskazówek i obserwacja klienta;

2. inteligencja intuicyjna: zaprzestanie korzystania z wewnętrznej mądrości i korzystanie z własnych przeczuć, zdolność przewidywania, wyobraźni i intuicji;

3. inteligencja logiczna: logiczne podejście do zagadnienia sprzedaży; gdyż klienci kupią to, co jest dla nich korzystne; z tego powodu należy rozpoznać ich potrzeby, potem zaprezentować odpowiednie korzyści płynące z kupna określonego towaru;

4. inteligencja werbalna: umiejętność posługiwania się słowami, jest to istotny proces realizacji zawodowej

5. inteligencja przestrzenna: zdolność oceniania dystansu i czasu, a także sposób, aby druga osoba zwracała na nas większą uwagę i żebyśmy lepiej jej zapadli w pamięć;

6. inteligencja interpersonalna: dotyczy tego, jak każdy człowiek kieruje samym sobą. Należy w natłoku myśli kierować się myślami pozytywnymi, będą one skutkować osiągnięciem równowagi i szczęścia;

7. inteligencja muzyczna: wiąże się z aprobatą dla muzyki i rytmu, niekoniecznie z umiejętnościami muzycznymi;

8. inteligencja umysłowo-cieleśna: umysł i ciało są nieodłącznie związane. Jeśli człowiek jest zmęczony, to jego umysł nie będzie działał optymalnie;

9. inteligencja interpersonalna: zdolność wchodzenia z innymi w kontakty międzyludzkie;

10. inteligencja techniczna: zdolność nadażenia za wynalazkami technologicznymi i umiejętność ich obsługi (fax, komputer, Internet, e-mail, telefon komórkowy);

11. inteligencja wizualna: prezentacja swojej osoby (zachowanie, odzież, wygląd) w taki sposób, aby inna osoba zapamiętała ten obraz;

12. inteligencja twórcza: zdolność tworzenia takich rozwiązań aby pokonać konkurencję i promować siebie bądź swoje usługi.

Autorzy tej klasyfikacji stwierdzają, że inteligencja emocjonalna jest zasadniczym elementem wyznaczającym sukces zawodowy. Określa ona stopień, w jakim jesteśmy w stanie radzić sobie z samym sobą i innymi ludźmi. Na nią zaś składają się [10]:

- samoświadomość – wiedza o własnych stanach wewnętrznych;
- samoregulacja – umiejętność panowania nad swoimi stanami wewnętrznymi;
- motywacja – skłonność do wytyczania sobie celów i dążenie do ich osiągnięcia;
- empatia – zdolność uświadamiania sobie stanów innych osób;
- społeczne umiejętności – zdolność wzbudzania u innych pożądanych reakcji.

Inteligencję emocjonalną można w różny sposób kształtować przez całe życie.

Niezależnie od rodzaju inteligencji jest ona potrzebna człowiekowi. Jest ona czynnikiem, który kreuje sposób wykorzystania innych zalet, jakie posiadamy.

Oprócz omówionych cech rozwój zawodowy człowieka uwarunkowany jest jego osobowością. Świadoma własnych wartości osoba kieruje swe spojrzenie w przyszłość i dokonuje wyborów zawodowych. Warunkowane są one także zdolnościami jednostki, osobistymi cechami, warunkami, w jakich rośli i wychowywali się, kulturą itd.. Czynniki te podlegają wzajemnej interakcji.

Bibliografia

1. M. Armstrong, Zarządzanie zasobami ludzkimi, Wyd. PSB, Kraków 1998, s.9
2. B. Koźuch, Zarządzanie kapitałem ludzkim a sukces rynkowy firmy, [w:] Koźuch B.(red.), Kształtowanie kapitału ludzkiego firmy, Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2000, s. 56
3. M. Gablota, Potencjał pracy w przedsiębiorstwie – kształtowanie i wykorzystanie, Wyd. AE, Wrocław 1998, s.12
4. Drozd, Kapitał ludzki w społeczeństwie informacyjnym, Kraków 2004, s.107-108
5. B. Koźuch, op.cit.,s.58
6. Kapitał ludzki. Stan i perspektywy. Raport Rady Strategii Społeczno-Gospodarczej(dalej RSSG),-nr27, Warszawa 1998, s. 71.
7. K. Kwiecień, M. Majewski, Tajniki wykorzystania wiedzy, [w:] Zarządzanie wiedzą w przedsiębiorstwie, materiały konferencyjne, Polska Fundacja Promocji Kadr, Warszawa 2001, s.356
8. W. Szewczyk, Inteligencja, [w:] Szewczyk W. (red.),Encyklopedia psychologii, WSSE, Warszawa 998,s.133-134
9. T. Buzan, R. Israel, Genialnz sprzedawca, Warszawa 2004, Muza S.A. s.62-72
10. Rozwiń inteligencję emocjonalną, ProFirma Sp.zo.o., http://nowoczesna.firma.wp.pl/artykuł_5677.htm

РЕЛИГИОЗНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

В.Р. Цылев

*Мурманский государственный педагогический университет,
г. Мурманск, Россия*

С начала 90-х годов прошлого столетия феномен религиозного возрождения России находится в сфере внимания исследователей. Проведенные социологические исследования показывают, что новый верующий отличается от прежнего, «традиционного». Тогда появляется вопрос: в чем заключается эта новая вера и что она с собой

несет? Ведь с изменением верующих меняется и сам смысл религии, который содержит в себе общественное сознание. Конечно, можно сказать, что процесс изменения веры является неизбежным, и происходящие инновации религии должны восприниматься как данность нашего времени. Но проблема, наверное, все же есть, и состоит она в том, что этот процесс затрагивает традиционные устои российского общества. Дело в том, Православие, как ортодоксальная ветвь христианства, всегда было направлено на сохранение и упрочение изначального смысла религии. Изучением и обоснованием этого смысла занималось и целое направление в российской философии, известное как русская религиозная философия. Изменение же существенных черт религиозности фактически приводит к новому пониманию религии, в котором мало что остается от изначально вкладываемого в нее смысла, от органического мировоззрения, лежащего в ее основе, от признания того места человека в мире, на которое она указывала. Но в таком случае закономерно встает вопрос, что в этой новой религии остается от действительной религиозности, и вообще является ли она по своей сути религией при строгом к ней подходе? Ниже дается описание некоторых социально-психологических черт современной верующей молодежи, полученных в результате социологического исследования ценностных ориентаций молодежи Мурманской области, и показывается радикальное отличие современной веры от ее понимания русскими религиозными философами.

Социологическое исследование молодежи Мурманской области было проведено в мае 2005 г. социологической лабораторией Мурманского государственного педагогического университета совместно с Управлением по делам молодежи Мурманской области. Оно было направлено на изучение широкого спектра ценностных ориентаций молодежи и включало в себя три вопроса, посвященных непосредственно религиозной тематике: отношение к религиозной вере, принадлежность к определенной религиозной конфессии и представление о содержании веры для верующего. Было опрошено 700 чел. трех возрастных групп: от 14 до 18 лет – 230 чел., от 19 до 23 – 260 и от 24 до 29 – 210 чел. По половому признаку выборка делилась на 280 мужчин и 420 женщин.

Среди всех опрошенных 45% считают себя верующими, 33% положительно относятся к религии, но не причисляют себя к верующим и 22% имеют безразличное или отрицательное отношение к религии (13% - безразличное и 9% - отрицательное). Обращает на себя внимание высокий процент позитивно относящихся к религии – в сумме две первые группы составляют 78%. По возрастам получено следующее распределение верующих и неверующих (в процентах):

Отношение к религии / Возраст	От 14 до 18	От 19 до 23	От 24 до 29
Верующие	45	42	47
Положительное отношение к религии, но без веры	29	36	35
Безразличное или отрицательное отношение к религии	26	22	18

Распределение верующих по возрастам близко к тому, которое было представлено Т.И. Варзановой по результатам исследования религиозных ориентаций молодых россиян, проведенного центром социологических исследований МГУ в 1997 г. Согласно этим материалам, верующими называли себя 52% среди 17-летних и 43 - 44% в группах 24- и 31-летних. Относительное увеличение доли верующих среди 17-летних Т.И. Варзанова объясняла тем, что мировоззрение юного

поколения формировалось в условиях религиозного возрождения, и оно с детства впитало в себя новое отношение к религии. [3, 275]. Во время нашего исследования это поколение уже достигло возрастной группы 24 – 29 лет, и именно данная группа занимает лидирующее положение по уровню позитивности в отношении к религии. Причем, если число верующих примерно одинаково во всех возрастных группах, то число респондентов, имеющих безразличное или отрицательное отношение к религии, в этой группе наименьшее, а наибольшее – в самой юной группе (соответственно 18 и 26%). Более того, из 26% этих юных респондентов 14% имеют выраженное отрицательное отношение к религии против 6 – 7% в старших группах. Возможно, что отличительные особенности религиозности самой юной группы молодежи связаны с протестными настроениями, характерными для этого возраста. И если в 1997 г. протест был еще направлен против бывшего повального атеизма, то в 2006 г. – уже против современной преобладающей религиозности.

В распределении верующих по половому признаку в целом отмечаются те же тенденции, что были выявлены в исследовании МГУ.

Отношение к религии / Пол	Мужской	Женский
Верующие	35	51
Положительное отношение к религии, но без веры	28	37
Безразличное или отрицательное отношение к религии	37	12

Сохраняется относительно больший процент верующих женщин по сравнению с мужчинами. Можно лишь отметить заметное уменьшение процента неверующих женщин (12%), что, по-видимому, является показателем упрочения позиций религии в жизни общества, так как женщины в меньшей степени склонны отрицать и критически оценивать ценностные нравственные ориентиры, официально принятые в обществе.

Результаты исследования подтвердили положения, выдвигаемые рядом социологов о том, что позитивное отношение к вере и к Православной церкви во многом связано с религиозно-культурной самоидентификацией россиян (русский – значит православный) [7]. Среди тех, кто к религии относится положительно, но не верит, 70% считают себя православными, и даже из тех, кто к религии относится безразлично или отрицательно, 28% назвали себя православными.

Принадлежность к религии	Верующие	Положительное отношение к религии, но без веры	Безразличное или отрицательное отношение к религии
Православие	91	70	28
Мусульманство	2	3	1
Буддизм	1	0	3
Другие конфессии	5	2	3
Ни к какой религии себя не отношу	2	25	65

Возможно, подобной культурно-религиозной идентификации способствует тот факт, что православная церковь приобрела много сторонников среди россиян благодаря своей последовательной борьбе в защиту прав и достоинства людей против распространения отрицательных явлений – бездуховности, цинизма, коррупции, наркомании и пр. Церковь осталась, наверное, чуть ли ни единственным социальным институтом, который при

решении всех проблем устойчиво стоит на нравственных позициях, поэтому признание близости к ней становится правилом хорошего тона.

Это предположение косвенно подтверждает полученное распределение религиозно дифференцированной молодежи по образовательному уровню. М. Мчедлов указывал, что по данным его исследования процент лиц с высшим образованием в группе неверующих выше, чем среди верующих в Бога (соответственно 40,9% и 32,0%) [7]. По данным нашего исследования ситуация среди молодежи изменилась на противоположную: наибольший процент верующих среди лиц с высшим образованием (54%), а наименьший – среди молодежи с самым низким уровнем профессионального образования – профессионально-техническим (34%). Здесь речь идет о законченном образовании, и среднее образование не учитывается, поскольку его в основном имеют школьники, которые еще будут повышать свой образовательный уровень.

Отношение к религии / Образование	Среднее	Профессионально-техническое	Средне-специальное	Высшее
Верующие	45	34	46	54
Положительное отношение к религии, но без веры	31	38	32	35
Безразличное или отрицательное отношение к религии	24	27	22	11

Обращает на себя внимание, что среди респондентов с высшим образованием 89% положительно относятся к религии, и только 11% - безразлично или отрицательно. Конечно, окончательные выводы делать рано, поскольку в выборке группы с профессионально-техническим и высшим образованием малочисленны (соответственно, 73 и 82 чел.), но все же тенденция обнаруживается достаточно явно. Возможно положительное отношение к религии среди молодежи становится не только элементом культуры, но и показателем образованности, что является прогнозируемым результатом постоянного позитивного позиционирования религиозных конфессий в СМИ.

Итак, молодежь нашей страны, в своем большинстве, становится религиозно ориентированной (во всяком случае, таковой она себя считает), но что реально означает эта религиозность, остается вопросом, на который и пытаются ответить исследователи этого феномена. Т.И. Варзанова отмечает, что вера в Бога у молодежи перемещивается с верой в различные суеверия и не содержит в себе стремления погружаться в религию, поэтому «сознание молодых верующих является не столько православным, сколько синкретичным», молодежь мало ориентируется на церковь, на обряды, а просто декларирует свою приверженность православию, чтобы соответствовать распространенному в обществе стереотипу духовности [3, 284-285]. Близкую позицию занимает М.П. Мчедлов. Он пишет, что возросшая религиозность населения России явилась не столько следствием духовных исканий, сколько влиянием своеобразной «моды на религию», и значительная часть респондентов при положительном отношении к религиозным организациям хотела бы ограничить их влияние на общество рамками морали и нравственности [7]. Таким образом, современная вера, согласно рассмотренным мнениям, носит в большей степени поверхностный, внешне-ритуальный характер и фактически означает причастность верующего к культурной традиции, его ориентацию на

нравственные и гуманистические ценности, утверждаемые церковью, и просто следование веяниям времени.

Д.Е. Фурман по результатам своего исследования попытался выделить группу более или менее настоящих, «традиционных верующих», с помощью набора отобранных им критериев. В эту группу он относил респондентов, дающих положительный ответ одновременно на несколько вопросов: тех, кто считают себя верующими в Бога (47% опрошенных), идентифицируют себя как православных, видят в Боге личность, а не силу, а так же часто молятся. Таких у Д.Е. Фурмана набралось всего 4%. Но даже их он не мог назвать «традиционными верующими», т.к. значительная часть из них не верили в загробное существование души и в воскрешение мертвых, зато верили в астрологию и в переселение душ [4, 38]. В результате Д.Е. Фурман делает вывод, что в России побеждает не религия или атеизм, а мировоззренческая неопределенность и эклектизм. В России все за религию, но на самом деле никто не верит, поэтому действительного «религиозного возрождения» в России нет и впереди не предвидится [4, 50].

Иную позицию занимает Ю.Ю. Синелина. По ее мнению, попытка определить «настоящую веру» через ее соответствие ряду внешних критериев, таких как знание церковных догматов, молитв, отсутствие веры в астрологию, реинкарнацию, посещение храма, выполнение церковных обрядов и пр., является несостоятельной. Она считает, что подобные особенности веры вообще свойственны нашему народу и были так же распространены еще в дореволюционной России [8, 91-94]. Обращаясь к работам С.Н. Булгакова, Ю.Ю. Синелина, выдвигает тезис о том, что основным критерием веры в большей степени является не следование церковным канонам, не внешне-формальные признаки, а духовная жизнь человека, его встреча с Богом в живом личном опыте. В этом случае человек только сам может определить степень собственной веры, и поэтому неправомерно «идентифицировать людей в качестве неправославных, если они считают себя православными» [8, 96].

Представляется, что при подобном подходе к определению религиозности мы попадаем в некоторую неопределенность, для выхода из которой нам придется строго определить понятие «встречи с Богом в духовном опыте», что крайне сложно. Такая встреча может произойти на глубинном духовном уровне, близком к тому, который испытывали пророки и святые, а может и на поверхностном, рациональном – человек просто решил из каких-то соображений, что он будет считать себя верующим. При таком определении религиозности граница между верующим и неверующим становится крайне зыбкой и субъективной, она будет зависеть только от выбора человека, который может обуславливаться самыми разнообразными соображениями и мотивами.

С другой стороны, личный духовный опыт составляет основу религиозной жизни, и сама попытка перевести анализ феномена религиозности на этот уровень представляется очень важной, поэтому отказываться от него при поиске критериев религиозности, наверное нельзя. Здесь интересным является взгляд С.Д. Лебедева на понимание религии в обществе. Он выделяет в религии два разнородных и несводимых друг с другом смысловых пласта. Эти пласты можно обозначить как «духовный» и «культурный» [5]. Духовный уровень предполагает «религиозное» как «некую первичную данность», как жизненную потребность, как важную, если не важнейшую, область внутренней жизни социального субъекта». Культурный уровень репрезентирует религиозную жизнь в обществе как внешнюю данность «в некоторых символических, ценностных, дескриптивно-объяснительных и поведенческо-

регулятивных формах». По мнению Лебедева, взаимоотношения современного человека с религией выстраиваются в пределах культурного слоя, его религиозность – это отношение к религиозной культуре определенных конфессий. А глубинное, духовное измерение религии современному человеку «чаще всего неведомо (точнее, оно остается им не узнаваемым и не понятным в собственной душе)» [5].

При подобном понимании религии получается, что социологические исследования религиозности выявляют отношение респондента к религии на уровне культурного уровня, с чем, наверное, нельзя не согласиться. Изучаемое приобщение современного человека к вере – это его приобщение к религиозной культуре, которая включает в себя некоторый набор нравственных правил, ритуалов традиционного этикета, комплекс культурно-исторических ценностей и пр. Причем С.Д. Лебедев считает, что ограничение представления о религии только культурным слоем превращает ее в сознании человека в некую идеологию и тем самым фактически ведет ее к секуляризации [5].

Ограничение направленности социологических исследований на культурный слой религии вовсе не снижает их значимости, потому что в этом случае за растущей верой молодежи стоит факт все большего приобщения ее к православной культуре и ориентации на нравственные ценности, проповедуемые религией, что само по себе несомненно является важным. Другое дело, что нельзя при этом забывать и о духовном измерении религии, о тех главных смыслах, которые она в себе несет. Для уточнения этих смыслов религии обратимся к работам русских религиозных философов.

С.Н. Булгаков пишет, что смысл религии выражается уже в самом слове («*religio* – *religare* – связь, связывать соединять»), и в самой общей форме ей можно дать такое определение: «религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом». В философском же выражении, «религия есть переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако при сохранении своей трансценденции, переживание трансцендентно-имманентного» [2, 12]. Трансцендентное означает здесь божественное, присутствующее всюду, а имманентное – находящееся глубоко в душе человека, неотъемлемо ему принадлежащее, а термин «трансцендентно-имманентное» указывает на единство этих реальностей. Таким образом, религия – это переживание человеком божественного мира, который он находит в своей собственной душе. Такое переживание Булгаков называет религиозным, и оно убеждает человека в существовании божественного мира не путем доказательства, а тем, что непосредственно «показывает» его [2, 12-13]. Религиозное переживание – это какое-то непосредственное чувствование, «усмотрение» человеком божественного устройства мира. Подобным образом представляет религиозное переживание и Н.А. Бердяев: «Духовный опыт святых, мистиков, людей высшей духовной жизни есть сама реальность, само явление и обнаружение духа и Бога. Дух есть, духовная жизнь явлена и обнаружена. Это – первичный факт. Он непосредственно усматривается, а не доказывается. Духовный опыт есть величайшая реальность в жизни человечества» [1, 28].

Итак, в основе религии лежит религиозное переживание, оно является ее живым источником, «религия зарождается в переживании Бога». Человек, испытавший это переживание, по-другому начинает воспринимать окружающий его материальный мир: «И в этом свете по-иному является этот мир, получается совершенно другой вкус, новое ощущение бытия – чувствование мира как удаленного от Бога, но вместе с тем от Него зависящего» [2, 16]. Религиозное переживание приводит человека к новому мироощущению, человек начинает чувствовать единство бытия, причастность

человека к миру божественному и в то же время удаленность, греховное отпадение от него, у него появляется стремление вернуться к целостности и гармонии мира, вернуться к Богу.

Может возникнуть вопрос: как узнать это религиозное переживание и отделить его от иллюзии или галлюцинации? Здесь надо понимать, что все знание человека, все воспринимаемое и представляемое им – все есть явления сознания, и человек при этом четко разделяет, что ему кажется, а что является реальностью, т.е. он всегда сам определяет степень реальности того или иного образа, появляющегося в сознании. А религиозное переживание, по словам С.Н. Булгакова, «обладает (по крайней мере на вершинных своих точках) такой победной силой, такой пламенной убедительностью, которая далеко позади оставляет всякую иную очевидность. Его можно позабыть или утратить, но не опровергнуть» [2, 17]. Т.е. человек, испытавший религиозное переживание, определяет все явленное как самую реальнейшую действительность. Конечно, чтобы адекватно понять этот опыт, его надо испытать. «Лишь духовный опыт может убедить в существовании духовного опыта, лишь обнаружение духовных реальностей в самом человеке может доказать ему существование духовных реальностей» [1, 28].

Как же испытать такое переживание? С.Н. Булгаков пишет, что у человека есть способность, особая «религиозная одаренность» к восприятию мира божественного, но в то же время испытать религиозное переживание крайне сложно [2, 21]. Привести человека к религиозному переживанию может вера. Путь веры – это долгий путь к Богу. Возникает вера от какого-то начального знания о предметах веры, но настоящая вера рождается «от встречи с Богом в религиозном опыте». Булгаков отмечает, что «вера имеет две стороны: субъективное устремление, искание Бога, религиозная жажда, вопрос человека и объективное откровение, ощущение Божественного мира, ответ Бога». Чтобы откровение пришло, человек должен стремиться к этому, «вера может родиться только у ищущих ее». Желание встречи с Богом означает «жертвенный акт», «вольную отдачу себя Богу», стремление к подчинению Божественной воле, это «подвиг совершенно бескорыстный, все отдающий и ничего не требующий» [2, 29-32].

Что означает для человека этот жертвенный акт? Здесь надо понимать, что религиозное мировоззрение органическое по своей сути. Мир в нем предстает как единый целостный божественный организм. У мира, как целостного образования, есть свой смысл, который определяет смысл каждой его части. Мировой или божественный смысл есть абсолют, истина, который отрицает всякий плюрализм или, если и допускает, то только как способ познания абсолюта. Каждому в этом мире определена своя судьба в соответствии с особенностями развития его души. Жертвенность означает согласие с этой судьбой, согласие со своим местом в мире, это подчинение мировой, божественной необходимости, это аскетическое отношение к своим желаниям и потребностям в угоду Божественной воле. Но это подчинение означает не унижение или ущемление человека, а скорее его возвышение и освобождение, поскольку Божественной волей человеку определяется то место в мире, которое только и может привести его к счастью и благу.

Итак, религиозная вера предполагает, прежде всего, наличие у человека стремления воссоединиться с Богом, подчинить свою жизнь Божественной воле, прийти к истинной вере путем приобретения духовного опыта религиозного переживания. Такая вера как раз и составляет духовный слой религии. Без такой веры

религия теряет свой основной смысл и фактически превращается в одну из многочисленных идеологий. Одно из основных отличий идеологии от религии в том, что при жизни по любой идеологии человек всегда сам принимает решения, оценивая те или иные идеологические положения и ситуации, т.е. он полностью полагается на свою волю. В религии же он должен отказаться от своего «я», развивать в себе духовную чувствительность и стремиться подчиняться Божественной воле, религия духовна по своей сути, она предполагает наличие в мире Божественной воли, которая может быть услышана и понята. Второе важное отличие идеологии от веры в том, что идеологию создает человек, пытаясь улучшить условия своей жизни в обществе, а настоящая вера, наоборот, предполагает отказ человека от себя ради служения Богу, содержание религии – это не конструкция человека, а откровения Бога. Обе названные отличительные черты религии в настоящее время не проявляются, и поэтому отмеченные важные различия между идеологией и религией фактически снимаются. Современный человек обращается к религии для того, чтобы сделать свою жизнь лучше, и использует для этого религию как средство.

В каком-то смысле рассмотренное понимание религиозной веры противоположно современному антропоцентрическому мировоззрению, в котором человек сам определяет свое место в жизни, свою судьбу, и поэтому, действительно, верующий человек должен кардинально отличаться от неверующего по своим ценностным ориентациям, по своему образу жизни, по своему отношению к миру и людям. У современных же верующих такого, конечно, нет. По результатам нашего исследования был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена между ранжированными ценностями у двух групп респондентов: верующих и тех, кто безразлично или отрицательно относится к религии. Для ценностей - жизненных целей он составил 0,88; а для ценностей – средств достижения целей - 0,94. Высокое значение коэффициента корреляции говорит о том, что ранги ценностей у этих групп различаются очень незначительно, т.е. верующие по иерархии своих ценностей практически не отличаются от неверующих. Хотя небольшой сдвиг в иерархии ценностей в духовную сторону у верующих все же наблюдается. Например, верующие поставили на второе место любовь, а на третье – материальное благополучие, а респонденты с безразличным или отрицательным отношением к религии – наоборот. Показательным для этих групп является типичное поведение в конфликтных ситуациях:

Поведение в конфликтных ситуациях	Верующие	Безразличное или отрицательное отношение к религии
Вынудить противника признать свою неправоту	24	35
Победить, но оставить противника при его интересах	21	23
В целом победить, но в мелочах уступить	18	16
Частично пойти на компромисс	19	14
Прийти к полному компромиссу	18	12

Конечно, в целом, верующих характеризует большая терпимость при поведении в конфликтах и стремление прийти к их разрешению с учетом интересов обеих сторон (два последних пункта шкалы в сумме 37% против 26%), но при этом желание у 45% верующих (первых два пункта в сумме) победить в конфликте все же настоятельно.

Подводя итог проведенному исследованию религиозности современной молодежи, можно сделать вывод о том, что она носит внешне-формальный характер и значительно отличается от традиционно-православной. Практически полностью утерян духовный уровень религии, но в этом трудно обвинять молодое поколение, потому что в современном обществе об этом уровне мало говорят даже сами служители церкви. И это очень печально, потому что одной из важных отличительных черт Православия было как раз мистическое богословие, помогающее долгое время сохранять традиции богопознания и богообщения. В.Н. Лосский писал о том, что в Православии всегда существовала традиция личного мистического познания человеком истин христианского догмата и «восточное предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богословием, между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью» [6, 9]. Эта мистичность делала религиозную веру живой и поддерживала ее смысл, который прежде всего состоит в достижении действительного духовного единения с Богом. И поэтому, наверное, о религиозном возрождении в России говорить пока рано, и оно возможно только при возрождении духовного пласта религии.

*«Работа осуществляется в соответствии с Тематическим планом Федерального агентства по образованию (тема № 1:2.06)»

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994.
3. Варзанова Т.И. Религиозные ориентации молодых россиян (Возрастной и гендерный аспекты проблемы) // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. В 2 т. М., 1999. Т. 1, с. 274-286.
4. Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. № 6, с. 35-52.
5. Лебедев С.Д. О религиозном возрождении, секуляризации и фундаментализме: к проблеме соотношения понятий // сайт С.Д. Лебедева.
<http://socio.nav.narod.ru/staty/renessans.htm>
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
7. Мчедлов М., Шевченко А., Гаврилов Ю. Религиозность в современной России // Обозреватель – Observer. 2004. № 8.
8. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7, с. 89-96.

РОЛЬ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ СОЦИУМЕ

Шебанова И.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Трансформация - структурные перемены в направлении к качественно новому состоянию организации. Это процесс, который всегда был свойственен общественной жизни, но в нынешний период - с конца 1980-х годов до настоящего времени, в странах Центральной и Восточной Европы, он носит ускоренный и системный

характер. Качественные изменения претерпевают все сферы общественной жизни: политическая, экономическая, социальная и духовная. Трансформация современного общества приводит к возникновению новых видов общественных отношений, социальных технологий, к изменению социальных ролей и целей.

Наибольшее влияние на ускоренный темп изменений и их всеобъемлющий характер оказывают такие объективные общественные процессы, которые носят универсальный характер, как глобализация и информатизация.

Эти процессы привели к формированию информационного общества. Темпы и масштабы его отличаются в странах с разным уровнем общественного развития. Общими чертами информационного общества считают:

- включенность любого региона в глобальную информационную сеть;
- возможность в любое время и в любом месте получить бесплатно любую информацию по личному или общественно значимому вопросу;
- функционирование информационных технологий позволяет создавать, поддерживать и развивать гигантский комплекс информационных ресурсов, обеспечивающих развитие общества;
- формирование высокой информационной культуры;
- интенсивное накопление и концентрация теоретического знания;
- формирование новой интеллектуальной технологии, позволяющей осуществлять математическое моделирование, применять системный анализ, осуществлять управление в экономической и социальной сферах;
- генерация новой социальной группы (производителей знаний) и упрощение в социально-экономической структуре - превращение в простейшую элитарно-массовую структуру: научно-техническую элиту и средний класс;
- обучение на протяжении всей жизни, новые формы обучения посредством новых обучающих технологий с использованием электронных средств коммуникации и Интернета [5].

Система образования, являясь социальной подсистемой, также испытывает давление времени и должна модернизировать процесс обучения, совершенствуя управленческие технологии, чтобы соответствовать изменяющимся требованиям. Возникает необходимость разработки нового взгляда на цели и задачи системы образования в глобальном масштабе для преодоления сложившегося кризиса между системой образования и требованиями современного информационного общества и выхода на качественно новый виток в этой очень важной социальной сфере.

Ответом на глобализационные процессы является становление международного образовательного пространства. Этому способствует принятие соответствующих международных документов:

14 октября 1986 г. подписана Великая хартия университетов в Болонье;

с ноября 1993 г. действует Маастрихтский договор установивший, что Европейское Сообщество намерено развивать «европейское измерение в образовании»;

в 1999 году представители 29 европейских государств подписали Болонскую Декларацию;

в 2001 г. в Праге на конференции министров образования был принят документ, известный как Пражское коммюнике и др.

В Республике Беларусь в настоящее время идет реформирование деятельности и преобразование структуры высшего образования. Для того, чтобы быть

равноправными членами в области образования, Беларусь приняла на себя обязательства по интеграции в мировое образовательное пространство. Принятые документы - Указ Президента Республики Беларусь «О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе», Закон «Об образовании», Положение о ступенях высшего образования – закрепляют переход на новую модель обучения. Переход высшего образования в Республике Беларусь на два главных цикла: низший – бакалавриат и завершающий – магистратура, нормативно определен Законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь» от 19.03.2002 г.

Таким образом, глобализация высшего образования будет способствовать не просто процессу конвергенции института на основе экономического фактора, но и процессу систематизации знаний, накопленных в мире, интернационализации достижений образования.

В настоящее время перед системой образования стоит важная тройственная задача: во-первых, освоение перемен и новшеств, во-вторых, преодоление негативных последствий перемен и ошибок, и, в-третьих, сохранение ценного из наследия прошлого.

Образовательная система обладает определенной степенью инерционности и консервативности, что влечет отставание от объективных социальных процессов. Так, развитие компьютерной техники и индустрии до сих пор идет лавинообразно и непрерывно. Специалисты подсчитали, что смена поколений вычислительной техники, старение информации происходят каждые два года. На внедрение новых технологий и программ в образование в экономически развитых странах уходит в 10 раз больше времени. Таким образом, очевидно явное отставание всеобщего образования от информационно-технического прогресса.

Выделяют несколько групп причин инерционности системы образования: социальные причины – это место, роль и ценность образования в обществе; экономические - финансовые и материальные ресурсы вузов, уровень заработной платы; педагогические - уровень развития академической науки, степень квалификации преподавательского состава; психологические - личная позиция преподавателей, индивидуально-психологические особенности преподавателей и т.п.

Несмотря на внутреннюю и внешнюю инерционность системы образования, происходят качественные изменения и появляются новые формы организации учебного процесса и институционализации высшего образования. Вхождение в мировые коммуникационные сети, возможность международных деловых контактов, интернационализация использования интеллектуальных ресурсов на основе широкого внедрения коммуникационных технологий, привели к появлению дистанционного, открытого, виртуального образования – нетрадиционных провайдеров высшего образования за рубежом и в Республике Беларусь.

Дистанционное обучение, открытое образование, виртуальное образование, «незримые колледжи», виртуальные кафедры в условиях современного информационного общества выходят за рамки особых форм организации учебного процесса и становятся самостоятельными институциональными образованиями, оптимальное функционирование которых предполагает организацию и координацию управленческих

воздействий как внутри каждой такой институциональной структуры, так и в ходе ее включения в единую образовательную среду.

Таким образом, можно говорить о формировании новой образовательной среды, под которой понимается сложная динамически развивающаяся система, состоящая из социальных, взаимодействующих в сфере образования субъектов (преподаватели, студенты, администрация вузов, социальные организации и институты, педагогическая общественность, СМИ), информационно-связанных с социальной макросредой в процессе своего функционирования.

Образовательная среда создается взаимодействием заинтересованных социальных групп, общностей, организованных определенным образом для выполнения задач обучения, социализации и профессиональной подготовки. Целью новой образовательной среды является создание условий необходимых для развития профессиональной компетентности студентов, их духовно-нравственного и культурного потенциала, гражданского становления в условиях глобализационных процессов и становления информационного общества.

Образовательная среда – это многофункциональная система, в которой переплетаются интересы государства, определяющего национальные приоритеты в области образования, региональной администрации, предъявляющей комплекс требований к функционированию учреждений образования, и локальные интересы студентов, педагогов, родителей, администрации, педагогической общественности, реализующих социальные потребности в знании и творчестве.

В период трансформаций и модернизаций общественных отношений, когда традиционные формы и методы социального управления не всегда эффективны, важную роль приобретает самоорганизация социума. В такие периоды особая роль отводится образованию, которое, транслируя проверенные и значимые для общества ценности и образцы, в состоянии минимизировать болезненность переходного периода, а социологизаторская функция образования помогает не только адаптироваться к макросреде, но выработать адекватную поведенческую программу.

Проведенные социологические исследования показывают, что современный студент, испытывающий влияние трансформационных, глобализационных и информационных процессов, уже сегодня проявляет новую заинтересованность к преподаваемым предметам. Большинство респондентов считают, что современный специалист должен быть коммуникабельным, владеть иностранным языком, обладать умением выражать мысли в устном и письменном виде, все чаще опосредованном электронными средствами связи, понимать людей и уметь вести с ними деловые переговоры, уметь самостоятельно ориентироваться в явлениях и процессах действительности.

Начинать формировать у молодых людей эти качества и навыки надо с первых курсов, чтобы в ходе дальнейшего обучения профессиональные знания накладывались на ценностные ориентиры.

Социально-гуманитарные дисциплины, являясь **системообразующим** фактором образовательной среды, создают не просто социокультурный фон, но предполагают включенность социогуманитарных знаний во все структурные компоненты, определяя, таким образом, целостность системы образования, функционирующей как система взаимодействующих субъектов в сфере образования и интегрируя различные структурные уровни образовательной среды, социальные организации, институты.

Гуманитарное знание направлено на выработку целей, на развитие способности генерировать новые идеи и на ценностную ориентацию. Социально-гуманитарный блок как **системообразующий** фактор новой образовательной среды поможет

формированию ценностно-мировоззренческих установок современной молодежи, создающих длительные поведенческие программы.

Общим принципом оценки правильности выбора и поведения человека является то, что цель деятельности правильная, устремлена на благо человеческой личности с помощью правильно выбранных средств и, равным образом, направлена на всеобщее благо, согласовываясь с целями общества.

Человечество, осознает оно это или нет, стоит перед острой необходимостью синтезировать научно-технические и эτικο-гуманитарные знания. Хочется привести призыв американского онколога, «отца» биозтики Ванна Поттера о необходимости спасения цивилизации от неизбежной катастрофы через создание «моста» между двумя культурами – научной и нравственной. На данном этапе развития общества способность человечества к выживанию парадоксальным способом ставится под сомнения именно в результате развития технических наук.

Отсюда вытекает, что главными задачами системы образования становятся воспитание в людях сознания этической значимости многих научных открытий; содействие в разработке решений таких сложных в нравственном отношении проблем современного общества как экологическая и демографическая проблема, СПИД, искусственное размножение и клонирование и др. Эта работа должна основываться на анализе последствий, связанных с вторжением человека в биосферу, что уже ощущает нынешнее поколение и за что расплачиваться будут будущие поколения.

Главной целью ориентации модели образовательной системы является выживание всего человечества. В построении новой модели цивилизации одним из механизмов выживания может оказаться важнейший стратегический ресурс – образование.

Системе высшего образования предстоит выработать такую управляемую модель, которая будет соответствовать духу времени и удовлетворять социальный заказ в подготовке востребованных специалистов современного уровня и в первую очередь социально и гуманитарно-развитую сознательную личность.

Литература

1. Абасов З. Инновационность в образовании и подготовка учителей // *Alma Mater*. Вестник высшей школы. М. – 2001. – № 4.
2. Ганчеренок И.И. Болонская Декларация и Пражское Коммюнике – программные документы развития высшего образования в Европе. // «Вышэйшая школа». – 2002. – № 4.
3. Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище. Всемирный доклад по образованию. – Париж: изд-во ЮНЕСКО, 1998.
4. Демчук М.И. Информационное общество, инновационная деятельность и система образования // *Вышэйшая школа*. – 2005. – № 6.
5. Еляков А.Д. Информационный тип социального неравенства // *СОЦИС*. – 2003. – № 10.
6. Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «Об образовании» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005 г. – № 104.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.Л. Куиш

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь.

Высшее образование представляет собой сложную систему, в структуру которой входят учебный процесс, система контроля и оценки знаний, система финансирования высшего образования, система набора абитуриентов в вузы; согласование

вузовского обучения с обучением в других учебных учреждениях, система вузовской науки, система подготовки преподавательских кадров и другие. Реформирование этой системы требует глубокого анализа всех её сторон и особенностей, взвешенного и осторожного подхода во избежание внесения дисбаланса в её функционирование.

Современная система высшего образования досталась нам в наследство от советских времён. Будучи достаточно развитой, она способна дать студентам довольно хорошее образование, достигающее мировых стандартов, прежде всего, в технической и естественнонаучных областях. Задача заключается в том, чтобы, сохранив этот потенциал, усовершенствовать эту систему. Для этого следует определиться с целями и задачами высшего образования, решить существующие и назревающие проблемы, наметить перспективы его развития. По этим проблемам следует развернуть дискуссию в университетской, научной среде, в среде лиц, занимающихся проблемами организации высшего образования, с целью выработки общей позиции по проблемам его развития в нашей стране. Результаты этой дискуссии были бы очень полезны всем тем, кто несёт ответственность за принятие и исполнение решений, связанных с реформированием высшего образования.

Анализ указанных выше элементов высшего образования должен стать достоянием специалистов в соответствующих областях. В этой работе мы проведём сравнительный анализ общего состояния системы высшего образования на советском и современном этапах и сделаем выводы о путях и направлениях его дальнейшего развития.

Современное высшее образование сохранило с советских времён, когда собственно и было создано ядро этой системы, многие свои основные черты. В связи с этим полезно проанализировать ту систему, чтобы лучше разобраться с современным положением дел в высшем образовании. Характеризуя систему высшего образования советских времён (будем брать за основу 80-е годы), следует отметить следующие его основные свойства.

- Образование было доступным для широких слоёв населения, главным условием его получения было наличие соответствующих способностей.

- Образование, в целом, соответствовало целям и задачам, которые ставило перед собой общество. Одной из его особенностей было то, что оно было довольно-таки единообразным по структуре. Это означает, что все получали одинаковое высшее образование, и оно практически никак не дифференцировалось, разве что красными и синими дипломами, можно ещё, правда, добавить, что и, в некоторой степени, вузами, которые заканчивал студент, одни из которых считались более престижными, другие менее. Эти факторы, однако, не всегда в должной мере учитывались при трудоустройстве и оплате труда молодого специалиста по причине недостаточной мотивации предприятий на обеспечение их высококлассным персоналом.

- Высшему образованию были присущи черты целостности и единства, оно представляло собой развитую систему.

- Студентам давались широкие, объёмные и, в некоторой степени, фундаментальные знания. Однако, благодаря своей широте и фундаментальности, образование было несколько академическим, недостаточно практичным. Получая большую сумму знаний, студент овладевал недостаточным количеством умений и навыков, как в области своей профессиональной деятельности, так и деятельности жизненно-повседневной.

8

- Принцип сотрудничества в высшем образовании, координации, демократичности, взаимной поддержки между вузами, руководством системой образования в определённой степени выполнялся.

- Высшее образование было хорошо согласовано с иными образовательными учреждениями страны: общеобразовательной школой, средними и специальными профессионально-техническими учебными учреждениями.

- В плане своей мобильности система высшего образования была довольно консервативной, не всегда достаточно оперативно и гибко реагировала на процессы, происходящие на производстве и в обществе изменениями в учебных программах, в требованиях к уровню подготовки молодых специалистов, введением новых специальностей, предметов, использованием новых обучающих технологий и т.п.;

- Отсутствовала непосредственная обратная связь системы образования с потребителем. То есть предприятие не имело прямого и эффективного воздействия на вуз в плане изменений в профильной подготовке специалиста. Такое воздействие осуществлялось опосредованно, через Министерство образования. Процесс этот включал много звеньев, в которых часто и угасал.

- Хотя в те времена ещё не было столь фундаментальных разработок по системе качества, какие имеются в арсенале учреждений, занимающихся организацией образования сейчас, тем не менее, на том уровне система качества функционировала достаточно эффективно, обеспечивая выполнение требований, как к учебному процессу, так и к уровню знаний, умений и навыков студентов. Система качества того времени основывалась на требованиях выполнения учебных программ, посещаемости, дисциплине учащихся; немалая роль принадлежала ответственности преподавателя за качество получаемых студентами знаний. Поэтому, хотя студенты зачастую не всегда были в достаточной мере мотивированы на получение хороших знаний, требования учебного процесса вынуждали их приближаться к необходимому уровню.

- Имела место реальная перегрузка студентов учебным материалом, что приводило к снижению его усвоения, а значит и качества подготовки молодых специалистов.

- Не было должной мотивации студента на получение широкого спектра как профессиональных, так и развивающих знаний, умений и навыков. Зачастую, одной из главных целей было получение диплома о высшем образовании.

- Студентам прививались идеалы высокой нравственности и патриотизма, личностные же качества формировались довольно посредственно.

- Связь высшего образования с наукой находила своё выражение в том, что научные коллективы профессорско-преподавательского состава, часть студенчества проводили различные научные исследования. Но, с другой стороны, студентам недостаточно передавалось современных знаний в области передовой науки и технологии, которые давали бы молодому специалисту возможность быть на острие технико-технологического процесса, проявлять на производстве свои творческие способности.

- Высшее образование было связано с производством в плане решения задач научно-исследовательского и обучающего характера.

- Использование обучающих технологий, в основном, базировалось на технологиях традиционных. Процесс внедрения и применения новых технологий не носил активного характера.

Обратимся теперь к анализу того, что мы имеем в высшем образовании на сегодняшний день. Сохранив, в основном, ядро советской системы, высшее образование, пройдя через лихолетье перестройки и разрухи, ослабило некоторые свои положительные черты, в то время как многие, из существовавших ранее недостатков, остались. Обратимся к каждому из ранее характеризующих свойств.

- Проблема доступности высшего образования встала острее. В советские времена можно было выбирать для учёбы любой вуз в пределах Советского Союза. Сейчас студенты вынуждены ограничиваться теми городами, в которых они проживают и в которых есть соответствующие вузы. Появилась дифференциация школ и уровней подготовки абитуриентов, в основном из села и города, что сказалось на проблеме поступления. Одним из частных решений этой проблемы явилось введение отдельных конкурсов для сельских и городских абитуриентов. Однако, проблему следует решать более масштабно и основательно. Доступность образования означает реальную возможность для абитуриента учиться там, где наилучшим образом реализуются его способности.

- Существует дисбаланс в целях и задачах образования и общества. Одним из путей решения этой задачи является государственная идеология. Можно сказать, что на этом направлении есть некоторые успешные результаты, но их недостаточно. Необходима более точная определённость в целях и задачах общества и, соответственно, как следствия, образования и более полная интеграция интересов обеих сторон.

- Высшее образование в некоторой степени утратило свои черты системности и единства. Появилась дифференциация как самих специальностей, так и вузов, особенно если речь идёт о частных вузах, имеет место ослабление связей между ними. Дифференциация полезна в плане обогащения, появления позитивных различий между вузами, что даёт возможность полезного обмена, в нашем же случае имеет место в большей степени разъединение.

- Академичность, перегруженность образования дополнительными знаниями всё ещё осталась, но современное образование стало более практичным, ориентированным на нужды производства, молодого специалиста, общества в целом. Тенденция эта, пока что не очень сильна.

- Что касается реализации принципа сотрудничества, то система стала более централизованной, авторитарной, значительно ослабели координация и обратная связь вузов с центром, что приводит, как правило, к затуханию творческой инициативы на местах и, как следствие, застою.

- Есть определённые проблемы со степенью согласованности с иными образовательными учреждениями страны. В частности, эти расхождения касаются проблем уровня и качества знаний, используемых в учебном процессе методик и, особенно, педагогических подходов к учебному процессу и воспитанию учащихся в вузах, общеобразовательной школе, средних и специальных профессионально-технических учреждениях образования.

- Система стала отзывчивее на потребности общества, она гибче приспособливается к ним, но эта гибкость и отзывчивость, к сожалению, не носит характер стратегический, опережающий, фундаментальный, но зачастую характер приспособленческий и угоднический, в зависимости от вкладываемого в те или иные области капитала.

• Отсутствует должная обратная связь между потребителями специалистов с высшим образованием и вузами, что касается знаний, умений и навыков выпускников. Это связано с неразвитостью отечественных предприятий, их зависимым положением, в том числе и в плане набора персонала. Предприятие не только не может предъявлять те или иные требования к вузам, но пока что не могут справиться со своими производственными проблемами. Отсутствие такой обратной связи с потребителями рождает ситуацию, когда министерство и вуз определяют диапазон знаний, умений и навыков студента. Причём, их представление не всегда соответствует реальному уровню требований к специалистам в той или иной области. Конечно, ситуация, когда потребитель непосредственно воздействует на вуз и качество получаемого товара, которым в данном случае являются знания, умения и навыки выпускника вуза, является наиболее эффективным стимулом к тому, чтобы этот товар приобрёл необходимые потребителю черты. Эта связь должна иметь существенную горизонтальную составляющую, то есть потребитель должен иметь возможность воздействия на качество знаний студента не через министерства (своеё и Министерство образования), но непосредственно на вуз. Думается, что с приобретением предприятиями инициативы в развитии своей отрасли и возможностями изменения ситуации в образовании эта проблема сможет быть эффективно решена.

• Имеет место печальная тенденция снижения уровня качества образования, получаемого в вузах страны. Снижение общего уровня образования связано с такими причинами, как:

- понижение требований к уровню знаниям, умениям и навыкам студентов. Причём, здесь ситуация такова, что требования Государственного образовательного стандарта по тем или иным дисциплинам, как правило, завышены, а в самих университетах эти требования, наоборот, часто занижаются по отношению к оптимальным. Как результат, имеет место постоянное завышение оценок по всей шкале. К тому же, понижение требований со стороны преподавателей рождает бесконфликтную, комфортную ситуацию между преподавателями и студентами вуза, как бы устраивает представителей обеих сторон. Такая ситуация является, в определённой степени, и наследием школы, где также имеют место тенденции занижения требований к учащимся, что связано со многими факторами, в том числе и с введением десятибалльной шкалы оценки знаний учащихся и, что ещё более важно, с подходами, на основе которых эта шкала используется;

- постоянное увеличение доли студентов-платников, уровень знаний которых, как правило, ниже, что тянет вниз общий уровень знаний;

- понижение общего уровня преподавания в вузах, которое связано с ослаблением материально-технической базы вузов, снижением уровня подготовленности профессорско-преподавательского состава. Преподаватель недостаточно мотивирован к активному, качественному, творческому и плодотворному труду. Понижился его статус в обществе, значительно упала оплата его труда, увеличилась, порой значительно, его учебная нагрузка.

• Перегрузка студентов учебным материалом осталась, более того, с учётом различных неблагоприятных факторов студенческой жизни, она даже усилилась, и эта проблема требует оперативного решения. Необходимо глубокое изучение действительно важных предметов, причём в необходимом и достаточном объёме: специальных, общеобразовательных, развивающих личностные и гражданские

качества. Остальные предметы должны быть сокращены по объёму, сгруппированы, предложены по выбору, наконец, удалены из учебных планов.

- Недостаточно высок уровень мотивации студентов на получение качественных знаний по предметам, приобретение полноценных умений и навыков в области своей профессии. По-прежнему в нашем обществе зачастую более ценится диплом, нежели само образование. Само же качественное образование в достаточной мере ещё не востребовано потребителем. Это связано с общей экономической ситуацией в стране. Как только предприятия будут активно мотивированы на эффективную деятельность, как только им станет ясно, что персонал является главной движущей силой, определяющей эту эффективность, внимание к хорошему специалисту сразу станет возрастать, что приведёт к отбору лучших специалистов, улучшению условий их труда, его более высокой оплате, а, значит, и мотивации студента на хорошую и отличную учёбу.

- Существует в настоящее время проблема с воспитанием у студентов качеств высокой нравственности и патриотизма. Хотя решение проблемы сдвинулось с места с введением идеологии, однако, гуманитарные курсы не ориентированы, в целом, на практическое решение указанных проблем; воспитательные мероприятия в вузе не носят системного характера; свой весомый отрицательный вклад вносит и внешняя среда. Тем не менее, проблему эту надо решать, переводя это решение в практическую плоскость. С формированием личностных качеств дело обстоит в целом лучше, нежели ранее, особенно если речь идёт о таких качествах как целеустремлённость, воля. Причиной этого является то, что в современной ситуации, требующей активности субъекта в решении его жизненных задач, такие качества формируются легче.

- Связь с наукой у современных вузов ослаблена. Главные причины, если речь идёт о научных исследованиях, — отсутствие востребованности и финансирования. Что же касается использования современных достижений науки в учебных целях, то причины здесь заключаются в отсутствии должной мотивации и достаточного доступа к источникам новой научной информации у преподавателей и студентов.

- Связь образования с производством, как в плане научно-исследовательского, так и обучающего характера в настоящее время также находится не на должном уровне. Главная причина — это отсутствие возможности у современного производства в достаточной степени выполнять эти функции. Необходим соответствующий уровень его развития, формирование у предприятий потребности в исследовательских, педагогических, образовательных связях с вузом, что станет дополнительным стимулом к их развитию.

- Использование новых технологий обучения носит более активный характер, нежели в советские времена, но эти технологии в настоящее время, к сожалению не всегда сбалансированно взаимодействуют с технологиями современными, что, конечно, понижает качество учебного процесса.

Как видно из приведенного сравнительного анализа, ситуация в высшем образовании, в целом, ухудшилась. Наше высшее образование отстаёт от мировых стандартов. Впрочем, ситуация эта и была не идеальной. Хотя, повторюсь, наше высшее образование имеет здоровое ядро и хорошие традиции, которые оно, во многом, сохранило.

Необходима основательная, системная, упорная и длительная работа по совершенствованию системы высшего образования, решению указанных выше проблем. Причём необходимо так организовать эту работу, чтобы преобразования

прошли с наименьшими затратами и дали необходимые нам результаты. Этими результатами должен стать более высокий, нежели в лучшие для нашего образования времена уровень. Формализмом же и компанейщиной ситуацию в высшем образовании не исправить, её можно лишь усугубить. Ломка системы или её кардинальные изменения, пусть даже формальные, связанные, например, с введением в её структуру ступеней бакалавра и магистра, предусматривающих введение новых учебных планов и программ, перестройку учебного процесса, перераспределение учебной нагрузки преподавателей и студентов, пересмотр структуры должностей на производстве, в соответствии с вводимыми степенями, изменение сложившихся стереотипов в обществе и другие, связанные с этим нововведением вопросы, связаны не только с большими издержками, большими затратами труда, но и сомнительными результатами.

Литература

1. Андреев В.И. Основы педагогики высшей школы. – Мн.: РИВШ, 2005.
2. Запесоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности. // Педагогика. – 2002. - №2
3. Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года (Утверждена распоряжением правительства от 29.12.2001). // Дидакт. – 2002. - № 3,4.
4. Кусжанова А.Ж. Государство и образование. – <http://www.library.by/portalus/modules/philosophy/>
5. Луцаев В.И. Содержательные аспекты построения системы воспитания в учебном заведении. // Майстерства. – 2003. - №1. –с. 50-52.
6. Сергеев О. О современной модели системы образования. // Общество и экономика. – 2004. - №7/8. – с. 303-311.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Даля Эйдуkene

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Впервые о кризисе демократии в литовском обществе, хотя и в форме риторического вопроса, заявил Президент Литвы Валдас Адамкус в своем годичном Докладе 2005 г.: «Ни приближаемся ли мы к олигархическому управлению, к модели государства с влиятельной группой олигархов и большим, но легко манипулируемым классом нищих, полностью отдавшимся фатализму и не принимая никаких волевых решений?» Социальное психологическое самочувствие большинства людей Президент охарактеризовал как «разочарование публичной жизнью», при этом, подчеркнув, что «немалая часть людей свою жизнь и жизнь своих детей уже не связывают с Литвой» [1]. Из этого заявления можно сделать вывод о том, что Литва пятнадцать лет торопилась в демократию, а пришла к олигархическому, т. е. антидемократическому управлению. Сегодня уже многим стало ясно, что «экспорт» и «импорт» демократии в принципе возможен, но механическое использование чужого политического опыта только дискредитируют демократию. Более того, стало очевидным, что чрезвычайно сложно удастся ухаживать за молодым «растением» народного самоуправления. Оказалось что оно и «нерайонированное», и садовник плох, и климатические условия не совсем подходящие, да и свобода, согласно крылатому афоризму Н. Бердяева, аристократична, она нужна не каждому. Словом, ясно одно – современная демократия в Литве переживает кризис.

Реакция общества на этот феномен разная. Большинство политиков, политологов и ученых обходит стороной данную проблему, потому что мешают стереотипы мышления, в том числе и тот, что после восстановления суверенитета стало привычным смотреть на демократию как на «священную корову». Даже в годичном Докладе Президента в этом году тема угроз демократии и вовсе исчезла. Но кризис демократии не является чисто литовским «изобретением» и у нас он проявляется как часть глобального кризиса через диалектику «общего» и «особенного». Сегодня все чаще говорят и пишут, что симптомы кризиса демократии обнаруживается не только в странах постсоветского пространства, где демократия сделала лишь первые шаги, но, говоря словами крупнейшего американского социолога, автора фундаментальных работ о демократии Роберта Даля, «даже в странах с давними и глубоко укорененными демократическими традициями», где «демократия, по мнению многих наблюдателей, переживает кризис или, по крайней мере, понесла значительный ущерб...» [2].

Новый кризис демократии прослеживается уже на концептуально-теоретическом уровне. Именно здесь, по моему мнению, кроются основополагающие причины, не позволяющие демократии двигаться вперед и ведущие к ее угасанию. В первую очередь, сказывается опять же стереотипное мышление: мы на фоне восхвалений демократии экономически развитыми странами воспринимаем демократию как панацею от всех бед, критиковать «святое», безошибочное – значит, прославится «недочкой». Но молчать или замалчивать острые проблемы общественного развития, равнозначно загонять болезнь во внутрь, тем более что общество уже не «заражено», как это было совсем недавно, а тяжело больно тем, что все еще называют демократией. Ясно одно, что мир явно изменился, а вместе с ним изменилась и Литва. Но мы еще не имеем осмысленной картины этого изменившегося мира, а на национальном уровне за бесконечными вопросами каждодневной политики «что делать?» и «кто виноват?» ускользающими стали более глубокие вопросы «почему это происходит?» и «какие причины, смысл и последствия этого может быть глобального процесса?» Потому следует заново переосмыслить соотношение демократии и либерализма и еще раз вникнуть в основополагающий контекст современной системной трансформации общества – свободу, как исходный постулат демократических процессов.

Уже на понятийном уровне можно обнаружить некоторое несоответствие – число публикаций, в том числе научных, посвященных феномену демократии, неуклонно растет. А между тем содержание и смысл этого понятия становятся все более туманным. «Демократия, - пишет один из видных исследователей Аренд Лейпхарт, - это понятие, которое решительно не поддается определению» [3]. «В настоящее время слово «демократия» без предшествующего определения в большинстве случаев оказывается обманчивым» [4], - заявляет Матей Доган из французского Национального центра научных исследований.

Подобного рода разногласия связана в немалой степени со смысловой перегрузкой понятия «демократия». Политические, социальные и экономические успехи наиболее развитых демократических стран привели к тому, что демократия стала неоправданно отождествляться со свободой, благосостоянием, справедливостью, «хорошим правлением» и т. д., то есть рассматриваться как синоним блага, ключ к процветанию страны. В итоге понятие демократии утратило свой истинный смысл и стало, по словам американского политолога Фариды Закарии, «аналитически бесполезным» [5].

Сегодня, говоря о кризисе демократии на концептуально-теоретическом уровне, нельзя обойти своим вниманием тему соотношения демократии и либерализма. Эта проблема важна по той простой причине, что возрождение демократии в Европе связано со становлением капитализма, испытывавшего по мере своего развития все более настоятельную потребность в демократии, как форме и способе организации и поддержания властных отношений, адекватных духу и принципам либерализма *laissez passer, laissez faire*. Либерализм для демократии оказался в роли идейного спутника и компаса, историческая миссия которого – высоко держать знамя свободы, чтобы общество и государство не соскальзывало с пути демократических преобразований. Сегодня в странах «молодой демократии» понятия «либерализация» и «демократизация» произносятся как синонимы, не задумываясь, на сколько обусловлена такая эквивалентность. Хотя на практике господствующей либеральной идеологии – свобода больше культивируется не в сторону расширения прав человека, сколько на рост потребностей капитала. Она ограничена экономической силой, т. е. размерами управляемого личного капитала. Таким образом, создается некоторое несоответствие между либерализмом декларируемых уже упомянутых принципов и идеологией свободы личности, которая ограничивается лишь провозглашением юридической, т. е. формальной свободы. «Здесь либерализм производит переименование понятий – достижение свободы он меняет на достижение капитала». «Свобода перестает существовать рядом с капиталом и без капитала». [6]. Сама по себе она теряет смысл и реальность. Значит, свобода в нашем обществе в какой-то мере желаемая, но не существующая ценность, требующая сбалансировать права и свободы индивида не с его культурной активностью, а с объемом капитала, управляемым им. Так разрушается миф абстрактной или чистой свободы, потому что свобода – это возможность человека воплотить интересы своего бытия. Но поскольку их воплощение находится в прямой зависимости с объемом личного капитала, то именно капитал и становится настоящей реальностью свободы. С этого момента, когда беспредельная свобода становится для одних свободой, а для других несвободой, начинается расставание либерализма с демократией и определяется кризис либерализма.

Это объясняется тем, что хотя классический либерализм в современном мире раскритикован и ему созданы альтернативы, на практике, особенно в странах, переживающих первую стадию накопления капитала, к которым принадлежит и Литва, эта идеология достаточно жива. Так что, сегодня уместно говорить не только о кризисе демократии, но и о кризисе либерализма. Эта тема не нова. Ведь еще о кризисе либерализма говорил Макс Вебер, который в конце XIX столетия констатировал смерть фанатического немецкого «национального либерализма» отцовского поколения, потому что он так и не привился на почве Германии и остался лишь академической доктриной. Позже это явление Вебер назвал «эволюцией понимания буржуазной добродетели» [7]. По его мнению, тема «смерти» либерализма имеет несколько измерений – специфический, общий, политический и культурный. Все они фокусировались в отношении к социальному вопросу, которого существования либералы старого поколения просто не признавали. Вебер считал, что такая ситуация будет продолжаться довольно долго, потому что сфера деятельности либералов будет ограничена до тех пор, «пока в авансцене остаются экономические и социальные вопросы» [8].

* М. Вебер был старшим сыном известного члена Национальной партии либералов Германии.

Таким образом, по мнению Вебера, будущему либерализма, как политической программе и культурной силе, угрожают неоспоримые опасности. «Либералы не имеют политической сообразительности. Они полны атактистических либеральных демократических надежд». Но, говоря об особенной ситуации своей эпохи, он подчеркивал, что либералы его поколения «сталкиваются с совершенно иными задачами, чем их отцы». Они во многом переросли либерализм старшего поколения и «бурный энтузиазм идеализма» стал невозможным, потому, что мы «яснее понимаем прозрачные закономерности социальной жизни» [7].

Здесь уместно также вспомнить и немецкого доктора права, социолога и экономиста Лоренца фон Штейна (*Lorenz von Stein*) (1815-1890), который, стоя у истоков германского либерализма, заявил, что «оптимизм Ф. Кенэ и А. Смита, их вложенные большие надежды в социальные последствия свободы, не оправдали себя. На исторической авансцене по-прежнему остаются нерешенными экономические и социальные вопросы, а экономическая свобода не только гарантирует фактическую свободу личности, но может приобрести и обратный смысл». По мнению Штейна, формируется в новой эпохе новая проблема, которую он называет «социальным вопросом» [9], стержень которого он видит в нерешенной проблеме собственности.

Мне кажется, что сказанное Штейном и Вебером о либерализме на заре капитализма актуально и сегодня. «Социальный вопрос» никуда не исчез. Качество жизни изменилось, но проблема осталась. Она изменила свой внешний вид и имплицитивно таит в устоях нашей жизни. Об этом свидетельствует факт разделения общества Литвы на две части – социально значимый и социально незначимый. У первого, немногочисленного, есть все – собственность в виде капитала и недвижимости, а также возможности свободного как социального, так и политического маневра, гарантированного правовым государством. Второй – многочисленный, реально не имеющий или имеющий незначительную собственность и владеющий формальным правом владеть и стать социально значимым, но только экономическими средствами.

О том, что сегодня нельзя не заметить раскола на две Литвы и из этого возникающего разочарования писал в начале прошлого года европарламентарий, член фракции Социалистов Ю. В. Палецкис: «пятнадцать лет торопились из командной экономики, иногда сломя голову, в достаточно хаотичный свободный рынок. Но мирная революция пятнадцать лет назад пела о социальной справедливости. Если не сумели услышать этого раньше, то сейчас это сделать – самое время» [10].

В этом году ведущая экономическая газета Литвы «Вярсло жинес» в статье под заголовком «Углубляющаяся пропасть угрожает политическими потрясениями» замечает, что число людей, живущих ниже относительного уровня нищеты, росло. В 2005 г. ниже этого уровня (который составляет 363 лита в месяц) жили около 577 тысяч людей. На 25 тысяч больше чем в 2004 г. Социальная дифференциация между богатыми и нищими выросла в 8,4 раза [11].

Указанные факты воочию подтверждают о существовании в обществе так называемого социального вопроса, который, в свою очередь, является лакмусовой бумажкой кризиса демократии. Но в нашем государстве проблема нищеты представительной властью в «лучших традициях» либерализма не связывается с существованием «социального вопроса», а существование последнего просто замалчивается. Рост нищеты для наших властей ни более чем дело статистики. Хотя

социальное напряжение пока в обществе Литвы скрыто (внешне ее снижает большая эмиграция, которая является формой протеста против существующего порядка), данная проблема вообще вычеркнута из распорядка дня наших политиков, хотя Правительство формально и декларирует политику социальной ориентации.

Примечательный факт, что в прошлогоднем отчете Правительства Парламенту (в объеме 131 письменный лист) слово «нищета» упоминается семь раз, но в общем контексте с другими вопросами. Например, вопросе о помощи ЕС нищенствующей Африке и т. п. [11]. Словом, Правительство ведет себя в духе чистого либерализма. Оно просто игнорирует данную проблему. Игнорирует ее и Президент. В годичном своем докладе в прошлом году он предупреждал насчет существующих так называемых «островов нищеты» и недостатка «социальной справедливости и солидарности». В этом году же Президент в своем докладе уже не разу не произнес слова «нищета». Таким образом, «социальный вопрос» не является приоритетным для нашего государства. Этот факт является показателем того, что наши политики совершенно не понимают и не признают существования кризиса современной демократии. А, не выяснив и не поняв причин и сути этого кризиса, страна может быть вовлечена в социальную стихию, когда человек из цели становится средством.

Но не только в Литве характерна такая ситуация: когда мы говорим «демократия», подразумеваем «либерализм», а когда говорим «либерализм», подразумеваем «демократия». Более того, в некоторых современных теоретических трактовках преобладает мнение, что либерализм является спасителем демократии: «шанс на выживание и дальнейшее развитие дает демократии... современный либерализм» [12]; либеральные ценности все же имеют реальный шанс стать идейной платформой для объединения самых разных сил на политической арене России» [12]; «главной задачей современного ... общества является не «защита демократии», а утверждение либерализма как идеологии, политического течения и системы ценностей. Политические же формы либерализм может принимать самые различные, в том числе и либеральной демократии (вернее, демократии, ограниченной либерализмом)» [13].

С такими мнениями я не могу согласиться. Либерализм начинается демократическим движением, а заканчивает разводом с ним. Именно «это и помогает понять, что на основе либерализма может развиваться законное, правомерное государство, но не как государство социального компромисса или социальное, правовое» [6]. С либерализмом можно начать процесс демократизации по той причине, что либерализм является единственно возможным способом (неавторитарным) разрешения конфликта между обществом и государством в условиях догоняющей модернизации и потребности быстрой адаптации общества к новым условиям. Но поддержать на необходимом уровне процессы демократии в условиях все еще живой идеологии так называемого классического либерализма уже невозможно.

Мне кажется, что либерализм может быть только нейтральным перекрестком ценностей, из которого можно двигаться в любую сторону, но в соответствии с тем, какое содержание придадим свободе. В транзитологии (кризис которой также подтверждает кризис современной демократии, как на практическом, так и на концептуально-теоретическом уровне), по моему мнению, правильно сформулированные стадии перехода отдельных стран от недемократического состояния к демократическому. Это три последовательных стадии: либерализация недемократического режима, затем его демократизация и, наконец, консолидация. Смее утверждать, что после первого успешного этапа к двум другим демократии

придется двигаться с качественно обновленным либерализмом. Это должна быть эпоха социального либерализма, который должен соответствовать новым качествам демократии. Другими словами, постсоциалистические страны раньше или позже будут вынуждены двигаться, придав свободе и социальный контекст. На деле он означает поиск путей соединения двух фундаментальных ценностей человеческого бытия – свободы и социальности, потому что в очередной раз общественное развитие думающему человеку формулирует задание – найти такую форму общества, при которой была бы сохранена личная собственность, которая бы не стала помехой для развития абсолютной личности.

Этот вопрос всегда был связан с проблемой человека слабого в социальном смысле, т. е. не соответствующим в обществе установленным стандартам. Потому постлиберальная доктрина становится социально ответственной, но она никогда не мыслила себя выразителем интересов определенного общественного класса. Новая социальная доктрина должна демонстрировать не свою теоретическую солидарность, сколько свою политическую трезвость. Это критически рассуждающая теория, которая высказывается против любого неравенства. Социальная доктрина призвана создать качественно новую иерархию ценностей. Либерализм лучше всего формулирует – свободу и собственность. А социальной доктрине должно быть важным гарантированная собственность. Только при таком условии может быть гарантирована и свобода, и социальная справедливость, а демократия притом могла способствовать беспрепятственную конкуренцию различных социально-политических сил за свою долю власти. Таким образом, новая альтернатива должна стать новым контекстом политического мышления. Оптимизма на этом пути придает слова, сказанные много лет назад Джоном Дьюном: «Необходимо снова и снова изучать саму идею, сам смысл демократии. Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново... Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию» [14].

Литература

1. Баталов Э. Глобальный кризис демократии? // «Свободная мысль – XXI». М., № 2.
2. Волконогова О. Д. Либерализм и консерватизм в России: метаполитические размышления // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. М., 2001. № 5.
3. Цит. по: Э. Баталов. Глобальный кризис демократии? // «Свободная мысль – XXI». М., № 2.
4. Prezidentas [vardija tris didelius iššūkius, „Lietuvos rytas“. V., 2005 04 13.
5. Даль Р. О демократии. М., 2000.
6. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
7. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
8. Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гусева и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.
9. Цит по: Lawrence A. Scaff. Veržiantis iš geležinio narvo. V., 1995. P. 16.
10. Adomaitis N. Gilėjanti praraja gresia politiniams sukrėtimais // „Verslo žinios“. V., 2006 04 25.
11. Jugebdtbriefe. Išleido Marianne Weber. Ein Lebensbild. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1926. S. 329.
12. Paleckis J. V. Taiki revoliucija dainavo apie socialinį teisingumą // „Vėidas“. V., 2005.
13. Stein L. Geschichte der sozialen Bewegungen in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. 1 Bd. Leipzig, 1850.
14. Vaišvila A. Socialliberalizmas. V., 1999.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ БАЛТИИ

Виталия Кяцерите

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Введение. Постсоциалистической трансформацией в современной сравнительной политике называется процесс социальных чередований, который охватывает: 1) переход от социалистического планового хозяйства к рыночной экономике и дифференцию экономических и политических сфер социальной жизни, 2) создание либеральной демократии и консолидацию в политической сфере.

Неравномерную постсоциалистическую экономическую и политическую трансформацию предопределяют сформированные в тех странах причины. С данной точки зрения, можно разделить две группы стран. Первой принадлежат страны, в которых этот процесс проходил более или менее успешно. Этот успех значит создание рыночной экономики, обеспечивающей быстрый рост хозяйства и консолидацию либеральной демократии, как политического режима. Оба фактора произошли в странах Средней Европы и Балтии. "Проблемной" группе принадлежат большинство бывших республик СССР и Балканские страны.

Хотя все три Балтийские страны принадлежат к типу "передовики", однако разница в их достижениях достаточно большая, требующая сравнения и оценки.

1. Отрыв стран Балтии в политической и экономической трансформации

Сравнивая результаты развития стран Балтии в политической сфере – создавая и утверждая политический строй, называемый либеральной демократией, надо подчеркнуть существенные их различия между Литвой, Латвией и Эстонией. В минимальное определение либеральной демократии входят институции равенств, свобод и всеобщих выборов, а также мирное чередование государственных партий "позиции" и "оппозиции" в зависимости от результатов выборов. Всеобщность прав выборов означает часть прав гражданства, которую имеют все взрослые постоянные жители страны.

По данным критериям только в Литве, из стран Балтии, можно безоговорочно признать либеральную демократию. Воссоздав независимость стран Балтии, только в Литве право получения государственного гражданства было предоставлено всем постоянным жителям страны. В Латвии и Эстонии гражданами были признаны только те, которые таковыми были до 1940 г. и их потомки. Лица, иммигрировавшие в эти страны во времена советской власти, право на гражданство могли получить только через процедуру предоставления гражданства, предусматривающую определенные ежегодные квоты (в Латвии) гражданам, которым может быть предоставлено гражданство и предъявляющую определенные требования лицам, желающим получить гражданство (в первую очередь знание государственного языка).

Хотя, из-за международного давления, законы о гражданстве в Латвии и Эстонии со временем были смягчены, демократическому режиму обеих стран можно приписать черты этнократии. Можно констатировать, что одна из причин, определяющая отрыв Литвы от Латвии и Эстонии, это различия в этническом составе жителей этих стран, появившиеся как последствия более интенсивной иммиграции в Эстонию, а особенно в Латвию, в годы советской власти. Поэтому, в Латвии, в 1989 г. латвийцы составляли 52 проц. жителей, в Эстонии эстонцы – 61 проц. Резкие изменения в этническом составе, не в пользу латвийцев и эстонцев, вызвали тревогу,

что они могут остаться в меньшинстве в своей стране. Политическая элита латвийцев и эстонцев в свою очередь опасалась, что политические партии, представителями которых в парламенте будут русскоговорящие иммигранты и их потомки, смогут контролировать политический процесс в стране, создавать государственные коалиции, что Латвия и Эстония, впустую завоевав независимость, попадут под влияние России.

Из-за различных законов о гражданстве этнический перевес в Латвии и Эстонии стал главнейшим действием, разрушающим политический процесс в этих странах. Однако в Литве, избиратели не делятся по признакам этнической зависимости. Польское меньшинство единодушно голосует за агитационные избирательные списки поляков, а большинство русскоговорящих избирателей голосуют не на этнической основе, а за либеральные, левые или общенациональные политические партии. С этой точки зрения, позитивным аспектом можно считать, например, успех на выборах 2004 г. в Сейм Литовской Республики популистской партии Труда, лидер которой не только не принадлежит литовской этнической группе, но и является иммигрантом, 15 лет назад иммигрировавшим в страну.

Однако, другую картину видим, сравнивая экономическую трансформацию стран Балтии. Опять сталкиваемся с отрывом, однако теперь, в отличие от Литвы и Латвии, выделяется Эстония, как успешнейшая развивающаяся страна. Эстония очень рано – уже в середине 1990 г. получила репутацию „маленькой, преобладающей балтийской страны“. Признание достижений Эстонии выражалось в приглашении государствами Европейского Союза начать переговоры по поводу вступления в ЕС в первой волне стран-кандидатов, таких как Польша, Чехия, Венгрия. Такое приглашение Эстония получила уже в 1997 г. Литва и Латвия этого ждала до осени 1999 г.

Экономика Эстонии восстанавливаться стала раньше и достигла лучших макроэкономических результатов. В то время как в Литве экономические реформы, в большинстве случаев, начались позднее и проходили медленнее, в сравнении с Эстонией. Существовало 3 вида упомянутых реформ: 1) макроэкономическая стабилизация, 2) либерализация экономики, 3) институциональная реструктуризация.

(Макроэкономическая стабилизация охватывает борьбу с инфляцией и уменьшение государственного бюджета. Способы либерализации – регулирование государственных цен и заработной платы, отмена государственной монополии на торговлю за границей. Главнейшим средством институциональной реструктуризации является приватизация.)

Правительства всех трех стран Балтии важнейшие факторы либерализации экономики осуществили в конце 1991 г. – начале 1992 г. Тогда, в международном масштабе, была признана независимость этих трех стран и в руках правительства оказались те рычаги власти, без которых самостоятельная экономическая политика вовсе невозможна. Однако, либерализм в Эстонии своим радикализмом превзошел все, что в период трансформации, вообще, происходило в постсоциалистических странах, правительство Эстонии отменило все пошлины на импорт и было вынужденно вновь их ввести только под давлением международных организаций (особенно во времена вступления в ЕС).

Достигнуть перелома, определяющего политику макроэкономической стабилизации, Эстонии удалось уже в 1992 г., когда она, первая из республик Советского Союза, ввела национальную валюту. Остановить инфляцию в то же самое время

удалось и Латвии. В Литве это произошло только в 1993-1994 г., благодаря активной поддержке Международного валютного фонда и Мирового банка.

Рассматривая эту проблему, важно заметить, что правительство Эстонии просто по собственной инициативе осуществляло такие рыночные реформы в экономической политике, которые, своей радикальностью, опережали требования международных организаций. А правительство Литвы данные реформы осуществило позже, непоследовательно и поддаваясь давлению международных организаций. В некоторых случаях, правительство Литвы принимало и такие решения экономической политики, которым международные финансовые организации и вообще возражали (например, компенсация рублевых вкладов).

Такая ситуация повторилась и позже, в период вступления в ЕС. Эстония, в принципе, отказалась от любых переходных периодов в сфере хозяйствования. Литва настойчиво вела переговоры по их поводу и в некоторых случаях выигрывала. Правительство Литвы, вообще, стратегии рыночных экономических реформ приводило в жизнь не радикально, а постепенно. Поэтому, Эстония, в период постсоциалистической трансформации, постоянно была впереди; тогда, как Литва, оставалась середняком. Как объяснить такой разрыв между странами Балтии в ходе экономической и социально-политической трансформации и различия их результатов?

2. Первичные сходства и различия экономических условий

Изменения в каждой сфере и последствия тех изменений, в первую очередь, определяют первичные условия. На ход и результаты экономических и социально-политических изменений также влияют внешняя экономическая политика и, естественно, политика правительства.

Если правительство одну и ту же цель достигает различными способами, то причину различий можно искать или во внешних или во внутренних различиях этих причин. Соответствующие экономические превосходства Эстонии могли появиться из-за географической близости Финляндии. Отмена всех пошлин на экспорт и импорт, расширение транзитных услуг в Эстонии, сделали ее более привлекательной страной по сравнению с Литвой, где банковское дело, услуги транзита и посредничества были менее развиты.

Говоря о различии внутренних условий между Балтийскими странами, замечаем больше сходств, нежели отличий. Все три страны принадлежат к одной климатической зоне и имеют схожие природные ископаемые. Также необходимо отметить и то важное обстоятельство, что все три страны больше всего стали походить друг на друга именно в конце советского периода. В XIX веке между Литвой, Латвией и Эстонией еще существовала большая экономическая разница. Однако, когда в середине XIX века железнодорожные пути соединили Балтийские порты (Нарва, Лиепая) с внутренними регионами Царской России, они стали важнейшими центрами промышленности Царской Империи. Но, войдя в состав Царской России, часть Литвы осталась аграрной периферией, а большая часть соседней Латвии уже в 1914 г. стала одной из немногих областей, социально-экономическое развитие которой соответствовало большинству критериев "модерна". Почти половина населения Латвии жило в городах, где была сконцентрирована промышленность, работающая на рынок всей России. Большая часть населения (как Латвии, так и Эстонии) была грамотной.

Отрыв между социально-экономическим развитием Эстонии, Латвии и Литвы сохранился и во времена войн, тогда экономическое развитие всех трех стран было более направлено на тип аграрной экономики. Индустриализация Литвы начала расширяться только в период советской власти, особенно в 6-7 десятилетиях. В отличие от Латвии и Эстонии, в Литве, во времена индустриализации, повышенная потребность в рабочей силе удовлетворялась не иммиграцией из других советских республик, а миграцией в города из литовских деревень. Таким образом, запоздалая модернизация и индустриализация защитила Литву от этнических изменений состава жителей, которая настигла Эстонию и Латвию во времена советской власти.

3. Политические и экономические предпосылки

Изучая различия политических процессов в странах Балтии, можно констатировать, что только Литва вышла из советского периода, имея сильную посткоммунистическую партию, Литовскую демократическую рабочую партию (ЛДРП), которая в 1992 году смогла вернуться к власти, победив на выборах в Сейм. Именно ею созданное правительство управляло Литвой в самые ответственные времена реформ рыночной экономики. Экономическая политика данного правительства соответствовала краткосрочным интересам избирателей, однако в долгосрочной перспективе замедлила развитие страны. Еще в 1989 г. националкоммунистическое правительство коммунистической партии Литвы (КПЛ), отделившись от коммунистической партии Советского Союза (КПСС), сумело сохранить свое влияние и авторитет, как левая и вместе с тем как национальная сила. В Латвии и Эстонии с 1991 г. коммунисты были просто изгнаны из политического процесса, коммунистическая партия была запрещена, а после этого строгие гражданские законы лишили права голосования группу жителей, которые потенциально являлись ядром посткоммунистических левых избирателей. Поэтому, большинство избирателей Латвии и Эстонии были привлечены на сторону правых националистических партий, которые, по сравнению с ЛДРП, могли более успешно производить рыночные реформы, так как русскоязычное меньшинство и в дальнейшем не имело политического влияния. На больших государственных предприятиях, которые более всего были затронуты экономическими изменениями, русскоязычные избиратели не могли голосовать на национальных выборах, поэтому у них не было прямой возможности подействовать на экономическую политику. Если русскоязычные иммигранты получили бы права граждан, то во время первых демократических выборов в этих странах к руководству пришло бы левое правительство, результаты деятельности которого были бы такие же, как и в Литве.

Сформированное в Литве посткоммунистическое правительство отдавало предпочтение тому методу приватизации, который позволил приобретать предприятия за инвестиционные чеки в первую очередь руководителям предприятий. Используя этот метод приватизации, управление приватизированных предприятий оставалось в руках старых руководителей. Предприятия не получали реальных инвестиций, нового реального капитала, технологий. После приватизации они работали по старому. Руководители больших предприятий являлись частью старой националкоммунистической номенклатуры и, вернув к власти посткоммунистов, свои старые связи могли использовать для экономически непродуктивной деятельности.

Вариант Латвии более запутан. Хотя начальные условия более схожи с Эстонией, нежели с Литвой, политика правых правительств Латвии не своей последовательностью, не результатами не похожа на Эстонскую, а скорее напоминает ситуацию в Литве.

Гражданские законы Латвии были строже, чем в Эстонии – русскоязычные иммигранты были полностью лишены права голосования. В Латвии большая часть

государственного аппарата должностных лиц и руководителей предприятий не являлась латышами, и во времена борьбы за независимость имела поддержку промосковских сил. Политически скомпрометированные или не имеющие права занимать свои должности из-за своего гражданского положения, сразу же после 1991 г. они лишались должностей, уступая свои места должностным лицам латышам. Таким же образом государственный аппарат и аппарат управления больших предприятий был „составлен“ в Эстонии, а в Литве националкоммунисты смогли удержаться на своих позициях. Хотя социально-экономические условия Эстонии и были похожи на условия в Латвии, все же Латвии не удалось достичь эстонских экономических результатов. Реформы в ней проводились еще медленнее и беспорядочнее, чем в Литве.

Изучая ход этих реформ, необходимо отметить и влияние политических процессов на развитие страны. В Литве, в этот период, ядро перестройки Саюдис трансформировалось в самую большую и влиятельную правую партию Литвы (Литовские консерваторы/Союз Родины). Эта партия и в оппозиции (1993-1996 г.), и при власти (1996-2000 г.) проводила экономическую политику, которая, по своей сути, отличалась от действующей в Эстонии правой партии (Союза Родины).

Литовские консерваторы в 1994 г. добились объявления референдума, который, в случае удачи, должен был обязать правительство аннулировать результаты „прихватазации“ и вернуть рублевые вклады, обесцененные инфляцией. Если бы это удалось, данная популистская политическая акция консерваторов грозила провалиться и так уже застревающий процесс рыночных реформ в Литве. Реально это обещание консерваторы начали выполнять в 1996 г., создав свое правительство. Не прислушиваясь к противоречиям международных финансовых организаций, для этой цели решили предоставить средства, полученные от приватизации самых больших предприятий. В это время эстонские консерваторы были неолибералами, для которых примером служила экономическая политика Маргарет Тэтчер. Если в Литве за весь период трансформации рынка когда-либо и проводилась социал-демократическая экономическая политика, то большая часть ее элементов была во времена сформированного консерваторами правительства.

Надо отметить, что в первое десятилетие постсоциальной трансформации, т.е. в период между 1989 г. и 1999 г., на экономику всех стран Балтии также сильно повлиял так называемый „Российский кризис“, который в России начался осенью 1998 года. После этого кризиса экономическое развитие Литвы ускорилось. Уже в 2003 г., имея 9,7% годового прироста ВВП, Литва опередила не только Эстонию, но и все страны Европейского Союза, в который сама вступила 1 мая 2004 года.

Поэтому, нет достаточного основания утверждать, что отрыв между странами Балтии останется. Оптимистически настраивают и примеры некоторых стран Западной Европы, которым временные экономические трудности не помешали вырваться вперед, соревнуясь в европейском или региональном развитии.

Литература:

1. Lieven A. Pabaltijo revolucija: Estija, Latvija, Lietuva – kelias į nepriklausomybę. Vilnius, 1995.
2. Norgaard O. Economic Institutions and Democratic Reform: A Comparative Analysis of Post-Communist Countries. Cheltenham, 2000.
3. Smith D.J. The Baltic States. Estonia, Latvia and Lithuania. London, 2002.
4. North D. C. Institucijos, jų kaita ir ekonomikos veiksmė. Vilnius. 2003.

TO LECTURE HUMANE STUDIES ABOUT PUBLIC SPIRIT TRAINING

Aldona Kristina Blaziene

Vilnius Gediminas Technical University, Vilnius, Lithuania

Humanity is one of the most important human values which can overcome estrangement, destruction, conformism, compulsion, aggression and other negative phenomena of the society. Humanity is the core of a mature person, the basis of his spirituality and honesty. For this reason the problems of humanism are being investigated by many philosophers and psychologists of the world: A. Camus (1990, 1993), J. Habermas (1985), E. Fromm (1974), M. Heidegger (1989, 1992), H. Maraise (1972), P. Peccei (1980), J. P. Sartre (1974), A. Schweitzer (1989) and Lithuanian philosophers Č. Kalenda (1981, 1991), K. Stoškus (1981), J. Morkūniene (1993, 1995) and others. In the works of all the mentioned authors humanity is considered the principal condition to preserve "a man like a human being". J. Morkūniene (1995) writes: "Mankind faces the alternative: humanistic development or destruction". Therefore training of humanity becomes one of the ways to solve the problem of the survival of mankind. Today Lithuanian education system faces the task of creating conditions for human intrinsic development and the formation of a humane spiritual person using the system of scientific knowledge.

All schools have the task to cherish cultural foundations and to create the possibility for the development of personal skills of independent learning and work and to form a personal system of values based on democratic and humanistic values of the world and nation. A spiritually mature and critical person should be trained on such basis.

Higher schools must form a person capable to act in such a way in order to save humanness not only inside, but outside too. The dissemination of humanistic ideas has to be in the center of attention of all the teachers, but those of the humanities play a special role. It is very important now because the future development of the state will be determined by the level of maturity. It is one of the most important strategic questions for Lithuania and its future.

The humanities as academic subjects help future engineers to appreciate the values which were created during centuries and which form the basis of a democratic state and social system. The aim of the humanities is to stimulate the development of public values so that conscious citizens would feel responsible for their own country and government, develop the values of national minorities, respect other nations and cultures, support the ideals of freedom and democracy and ground their views on reality.

The humanities develop a civic duty, that is the ability of an individual to join different associations and corporations uncontrolled by the state in order to express their interests and to establish limits for the state power. Civil training is linked with the process of socialization when a person becomes a member of the society supporting its ideals, values and behaviour.

Political and cultural level of the society will depend upon every person, his activity, readiness for life experience, fearless taking of social environmental changes, respect for the authorities due to their competence, essential rational procedure and the role of objective information for their opinion formation, orientation to the future, but not to the past, respect for person's behaviour with others and so on. Thus such a person estimates variety positively and understands that different points of view are possible in the solution of any problem. He has his own opinion of many important problems of public life.

In every society civil training is comprehensible and necessary. When independent Republic was declared in 1918 a chance to create a national school appeared. Philosophical and pedagogical foundations for the training of a new generation were formed. Civil and public training in independent Lithuania included political, economical education and social, national and global training.

The Constitution of 1938 emphasizes patriotism and state care for spiritual and physical education of the young generation.

The lawyer M. Remeris affirmed that a state is a civic or social condition of people which is expressed in the fact that people merge all individual wills into one "common" will or universal will. His ideal was a legal state. The formation of a legal state would mean the formation of a civic society and personal and political rights.

S. Šalkauskis paid much attention to public education of citizens. He divided political education into two spheres: civic and state education. Civic education must form a sense of solidarity of citizens as a base for public discipline. Education of citizens provides for political culture, civil initiative and responsibility, information. S. Šalkauskis disciple A. Maceina directed his attention to the problem of relations between citizens and state. He attached all his attention to national education.

During the Soviet period Lithuanian society was inserted into special frames. The aim of civic education was to develop a fighter for the rights of working people wishing to force his will upon the whole world. The Soviet occupation in 1940 broke off the process of natural creation of the state. Communist regime tried to neutralize the national self-consciousness with the help of ideological humanities and social sciences filling them with socialist ideas. In the Soviet period philosophy, law, economics, sociology and politology were politized.

At present our changing society lacks citizens able to estimate, to express themselves and to find independent solutions under conditions of creating democracy. Therefore starting to reform the system of education the necessity of creating conditions for students to learn how to find their way in the reality of the world and country political, economical and cultural life appeared. It is necessary to teach them to analyze and solve political and special conflicts by reason of different interests. In a modern society even a conflict is understood as a source of progress and civilization.

The present Lithuanian philosophers and historians are trying to discuss the concept of civic training.

Philosopher R. Grigas reasons about the society of orientation and civil democracy. In his opinion the main directions are: orientation to save and develop national peculiarity, orientation towards spiritual and intellectual culture and orientation towards the integration with democratic international associations.

Historian I. Zaleckienė investigates the role of civil training in the countries setting free from totalitarianism and she stresses that in these countries civil training is emphasized as one of the priorities in the sphere of education. Therefore in Lithuania the reform of education system directs the main attention to civil training because now there are not enough citizens capable of expressing themselves, looking for independent decisions and finding them.

V. Vėbraitė investigates the problem of civil training too. She asserts that in order to get a positive change it is necessary that children should know what we do not know, that they

should create what we have not created, and that they should be stronger than we are now. We do not feel being citizens of full value as people of future Lithuania should be.

The author of this article makes students' sociological questioning in Vilnius Gediminas Technical University for five years. 95% of the questioned students point out that teaching the humanities (philosophy, history of culture, ethics, aesthetics, logics, psychology, politology) is necessary.

Summarizing theoretical ideas about civil training and students' thoughts it is necessary to state that civil training is not only a finished result of the rendered knowledge, apprehension and preservation. It is an internal process occurring only in the human consciousness. Civil training gives the possibility for a human being to perceive himself and others and the type of relations with other people.

In the process of civil training it is recommended not to concentrate on the search of an ideal citizen, but to emphasize the possibility of training critical, original and independent thinking. This can be achieved analyzing the problems of social life and its shortcomings, possible variants and looking for positive ways to solve them.

A. Sannikov, a representative of UNESCO participating at the international conference in Lithuania, pointed out that civil training, the humanities and social teaching are the most important tasks facing East and Middle European states during transition period because these subjects show the way to freedom and create conditions for the participation in social life which is the essence of democracy and personal responsibility at the same time.

Therefore civil training based on various spheres of political, economical and cultural life creates favorable conditions for democratic discussions. It is not only the aim of teaching, but the task of the whole society.

References

1. Maceina A. Pedagoginiai raštai. Kaunas: Šviesa, 1990, p. 764
2. Morkūnienė J. Humanizmas: filosofinės teorijos matmenys. Vilnius: Baltic ECO, 1995, p. 191
3. Ozmon H. A. Craver S. M. Filosofiniai ugdymo pagrindai. Vilnius: Leidybos centras, 1996, p. 467
4. Maslow A. New Knowledge in Human Values. New York: Norton, 1959, p. 359

В ДЕБРЯХ РАЗУМА И СЕРДЦА

Татьяна Мамаева

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Молодежь, как особая социально-демографическая группа является наиболее динамичной частью общества и характеризуется специфической ролью и местом в системе общественного воспроизводства. Реализуя воспроизводственную, инновационную и трансляционную функции, каждое новое поколение интегрируется в общество, заполняя различные позиции в его структуре. Под социальной интеграцией молодежи подразумевается, во-первых, характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе включения этой социально-демографической группы в социальную структуру, направленную на поддержание и развитие устойчивых мировоззренческих общественных отношений и целостности общества; во-вторых, совокупность процессов, определяющих различные формы внутригруппового единства молодежи.

Кризис, охвативший все сферы жизнедеятельности нашего общества, отразился и в механизме общественного воспроизводства. В условиях социальной трансформации молодежь чаще отрицает опыт старших, чем его усваивает, - это, во-первых; во-вторых, социально-экономическое современное положение ухудшил состояние наиболее уязвимых групп населения, к которым относится молодежь, и поставил ее в конфликтные противоречия с обществом; в-третьих, в обществе до сих пор не сложилось четкого представления о модели развития. В какие структуры интегрируется молодежь, что она выберет своим ориентиром и с чем она себя идентифицирует, окажет судьбоносное влияние на развитие определенного, четкого мировоззрения молодежи и общества в целом.

Как бы не были прискорбны многие явления нашей современной жизни, есть одна замечательная черта нашего времени: везде, на всех путях, самоуверенная и самодовольная рутина постоянно, хотя и медленно, уступает перед проблесками своеобразной мысли, которая все чаще и чаще пытается выразиться в образе, слове, деле. Если взглянуть на все стороны нашей современности, - на искусство, знание, на практическую жизнь, - всюду мы встретимся с попытками выбиться из готовой колеи на какую-то новую дорогу. Эти опыты, правда, пока редко бывают удачны, ибо не надо забывать, что нас давит авторитет великих образов, на которых мы воспитывались десятилетиями. Но главное, мы так и не научились думать и работать сосредоточенно, мы боремся против рутины как-то инстинктивно, бессознательно, урывками, ощупью, случайно. Наши слабые попытки организуются в стройное дело лишь с той минуты, когда нам станет ясно, что мы такое теперь и чем должны быть, а такое сознание может быть результатом лишь критической мысли и работы. Работа эта не легка и совершить ее не под силу одному человеку, а лишь одному или двум поколениям мыслящих людей. Мыслящих!

Философ или историк, всякий мыслящий человек, исследуя наше время, не без изумления спросит: чем объяснить быструю смену различных направлений, точнее сказать настроений, которое мы пережили в такое короткое время? Кто помнит, что у нас думалось и писалось лет двадцать тому назад, тому невольно кажется, будто с тех пор прошел добрый век - так все изменилось в наших мыслях и нашей литературе. Раньше нельзя было писать ни о каком, даже самом обыкновенном, житейском предмете, не сделав философского вступления, иногда даже довольно отвлеченного и туманного свойства. А теперь? Теперь мировоззренческие науки совершенно забыты. О них никто не думает, вспоминают лишь вскользь, разве для того только, чтобы поиронизировать над забавными простачками, которые могли заниматься таким вздором. Говорить серьезно, например, о философии теперь как-то даже смешно. А современники и свидетели прежних наших бесконечных философских споров не могут не чувствовать себя теперь перенесенными в какой-то другой, чуждый им мир.

Удивительная перемена! В последнее время выходит в свет немало книг по философии, истории, этике и т.д. И что? Лет приблизительно двадцать назад появление их у нас было бы целым событием: журналы, газеты, задолго вперед, возвестили бы об их выходе, посвятили бы им обширные статьи в разделе критики; об этих книгах завязались бы бесконечные споры на словах и в печати; всякий, кто и не читает журналов, счел бы своей обязанностью, к стати и не к стати, заявить, что эти книги ему известны, что он имеет о них свое мнение; во всяком случае, не было бы закоулка, где бы о них не говорили люди, хотя бы только претендующие на название образованных.

А теперь? Теперь эти книги едва кому известны, к сожалению! Хотелось бы здесь обратиться статистическим данным.

По статистическим данным, средний тираж одной книги в 2005 г. уменьшился в 3 раза по сравнению с 1995 г. Эта тенденция еще более выражена, если сравнить данные 1993 г. и 2005 г. – видим, тираж уменьшился, чуть ли не в 6 раз [2].

МОЛОДЕЖЬ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ: ИДЕАЛЫ, ЦЕННОСТИ, НАДЕЖДЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ (МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

С.В. Лапина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Сегодня – уже в XXI веке – более, чем в прежние годы становится ясно, что мы живем в новой цивилизации. Эту цивилизацию, может быть, наши потомки назовут цивилизацией молодых. В самом деле, информационное общество с его всеохватывающими компьютерными технологиями – самое динамичное, непредсказуемое, поликультурное, отличающееся сочетанием несочетаемого, в целом очень похоже на тот мир, который обычно связывали (и продолжают связывать) с особыми социокультурными параметрами, транслируемыми молодежью; молодежью, которая, как оказалось, является не только демографической группой, но и особой социальной силой. Со всей очевидностью это продемонстрировали и молодежные бунты, прокатившиеся по Европе в 60-х годах прошлого века и повторившиеся на их родине – Франции – уже в начале XXI века, и небывалая творческая активность молодежи, проявившаяся во всех сферах общественной жизни – от политики до науки с ее новыми открытиями в области высоких технологий.

По прогнозам специалистов ООН в середине XXI века каждый второй житель планеты Земля будет молодым человеком в возрасте до 30 лет. И хотя в Беларуси, как и во всех европейских странах, демографическая ситуация не совсем благоприятна в плане воспроизводства населения, нынешняя возрастная структура позволяет сделать вывод, что в ближайшие десятилетия именно молодые люди, те, которым сегодня от 15 до 30 лет, будут определять будущее страны. Именно они станут основной трудоспособной, социально активной силой, от которой будет зависеть экономическая и политическая стабильность нашего государства, социальное благополучие и уровень культурного развития народа Беларуси.

Сегодня в число молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет входит почти каждый четвертый гражданин Беларуси. Эта ситуация сохранится в ближайшие десятилетия. Кроме этого, нынешние молодые люди, пополнив следующие возрастные группы, еще несколько десятилетий будут самыми социально активными членами нашего общества.

Этим во многом объясняется внимание, которое уделяется в нашем обществе молодежным проблемам. Отсюда – и интерес социологов к молодежной проблематике. Следует отметить, что в отличие от статистики, данные которой являются базовыми в социологическом анализе, социологическая методология и методика позволяет с разной степенью точности описать и объяснить внутренний мир людей, их ценностные ориентации и идеалы, жизненные стили и социальные ожидания.

Не давая общую оценку используемой социологической методологии и полученным результатам, хотелось бы остановиться на тех, которые были получены в ходе реализации Проекта «Динамика ценностных ориентации молодежи Беларуси

(в сравнении с молодежью других стран)», выполненного совместно с исследователями-гуманитариями Брестского государственного технического университета.

Не всегда результаты, которые предлагаются вашему вниманию, воспринимались всеми однозначно. Приходилось сталкиваться с мнением о том, что представляемая картина достаточно радужная, а на самом деле в молодежной среде очень много отклонений (девиаций), на которых и надо сосредоточивать внимание исследователей. Однако следует отметить, что представляемые результаты социологических исследований уже прошли апробацию, и это позволяет вынести их на широкое обсуждение.

В их число входят следующие выводы:

1) в современном поликультурном, плюралистическом обществе расхождения в ценностных ориентациях разных категорий молодежи (рабочей, сельской, учащейся, включая студентов, армейской молодежи и молодой научно-технической и творческой интеллигенции), проживающих в соседних странах (Беларуси и Польше) прослеживаются лишь в степени выраженности однопорядковых ценностей, таких как: семья, любовь, дети, дружба, здоровье, хорошее образование, материальное благополучие, которые отмечаются в качестве основных всеми категориями молодежи;

2) в системе ценностных ориентаций молодежи транслируются общественные идеалы, которые функционируют в обществе в виде социальных стереотипов;

3) в условиях глобализации формирование у молодых людей общественного идеала (базовой основы ценностных ориентаций) может происходить стихийно в виде выбора из ряда возможных вариантов; в этом случае непосредственное социальное окружение – микросреда (семья, учебный коллектив, друзья-товарищи, трудовой коллектив и т.п.) – могут оказать определяющее влияние на мировоззрение и поведение молодого человека;

4) ценностные ориентации молодых людей приобретают ярко выраженный личностно-значимый характер, в котором аккумулируются и социально значимые ценности (семья, здоровье, образование, благосостояние – это и социально и личностно значимые ценности);

5) труд не воспринимается современной молодежью как главная смысложизненная ценность; даже восприятие работы как инструментальной ценности уходит в прошлое; работа воспринимается как средство самореализации, а то, что она должна быть хорошо оплачиваемой воспринимается не как условие ее выбора, а как само собой разумеющееся условие существования этого вида трудовой деятельности (ее атрибутивное свойство); молодые люди не хотят даже рассуждать о не престижных низкооплачиваемых работах;

6) в системе ценностных ориентаций политические ценности не являются приоритетными, а политическая активность в незначительной степени возрастает лишь в периоды избирательных кампаний, стимулируясь преимущественно внешними факторами;

7) все без исключения молодые люди понимают, что достижение высших в их понимании ценностей невозможно без образования; правда, само образование трактуется по-разному – базовое, среднее, профессиональное, высшее – каждый выбирает образовательный уровень в соответствии со своими образовательными

возможностями (способностями), но никто не представляет себе достижение благополучия сказочным образом, минуя образовательный процесс.

Последнее позволяет сделать еще один вывод обобщающего характера – в современном информационном обществе формируется особая социальная установка – установка на приобретение знаний, получение необходимого образования и квалификации; и именно в молодежной среде эта ценностная ориентация наиболее распространена. Образование (хорошее образование) рассматривается в качестве смыслобазисной базовой ценности молодых людей (юношей и девушек) в современном обществе.

Предвидя возможные возражения, особенно со стороны тех, кто по разным причинам встречается преимущественно с негативными девиациями в молодежной среде, следует отметить, что среди молодежи мы не найдем чего-либо такого, чего нет во взрослом обществе. Более того, там, где есть отклонение от социальной нормы, там есть заводила, «идеолог» в кавычках, и, скорее всего, он находится уже не в молодежном возрасте.

Всегда во все времена в разных возрастных группах были девианты. Но судить обо всех по негативным примерам нельзя. Вспомните народную мудрость: «Фраза - телерешняя молодежь ужасна – первый признак склероза». Можно, слегка перефразировав, сформулировать и такое жизненное кредо: «О человеке, как и обществе в целом можно судить по тому, что он думает о молодежи».

Опираясь на полученные разными исследовательскими коллективами данные, свидетельствующие о том, что в современном белорусском и польском обществе нет принципиальных различий между разными категориями молодежи, т.е. социально-профессиональный статус не отражается в значительной степени в структуре ценностей городской и сельской молодежи, молодежи учащейся и работающей, молодой научной и творческой интеллигенции и молодежи, проходящей армейскую службу. Такая ситуация лишней раз подтверждает то, что в современном обществе главные социальные различия определяются не столько различиями в сфере производства (как это было в индустриальном обществе), сколько различиями в сфере духовной (мировоззренческой, информационной, социокультурной и т.п.)

Сегодня социальная динамика приобретает явно выраженный социокультурный характер. В современном обществе, для которого характерна ускоренная как вертикальная, так и горизонтальная мобильность, положение человека в обществе, его социальный статус определяется в значительной степени его мировоззренческими характеристиками. Разделяемые духовно-нравственные ценности, идеалы создают общность социокультурных стилей – особых направлений в жизнедеятельности людей.

В молодежной среде такая социокультурная динамика выражается еще более отчетливо, чем в иных возрастных группах в силу особенностей молодежного возраста. Понять сложившуюся в молодежной среде ситуацию – это гораздо более серьезная задача, чем простое описание явлений. Самопредставление, репрезентация и интерпретация своих жизненных смыслов, идеалов, ценностных ориентаций, социальных ожиданий и социокультурных смыслов – задача непростая. Однако, и это показали исследования, под силу нашим студентам. Они вполне могут рефлексировать свое социальное состояние. А их рефлексия может быть экстраполирована на другие категории молодежи в силу отсутствия принципиальных социальных и социокультурных различий между ними.

В ходе анализа результатов исследования были выявлены наиболее значимые тенденции в динамике ценностных ориентаций студенческой молодежи Беларуси и Польши.

Проведение анализа методом корреляционных плеяд основывалось на определении максимального корреляционного пути между факторами, которые по мнению студентов, определяют жизненный успех.

На первом этапе анализа были рассчитаны коэффициенты парной корреляции между всеми 18-ю признаками, указанными в виде ответов на вопрос анкеты, предложенной белорусским и польским студентам и выясняющий понимание студентами путей достижения жизненного успеха. С помощью пакета прикладных программ – SPSS - рассчитывались коэффициенты Пирсона. В квадратных таблицах, каковыми являлись построенные исследователями корреляционные матрицы, значение коэффициента Пирсона изменяется в пределах от - 1 до + 1.

На основе рассчитанных коэффициентов строились соответствующие матрицы, в которых построчно находились наивысшие коэффициенты корреляции, связывавшие ряд признаков-переменных в корреляционную цепочку на основе максимального корреляционного пути.

Как правило, характеристики, получаемые методом определения максимального корреляционного пути (методом корреляционных плеяд) совпадают с факторами, вычлняемыми в ходе факторного анализа, проведенного с использованием других методик. Во всех случаях целью факторного анализа является выявление латентных переменных, изменение которых является определяющим в реализации изучаемого явления, либо оказывает решающее влияние на изучаемый феномен. В данном исследовании – это ценности-действия, которые, по мнению опрошенных студентов, являются решающими в определении жизненного успеха.

От того, какие ценности-действия признаются наиболее значимыми молодыми интеллектуалами, в большой степени зависят их поведенческие стратегии. А от этого зависит та реальная социальная отдача, которую общество вправе ожидать от наиболее образованных и профессионально подготовленных членов общества – тех, кто завтра займет ключевые посты в политике, экономике, во всех сферах общественной жизни. Для этого – в современном обществе бытует такой социальный стереотип – и существует институт высшего образования. По крайней мере, в недалеком прошлом он создавался и функционировал именно с такой целью.

Так как основной целью белорусских исследователей являлось выявление факторов, определяющих поведенческие предрасположенности студентов, обучающихся в вузах Республики Беларусь, на их анализе было сосредоточено основное внимание.

Следует оговориться, что порядок расположения корреляционных цепей определяется по значению первого в этой цепи признака-переменной. Его величина определяет место всей цепи в установленном в ходе анализа статистическом порядке. Величина значений коэффициентов корреляции между остальными признаками-переменными, вошедшими в цепь максимального корреляционного пути. В то же время расположение факторов в виде вариантов ответа, хотя прямо и не задавало характер ответов, уже в ходе экспертных оценок сформировало смысловую матрицу, которую студенты могли либо принимать, отвечая на поставленные вопросы, либо не отвечать, тем самым отвергая заданный смысловой фрейм.

Сопоставление результатов анализа, полученного в белорусской и польской панелях позволило сделать общие выводы, которые были приведены в начале доклада. Такое изложение обусловлено тем, что интерпретация полученных результатов может быть продолжена и стать отправной точкой новых исследований.

Итак, на основе полученных социологических данных в ходе исследования в белорусских вузах были выявлены следующие корреляционные цепочки:

1-ая цепь максимального корреляционного пути

хорошее образование

помощь родственников

удачный брак

вера в бога

везение, счастливый случай

Очевидно, что выделенные факторы представляют собой устоявшиеся в нашем обществе влиятельные институты, которые, по мнению белорусских студентов, уже по своему определению, способны обеспечить жизненный успех – материальное благополучие, карьеру, положение в обществе. Главное – это с божьей помощью попасть в их орбиту. И это при том, что истинно верующих в среде белорусских студентов (по результатам предшествующих исследований) не более 10 %. Очевидно, что в этой корреляционной цепи, отличающейся самыми высокими значениями коэффициентов корреляции, продемонстрирован почти утилитарный подход к социальным институтам, которые по своим основным функциям ориентированы в большей степени на социальную ответственность тех, кто включен в их структуру, чем на предоставление им каких-либо привилегий. Однако студенты оценивают их по-своему, чрезвычайно прагматично, на грани с циничностью. Оценка роли важнейших социальных институтов сопоставима (в соответствии с коэффициентами корреляции) с совершенно непредсказуемым везением, счастливым случаем, по сути дела верой в сказку, в мифические превращения, не требующие каких-либо личных усилий.

Для сравнения - по результатам опроса студентов польских вузов первая цепь выглядит следующим образом –

1. Личные профессиональные качества

Интеллигентность

Самосовершенствование

Честолюбие

Воля, энергичность

Везение, счастливый случай

2-ая цепь максимального корреляционного пути

покровительство влиятельных людей

выгодные знакомства

воля, энергичность

Субъектная ценность – воля, энергичность и в этом случае не затушевывает очевидную склонность к максимальной прагматичности, расчетом не на собственные силы, а на влияние извне. В этой цепи фигурируют уже не официальные социальные институты, пусть и взятые в одностороннем виде, а те устоявшиеся формы отношений, которые могут быть отнесены к теневым институтам – таким, как протекционизм, «телефонное право» и просто «блат». Воля и энергичность, направленные на поиски возможностей включения в такие по своей сути антисоциальные институты, теряет свою положительную значимость, включаясь в механизм коррупции.

Для сравнения: по польской панели –

2. Честность

Вера в бога

3-ая цепь максимального корреляционного пути

личные профессиональные качества

интеллигентность

самосовершенствование

инициатива, упорство

общительность

В этой цепи представлены ценности-действия, которые связывают воедино ориентации на развитие личностного потенциала. Некоторое удивление вызывает отрыв этих позитивно личностно ориентированных ценностей-действий от такой ценности, как образование. Можно предположить, что профессионализм трактуется белорусскими студентами как нечто напрямую не связанное с хорошим образованием. В то время как хорошее образование, включенное в цепь 1, в связи с коррелируемыми факторами может трактоваться как образование престижное, но не обязательно качественное, снабжающее студента необходимыми профессиональными знаниями и навыками.

Для сравнения: по польской панели –

3. Поддержка государства

Удачный брак

Общительность

Выгодные знакомства

4-ая цепь максимального корреляционного пути

личное обаяние

знание иностранных языков

В этой цепи соединены коммуникативные навыки, основанные как на личностном потенциале, во многом дающимся от рождения, так и на объективных знаниях, требующих личностных усилий.

Для сравнения: по польской панели –

4. Покровительство влиятельных людей

Помощь родственников

Инициатива, упорство

Знание иностранных языков

5-ая цепь максимального корреляционного пути

поддержка государства

честность

Эта цепь меньше всего требует комментариев. Ее краткость (в нее входит всего два признака) позволяет интерпретировать такой корреляционный путь как четкое осознание ответственности перед государством, которое, оказывая поддержку, требует от своих граждан честного поведения, неукоснительного соблюдения установленных законных норм и правил.

В итоге в корреляционные цепи по белорусской панели не вошел такой фактор как «честолюбие», а по польской – «хорошее образование» и «личное обаяние». На первый взгляд такая ситуация выглядит противоречиво. Но это только на первый

взгляд. Как видно, высокий уровень личностной значимости тех либо иных факторов (в роли ценностей-смыслов) не всегда совпадает с их значимостью в виде ценностей-действий. Эти последние во многом отражают социальные ожидания, входящие в структуру социальных действий молодых людей из той социальной среды, в которой они формируются как социально активные личности. Общество в этих интенциях как в зеркале может увидеть себя. Нравится ли ему это отражение? Это вопрос – не абстрактный. Он адресован всем тем, кто работает с молодежью, кто ежедневно общается с молодыми людьми. Этот вопрос адресован и самим молодым людям, юным гражданам, создающим социальный мир и отвечающим за его качество.

WYBRANE ELEMENTY PROCESU DOSTOSOWANIA POLSKIEGO MLECZARSTWA DO STANDARDÓW UNII EUROPEJSKIEJ

J. Zalejski

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Wstęp

Współczesne mleczarstwo polskie jest prężnie działającą branżą, która w okresie nazywanym transformacją gospodarczą i społeczną uczyniła powszechnie dostrzegalny postęp. Powstały zagłębia mleczne o silnych organizacjach gospodarczych, kierowanych przez światłych menedżerów. Koncentracja przerobu mleka nie stała się bezmyślnym imperatywem. Twórczo wpływająca na rolnictwo działalność małych i średnich zakładów mleczarskich ma swój sens. Przy tradycji spółdzielczych zakładów mleczarskich w Polsce, sięgającej ponad 120 – letniej tradycji, powstają zdrowo konkurujące zakłady o innym kapitale. Mleczarstwo dysponuje silnym potencjałem naukowym w wielu ośrodkach kraju, dzięki czemu odczuwa stały dopływ kadry z odpowiednim wykształceniem. [17, s.8]

Mleczarstwo we współczesnym rozumieniu jest kompleksem składającym się z trzech, ściśle ze sobą powiązanych części, które stanowią jednocześnie kolejne ogniwa łańcucha marketingowego mleka: [16, s.182]

- produkcja mleka,
- przetwórstwo mleka,
- dystrybucja i handel.

Produkcja i przetwórstwo mleka jest jedną z najsilniejszych gałęzi polskiego przemysłu rolno-spożywczego. Wstąpienie Polski do Unii Europejskiej stanowi dla polskiej branży mleczarskiej dużą szansę. [15] Dzięki niej krajowe produkty zyskują szerszy dostęp do rynku dawnej "Piętnastki". I z tego właśnie powodu coraz więcej rodzimych zakładów mleczarskich zdobywa uprawnienia do eksportu na unijny rynek. Uzyskują kolejne certyfikaty, zapewniając swoim wyrobom odpowiednią jakość. [5, s.74]

Przemysł mleczarski jest branżą przemysłu spożywczego, która ze względu na produkcję wysoko wartościowych dla organizmu ludzkiego produktów ma duże perspektywy rozwoju. Według M. Sznajder sektor mleczarski w Polsce zapewnia prace 100 tys. osób na pełnych etatach, zaś w niektórych regionach mleczarnie są jedynymi zakładami przemysłowymi. [16, s. 22]

Polska należy do czołówki producentów mleka krajów Unii Europejskiej pod względem wielkości produkcji mleka. Wyrzedzają nas tylko Niemcy, Francja i Wielka Brytania, które łącznie produkują ponad połowę mleka wytworzonego w UE.

2004 rok w branży mleczarskiej upłynął pod znakiem dostosowywania standardów produkcji do norm UE.

W procesie modernizacji branży istotną rolę odegrał program dostosowania polskiego mleczarstwa do wymogów obowiązujących w Unii Europejskiej, przede wszystkim w zakresie: [1, s.44]

- standardów jakościowych,
- kosztów produkcji i przetwórstwa mleka oraz działań marketingowych i organizacji dystrybucji,
- sprawności funkcjonowania organizacji rynkowych i systemu regulacji rynku mleka.

Przystąpienie Polski do Unii Europejskiej otworzyło nowy etap rozwoju mleczarstwa, które na początku lat dziewięćdziesiątych rozpoczęło przyspieszoną restrukturyzację w ramach dostosowań do gospodarki rynkowej. Włączenie polskiego mleczarstwa do jednolitego rynku europejskiego oznacza zwiększenie obszaru wolnego handlu, na którym polskie firmy wykorzystują swoje przewagi konkurencyjne.

Mleczarstwo w polskiej gospodarce spełnia szczególną rolę z następujących względów: [14, s. 7]

- wywiera silny wpływ na rozwój rolnictwa, decyduje o około 20% dochodu ludności rolniczej,
- stwarza około 1 mln. miejsc pracy,
- około 15% wydatków konsumentów na artykuły spożywcze stanowią wydatki na artykuły mleczarskie,
- dla wielu regionów kraju mleczarstwo może stać się jednym z podstawowych kierunków rozwoju,
- dla około 875 tys. rodzin rolniczych mleko stanowi istotne źródło dochodu i wyżywienia rodziny.

2. Wspólna Polityka Rolna na rynku mleka

Rynek mleka w Unii jest jednym z najbardziej rozbudowanych ze względu na stosowane mechanizmy w ramach Wspólnej Polityki Rolnej. Polska przystępując do UE przyjęła obowiązujące w niej regulacje. [6, s.10] Od 2004 r. system regulacji rynku mleka w UE tworzą: [14, s. 7]

- ceny instytucjonalne,
- zakupy interwencyjne i dopłaty do prywatnego przechowywania,
- instrumenty stymulujące popyt wewnętrzny,
- system kwot produkcyjnych,
- dopłaty bezpośrednie,
- regulacje w handlu zagranicznym.

Ceny instytucjonalne

Cena docelowa mleka o zawartości 3,7% tłuszczu - odzwierciedla ona oczekiwania co do ceny, jaką powinni otrzymywać rolnicy. Nie jest to cena gwarantowana, ale do niej dąży cała polityka poprzez stosowanie instrumentów rynkowych.

Ceny interwencyjne masła i odtłuszczonego mleka w proszku - są to ceny, po jakich agencja interwencyjna jest zobowiązana do zakupu tych produktów, jeżeli spełniają one odpowiednie wymagania jakościowe. (tabela 1)

Tabela 1. Ceny interwencyjne oraz dopłaty bezpośrednie

Wyszczególnienie	1996/97 - 2003/04	07.2004 - 06.2005	07.2005- 06.2006	07.2006- 06.2007	Od 07.2007
Masło euro/t	3282	3052	2823	2593	2462
wskaźnik zmian	100%	93%	86%	79%	75%
OMP euro/t	2055	1952	1850	1747	1747
wskaźnik zmian	100%	95%	90%	85%	85%
Dopłaty bezpośrednie euro/t	brak	11,81	23,65	35,50	35,50

Źródło: Rozporządzenie Komisji nr 1787/29993 z dnia 29 września 2003 r.

Ceny instytucjonalne w latach 2005-2007 zostaną zmniejszone o 15%, co pociągnie za sobą proporcjonalną obniżkę cen rynkowych.[14, s. 7]

Zakupy interwencyjne i dopłaty do prywatnego przechowywania [3]

Zakupy interwencyjne odtłuszczonego mleka w proszku i masła. Skup masła rozpoczyna się, gdy jego ceny rynkowe w kraju spadną poniżej 92% ceny interwencyjnej. Skup prowadzi agencja interwencyjna w ramach 90% ceny interwencyjnej. Gdy ceny rynkowe są wyższe niż 92% ceny interwencyjnej, skup w ramach przetargu powinien być wstrzymany. Skup prowadzony jest przez cały rok gospodarczy (od 1 lipca do 30 czerwca). Skup interwencyjny mleka chudego w proszku odbywa się od 1 marca do 31 sierpnia i może być wstrzymany, jeśli oferowane do skupu ilości przekroczą 109 tys. ton.

Dopłaty do prywatnego przechowywania odtłuszczonego mleka w proszku, masła i serów długo dojrzewających. Dopłaty do przechowywania mleka w proszku mogą zostać uruchomione, gdy zakupy interwencyjne zostaną zawieszono, a więc po osiągnięciu 109 tys. ton, a sytuacja na rynku wskazuje na zakłócenia równowagi. Okres składowania produktu nie może być krótszy niż 60 dni i nie dłuższy niż 180 dni. Celem programu jest sfinansowanie przechowywania masła w okresie nadwyżki podaży nad popytem, jak również zmniejszenie kosztów ponoszonych na zakupy interwencyjne masła prowadzone przez agencje interwencyjne. Okres przechowywania masła nie może być krótszy niż 90 dni i nie dłuższy 210 dni. Wspieranie prywatnego przechowywania serów długo dojrzewających ograniczone jest do określonych gatunków, mianowicie Pecorino, Romano, Emmentaler, Gruyere, Kefalotyri i Kasseri.

Dopłaty do spożycia i przetwórstwa w ramach odpowiednich programów spożycia mleka i produktów mlecznych. Dopłaty dotyczą odtłuszczonego mleka i odtłuszczonego mleka w proszku przeznaczonego na pasze, odtłuszczonego mleka na produkcję kazeiny i kazeinianów, masła dostarczanego organizacjom niezarobkowym, masła, bezwodnego tłuszczu mlecznego i śmietany wykorzystywanych w produkcji określonych artykułów spożywczych, masła przeznaczonego do bezpośredniej konsumpcji, mleka w szkołach.

Instrumenty stymulujące popyt wewnętrzny: [14, s. 6]

- subsydiowanie tłuszczu mlecznego wykorzystywanego w przetwórstwie i do bezpośredniej konsumpcji,
- dopłaty do odtłuszczonego mleka w proszku (OMP) wykorzystywanego na pasze,
- dopłaty do przetwarzania chudego mleka na kazeinę i jej pochodne,
- sprzedaż masła po obniżonych cenach organizacjom nie nastawionym na zysk i charytatywnym,
- subsydiowanie mleka dla szkół.

System kwot produkcyjnych

W zarządzaniu wspólną organizacją mleka Unia wykorzystuje system kwot produkcyjnych. Każde z państw członkowskich otrzymuje kwotę, która następnie zostaje rozdzielona pomiędzy poszczególnych producentów. Kwota mleczna oznacza przydzielony indywidualny limit ilości surowca, który dostawca może wprowadzić do obrotu w roku kwotowym. Aby otrzymać indywidualną kwotę mleczną, rolnik musi złożyć odpowiedni wniosek. [4]

Głównym celem kwot mlecznych jest hamowanie wzrostu produkcji mleka, by móc powiązać wsparcie cenowe z ograniczoną ilością mleka, która może być finansowana w ramach budżetu rolnego. [11]

Kwoty mleczne zostały ustanowione na mocy Rozporządzeń Rady 856/84 i 857/84 z 31 marca 1984 roku. Następnie przepisy związane z kwotami mlecznymi zostały znowelizowane i aktualnie obejmują je: Rozporządzenie Rady 3950/92 i Rozporządzenie Komisji 536/93 i Rozporządzenie Rady 1256/99. [2]

W UE każdemu państwu ustala się limit produkcji mleka. Jest to tzw. kwota narodowa. W Polsce wynosi 9 380 tys. ton. W kraju jest ona dzielona na: [3]

- kwota hurtowa – obejmuje mleko dostarczane przez producentów do odbiorców, którzy organizują skup mleka z gospodarstw rolnych (mleczarni i innych organizacji skupujących mleko). Producent otrzymuje zapłatę za ilość mleka, którą sprzedał. W Polsce wynosi 8 500 tys. ton.

- kwota sprzedaży bezpośredniej – obejmuje sprzedaż mleka lub produktów mleczarskich z gospodarstwa bezpośrednio konsumentom. Kwota przyznawana jest rolnikom, którzy sprzedają mleko bezpośrednio klientom lub mają własny zakład przetwórczy. W Polsce wynosi 464 tys. ton.

- kwota rezerwy narodowej – dla ułatwienia wprowadzenia systemu kwot państwom członkowskim umożliwiono stworzenie narodowych rezerw, z których rozdziela się kwoty wśród producentów, którzy podejmują rozwój gospodarstwa. Wielkość rezerw narodowych zależy od władz krajowych i jest ona wliczana do wielkości kwoty krajowej, która nie może być przekroczona. W Polsce 416 tys. ton.

Główną cechą systemu kwotowego jest wprowadzenie *podatku specjalnego* jako środka, który ma na celu zniechęcić producentów mleka do nadprodukcji. W przypadku przekroczenia krajowej kwoty na tę wielkość nakłada się dodatkowy podatek w wysokości 115% ceny docelowej mleka. [3]

Kwoty mleczne zostaną prawdopodobnie utrzymane do 2014 roku. [3]

Dopłaty bezpośrednie od 1 lipca 2004 r. rekompensują producentom mleka spadek dochodów z tytułu spadku cen. [14, s.6]

Regulacje w handlu zagranicznym: [3]

- refundacja eksportowa - ma na celu wyrównanie cen na rynku wewnętrznym Unii z cenami na światowym rynku mleczarskim. Poziom refundacji określany jest przez Komisję Europejską i jest jednakowy dla wszystkich krajów członkowskich;

- licencje eksportowe i importowe – wnioski o te licencje składa się w krajowej agencji interwencyjnej;

- Wspólna Taryfa Celna – zawiera stawki celne konwencyjne, stosowane przez UE w imporcie z krajów trzecich należących do WTO oraz stawki celne autonomiczne;

- kontyngenty ilościowe i jakościowe – ograniczają import określonych produktów lub umożliwiają ich import według obniżonej stawki celnej. Kontyngenty ustalane są dla całej UE, a określa je Komisja Europejska.

3. Dostosowanie standardów produkcji sektora mleczarskiego do norm UE

Coraz wyższe wymagania jakościowe stawiane przez przetwórców mleka, powodowane żądaniami konsumentów i sieci handlowych, szukających wyrobów mleczarskich o wysokiej jakości i przedłużonej przydatności do spożycia, stawiają przed producentami mleka szczególne wyzwania. Wyzwania te powodowane są również potrzebą dorównania standardom jakościowym mleka surowego obowiązującym w Unii Europejskiej. [7]

Zatwierdzona przez ministra rolnictwa i rozwoju wsi, „Strategia rozwoju polskiego sektora mleczarskiego” służyć ma spełnieniu czterech głównych celów: [1, s.44-45]

- stworzenie podstaw prawnych oraz instytucji odpowiedzialnych za wdrożenie instrumentów i organizację sektora mleczarskiego w Polsce, min. opracowanie i uchwalenie ustawy o regulacji rynku mleka, wraz z przepisami wykonawczymi; dostosowanie struktur Agencji Restrukturyzacji i Modernizacji Rolnictwa do spełniania wiodącej roli w organizacji rynku mleczarskiego, wdrożeniu przepisów UE dotyczących bezpieczeństwa zdrowotnego i jakości mleka,

- dostosowanie standardów sanitarno - weterynaryjnych w produkcji i przetwórstwie mleka do wymogów UE, a przede wszystkim zorganizowaniu systemu kontroli jakości mleka oraz poprawie warunków sanitarno-weterynaryjnych w gospodarstwach zajmujących się produkcją mleka, a także wdrożeniu standardów sanitarno-weterynaryjnych przez mleczarnie,

- wzrostowi konkurencyjności podmiotów mleczarskich, min. poprzez koncentrację i specjalizację produkcji i przetwórstwa mleka, działania w sferze organizacji rynku mleka, rozbudowy infrastruktury technicznej i marketingowej sektora mleczarskiego,

- poprawie jakości wody w gospodarstwach rolnych, produkujących surowiec mleczny, racjonalizacji zagospodarowania produktów ubocznych i ścieków w mleczarniach itp.

Wprowadzanie na rynek odpowiadających normom unijnym produktów spożywczych to długi i złożony proces, z którym borykało się dość długo wiele polskich mleczarni. Z jednej strony jest to potencjał technologiczny fabryki, m.in. jej możliwości produkcyjne, dostosowane do wytwarzania poszczególnych artykułów: linie produkcyjne, szybkość produkcji, zachowanie wszelkich wymogów sanitarnych i higienicznych czy też niezawodny system pakowania produktu. Do tego dochodzi jeszcze dobrze zaplanowany i dobrze zarządzany, czyli sprawnie działający, system dystrybucji produktu końcowego. A z drugiej strony nie można zapomnieć, że jakość produktu to także jakość surowca wykorzystanego do jego produkcji. [6, s. 10]

Rozwój polskiego przetwórstwa musi spełniać wymagania unijne dotyczące bezpieczeństwa żywności. Ponad połowa zakładów wdrożyła już lub wdraża system HACCP (Analiza Zagrożeń Krytycznych Punktów Kontroli). System HACCP jest kluczem do kompleksowego przygotowania zakładów do wszystkich standardów. Wdrażane są też inne systemy bezpieczeństwa (GPM-Dobrej Praktyki Produkcyjnej, GHP-Dobrej Praktyki Higienicznej) oraz systemy kontroli jakości ISO 9000. [1, s.44]

W wybranych krajach Unii Europejskiej system HACCP (europejski system bezpieczeństwa żywności) obowiązuje od 1996 roku. W związku z wejściem naszego kraju do struktur Unii Europejskiej, w Polsce zaczęły obowiązywać nowe standardy związane z zarządzaniem jakością w przemyśle spożywczym. Polscy przedsiębiorcy muszą się liczyć z tym, że wcześniej czy później będą zobowiązani wprowadzić HACCP. 1 maja 2004 minął

termin rozpoczęcia wdrażania HACCP. Zobowiązany do tego jest każdy podmiot, zajmujący się produkcją lub obrotem żywnością. [9]

Wymagania dotyczące systemu HACCP określone zostały w Dyrektywie Rady 93/43/EWG z 14.06.1993 r. w sprawie higieny środków spożywczych. [12, s. 153]

System HACCP bazuje na prewencji, a nie na kontroli po fakcie i dlatego jest bardzo blisko związany z normami ISO 9000. System ten musi obejmować sferę przedprodukcyjną, produkcyjną i poprodukcyjną. Zatem systemem muszą być objęte wszystkie czynności związane z kontrolą surowców i materiałów do produkcji, oceną dostawców, bieżącą kontrolą i prewencją procesów technologicznych, warunków sanitarnych pomieszczeń oraz urządzeń produkcyjnych, kontrolą działań maszyn i urządzeń kontrolno – pomiarowych i kontrolą wyrobów gotowych w momencie przekazania do magazynów. [12, s. 153]

Stopień zaawansowania procesów przystosowawczych mleczarni do wymogów UE w poszczególnych regionach kraju jest wyraźnie zróżnicowany. Z jednej strony mamy np. woj. podlaskie, gdzie na 22 zakłady 7 kwalifikuje się do kategorii A, a 9 do kategorii B1, zaś tylko 2 zostało zakwalifikowane do kategorii C, podobnie jest w woj. mazowieckim. Z drugiej strony mamy województwa: dolnośląskie, małopolskie, opolskie czy podkarpackie, gdzie ani jeden zakład nie spełnia warunków sanitarno-weterynaryjnych Unii. [18, s. 14]

Pełne dostosowanie strukturalne w sektorze mleczarskim i osiągnięcie standardów jakościowych w przetwórstwie, dzięki uzyskanym w trakcie negocjacji okresom przejściowym może nastąpić do dnia 31 grudnia 2006r., ważne jednak jest utrzymanie intensywnego tempa dostosowań i możliwie najszybsze spełnienie wymaganych standardów. [10]

Odzwierciedleniem trwającego procesu restrukturyzacji i modernizacji przetwórstwa mleka, niezbędnego w celu pełnego uczestniczenia polskich podmiotów w mechanizmach Wspólnej Polityki Rolnej, są stale zachodzące zmiany w liczbie zakładów w poszczególnych kategoriach określających stopień dostosowania mleczarni do wymogów UE. Nadal pozostaje grupa zakładów mleczarskich, dla których konieczny jest dodatkowy okres, aby mogły dostosować swoje warunki produkcji, należy również liczyć się z tym, że w części zakładów inwestycje nie będą ekonomicznie uzasadnione, w związku z czym zakłady te będą musiały zaprzestać działalności lub zmienić jej profil. [10]

Certyfikaty jakości stają się coraz ważniejszym elementem funkcjonowania przedsiębiorstwa na rynku. Jest to uwarunkowane zarówno najnowszymi normami prawnymi, jak i wymogami konsumentów. Klient oczekuje nie tylko doskonałej jakości produktu, ale również wyprodukowanego w "przyjazni" ze środowiskiem.

4. Wykorzystanie środków UE w dostosowaniu polskiego mleczarstwa do rynku unijnego

Pomoc dla Polski ze strony Unii Europejskiej rozpoczęła się w 1991 r. na podstawie decyzji Rady Ministrów Europejskiej Wspólnoty Gospodarczej (EWG) z grudnia 1989 r., kierującej środki pomocowe do Polski i Węgier na wsparcie przemian i dostosowanie sektora rolnego i wiejskiego do zmieniających się warunków zewnętrznych. Pomoc przedakcesyjna finansowana była w ramach Projektów Phare, a od 2000 r. Programu SAPARD. Programy te są nadal realizowane; choć od 2004 r. nie są podejmowane nowe zadania. Po integracji rolnictwo i obszary wiejskie są finansowane z Europejskiego Funduszu Orientacji i Gwarancji w Rolnictwie. [13, s.12]

Zmiany zachodzące w sektorze mleczarskim wymagały znaczących nakładów finansowych, które częściowo pokrywano z budżetu krajowego. Od 1994 r. realizowany jest

program mleczarski, w ramach którego Agencja Restrukturyzacji i Modernizacji Rolnictwa udziela dopłat do oprocentowania kredytów inwestycyjnych. Zakłady mogą skorzystać z wyżej wymienionych kredytów między innymi w przypadku modernizacji budynków, zakupu maszyn i urządzeń do przetwórstwa mleka, modernizacji instalacji i urządzeń poprawiających gospodarkę energetyczną i ochronę środowiska, zakupu urządzeń do wprowadzania systemów kontroli jakości w produkcji, przetwórstwie i skupie mleka. [8]

Zakłady mleczarskie oraz producenci mleka mieli możliwość skorzystania z funduszy w ramach programu SAPARD będącego instrumentem przedakcesyjnego wsparcia dla rolnictwa. Biorąc pod uwagę potrzeby polskiego rolnictwa i jego poszczególnych sektorów w okresie przedakcesyjnym, program operacyjny SAPARD dla Polski w dużej mierze uwzględnia potrzeby sektora mleczarskiego i znaczna część środków programu jest przeznaczona właśnie na inwestycje w tym sektorze. [8]

Proces restrukturyzacji i modernizacji sektora mleczarskiego, wynikający z potrzeby spełnienia określonych wymagań nie tylko w kontekście akcesji Polski do UE, ale również z potrzeby podnoszenia konkurencyjności zakładów na rynku krajowym, nieodłącznie wiąże się z koniecznością prowadzenia inwestycji i podejmowania działań pozwalających na osiągnięcie wymaganych standardów. Istniejące wsparcie finansowe, a także okresy przejściowe na dostosowanie do wymagań UE przyczyniają się do stworzenia odpowiednich warunków do stopniowego i efektywnego prowadzenia przez zakłady mleczarskie takich działań. [8]

4. Zakończenie

Przystąpienie Polski do Unii Europejskiej było silnym impulsem rozwojowym dla polskiego mleczarstwa. Największym wyzwaniem dla polskich mleczarni, obok dostosowania się do unijnych norm sanitarno - higienicznych, była konsolidacja oraz restrukturyzacja sektora, a przede wszystkim obniżka kosztów, tak by mogły one sprostać konkurencji ze strony prężnych międzynarodowych koncernów, działających na wspólnym rynku. Konieczność dostosowania się do wymagań Unii Europejskiej spowodowała dynamiczny wzrost nakładów inwestycyjnych w mleczarstwie. Dzięki przeprowadzonym inwestycjom, znaczna część zakładów dostosowała się w pełni do wymogów Unii, a pozostałe, które spełniły tylko normy sanitarne, uzyskały okresy przejściowe na wprowadzenie odpowiednich rozwiązań technicznych. Sektor mleczarski, stając się elementem sektora rolnego państw członkowskich Unii Europejskiej, uzyskał dostęp do wielu mechanizmów pomocowych wynikających ze Wspólnej Polityki Rolnej. Zapewniło to realną możliwość kompleksowej poprawy sytuacji polskiego sektora mleczarskiego.

1. Babuchowski A., Wykorzystanie środków UE w dostosowaniu polskiego mleczarstwa do rynku unijnego- szanse zagrożenia, Cz. 1, „Przegląd Mleczarski”, nr 2, 2003
2. Białasiewicz M., Rynek mleka i jego przetworów - dotrzeć do... Unii, <http://www.boss.com.pl/>
3. Domańska E, Organizacja rynku mleka i produktów mleczarskich w Unii Europejskiej, <http://ue.wp.pl/>
4. Ginalska B., Rynek mleka, <http://www.rolnik.info.pl/>
5. Mierzwa D., Mleczarstwo w Polsce i innych krajach europejskich, „Wiadomości statystyczne”, nr 7, GUS, Warszawa 2004
6. Muczyńska K., Polskie mleko w UE, „Fakty”, nr 7, 2003

7. Nowakowski S., Standardy jakościowe mleka surowego, <http://www.kzsm.org.pl/ml-surowe.html>
8. Olejniczak W. Konferencja prasowa: Perspektywy polskiego mleczarstwa w Unii Europejskiej, <http://www.minrol.gov.pl>
9. Ośko A., Rolnictwo wczoraj i jutro, <http://www.raportrolny.pl>
10. Perspektywy polskiego mleczarstwa w Unii Europejskiej, www.netbrokers.pl
11. Polska branża mleczarska w UE, <http://www.magazynfakty.pl/>
12. Przybyłowski P, Kompatybilność systemu zarządzania jakością ISO 9001:2000 i systemu HACCP w przemyśle mleczarskim, „Przegląd Mleczarski”, nr 4, 2002
13. Rolnictwo i gospodarka żywnościowa w Polsce, Praca zbiorowa pod redakcją Ministerstwa Rolnictwa i Rozwoju Wsi, Warszawa 2004
14. Seremak – Bulge J., Polski rynek mleka w pierwszych latach po akcesji do Unii Europejskiej, nr 7, 2004
15. Smoleński Z., Rynek mleka stan i perspektywy, <http://www.ierigz.waw.pl>
16. Sznajder M., Ekonomia Mleczarstwa, Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego w Poznaniu, Poznań 1999
17. Śmietana Z., Euromlecz 2004, „Przegląd Mleczarski”, nr 1, 2005
18. Urban R., Polska żywność w Unii, „Gazeta Prawna”, nr 24, 2004

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

В.А.Евстафьев

*Филиал Белорусского государственного экономического университета,
г. Пинск, Беларусь*

В.В.Коклюхин

Государственный университет им.А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

В.М.Крюков

*Филиал Белорусского государственного экономического университета,
г. Пинск, Беларусь*

Политической действительностью остро поставлен вопрос о воспитании в сознании молодого поколения белорусов гражданственности и патриотизма при сохранении навыков коллективного мышления и взаимодействия.

Государственные институты, наряду с образовательной системой, семьей, СМИ и общественными объединениями выступают в данной совокупности ведущим фактором, определяющим степень эффективности политической социализации, в ее понимании как управляемого и направляемого процесса.

Особенностью современного процесса политического становления молодежи является то, что оно происходит в условиях коренной трансформации государственно-политических институтов и общественных устоев.

Ответ на вопрос о наличии взаимосвязи между преобразованиями в институтах политической системы с одной стороны и изменениях в механизмах воспроизводства политического мировоззрения и поведения молодых людей – с другой, представ-

ляется существенным для понимания того, в каком обществе мы будем жить уже не завтра, а сегодня.

Прежде, чем ответить на вопрос о воздействии трансформационных процессов на становление политического сознания молодежи, отметим, что в современном отечественном, и зарубежном общественном знании факт переходного характера постсоветских обществ, к которым можно причислить и нашу республику, уже давно не вызывает дискуссий. Проблема научного осмысления природы трансформационных процессов была подчеркнута Президентом страны А.Г.Лукашенко на совещании в Национальной академии наук Беларуси с ведущими учеными и преподавателями-обществоведами республики 20.11.1998 года как задача теоретического обоснования с учетом исторического опыта белорусского народа, путей развития страны, углубленной разработки общественной и государственной модели республики в современных условиях. [1, с.107-108].

Адекватное понимание перехода страны к постсоветской модели не может быть достигнуто в своей полноте вне понимания того факта, что сам этот переход содержательно является не только институциональным, но и идеологическим.

В институциональном отношении новые постсоветские государства, в том числе и Беларусь, воплощают собой модель, основанную на отходе от идеократического принципа. Термин «идеократия» активно использовался философами евразийского направления Н.С.Трубецким и П.Б.Савицким. Он противопоставлялся "власти материи", "рыночной системе", "торговому строю" и означал подчинение идее-правительнице политики, экономики, общественного устройства и промышленного развития. Российская империя мыслилась евразийцами как Святая Русь, как держава, исполняющая особую историческую миссию. [2].

Советский Союз, пусть и в значительно измененном виде, сохранял и продолжал миссионерские традиции Российской империи. Он создавался и на протяжении большей части своей истории существовал как инструмент реализации коммунистической идеи, нацеленной на противостояние с мировой капиталистической системой и, в конечном итоге, на ее разрушение.

Современный белорусский политологический дискурс зафиксировал отношение к идеократии, как к «совокупности неких самодовлеющих идейных постулатов». [2, с.62-63]. Новые формы политического становления молодежи исключили в качестве несущего элемента своей конструкции постулат о самом прогрессивном, сильном и справедливом – самом лучшем государстве в мире. Слом большой идеи, выступавшей смыслообразующим началом жизни большинства советских людей, стал катастрофой массового общественного сознания, которая наиболее остро сказалась на судьбах молодежи.

В постсоветский период идеологемы утратили роль факторов, следование которым определяло место индивида в системе социальной иерархии, при этом политика утратила статус значимого и доступного для молодежи вида профессиональной деятельности. Без идеологических ориентиров, формировавших ценностную шкалу в выборе альтернатив, молодой человек оказался предоставленным самому себе.

Трансформационные процессы концептуально переопределили предлагаемую молодежи систему жизненных ценностей. Посредством массивного информационно-психологического воздействия в общественное сознание были внедрены

элементы либеральной идеологии; основанной на поклонении частной собственности: Молодежь, как наименее опытная и наиболее восприимчивая ко всему новому: возрастная группа, стала основным объектом медийного давления по обращению в новую «веру» собственников и потребителей.

Исходя из сказанного, в качестве первого существенного признака современного политического становления молодежи необходимо указать его неидеократический характер.

Акцентуация общественного сознания современной молодежи на материальные блага была не единственным следствием падения идеократии. Важнейшей составляющей идеологической политики перехода была дискредитация коллективности во всех ее проявлениях. Политическое воспитание молодежи советского периода характеризовалось еще и доминированием в нем феномена коллективизма. Коллективизм был главенствующим принципом и в деятельности, и в разработке, и в принятии решений от комсомольского собрания в классе и учебной группе до Политбюро ЦК КПСС. Коллективность как способ социального действия активно поощрялась средствами пропаганды и агитации, создававшими образ населения страны, как большого коллектива.

Руководители российского института социологического анализа Т.И.Кутковец и И.М.Клямкин предложили в целом исчерпывающую характеристику того идейного комплекса, который может считаться, в частности, и наиболее устойчивым, и наиболее адекватным установкам, унаследованным от советской политической культуры. Ими было указано, что «...почти две трети социалистов (респонденты опроса, названные его авторами так за приверженность коллективистским ценностям – прим. авт.) считают, что советский коллективизм был одинаково выгоден и государству, и человеку. Человек и государство воспринимаются ими как нечто единое и нераздельное, чувствительность к диктату государства почти отсутствует, а потому отсутствует и ощущение несвободы. Частная жизнь и личное благосостояние, как правило, рассматриваются ими не как нечто обособленное и независимое от государства, а как нечто, им же, государством, и обеспечиваемое в обмен на добросовестное ему служение» [4, с.126-128].

Дискредитация коллективности и абсолютизация индивидуализма осуществляются по нескольким направлениям.

Во-первых, как естественный результат имущественного и социального расслоения населения после введения института частной собственности.

Во-вторых, путем внедрения и активного «раскручивания» в общественном сознании темы прав человека и их примата над правами социальных общностей.

И, в-третьих, посредством фактической подмены подходов в педагогической работе, основанных на формировании навыка выработки коллективного мнения и деятельности: на абсолютизацию идеи индивидуализации в воспитании с одновременной психологизацией образовательной системы.

Таким образом, в качестве второй существенной черты политического становления в переходный период возможно обозначить замену коллективистской доминанты в сознании молодежи на индивидуалистическую.

Отметим, что оборотной стороной идеократии была мощная система беспрецедентного, для большинства стран мира, государственного детского и молодежного патернализма. Предусматривавший многочисленные гарантии, он снимал с повестки дня проблему физического выживания индивида и предоставлял возможность сконцентри-

рывать внимание на проблемах духовного и интеллектуального роста подрастающего поколения.

Падение СССР, введение института частной собственности и олигархическое перераспределение основных активов большой страны поставило в сложное экономическое положение население новых независимых государств. В Беларуси активная политика по предотвращению неконтролируемой приватизации предприятий страны, а также ряд правовых актов, государственных программ и мероприятий, направленных на целевую поддержку молодежи, позволили в значительной степени снизить уровень ее социального пессимизма. Однако, несмотря на предпринимаемые со стороны государства меры, стало фактом перераспределение расходов на воспитание и образование молодого человека от государства к семье. При этом значительная часть сегодняшней молодежи вынуждена самостоятельно решать проблемы, связанные с удовлетворением базовых потребностей, формируя свои жизненные приоритеты вне пространства самореализации и самосовершенствования. Так, например, практика показывает, что значительная часть поступивших в ВУЗ молодых людей мотивирует свое решение о поступлении не столько мотивами дальнейшего профессионального роста, сколько «необходимостью выжить» в современных условиях. Одновременно социологи фиксируют снижение в составе молодежи страны удельного веса принадлежащих к категории тех, кто связывает улучшение своей жизни с институтами государства с 26% в 1998 году до 14% в 2000 году. [5, с.89]

Третьей особенностью политического становления молодежи является «протекание» ее в условиях сузившегося государственного патернализма, что имело следствием увеличение объема социальной ответственности, возлагаемой непосредственно на молодежь.

Следующим аспектом воздействия переходных процессов на политическое созревание молодежи является трансформация государственных и общественных институтов. В контексте рассматриваемого вопроса первоочередной интерес представляют особенности перехода в той области институциональной системы, которая функционально отвечала за политическое воспитание нового поколения.

Главным организационным принципом функционирования политической системы была ее диффузная «встроенность» во все без исключения структуры общества: экономическую, социальную и духовную.

Молодежная «политическая подсистема» в лице пионерских организаций и комсомола обеспечивала функционирование устойчивого и адаптированного ко всем периодам становления молодого человека ролевого политического «сценария». Его характеризовали однозначность, четкая артикулированность, доступность для подавляющего большинства молодежи и высокая степень реальной исполнимости.

При этом изначально в механизм политического воспитания молодежи была заложена схема т.н. «обратной связи». Она позволяла оценивать степень эффективности воздействия идейно-воспитательной работы на сознание молодежи методом включения ее в актуальные для текущего момента социально-политические практики. Конечно, здесь есть место для дискуссии о соотношении автономности и мобилизованности в ходе вовлечения молодых людей в преобразовательные процессы. Однако несомненными достоинствами этих практик выступали, с одной стороны, их высокий общественный статус, а с другой - мощная воспитательная, социализирующая компонента, в результате воздействия которой молодой человек становился полноценным взрослым членом общества.

Прежде, чем оценивать результаты исследуемой динамики в отношении институциональной подсистемы, которая непосредственно контактировала с молодежью, попытаемся обобщить содержание итогов трансформационного периода для страны в целом.

Распространенная в отечественной политологической литературе концепция изменений, произошедших в республике за пятнадцатилетний период суверенитета, акцентирует внимание на следующих реалиях:

- обретение Республикой Беларусь политического и экономического суверенитета, обеспечившего возрождение национального самосознания белорусского народа;
- радикальное изменение государственного устройства, институтов власти и ее атрибутов;
- активный процесс возрождения и развития белорусской государственности;
- формирование общественной психологии в условиях политического плюрализма, социально-ориентированной рыночной экономики;
- изменение геополитического положения страны. [6, с. 168-169].

Очевидно, что рассмотреть в этом перечне взаимосвязи, явно и непосредственно повлиявшие на эволюцию политического становления молодого поколения белорусов, непросто. Но картина становится более отчетливой, если сконцентрировать внимание на анализе данного воздействия со стороны отдельных социальных институтов, выполняющих функцию традиционных факторов политического становления молодежи. Институциональные изменения затронули не только органы государственного управления, но и образовательную систему на всех ее уровнях, СМИ, общественные организации, распространившись до уровня «ячейки общества» - семьи.

Существенным является то обстоятельство, что за период суверенитета политической системой не выработан свод однозначных норм политического поведения, которые бы, с одной стороны, служили идеалом для вновь вступающих в мир политики и гражданских отношений, а с другой - стали бы прообразом «общественного договора», равнообязательным для исполнения властью и населением. В силу этого обстоятельства, в настоящее время уместно говорить о преобладании ситуативных доминант над нормативными в выборе молодыми людьми варианта политического действия из имеющихся альтернатив.

Возвращаясь к тезису о детских и молодежных организациях как о своеобразных «представительствах» политической системы в молодежной среде отметим, что в Беларуси со стороны государства на протяжении последнего десятилетия их развитию уделяется самое пристальное внимание. Именно в нашей стране предпринимаются активные усилия по восстановлению организационных структур политического воспитания молодежи с учетом ее политико-национальных особенностей.

Вместе с тем в настоящее время в силу сменившейся парадигмы общественного развития и доминирования экономикоцентризма, как определяющего вектора социальной динамики, новые молодежные объединения можно отнести в лучшем случае к разряду «факультативов», «вспомогательных» элементов политической системы. В качестве таковых они сегодня обеспечивают участие молодежи в разовых и краткосрочных акциях, которые гармонично вписываются в соответствующий им формат теленовостей. Однако при этом для них проблематично воспроизведение и фиксирование в долговременных практиках образцов политического поведения, которые бы после принятия их молодыми людьми в качестве повседневных, и гарантировали бы им устойчивую жизненную перспективу.

Не меньшую актуальность имеет проблема действующего сегодня типа политического становления молодежи для подготовки политической элиты нашего государства. По горькому замечанию российского политолога А.С.Панарина, «...ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть» [7, с.193].

Несмотря на то, что советская политическая этика не одобряла публичности по отношению к теме элит и элитарности, система ее взращивания существовала и эффективно выполняла свою задачу. Упомянутые выше пионерские и комсомольские организации, помимо функции прямой социализации, исполняли роль «инкубаторов» элиты, давая возможность проявить себя 7-10 процентам пассионариев, готовых к беззаветному служению стране. Одновременно каждая пионерская дружина и комсомольская организация были центрами принятия решений, предоставляя подросткам и молодежи пусть относительную, но возможность самоуправления на своем иерархическом уровне.

Таким образом, детские и молодежные объединения выполняли функцию поиска потенциальных лидеров, формирования у них начальных навыков разработки и принятия решений, привития им чувства социальной ответственности за других людей, а в итоге - за судьбы своей страны.

Результатом введения новых институтов государственной власти, изменившей конфигурацию политических отношений в стране, стало сокращение числа центров принятия решений. В случае с механизмами подготовки будущих лидеров это означало и одновременное сужение пространства отработки управленческих навыков у предполагаемых лидеров из числа молодежи.

Парламентский институт, предназначенный по своей идее стать аналогом-заменителем партийно-советского представительства, задачу аккумуляции молодежного активизма выполняет лишь в незначительной степени. Так, например, из числа кандидатов молодежного возраста в состав нижней палаты парламента прошел только один кандидат, что составляет менее одного процента от ее численного состава и 3,7% от зарегистрированных кандидатов. [8, с.26].

Представительство молодежных интересов в нижней палате белорусского парламента, избранного в 2004 году, осуществляют всего два человека - первый секретарь ЦК ОО БРСМ и первый секретарь Минского областного комитета БРСМ.

К причинам этого явления необходимо отнести:

- отсутствие организационных структур включения молодежи в реальные политические практики;
- несформированность типов политических отношений, предусматривающих несимулятивное политическое участие молодежи;
- неотработанность механизмов, вовлекаясь в которые, молодой человек смог бы стать политическим деятелем или, по меньшей мере - претендовать на право быть принятым на государственную службу.

Таким образом, ответ на вопрос о наличии прямой зависимости между трансформационными «сдвигами» в политической системе и политическим становлением молодых людей в нашем случае может быть сформулирован положительно. Такая связь существует, несмотря на то, что молодежь как возрастная группа с низким социальным статусом в меньшей, нежели «старшие» возрастные группы общества, степени непосредственно вступает в контакты с государственными институтами.

Четвертую характерную черту процессов политического созревания белорусской молодежи необходимо определить как «институциональную невосребованность» молодежи.

Важнейшим фактором политического становления молодежи выступают средства массовой информации. В течение последних полутора десятилетий сохранялись тенденции усиления роли СМИ как средства поддержания определенного социального порядка, в том числе за счет воздействия на политическое сознание молодых людей. Вместе с тем за этот период СМИ, как социальный институт, приобрели ряд новых черт, наличие которых позволяет сделать предположение о значительном изменении характера их влияния на молодежь.

Во-первых, можно говорить о смещении «удельного веса» политического воздействия от печатных источников (пресса и книги) к электронным. Такая динамика может быть объяснена, с одной стороны, увеличением количественного и качественного разнообразия, а также доступностью электронных источников и средств хранения информации, с другой стороны - простотой (если не упрощенностью) восприятия информации в них по сравнению с бумажными носителями.

Во-вторых, появление такой качественной характеристики информационного пространства как разнообразие идей, позиций, точек зрения, которое у нас стало обиходным называть плюрализмом. Представляется, что это как раз тот случай, когда новая терминология обедняет суть явления, тем самым искажая его и создавая предпосылки для различных манипуляций. Речь не идет о таком сосуществовании различных политических позиций и сил, которые, по-разному формируя идеальный «образ будущего», не вступают при этом между собой в конфликт по фундаментальным для общества и государства вопросам. Напротив, наш вариант плюрализма, зародившись в СССР как воплощение противостояния социалистической и коммунистической альтернатив, после распада большой страны трансформировался в необходимость идентификационного выбора между Западом и Востоком.

В третьих, СМИ стали воплощением противоречивости, объединив в себе, наряду с созидательными функциями, деструктивные и разрушительные.

Информационно-культурные потоки, которые транслируют масс-медиа, содержат ценности, зачастую несовместимые с решением задач воспитания национального самосознания молодежи. Бездушие, цинизм, насилие, жестокость, убийства постоянно присутствуют на экранах телевидения. Передач, нацеленных на идеологическое воспитание подрастающего поколения (таких, как «Воскресная проповедь», «Иснась», «Путешествие дилетанта», «Мелодия старинного романса»), фильмов на темы истории, краеведения, народных традиций и культуры) - недостаточно.

Большая часть аудиовизуальных информационных потоков имеет унифицирующую природу и направлена на «стирание» этнокультурных кодов из национального сознания молодежи и отрицает любое смыслополагание, кроме не сдерживаемого ничем потребления.

Массовое сознание молодежи фактически превратилось в поле нарастающей борьбы за влияние на него, в ходе которой традиционным воспитательным институтам - семье, учебным заведениям и трудовым коллективам - противопоставляются зарубежные и отдельные отечественные СМИ.

В итоге сегодня мы имеем конфликтный способ формирования политических поведенческих установок молодежи, «сконструированных» в ходе погружения в

информационные пространства конкурирующих политических авторов, неравноценных, с точки зрения имеющихся в их распоряжении ресурсов информационно-психологического воздействия.

Практика показывает, что воспитание (в первую очередь - политическое) человека через коллектив как стержневой принцип взаимоотношений всех социальных структур постепенно уходит в прошлое.

В недавнем прошлом ориентация на воспитание гражданской активности индивида и включенности его в политическую и социальную деятельность достигалась за счет усвоения ценностных знаний и императивов, предполагавших определенное пространство для его автономного политического действия. В современном политическом процессе они заменяются псевдокультурой, основанной на навязывании жестких ситуативных моделей политического поведения путем закрепления в сознании молодежи искусственно сконструированных и многократного повторяющихся медийных имиджей.

СМИ все более уверенно начинают выступать средствами политического и социального контроля, а политическая организация, понятая в широком смысле этого слова, как регулирующего и регламентирующего каркаса социального порядка все более явно утрачивает право быть субъектом политического пространства. Предприятия и учреждения прекратили свое существование в качестве составляющих политической системы еще в начале 90-х годов. Современные же общественные объединения, по нашему мнению, превращаются в политические субъекты, чья функция, по преимуществу - психологическая, и состоит в придании ощущения устойчивости определенным социальным группам в период, переходный от состояния общества, управляемого с трибуны партсъезда, к обществу, управляемому посредством электронно-информационных технологий.

Проблема политического становления молодежи на современном этапе заключается уже не столько в выборе политической идентификации, сколько в том, чтобы ее навсегда не заменили образы «Орбита» или «Кока-кола».

В силу указанного выше, возникают основания для того, чтобы в качестве еще одной специфической черты процесса политического становления молодежи указать на его противоречивость, которая выражается в том, что он утратил свою однородность под воздействием идеологически разновекторных, а зачастую и противостоящих друг другу факторов. Это, в свою очередь, делает целесообразной постановку вопроса о возможности формирования типа политической личности, способной к ортодоксальному (согласно классификации А.Марша) поведению в условиях одновременно сосуществующих в информационном поле несовместимых идейных направлений [9, с.387].

Выводы:

1. Политическое становление современной белорусской молодежи происходит в обществе, отошедшем от идеократического принципа развития.

2. Особенностью политического становления молодежи является «протекание» ее в условиях сократившегося государственного патернализма и вызванным этим увеличением объемов социальной ответственности, возлагаемой непосредственно на молодое поколение, сопровождающаяся постепенной заменой коллективистской модели социальных и политических взаимоотношений на индивидуалистическую.

3. Современная конфигурация политической системы республики проблематизирует институциональное вовлечение молодых людей в конструктивное политическое участие.

Пути формирования национальной политической элиты и механизмы реализации доступности государственной службы для молодежи публично не артикулированы.

4. Массовое молодежное сознание стало ареной противоборства различных, идейно противонаправленных сил, которые, не пересекаясь в физическом пространстве, противостоят друг другу в сознании молодого человека, препятствуя при этом формированию у него цельного политического мировоззрения.

5. Возникает необходимость уточнения приоритетов государственной молодежной политики в области идейно-воспитательной работы с учетом изложенных выше политических реалий.

Литература

1. О развитии гуманитарных наук и повышении их роли в государственном строительстве. Материалы совещания в Национальной Академии наук Беларуси с ведущими учеными и преподавателями-обществоведами республики 20.11.1998 года. Мн. 1999.
2. Обзор евразийской идеологии (краткий курс) <http://www.evrazia.org>
3. Мельник В.А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы. - Минск: Тесей, 2003.
4. Кутковец Т.Н., Клямкин И.М. Русские идеи. Полис. 1997. № 2.
5. Молодежь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы и пути их решения. Под ред. С.Д.Лаптенка.-Минск.:ИСПИ,2004. -342с.
6. Политология. Курс лекций под ред. Божанова В.А. -Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2002,-315с.
7. Панарин А.С.Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности. - М.: Наш современник, 2002, №9.
8. Парламентские и президентские выборы в Беларуси: итоги и перспективы. Под ред. Е.В.Матусевича. -Минск: ИСПИ, 2002.-84 с.
9. Василик М.А. Политология. Учебное пособие -М.: Гардарики, 2001. -270 с.

ЦЕННОСТНЫЙ МИР СТУДЕНТОВ БЕЛАРУСИ, ПОЛЬШИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Грибов Г.М.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

В 2000-2005гг. автором при участии польских и немецких коллег было проведено двухэтапное социологическое исследование в вузах Беларуси (Брест, Минск, Гродно, Новополоцк, Могилев), Польши (Ченстохова, Белосток, Познань) и Германии (Вайнгартен, равенсбург, Биберах). Целью исследования было изучение ценностного сознания студентов трех стран. Выбор респондентов был не случаен. Беларусь, Польша и Германия – это европейские государства, расположенные на оси Восток-Запад. Они имеют различную историю, культуру и социально-экономическую модель общественного устройства. Беларусь – бывшая республика СССР, восточно-европейское государство, избравшее собственный путь развития и ориентирующееся на интеграцию с Россией. Польша – бывшая страна социалистического лагеря, центрально-европейское государство, связавшее свою судьбу с Европейским сообществом и НАТО. Германия – крупнейшее западно-европейское государство, представляющее т.н. капиталистический путь развития. Несмотря на принципиальное

различие между названными странами, многие их объединяет. Эти государства развиваются в условиях глобализационных процессов на континенте и переживают период системной трансформации всех сторон общественной жизни. Особенно отчетливо это проявляется в Беларуси и Польше, свернувших с социалистического пути развития, относится это также и к Германии, где произошло объединение ее двух частей, и бывшая ГДР оказалась в ситуации коренного переустройства общественной системы.

Коренные социально-экономические преобразования неизбежно отразились на сознании людей, на их взглядах и идеалах. Особенно остро и оперативно реагирует на общественное изменение молодое поколение, которое быстро впитывает новые идеалы и ценности. В нашем исследовании были поставлены две цели: во-первых, сравнить представления о базовых ценностях студентов трех стран; во-вторых, на основе двухкратного опроса с интервалом в четыре года обнаружить возможные изменения, трансформации ценностных представлений студенческой молодежи Беларуси, Польши и Германии. Приведем результаты исследований в таблицах, где определены ранги рода базовых ценностей.

Таблица 1. Рейтинг базовых ценностей студентов (опрос 2000 года)

	белорусы	поляки	немцы
Здоровье	1	1	1
Семья, дети	2	3	10
Дружба	3	4	2
Возможность потреблять чистые продукты и дышать свежим воздухом	4	10	9
Любовь	5	2	4
Хорошее образование	6	5	6
Возможность реализовать свои способности, таланты	7	9	8
Гарантии прав человека	8	6	5
Уважение других людей	9	8	11
Душевное спокойствие	10	7	3
Общение с интересными людьми	11	13	12
Деньги, материальное благополучие	12	17	17
Карьера	13	21	21
Комфортное жилье	14	20	18
Суверенитет моего государства	15	11	14
Частная собственность	16	12	15
Секс	17	14	16
Демократия в государстве	18	15	7
Удобная, красивая одежда	19	23	20
Веселая, полная развлечений жизнь	20	18	13
Национальная культура	21	19	23
Искусство	22	22	22
Религия	23	16	19
Известность, слава	24	24	24

Таблица 2 - Рейтинг базовых ценностей (опрос 2004 г.)

	белорусы	поляки	немцы
Здоровье	1	1	1
Семья, дети	2	4	9
Дружба	3	2	2
Возможность потреблять чистые продукты и дышать чистым воздухом	3	13	10
Хорошее образование	4	5	6
Любовь	5	3	5
Возможность реализовать свои способности, таланты	6	9	7
Гарантии прав человека	8	7	4
Карьера	9	18	19
Душевное спокойствие	10	8	3
Уважение других людей	11	6	11
Общение с интересными людьми	12	12	12
Деньги, материальное благополучие	13	20	17
Комфортное жилье	14	21	18
Суверенитет моего государства	15	10	15
Частная собственность	16	11	16
Демократия в государстве	17	14	8
Секс	18	15	13
Удобная, красивая одежда	19	19	20
Веселая, полная развлечений жизнь	20	1	14
Искусство	21	23	22
Национальная культура	22	22	23
Религия	23	16	21
Известность, слава	24	24	24

Сравнение ответов позволяет определить сходство и различие представлений студентов двух стран об основных жизненных ценностях.

Сходство заключается в следующем:

1. И белорусские, и польские, и немецкие студенты считают важным в своей жизни достаточно большое количество ценностей, а не ограничиваются их узким набором. Более половины белорусов считают «очень важным» 8 факторов, более половины поляков – также 8, более половины немцев – 7.

2. Лидирующими ценностями в трех национальных группах являются одни и те же факторы: *здоровье, дружба, любовь, хорошее образование*. Для белорусов и поляков – это еще семья.

3. «Хвост» рейтинга у белорусов, немцев и поляков также составляют практически одни и те же ценности: *известность, слава, искусство, национальная культура*.

Различие взглядов состоит в том, что:

1. Студенты белорусы заметно выше оценивают *деньги, материальное благополучие, комфортное жилье*, т.е. материальные факторы, а также *карьеру и возможность потреблять чистые продукты и дышать чистым воздухом*, т.е. экологические факторы. Белорусы в некоторой степени выше ставят возможность самореализации.

2. Польские студенты в некоторой степени выше оценивают *религию и уважение других людей*, т.е. факторы **нравственные, частную собственность и суверенитет своего государства**.

3. Наблюдается закономерность заметного повышения рейтинга ряда факторов при движении с Востока на Запад. Это относится к гарантиям прав человека, душевному спокойствию и демократии.

Что изменилось во взглядах на ценности у исследуемой молодежи за четыре года?

Результаты говорят о том, что существенная трансформация ценностей студентов не произошла ни в Беларуси, ни в Польше, ни в Германии. Сохранили свой статус ценности-лидеры, остались на прежних позициях ценности аутсайдеры. Незначительные изменения произошли во взглядах студентов-белорусов, которые стали выше ценить карьеру и несколько понизили роль уважения окружающих людей.

На этом основании можно сделать вывод, что пик трансформации сознания постсоветского молодого поколения в нашей стране уже пройден, и его ценностное сознание стабилизировалось.

PROCESUALNOŚĆ STEREOTYPIZOWANYCH PRZEKONAŃ

Mirosław Acewicz

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Stereotypy nie podlegają zmianie w krótkim czasie lub nieznacznie zmieniają się w okresach długich. Zorganizowana i prowadzona przez wiele lat świadoma „akcja”, mająca dany zestaw przekonań opartych na stereotypie lub stereotypach „zwalczyć”, ma zawsze bardzo ograniczoną skuteczność. Przykładem mogą być choćby instytucjonalne usiłowania mające na celu likwidację treści antyżydowskich. Stereotyp antyżydowski pozostał bez zmian, składając się nadal z tych samych co kiedyś komponentów, z wyjątkiem może wątku „syjonistycznego”. Mechanizmom zmiany przeciwdziała wiele czynników. Ludzie na przykład zwykle aktywnie unikają kontaktów z członkami nielubianych grup, trwałości przekonań stereotypizowanych sprzyja też proces potwierdzania oczekiwań. Generalnie ta bardzo duża odporność na zmianę wynika z prawidłowości o charakterze zarówno poznawczym, jak i motywacyjnym. Choć współcześnie obserwuje się zmianę niektórych stereotypów, bardzo trudno wywołać tego rodzaju modyfikacje w wyniku zamierzonych interwencji.

O stereotypie jest sens mówić tylko wtedy, kiedy jest zbiorem przekonań wspólnych członkom jakiejś społeczności czy kultury. [s. 708] Jako umysłowe reprezentacje grup społecznych są schematami lub prototypami grup społecznych, w których obok stereotypowych przekonań (np. „pijacy”) występuje etykieta grupy (np. „Polacy”). Zazwyczaj jest to wyrazem podstawowej funkcji upraszczania i ujednoznaczniania obrazu otoczenia społecznego poprzez procesy kategoryzacji społecznej. Stereotypy najczęściej dotyczą szerokich kategorii społecznych, takich jak płeć, rasa, narodowość, wiek lub atrakcyjność fizyczna. Wiele stereotypów obejmuje także węższe kategorie społeczne - mogą być one jeszcze częściej używane niż stereotypy szerokich grup społecznych - takie jak bibliotekarze, punki czy politycy. Powstawanie stereotypów uzależnione jest więc od stopnia, w jakim pozwalają one rozróżniać grupy społeczne w wymiarach silnie nasyconych wartościowaniem. Pozwalając podkreślać różnice między grupami, zacierając (lub wyostrażając) zarazem subiektywne różnicowanie osób należących do tej samej grupy

stereotypy stanowią struktury wiedzy użyteczne w opisie grup społecznych. Ale oprócz opisu sugerują zarazem – poprzez silne nasycenie normatywne – określony do nich stosunek. Stereotypowe treści typu „homoseksualiści mają liberalne poglądy polityczne” czy „kobiety są złymi kierowcami” są to w istocie przeświadczenia potoczne, ale i zarazem sformułowania o wyrazistym ukierunkowaniu aksjologicznym.[i], s. 15]

Początkowo zakładano, że stereotypy są z definicji „nietrafnymi”, „nadmiernie uogólnionymi” czy „sztywnymi” przekonania na temat grup społecznych, zaś wiarę w stereotypy uważano za przejaw irracjonalności, podobnie jak uprzedzenia społeczne.[ii], s. 7] Szczególnie rozpowszechnione było rozumienie stereotypu jako specyficznego „fałszu” tam, gdzie w grę wchodzi interesy o charakterze ideologicznym.[iv] Okazało się jednak, że nie wszystkie stereotypy są całkowicie błędne. Wiele z nich zawiera „ziarno prawdy”. Ludzie bardzo trafnie zauważają rzeczywiste różnice między grupami, choć na poziomie stereotypu różnice te bywają zwykle przesadnie wyostrzone, choćby w odniesieniu do cech ich wyglądu fizycznego czy ze względu na typowe dla danych grup role społeczne. Na przykład kobietom jako kategorii społecznej przypisywana jest „opiekuńczość” tylko dlatego, że wiele spośród nich pełni role matek i opiekunek. Stereotypy wpływają więc na tendencyjną interpretację dwuznacznych informacji na temat innych i stanowią źródło „uzupełniających” danych o jakiejś osobie prawdopodobnie w warunkach niedostatku informacji na jej temat. Często bowiem informacja o zachowaniu jawnie sprzecznym ze stereotypem jest osłabiana poprzez przypisywanie przyczyn tego zachowania czynnikom sytuacyjnym raczej niż cechom osoby działającej. Stereotypy zniekształcając informacje sprzyjają występowaniu samospelniających się przepowiedni, zgodnie z zasadą, że oczekiwania – w tym przypadku stereotypowe – żywione wobec ludzi mogą ich skłaniać do postępowania zupełnie nieświadomie w sposób zgodny z owymi oczekiwaniami. W wypadku oczekiwań negatywnych zjawisko to zazwyczaj przyczynia się do zaostrzenia konfliktów. Dzieje się to już na poziomie spostrzegania innych.[v] Tylko jednoznacznie motywowane i zindywidualizowane traktowanie osoby czy grupy spostrzeganej pozwala na ujęcie w możliwie obiektywny sposób. Taką sytuację może wyzwać konieczność uzasadniania swoich sądów albo nawet zwyczajna troska o sprawiedliwość w kontaktach społecznych.

Współcześnie stereotypy wiąże się przede wszystkim z uprzedzeniami. Jako przekonania na temat grup społecznych często uważane są za poznawczy „składnik” uprzedzeń głównie z tego powodu, że – jak pokazuje praktyka – osoby uprzedzone mają skłonność do bardziej negatywnych stereotypów niż osoby nieuprzedzone. Ujawnia to na przykład wyraźnie albo wyjątkowo łatwe usprawiedliwianie czy racjonalizacja praktyk dyskryminacyjnych albo negatywne postawy wobec pewnych kategorii ludzi w sytuacji, gdy jakaś grupa jest systematycznie lepiej traktowana niż inne. W konsekwencji stereotypy często w takiej sytuacji są włączane do ideologii wyznawanej przez grupę i znajdują wyraz w języku danej kultury. Skłonność do uznawania i przejawiania stereotypów może nadto być związana z pewnymi cechami osobowości, szczególnie: autorytaryzmem, czy z emocjonalnymi doznaniem, jakie ktoś wyniósł z uprzednich spotkań z członkami grupy opisywanej stereotypem.

Stereotypy mogą być aktywizowane i podtrzymywane przez wiele mechanizmów. Procesy te podporządkowane są przede wszystkim regułom przystępności.[vi], s. 575-6] Uaktywnienie umysłowej reprezentacji jakiejś grupy, na przykład skutek napotkania jej członka, prowadzi – dzięki rozszerzającej się fali pobudzenia w sieci skojarzeniowej – do

zaktywizowania powiązanych z nią stereotypów, które stają się gotowe do użycia. Niektóre przekonania oparte na stereotypach mogą być też skojarzone ze wspomnieniami dotyczącymi konkretnych osób - napotkanych w przeszłości członków jakiejś grupy. Szczególnie często i łatwo są aktywowane w kontaktach z członkami nie ulubianych grup społecznych wyzwalając i wpływając na specyficzne spostrzeganie tych osób. Mimo że posługiwanie się przekonaniem o cechach charakteryzujących całą grupę społeczną przy wyciąganiu wniosków na temat jej poszczególnych członków jest nie logiczne i najczęściej niesprawiedliwe w stosunku do tych osób to, głównie w warunkach dużego obciążenia operacyjnych zasobów umysłu, zgodnie ze swą funkcją upraszczania informacji o otoczeniu społecznym i swoisty charakter narzędzia poznawczego, pozwalają one zaoszczędzić czas i wysiłek. Większe jest też prawdopodobieństwo rutynowego posługiwania się nimi, jeśli ułatwiają one spostrzeganie różnic między grupami niż wówczas, gdy nie pełnią takiej funkcji. Łatwiej bowiem o aktywizację stereotypów w warunkach relacji postrzeganych jako „międzygrupowe” niż w sytuacjach „wewnątrzgrupowych”, co przynajmniej częściowo służy wspieraniu pozytywnej identyfikacji z własną grupą. Sprzyjają też odwoływaniu się do przekonania stereotypizowanych silne stany emocjonalne, które upośledzają możliwości przetwarzania informacji oraz sytuacje, w których osoba jest spostrzegana jako typowy członek grupy niż jako ktoś nietypowy. W niektórych wypadkach jest to konsekwencja wyrazistości percepcyjnej. Osoby wyróżniające się jakąś łatwo dostrzegalną cechą (przyciągającą uwagę) częściej stają się obiektem procesu stereotypizacji. Może to tłumaczyć, dlaczego stereotypowe ujęcia na przykład płci i rasy, oparte na łatwo dostrzegalnych cechach, są silniejsze od innych konceptualizacji opierających się na mniej widocznych atrybutach. W innych wypadkach wyrazistość przyczynia się do spostrzegania negatywnych zachowań jako częstszych i w konsekwencji częściej przypisywanych grupom społecznym i sądom o nich. Efektem tego stanu jest z reguły niesprawiedliwa ocena i reakcja na jednostki, nie uwzględniająca możliwej nietrafności powstałego w ten sposób przekonania bądź faktu, że spostrzegana jednostka odbiega od stereotypu swojej grupy.

Wykształcając się i utrzymując w wyniku wielu motywacyjnych i poznawczych tendencji stereotypy jako zestaw przesadzonych lub nietrafnych przekonań są zwykle silniejsze w odniesieniu do grup obcych niż własnych. Zapewne dlatego, że kontakty z przedstawicielami grup obcych mają często charakter interakcji międzygrupowych - a nie tylko kontaktów interpersonalnych - a także dlatego, że towarzyszy temu zjawisko deindywidualizacji. Oznacza ono utratę poczucia indywidualnej tożsamości i prowadzi do rozluźnienia hamulców, które powstrzymują człowieka od niewłaściwych zachowań i występuje zwykle wówczas, gdy jednostka znajduje się w dużej grupie, ale nie tylko.^[vii] Inną konsekwencją tego, że stereotypy grup obcych są ogólnie bardziej negatywne i krańcowe niż stereotypy grup własnych, jest zjawisko jednorodności grupy obcej, przejawiające się w spostrzeganiu większego podobieństwa między członkami grupy obcej niż między członkami grupy własnej. Jednym z mechanizmów podtrzymywania stereotypów jest wpływ oczekiwań powodujących kodowanie i przetwarzanie informacji w sposób zgodny z treścią stereotypu. Ludzie selektywnie poszukują informacji raczej potwierdzających niż obalających posiadane stereotypy. Wzbudzone stereotypami oczekiwania ukierunkowują uwagę na informacje zgodne ze stereotypami. Informacje takie są też łatwiej zapamiętywane i włączane do tworzonych przez jednostkę poznawczych reprezentacji grup społecznych. Inny mechanizm podtrzymujący stereotypy to przypisywanie zachowań z nimi sprzecznych

czynnikiem sytuacyjnym oraz unikanie sytuacji, w których stereotypy mogłyby zostać obalone. Ze względu na ważne funkcje dla jednostki, stereotypizowane przekonania podlegają nie tylko procesom, które je utrwalają, ale także efektem wynikającym z tendencji do podtrzymywania zgodności poznawczej, jakie zakłada teoria dysonansu poznawczego. Choć ludzie są w stanie zaprzestać posługiwania się nimi, jest to nieczęstym zjawiskiem, gdyż oderwanie się od takich przekonań wymaga wysiłku poznawczego, tym bardziej, że ich nasycenie treściowe podlega swego rodzaju „dziedziczeniu”. Mając charakter wybitnie ponadindywidualny, w zasadzie niezależny od właściwości poszczególnych psychik swoich nosicieli, z pokolenia na pokolenie przechodzą na przykład niemieckie stereotypy o Polakach typu „polskie porządki” czy „polski sejm”.

Generalnie zakłada się, że zmiana stereotypów następuje bądź w wyniku bezpośrednich kontaktów z przedstawicielami stereotypizowanej grupy, zaprzeczającymi stereotypom, bądź na skutek zmian zachodzących w samym podmiocie, które sprawiają, że stereotypy przestają mu być potrzebne. Zazwyczaj jednostka zmienia poglądy na temat grupy obcej w wyniku kontaktów z jej członkami postępującymi w sposób zaprzeczający stereotypowi. Zmiana taka może mieć charakter albo stopniowy, na zasadzie „księgowania” pozytywnej i negatywnej informacji, albo nagły i skokowy - na zasadzie „nawrócenia się” na przeciwne poglądy. Oba typy reorientacji wymagają pozyskania informacji sprzecznej ze stereotypem w wyniku kontaktu z członkiem stereotypizowanej grupy, co jednak jest zjawiskiem rzadkim. Wiele tego rodzaju kontaktów nie daje członkom stereotypizowanych grup możliwości zachowania się w sposób, który przeczyłby stereotypom na ich temat. Przeciwnie, wiele kontaktów może prowokować raczej do zachowań potwierdzających stereotyp, na przykład w wyniku nierówności statusu kontaktujących się osób. Niektóre ze stereotypów są trudne do zmiany z uwagi na to, że przeczące im zachowania rzadko pojawiają się w trakcie codziennych interakcji społecznych, nawet u osób pozbawionych stereotypowej cechy. Odnotowanie zachowań sprzecznych ze stereotypem nie musi wcale prowadzić do jego zmiany. Często kontakt z członkiem grupy obcej nie jest traktowany jako istotny z punktu widzenia relacji międzygrupowych. Choć więc poglądy na temat konkretnych osób ulegają, bywa, zmianie, osoby takie mogą być spostrzegane jako nietypowi przedstawiciele grupy obcej, co przeciwdziała zmianie wizerunku całej grupy. Jeżeli obserwowane zachowanie ma charakter krańcowo sprzeczny ze stereotypem, prawdopodobne staje się umieszczenie spostrzeganej osoby w odrębnej podkategorii, przy jednoczesnym pozostawieniu oryginalnej kategorii w niezmienionej postaci. Jednak w niektórych przypadkach bezpośredni kontakt może powodować zmiany długofalowe, nawet nie wpływając bezpośrednio na rodzaj cech przypisywanych stereotypizowanej grupie, może bowiem zmieniać spostrzegane zróżnicowanie stereotypizowanej grupy pod względem zawartych w stereotypie cech. Pozytywne konsekwencje takiej zmiany mogą polegać na poddawaniu w wątpliwość użyteczności stereotypu jako umysłowego narzędzia kategoryzacji i spostrzegania ludzi, co może osłabiać skłonność do stereotypizacji w przyszłości.

Zmiana stereotypizowanych przekonań może ponadto dokonać się w wyniku osłabienia potrzeby ich używania przez jednostkę. Mimo że stereotypy ulegają automatycznej aktywizacji wskutek samego pojawienia się przedstawicieli stereotypizowanej grupy, jest mało prawdopodobne, aby równoczesnej aktywizacji ulegały wszystkie stereotypy związane z danym człowiekiem. Ten sam człowiek może bowiem być kategoryzowany na wiele

różnych sposobów - kobieta, Niemka, prawnik - a osoba spostrzegająca może wykazywać znaczną plastyczność w aktywizowaniu jednej z takich kategorii. Poza przekonania oparte na stereotypach można więc wyjść, używając zindywidualizowanej informacji na temat spostrzeganego człowieka, ale także poprzez posługiwanie się innymi, mniej szkodliwymi kategoriami, bądź też poprzez aktywne przeciwstawianie się uleganiu stereotypowi w kontakcie z konkretną osobą. Techniki takie mogą być szczególnie skuteczne u egalitarystycznie nastawionych ludzi, i tak już przekonanych o szkodliwości stereotypów, choć nie zdających sobie początkowo sprawy, w jakim zakresie wpływają one na ich własne postępowanie. Niebezpieczeństwem związanym ze świadomym tłumieniem stereotypu przy jednej okazji jest wzmacnianie jego wpływu na spostrzeganie przy innych okazjach. Przekonania na temat grup społecznych mogą też zmieniać się poprzez swoje związki z innymi cechami osobowości człowieka wraz ze zmianą tychże cech, na przykład w wyniku poprawy samooceny, zredukowania poziomu odczuwanych frustracji lub wskutek wzrostu wykształcenia.

Stereotypy powstają i utrzymują się dzięki temu, że spełniają pewne funkcje ułatwiające jednostce i grupie zaspokajanie ważnych potrzeb psychicznych. Potrzeba bycia akceptowanym i cenionym może prowadzić do konformistycznego internalizowania przekonań opartych na stereotypach i ich modelowania. Podwyższanie samooceny i poszukiwania pozytywnej tożsamości społecznej zwykle powoduje, że stereotypizowane przekonania grup własnych stają się pozytywne, zaś grup obcych, których jednostka nie jest członkiem - negatywne. Użycie ich zaś może być obrazem rzutowania negatywnych cech własnych na słabe, mniejszościowe grupy społeczne albo przenoszenia na takie grupy agresji. Pole stwarzają również same stosunki międzygrupowe. Pojawianie się takich przekonań jest szczególnie prawdopodobne w sytuacji konfliktu międzygrupowego i odwrotnie, czas pokoju i współpracy (uświadomienie celu nadrzędnego, wspólnego dla skonfliktowanych grup) uprawdopodobnia jeśli nie zanik wzajemnych stereotypów negatywnych, to przynajmniej ich zmianę wraz ze zmianą charakteru relacji między grupami.

ⁱ Reber S. A., Słownik psychologii, Warszawa 2000, s. 708.

Zob. Kłoskowska A., *Kultury narodowe u korzeni*, Warszawa 1996.

ⁱⁱ Stephan W. G., Stephan C. W., *Wywieranie wpływu przez grupy. Psychologia relacji*, Gdańsk 1999, s. 15.

ⁱⁱⁱ Abate M., Berrien F. K., *Validation of stereotypes: Japanese versus American students*, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967, s. 7.

^{iv} Takie podejście wydaje się dominować w anglosaskim kręgu kulturowym. Popularne jest tam bowiem nadal mniemanie o nieuchronnie ideologicznym charakterze samych stereotypów i ich opisów w naukach społecznych i humanistycznych. Stereotyp „znieszczałca” rzeczywistość, stąd teza, że należy je zastępować („zwalczać” lub „przełamywać”) wiedzą wolną od niedogodności przypisanych stereotypowi. Stanowisko takie występuje również nagminnie w publicystyce.

Zob. Kapiszewski A., *Asymilacja i konflikt. Z problematyki stosunków etnicznych w Stanach Zjednoczonych Ameryki*, Warszawa-Kraków, Zeszyty Naukowe UJ, 733, Prace Polonijne, z. 9.

^v Ludzie nadto często posługują się stereotypami w charakterze heurystyk czy też „drog na skróty” zastępujących wymagające większego wysiłku procesy spostrzegania osób, w których każda osoba jest odbierana w sposób zindywidualizowany.

^{vi} Cialdini R. B., Kenrick D. T., Neuberg S. L., *Psychologia społeczna. Rozwiązane tajemnice*, Gdańsk 2002, s. 575-6.

^{vii} Szczególnie szybko deindywidualizacja postępuje w sytuacji więziennej i to bez względu na posiadane cechy osobowości. Ludzie – eksperymenci „więźniowie i strażnicy” Filipa Zimbardo - zaczynają zachowywać się wtedy w sposób wyznaczony rolą, w jakiej występują.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Медиченко Л.Е.

Брестский Государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Культурные трансформации, которые испытывает в последнее десятилетие Беларусь, связаны с формированием новой социальной модели. Трансформация общества – закономерный результат развития культуры в новых социальных условиях. Однако «потребность постоянного самообновления, того, чтобы, оставаясь собой, становиться другим, составляет один из основных механизмов культуры» (1). Культура, не меняющая своих форм, пребывает в состоянии стагнации, но процесс преобладания заимствований ведет к ее деградации.

Проблема, возникающая при трансформации общества, заключается в том, чтобы перевести наиболее естественным путем все богатство культурных форм, что было накоплено всеми предыдущими поколениями, в новые нормативные ценностные системы. Одновременно с этим меняется и сам тип культуры: из моностилистической она трансформируется в полистилистическую. Это заставляет задуматься над вопросом: какая роль в трансформируемом обществе будет отведена национальной культуре – официальной культуры государства, составной части государственной идеологии, для поддержки прагматических политических целей (2); «декоративного элемента»; очага альтернативной сакральности или «реликтового вкрапления» (3)?

Актуальность изучения национальной культуры в период трансформации общества в том, что мы становимся свидетелями деформации национальной культурной традиции и кризиса национальной идентификации (4). Решение проблемы включает в себя обращение к исторической памяти народа: «...долг ученых – воссоздать объективную картину прошлого, вернуть имена выдающихся сынов и дочерей Беларуси, забытых из-за причин как внутреннего развития, так и политики соседних государств» (5). Освоение культурного наследия теснейшим образом связано с духовными и идеологическими запросами, с уровнем самосознания и самопонимания народа или общества в целом. Это вовсе не значит, что культурное наследие есть нечто аморфное, что мы можем использовать на потребу, придав ему в нужное время нужную форму; или что оно нерасчленимо по идейному содержанию, функциональным признакам и т.д. Необходимость пересмотра устоявшихся взглядов на наше наследие, его новое прочтение поможет нам осознать реальные масштабы и подлинную цену своих общекультурных потерь.

Любая национальная культура как исторически развивающаяся системы с необходимостью сама производит отбор тех социокультурных ценностей (в том числе и «чужих»), которые ей необходимы для наличного актуального функционирования, остальные же кристаллизуются в этническую память; что отнюдь не лишает их в определенных условиях «каталитических» свойств. Но помнить традиции (ценности) и возрождать их для наличного функционирования – это разные вещи. Возникают закономерные вопросы: какие традиции необходимо возрождать; правильно ли понят смысл избранных традиций; как возрожденные традиции помогут нам адаптироваться к новым реалиям жизни?

На данном этапе мы становимся свидетелями и участниками не только возрождения прошлых традиций, но и становления новых белорусских традиций (особенно это связано с созданием традиций белорусской государственности – например: празднование Дня Независимости, день флага и герба РБ и др.).

Выработка новых традиций это признак того, что наличные традиции недостаточны, а старые возродить невозможно или нецелесообразно. Обычно это случается в периоды неравновесных состояний этносообществ и здесь возникает настоятельная потребность в своеобразном информационном механизме, который дает толчок самоорганизации (реорганизации) этносообщества как системы: «...чтобы коллективная традиция и индивидуальный вымысел в сочетании дали какую-то гибкую структуру, т.е. такую систему оппозиций и корреляций, которая включила бы в себя все элементы ситуации» (6).

Актуальность изучения национальной культуры связана и с идеологией постмодернизма. Возникнув как интеллектуальное течение, призванное осмыслить политические и культурологические проблемы, постмодернизм, как заметное общественное явление, заявил о себе, когда «сфера культуры обрела доминирующее положение среди других социальных сфер» (7). В рамках постмодернистского мировидения развернулась дискуссия между двумя направлениями в понимании нации и этноса: традиционным для советской (на основе марксизма) обществоведением и постмодернистским (8). Постмодернистскую точку зрения на роль национальной культуры высказал В.Тишков (2). Национальная культура, фактически, признается неким инструментом, призванным для обслуживания «своей национальной государственности». Нация – синоним государства, следовательно национальная культура – культура данного государства, которое располагает образовательными и информационными институтами. Национальная культура как символ нации, наряду с гимном и гербом, служит утилитарным целям достижения ее консолидации и общей лояльности населения государства; выступает одним из маркеров гражданской идентичности. Таким образом, обращение к сокровищам национальной культуры, ее традициям и культурным героям – это лишь способ решения прикладных задач создания наций-государств и утверждения общеразделяемого чувства принадлежности к государству через эмоциональную лояльность или привязанность. Автор утверждает, что сегодня почти нет государств, которые бы не пользовались бы этим инструментом (там же, с.18).

Актуальность изучения национальной культуры в период трансформации общества связана и с проблемой соотношения в современном мире национального и глобального в культуре, единством и разнообразием культур. Как известно, культурный стержень глобализации – западная культура, хотя никаких требований уподобляться западной культуре, Запад не выдвигает. Это проделывают сами национальные культуры в желании быть воспринятыми. В эпоху глобализации негативную реакцию вызывает пренебрежительное отношение к национальным культурам, как отражение стремления создать некую мировую сверхкультуру. Унификация культуры подается как средство экономического и политического сближения во благо всеобщего процветания и мира. Никто не отрицает, что процессы глобализации способствуют необходимости как можно быстрее и эффективнее осваивать западные технологии и инновации, привлекать инвестиции для развития национальной экономики. Но это влечет за собой изменение традиционного уклада жизни народов и, следовательно, разрушение или изменение традиционной культуры. В эпоху глобализации негативную реакцию вызывает пренебрежительное отношение к национальным культурам, как отражение стремления создать некую мировую сверхкультуру. Унификация культуры подается как средство экономического и политического сближения во благо всеобщего процветания и мира. Процессы глобализации способствуют необходимости как можно быстрее и эффективнее

осваивать западные технологии и инновации, привлекать инвестиции для развития национальной экономики. Это повлечет за собой изменение традиционного уклада жизни народов и, следовательно, разрушение или изменение традиционной культуры. Но здесь, на наш взгляд, возникает еще одна достаточно серьезная проблема — степень сформированности или сохранения национальной культуры в эпоху глобализации, как фактор противостояния страху утраты национальной самобытности.

Если в национальных культурах тех стран, которые рьяно будут пытаться «вписываться» в систему мирового экономического пространства. Будут преобладать только процессы культурного заимствования над процессами сохранения традиционных культурных форм, то это может привести к деградации культуры. Возможно поэтому, где-то глубоко в нашем сознании сидит убеждение, что национальные культуры есть что-то самоценное, нечто значительное и необходимое человеку; что, потеряв это «нечто», мы потеряем какую-то важную часть нашей человеческой сущности.

Функционирование национальной культуры зависит от способности сохранения индивидуального своеобразия (по Б.Поршневу — контрсупестии), а также от способности творчески взаимодействовать с др. культурами. В противном случае культура выпадает из магистрального пути развития. Основным способом сохранения национальной культуры в эпоху глобализации признается законодательное ограничение влияния западной культуры на общества: вводятся ограничения на трансляцию западной поп-музыки, развлекательных программ и кинофильмов. Но в данной ситуации мы сталкиваемся с интересным явлением: национальная культура попадает под сильное влияние массовой западноевропейской культуры и продолжает утрачивать специфику своей. Массовая культура не только не уступает свое место элитарной культуре, но и продолжает осуществлять на нее интенсивное воздействие. «Выступая в эпоху современности в качестве основной формы существования культуры, ... массовая культура как активная динамичная форма приобретает ярко выраженные особенности, что позволяет вести речь о ее национальных вариантах и выделять американскую, индийскую, китайскую, японскую, советскую и т.д. массовую культуру»(9). Тогда что собственно сегодня мы понимаем под белорусской национальной культурой? Просто механическую сумму культурных явлений, существующих на территории Беларуси, большая часть которых является продукцией национального варианта массовой культуры? Так большей частью поступают органы массовой информации и, к сожалению, немало критикой, исследующих проблемы современного кино, театра, телевидения, эстрады. Тенденция растворять белорусскую национальную культуру в потоке продукции, изготовленной на территории Беларуси, ведет к снятию вопроса о национальном качестве этой культуры, а стало быть, и о самой культуре вообще.

Актуальность изучения национальной культуры нам видится и в том, что трансформационные процессы оказали свое влияние и на методологию ее исследований. В изучении отечественной культуры долгое время преобладал отраслевой принцип, это значит принцип изучения отдельных отраслей культуры. В результате большой и многолетней работы исследователи создали серьезные и фундаментальные исследования по отдельным отраслям отечественной культуры. Итогом такого изучения стало издание нескольких коллективных работ и энциклопедий, учебных пособий, обобщающих работ по истории, культуре отдельных этапов исторического развития страны (например, посвященных «белорусизации»), ряд исследований по теории культуры. В выборе методологии исследования ученые опираются на уже освященные опытом традиции и правила. Сложилась определенная научная традиция философского и гуманитарного методов в изучении культуры.

Тем не менее, многие исследователи отмечают, что сейчас на постсоветском пространстве формируется иной «познавательный поворот» (Зверева; Перлов и др.) (10). Он связан с реализацией традиций позитивистского восприятия и прагматического использования действительности. Сегодня еще культурология остается кабинетной наукой, в то время как ее задачи в нашей стране сопоставимы с задачами прикладной антропологии в западном варианте: исследование культуры как целостной системы и ее отдельных элементов. В период трансформации общества это необходимо для социального прогнозирования, где следует отметить важность культурологической составляющей. Возможность прогноза с требованием сбора и отбора фактов; их интерпретацию, предоставляющую возможность предсказания хода событий. Позиция этноцентризма в исследованиях культуры (т.е. стремление сравнивать все культуры с собственной, считавшейся эталоном), постепенно сменяется позицией культурного релятивизма — признанием того, что любая культура может быть понята лишь в собственном контексте, и рассматривать ее нужно как единое целое.

Анализ современного состояния белорусской культуры затрудняется вследствие отсутствия временной или культурной дистанции исследователя по отношению к рассматриваемой им реальности. Именно эта включенность автора в культурный процесс, сопровождающаяся эмоциональной реакцией на него, может предопределять абстрацию (заблуждение) теоретической рефлексии. Наиболее адекватным представляется подход, разработанный в русле типологии культуры, основанный на использовании универсалий культуры. Он характеризуется синкретическим характером, согласно которому «исследования объекта не есть изолированный акт; оно происходит в определенном контексте, на характер которого влияют ценности и коллективно-бессознательные импульсы» (11). Типологический подход эвристичен, нередко «поражает глубиной интуитивного понимания ключевых характеристик отечественной культуры» (12). Хотя он по способу мышления является исследовательской спекуляцией, т.к. основан на подборе фактов, либо подтверждающих, либо опровергающих априорные построения. Но, учитывая то, что культура представляет собой «наиболее емкое, богатое многоуровневое социальное образование, обладающее широкими вариационными возможностями» (13), поэтому типологическое изучение национальной культуры предполагает соблюдение следующих принципов:

1) рассмотрение национальной культуры как способа реализации универсальных ценностей культуры;

2) рассмотрение национальной философии как высшей формы выражения национального самосознания;

3) изучение на основе методов социальных наук национального характера и менталитета в исторической перспективе и динамике;

4) учет институциональных форм организации и трансляции национальной традиции, их соотношение с религией, философией, экономикой, социальной структурой общества.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы надеяться, что исследования прикладной культурологии будут способствовать позитивному решению задачи трансформации общества с учетом особенностей национальной культурной модели.

Литература:

1. Лотман Ю. Успенский Б. О семиотическом механизме культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам. — Тарту, 1971. Вып.5. С.162-163.

2. Тишков, В.А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // ВФ. 1998. № 9. С.3-26.
3. Зудин А.Ю. Истоки перемен: Культурная трансформация позднесоветского общества // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4,5.
4. Глушаков В.Е. Вызов времени: Беларусь на пороге тысячелетий. Мн.: Белбизнеспресс, 1999. С.77.
5. Очерки истории науки и культуры Беларуси IX-нач. XX веков / П.Т.Петриков, Д.В.Карев, А.А.Гусак и др. – Мн.: Навука і тэхніка, 1996. С.4.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. О соотношении сознательного и бессознательного. – С. 161
7. Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? // ВФ. 1998. №9. С.27.
8. См.: публикации в ж. «Свободная мысль», 1996; ВФ. 1998 №9. 1999 – 5 и др.
9. Костина А.В. Массовая культура: как феномен постиндустриального общества. Изд.2-е, перераб. и доп. М., 2005. С.5-6.
10. Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры /Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М.,2001.; Перлов А. Представления об «исследовательской свободе» в самоописании российских культурологов // www.iek.edu.ru/
11. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.:Юрист, 1994. С.10.
12. Моисеева Н.А. Сорокикова В.И. менталитет и национальный характер (о выборе метода исследования) // СОЦИС, 2003. № 2.
13. Каган М.С. Классификация и систематизация // типы в культуре. – Л.: ЛГУ, 1979. С.11.

РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЎ СКУЛЬПТУРЫ ЯК ПАКАЗАЛЬНІК ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ У КУЛЬТУРЫ

В.М.Папко

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

Савецкае мастацтва з 30-х гг. XX ст. афіцыйна развівалася ў русле сацыялістычнага рэалізма, што наклала свой адбітак на развіццё ўсіх відаў мастацтва. Гэта значна звужала разнастайнасць формаў у творах, абмяжоўвала творцаў. У скульптуры гэта прывяло да панавання невялікай колькасці дазволена тэмаў. Часцей за ўсё помнікі ўвасаблялі дзеячоў рэвалюцыйнага руху, герояў Вялікай Айчыннай вайны, перадавікоў вытворчасці. Амаль не было на Беларусі да к. 80-х гг. помнікаў, якія б былі прысвечаны іншым падзеям гісторыі.

Склаўся стандартны падыход фарміравання гарадской прасторы. У цэнтры кожнага горада — ад сталіцы рэспублікі да раённага цэнтра размяшчалася плошча Леніна, на якой абавязкова стаяў помнік Леніну. Іншыя помнікі і бюсты не адрозніваліся разнастайнасцю. У скульптурным аздабленні гарадоў амаль не падкрэслівалася мясцовая спецыфіка, рэгіянальная гісторыя. Такое скульптурнае аздабленне нівіліравала самабытнасць гарадоў, вяло да страты іх асабістага твару. З канца 80-х гг. аблічча беларускіх гарадоў пачало актыўна змяняцца. Працэс агульнай дэмакратызацыі грамадства станоўчым чынам адбіўся на мастацтве. Беларускія мастакі атрымалі свабоду творчасці, нічым не абмежаваны выбар тэм, жанраў, тэхнік жывапісу. Беларускае мастацтва паступова ўключалася ў агульнаеўрапейскія і сусветныя працэсы, атрымліваючы новыя імпульсы для свайго развіцця.

Дзяржава адыгрывае пэўную ролю ў мастацкім жыцці краіны. Асабліва важная роля дзяржаўных улад у развіцці манументальнай скульптуры, якая патрабуе ўкладання вялікіх сродкаў, дазволу мясцовых улад на ўстаноўку помнікаў. У другой палове 80-х гг. адбываўся працэс аслаблення ідэалагічнага ўціску дзяржавы на мастацкае жыццё. У часы перабудовы, як і раней, вызначальную ролю ў закупцы твораў для музеяў і галерэй адыгрывала мастацка-экспертная камісія па творах выяўленчага і дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва міністэрства культуры БССР. Новым у яе дзейнасці была падтрымка твораў гістарычнай тэматыкі, прысвечаных дакастрычніцкаму перыяду беларускай гісторыі, але большасць твораў складалі па-ранейшаму тыя, што прысвечаны Вялікай Айчыннай вайне.

Рашэнне аб творах манументальнай скульптуры прымалася Дзяржаўным мастацка-экспертным саветам міністэрства па манументальным мастацтве. У 1985 г. на некалькіх пасяджэннях савета абмяркоўвалася рабочая мадэль абеліска "Мінск – горад-герой" скульптара В.Занковіча, мадэлі помнікаў У.Леніна для г. Маларыта (скульптар Н. Кандрацьёў, архітэктарам Ю.Шпіт) і для г. Барысава (скульптар А.Анікейчык, архітэктары Л.Левін і Ю. Градаў) [2, 1-14].

Стварэнне і ўстаноўка твораў манументальнай скульптуры знаходзілася пад пільнай увагай з боку ЦК КПБ. У сярэдзіне 1980-х гг. у абласцях праходзіў працэс аднаўлення і рэстаўрацыі скульптурных помнікаў і манументаў. Савет Міністраў БССР прыняў 1 кастрычніка 1984 г. пастанову "Аб фактах грубых парушэнняў заканадаўства аб ахове помнікаў гісторыі і культуры". Быў складзены "Перспектыўны план рэстаўрацыі і замены нізкамастацкіх помнікаў рэвалюцыйнай, баявой і працоўнай славы на тэрыторыі Брэсцкай вобласці на 1986 – 1990 гг." Планавалася замяніць 23 помнікі, якія лічыліся нізкамастацкімі (напрыклад, абеліск на брацкай магіле савецкіх воінаў у г.п. Шарашова Пружанскага раёна) [7, 102-113].

У гэты перыяд працягвалася абмеркаванне пытанняў, звязаных з ленініянай і стварэннем праектаў помнікаў В.І.Леніну, можна нават заўважыць некаторую актывізацыю дзейнасці мясцовых улад у гэтым накірунку. Працэдура ўзгаднення рашэння аб устаноўцы ці рэканструкцыі помніка адбывалася наступным чынам. Абласны камітэт КПБ звяртаўся ў Міністэрства культуры, а потым у ЦК КПБ накіроўвалася прапанова аб узвядзенні ці рэстаўрацыі помніка ад імя абкома КПБ і Міністэрства культуры. Вызначальнае рашэнне прымалася на бюро ЦК КПБ, які прызначаў і адказных за ўзвядзенне помніка ў адпаведных структурах (абкомах КПБ, міністэрстве, Саюзе мастакоў і Саюзе архітэктараў). Само Міністэрства культуры адказвала толькі за мастацкі бок помніка, абрала выканаўцаў праекта. У 1985-1987 гг. узводзілася значна менш помнікаў Леніну, чым, напрыклад, у 60-70 гг. XX ст. У 1985 г. іх устанавілі ў Маларыце і Чэрыкаве, у 1986 г. у Барысаве, у 1987 г. у г. Беразіно, Гродна, Оршы, Драгічыне, Мядзелі. Для параўнання, у 1970 г. на Беларусі былі ўстаноўлены 34 помнікі і бюсты В.І.Леніна [10, 15-16].

У сакавіку 1988 г. бюро прыняло пастанову аб устаноўцы адначасова 8 помнікаў Леніну, якія павінны былі з'явіцца ў г. Жабінка, Ляхавічы, Нясвіж, Наваполацк, Сена, гарадскіх пасёлках Дзятлава, Карма і Астравец [12, 14]. У снежні 1988 г. па прапанове Гомельскага і Магілёўскага абкамаў КПБ бюро ЦК КПБ прыняло рашэнне ўзвесці помнікі Леніну ў г.п. Лоеў і г. Слаўгарад. У 1989 г. бюро паставіла паставіць аналагічны помнік у Полацку.

У 1989 г. міністэрства займалася распрацоўкай і ўзвядзеннем помнікаў Леніну ў г. Дзятлава і Полацку [3, 90]. У 1990 г. у БССР у распрацоўцы ці падрыхтоўцы да ўстаноўкі знаходзілася 11 новых помнікаў Леніну. Тагачасная прэса пісала: "Дарэчы,

за ўсю гісторыю беларускай манументальнай Ленініяны Камуністычная партыя ні разу не выступала ў якасці заказчыка – грошы заўсёды бралі са сродкаў, якія прызначаліся на культуру (з тых самых 0,7 працэнта рэспубліканскага бюджэту)" [11, 3]. 7 лістапада 1990 г. адбыўся антыкамуністычны мітынг перад помнікам Леніну каля Дома ўрада ў Мінску. Гэты дзень лічаць пачаткам дэленізацыі на Беларусі. Пасля некалькіх падобных акцый і жнівеньскага путчу 1991 г. мінскія гарадскія ўлады прынялі рашэнне аб дэмантажы помніка перад Домам урада. Зняты з пастамента былі бюсты Маркса і Леніна перад будынкам ЦК, бюст Леніна ў зале пасяджэнняў Вярхоўнага Савета і некаторыя іншыя [4, 14]. З 1991 г. у прэсе ішлі актыўныя дыскусіі аб далейшым лёсе твораў «ленініяны». Было падлічана, што па дадзеных на 1989 г. на тэрыторыі Беларусі існавала 369 помнікаў і 173 бюсты У.І.Леніну [15, с. 31]. Неабходна прызнаць, што ў Беларусі ў 90-я гг. XX ст. было дэманціравана не так многа помнікаў Леніну.

Аднак ужо было немагчыма сілавымі метадамі спыніць з'яўленне ў беларускім мастацтве новых тэндэнцый. Разам са звычайнымі ўжо выставамі, прысвечанымі якім-небудзь юбілеям партыі або рэвалюцыі, суседнічалі тыя, што адлюстроўвалі цікавасць беларускіх твораў да гісторыі краіны, чалавечых каштоўнасцей. У студзені 1990 г. у Мінску ў памяшканні Беларускага навукова-даследчага інстытута навукова-тэхнічнай інфармацыі праходзіла дабрачынная выстава прац 9-ці скульптараў, членаў Саюза мастакоў. Большасць твораў, якія былі прадстаўлены на гэтай выставе, адносілася да пачатку 80-х гг. і да гэтага часу не выстаўлялася, знаходзілася ў майстэрнях скульптараў. Прычына гэтага – тэматыка гэтых твораў і не зусім «сацрэалістычная» манера іх выканання. Сярод выстаўленых прац былі «Вялікі кумір» і партрэт Ф. Скарыны А. Кузняцова, «Цішыня» А. Мятліцкага, медаль А.Фінскага, прысвечаны К.Каліноўскаму і шмат іншых [16, 44-46].

Менавіта ў гэты час у манументальнай скульптуры Беларусі сталі з'яўтацца і да вобразаў асабіста беларускай гісторыі. У 1989 г. святкавалася 500-годдзе са дня нараджэння Францыска Скарыны. У рамках падрыхтоўкі да юбілею ў аргкамітэце ўзнікла ідэя стварэння помніка беларускаму першадрукару і надання яго імя адной з мінскіх вуліц [13, 11]. У лютым 1989 г. быў абвешчаны рэспубліканскі конкурс на стварэнне эскізнага праекта помніка Ф.Скарыне ў Мінску, вынікі якога падводзіліся ў красавіку 1991 г. На першы тур конкурсу было прапанавана 22 праекты, а пераможнік эскізу помніка маладога скульптара А.Дранца. Аднак увесь гэты час у прэсе, грамадстве і органах улады ішлі шырокія дыскусіі наконт месца ўстаноўкі гэтага помніка. [15, 31-32]. Помнік быў устаноўлены толькі ў 2005 г. перад новым будынкам Нацыянальнай бібліятэкі.

У той самы 1989 г. святкавалася і 360-годдзе са дня нараджэння выбітнага культурнага і грамадскага дзеяча, пісьменніка-асветніка Сімяона Полацкага. У гонар гэтай падзеі і з мэтай ушанавання яго памяці бюро ЦК КПБ прыняло рашэнне ўстанавіць яму помнік у г. Полацку. Цікава, што рашэнне аб устаноўцы помнікаў С. Полацкаму і У.І. Леніну прымалася на адным пасяджэнні бюро ЦК КПБ 23 чэрвеня 1989 г. Гэты факт можна лічыць падцвярджэннем супярэчлівасці культурнага жыцця Беларусі часоў перабудовы. З аднаго боку, яшчэ трывалымі былі савецкія традыцыі ў кіраўніцтве сферай культуры, а з іншага боку, адчувалася тэндэнцыя нацыянальна-культурнага адраджэння. Доказам гэтай думкі служыла пастанова, прынятая бюро ЦК КПБ 21 красавіка 1989 г. "Аб увекавечванні памяці Кастуся Каліноўскага, Кірылы Тураўскага, Васіля Вашчылы", якая абвясціла рашэнне ўстанавіць помнікі гэтым дзеячам [14, 7].

Неабходна адзначыць, што па тэматыцы твораў манументальнае мастацтва Беларусі 90-х гг. XX ст. значна адрозніваецца ад савецкага. У ім з'явіліся новыя тэмы, вобразы, новае стаўленне да гледача. Адной з такіх тэндэнцый з'яўляецца стварэнне твораў паркавай скульптуры (у асноўным у Мінску). Напрыклад, "Дама на лаўцы",

“Прахожы”, “Дзяўчынка з парасонам” скульптара У. Жбанова. Цікаваць да падобных твораў з боку ўлады сведчыць аб паслабленні ідэалагічнага зместу ў скульптуры ў сучасным грамадстве. Стварэннем паркавай скульптуры па дзяржаўным заказе ў гэты час займаліся такія маладыя скульптары, як А.Фінскі, В.Слабодчыкаў, А.Чыгрын і інш. Папулярнасць паркавай скульптуры паступова нарасталая ў 90-я гг. XX ст., неабходнасць яе з’яўлення зразумелі ўлады некаторых беларускіх гарадоў, асабліва сталічныя. Традыцыя праводзіць скульптурныя пленэры нарадзілася таксама ў др. пал. 80-х гг.; пачатак яе паклаў Мінскі пленэр-сімпозіум па скульптуры. Правядзенне скульптурных пленэраў таксама часцей за ўсё мела на мэце ўпрыгожанне гарадоў. Сучаснае манументальнае мастацтва нясе і функцыю ўпрыгожвання горада, стварэння ўтульнай для чалавека жылой прасторы. Скульптура паступова губляе пампезнасць, якая падаўляе чалавека.

Новым накірункам творчасці для беларускіх скульптараў стала рэлігійная тэматыка. Адною з самых таленавітых і значных прац стала бронзавая скульптурная кампазіцыя «Архангел Міхаіл перамагае змея», устаноўленая ў 1996 г. каля касцёла святых Сымона і Алены ў Мінску (скульптар І. Голубеў) [6, 172]. Узвядзенне гэтага манумента звязана з ростам ролі рэлігійных аб’яднанняў на Беларусі і паказвала значэнне хрысціянства ў духоўным адраджэнні краіны. Асноўным заказчыкам твораў на хрысціянскія тэмы з’яўлялася каталіцкая царква. Такія творы, як «Іаан Хрысціцель», «Архангел Міхаіл», «Зняцце з крыжа», «Распяцце» і іншыя скульптара А.Шомава, «Пакаянне», «Галгофа», «Жонкі-міраносіцы» Н. Апіёк, творы У. Ламейкі, У. Панцялеева, У. Слабодчыкава, А. Мятліцкага, А. Фінскага носяць рысы адраджэння старажытных традыцый увасаблення біблейскіх сюжэтаў. Да старажытных, фальклорных і міфалагічных вобразаў з гэтага часу звяртаюцца многія скульптары [8, 332-334].

У 1996 г. Міністэрства культуры распрацавала «Прыярытэтныя напрамкі дзяржаўнай культурнай палітыкі на 1997 – 2000 гг.», дзе вылучаліся сферы культуры для першачарговага фінансавання. Важная роля адводзілася праектаванню помнікаў дзеячам гісторыі, культуры, навукі і значным гістарычным падзеям. У большасці выпадкаў крыніцай фінансавання вызначаўся мясцовы бюджэт. З’яўленне гэтага дакумента спрыяла больш асэнсаванаму планаванню дзейнасці дзяржавы ў накірунку стварэння помнікаў, мэтанакіраванаму выдзяленню сродкаў з агульнадзяржаўных і мясцовых крыніц фінансавання.

Важную ролю ў рашэнні праблемы ўзвядзення помніка адыгралі мясцовыя раённыя і абласныя ўлады. У 1996-2000 гг. былі ўзведзены наступныя помнікі: Н.Ордзе (г. Іванава, Брэсцкай вобласці), бюсты мастакоў П.Масленікава (Магілёў, 1997) і А.Астаповіча (Мінск, 1997); бюст А.Багдановіча (в. Халопенічы, Крупскі раён, 1997) бюст А.Міцкевіча (Гродна, 1998); помнікі М.Доўнар-Запольскаму (Рэчыца, 1997) і М.Танку (Мядзельскі Раён, 1997). У 1998 – 2000 гг. было ўстаноўлена некалькі помнікаў знакамітым асветнікам Беларусі ва ўнутраным дворыку БДУ, сярод іх помнікі Ф.Скарыне (1998), М.Гусоўскаму (1998), Е.Полацкай (1998), С.Буднаму і В.Цяпінскаму (2000).

Яшчэ адзін помнік Е.Полацкай (скульптар І.Голубеў) быў адкрыты на в. радзіме ў г. Полацку ў верасні 2000 г. Ініцыятарамі ўстаноўкі помніка ў другой палове 90-х гг. часта былі грамадскія арганізацыі; фінансавую дапамогу аказвалі і пасольствы розных краін. Напрыклад, скульптуры Ф.Скарыны і М.Гусоўскага, устаноўленыя ў дворыку БДУ, падараваны ўніверсітэту Мінскім грамадска-асветніцкім клубам “Спадчына”, а помнік-храм воінам-інтэрнацыяналістам ў Траецкім прадмесці ўзводзіўся пры актыўным удзеле арганізацыі былых удзельнікаў вайны ў Афганістане. Яшчэ адным прыкладам можа служыць адкрыццё мемарыяла ахвярам Халакосту на месцы былога

яўрэйскага гэта (адкрыты 10 ліпеня 2000 г. у Мінску). Стварэнне гэтага помніка фінансавалася пры дапамозе шматлікіх грамадскіх арганізацый, Федэрацыі яўрэйскіх абшчын СНД, пасольства Ізраіля ў Беларусі [15, 39-43]. Сустракаюцца прыклады фінансавання помнікаў з крыніц прыватнага капіталу; як было з помнікам Рагнедзе ў Заслаўі (скульптар А.Арцімовіч, архітэктар І.Марозаў) [1, 8-10].

У 1990-я г. кардынальным чынам змяніліся падыходы да фінансавання ўстаноўкі твора манументальнай скульптуры. Як станоўчую тэндэнцыю можна адзначыць рост цікавасці да манументальнай скульптуры мясцовых уладаў. Калі раней яны былі толькі пасіўнымі выканальнікамі ідэй, якія прыходзілі зверху ці імкнуліся "прабіць" устаноўку чарговага бюста правадыра, каб падняць свой прэстыж, то пазней яны спрабавалі падкрэсліць гістарычныя і культурныя асаблівасці свайго горада ўстаноўкай помніка знакамітаму земляку. Помнік звычайна ставіўся ў гістарычным цэнтры горада і надаваў яму новы духоўны сэнс: помнік князю Давыду ў Давыд-Гарадку (2000 г., скульптар А.Дранец, архітэктар Л.Левін), помнік святой Сафіі Слуцкай у Слуцку (2000 г., скульптар М.Інькоў, архітэктар М.Лукаўчык), помнік Пятру Мсціслаўцу ў г. Мсціслаўлі (скульптары А.Батвінёнка і А.Чыгрын, архітэктар Ю.Казакова, 2001 г.) [9, 2].

У другой палове 90-х г. значна аслабеў дзяржаўны кантроль у справе ўстаноўкі манументальнай скульптуры, што часам прыводзіла да з'яўлення ў гарадах твораў, якія мелі недастаткова высокі мастацкі ўзровень. Дарэчы, гэта часта практыкавалася ў савецкія часы, калі гарады ў вёскі былі "ўпрыгожаны" вялікай колькасцю зробленых быццам бы па адным не вельмі ўдалым узору помнікаў Леніна і іншых правадыроў. Мясцовыя ўлады і грамадскія арганізацыі мелі больш магчымасцей фінансаваць устаноўку помнікаў, чым цэнтральныя ўлады. Таму часам яны дзейнічалі ў абыход Міністэрства культуры і Саюза мастакоў, працуючы на прамую са скульптрам. 6 верасня 2000 г. Савет Міністраў РБ зацвердзіў "Палажэнне аб парадку праектавання, стварэння (будаўніцтва), рэканструкцыі і прыёмкі твораў манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь", якое было распрацавана Міністэрствам культуры. Кантроль за ўзвядзеннем помнікаў быў ускладнены на прафесіяналаў [5, 6].

Дэмакратызацыя жыцця і атрыманне краінай незалежнасці спрыяльна паўплывала на скульптуру. Менавіта сродкамі манументальнага мастацтва вялося патрыятычнае выхаванне, падкрэслівалася нацыянальная самабытнасць беларускай культуры і гісторыі, чаго не было не толькі ў савецкія часы, але нават і ў перыяд перабудовы. Устаноўка некаторых помнікаў гадамі суправаджалася незгасальнымі спрэчкамі на старонках газет (помнік Ф.Скарыне, храм-помнік воінам-інтэрнацыялістам, мемарыял ахвярам Халакосту ў Мінску). Гэты факт гаворыць аб вялікай значнасці мемарыяльнага мастацтва і скульптуры наогул, яго асобнай ролі ў фарміраванні нацыянальнай годнасці і самасвядомасці.

Літаратура:

1. Арцімовіч А. Заблуждения и удачи // Архитектура и строительство. — 2002. — № 5, С. 7—10.
2. Архіў Міністэрства культуры РБ. Ф. 974, воп. 1, спр. 1875.
3. Архіў Міністэрства культуры РБ. Ф. 974, воп. 1, спр. 1995.
4. Васілеўскі П. Якія словы напішам?.. або Як адрэдагаваць "Манументальны летатіс" // ЛіМ. — 1992. — 1 мая. — С.14—15.
5. Войницький П. Скульптура в городе. Белорусский опыт последних лет // Архитектура и строительство. — 2002. — № 5. — С. 3—6.

6. Габрусь Т. Genius creature: дух творчасці. Помнікі скульптара Ігара Голубева // Роднае слова. — 1998. — № 4. — С. 164—174.
7. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці., Ф. 815, воп. 10, спр. 2864.
8. Жук В.І. Выяўленчае мастацтва // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. — Мінск: БелЭн, 2000. — С. 321—337.
9. Крэпак Б. Пётр Мсціславец вяртаецца на радзіму... // Культура. — 2001. — 18—24 жн. — С. 2.
10. Кудрэйка А. Помнікі У.І. Леніну // Помнікі гіст. і культ. Беларусі. — 1988. — № 1. — С. 15—16.
11. Мастацтва і рынак. Пленум Саюза мастакоў Беларусі // Літ. — 1990. — 30 ліст. — С. 3.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), Ф. 4., воп. 160, спр. 789.
13. НАРБ. Ф. 4, воп. 160, спр. 829.
14. НАРБ. Ф. 4., воп. 160, спр. 939.
15. Прэнц К.У. Асноўныя тэндэнцыі развіцця манументальнай скульптуры Беларусі на сучасным этапе// Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва: навукова-інфармацыйны зб. — 2001. — Вып. 2. — С. 29—52.
16. Пярэра І. Інтанакцыі шчырасці і даверу // Мастацтва Беларусі. — 1990. — № 12. — С. 44—46.

RURAL TOURISM AS A FACTOR OF SOCIAL TRANSFORMATION

J. Majewski

Agricultural University of Poznan, Agritourism Unit, Poland

This paper propose to look at rural tourism as a possible engine for local development.

It is the primary purpose of developing tourism: to be a source of employment and income. But rural tourism goes far beyond that aim giving other beneficial effects, which can be seen as secondary but have great importance to transformation.

The paper focuses on the following aspects. First, strategies and concepts of rural development and the place of rural tourism in them. Second, different (direct and non direct) benefits from rural tourism, which stimulate change of rural world. Third, some examples of arguments from Poland achievements in rural tourism.

WHY RURAL AREAS NEED TRANSFORMATION ?

Rural Poland is a remarkable survival; it still reflects past times, past life styles, values and cultures, past markets and a past world. In eastern part of the country it is a complex living museum with great national, ecological and heritage value. But it is under serious threat of destruction, as powerful global forces bring new trends in farming, food and marketing. Like rural regions and lifestyles in other countries, Poland's countryside may lose its rich regional identities and values. It is already losing many of its young people to city regions [5, 9].

Poland's rural world is at a turning point – it faces the need to refresh and renew and build on its past – or lose its significance. The paper concentrates on the development of rural tourism, not to replace farming but to complement it, and to help introduce new ideas and income streams as a catalyst for rural economic, social and cultural regeneration. Sustainable rural tourism has become a key ingredient in modern rural development in many parts of the developed world.

Most of European states experienced a 40-70% reduction in their agricultural workforce.

Countries in central and eastern Europe have been also treated as being in "transition" or "transformation". Transition is a term employed (not always consciously) to represent a prescriptive set of uni-linear conceptual attitudes which locate the shift away from central

economic planning almost exclusively in terms of market-oriented reform. Strictly defined, transition is concerned with moving between two known points, the final dimension of which in this case is the integration, or prospect of integration, of former communist states into the world economy [3, 22].

As an alternative framework concept, transformation although embracing fundamental structural change, is less concerned with an end state, being open-ended and allowing for the substantial (converging and diverging) differences which exist between former communist countries. Transformation implies flexible approaches which respect culture, sovereignty and peoples apprehensions, and which can be imbued with ideals and sustainability and equality cannot be accommodated within transition. Each country has a distinctive and unique path of extrication from state socialism.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SUSTAINABLE TOURISM

Concept of sustainable development may provide a useful tool for understanding such processes. "Rural development is a deliberate process of sustained and sustainable economic, social, cultural and environmental change, designed to improve the quality of life of the local population of a rural region" [1, 4]

Tourism has been one of the great growth industries of the last 50 years, providing employment and transferring wealth from cities and industrial regions to the resort regions of the world. In the last twenty years, tourism has changed. It is no longer tied to holiday resorts. Millions of travelers now travel to see and enjoy the world's cities and cultural centers. And millions more seek rural holidays, to see and enjoy nature, to enjoy traditional rural cultures. They also seek adventure and activity holidays, and, in contrast some seek calm and solitude in the countryside. Rural tourism is a growth industry within tourism. Experience in Europe introduced the world to the concept of sustainable rural tourism, a management concept that conserves rural regions, and uses tourism as a tool for their conservation and the well-being of their peoples and economies. Sustainable rural tourism, now recognized by the World Tourism Organization and many other bodies, uses a variety of tried and tested management techniques.

Sustainable rural tourism is not an end in itself, but a mechanism to conserve nature, to work with the farming community, and to help recognize and conserve small town and village communities and their traditional ways of life. The aim is to help rural Japan to recognize its strengths, and convert them into products that the market values. Thus rural hospitality and buildings can become interesting places to visit and stay in. And fields that grow crops and trees can become places for walking and cycling, as well as food production. Rural life styles can become sustainable through recognition of their worth and the income they generate from visitors; rural landscapes and countryside are sustainable because they are valued as visitor attractions [4, 12].

Shortly speaking sustainable tourism means three "e" - aspects: economic, ecological, ethical and balance between economic and ecologic. It requires an integrated approach to rural development, involve all sectors (public, private and voluntary) and be based on partnership and collaboration

UNDERSTANDING RURAL TOURISM

Rural tourism is not a simply tourism which takes places in the countryside. It is more complicated and multidimensional question. The narrow definition is that it is farm tourism or agritourism. But Lane [6, 40] has proposed wider definition. "Rural tourism is a complex multi-faced activity: it is not just farm-based tourism. It includes farm-based holidays but also comprises special-interest nature holidays and ecotourism, walking, climbing and riding holidays, adventure, sport and health tourism, hunting and angling, educational travel, arts

and heritage tourism". It means that rural tourism ignore large-scale mass recreation complexes which are located in rural areas but are not functionally rural. They are known as tourism in rural areas. Specific of rural tourism is that is built upon the rural world's special features: open space and nature, traditional communities and heritage.

BENEFITS FROM RURAL TOURISM

Developing tourism can bring costs and benefits. Some most important benefits are listed below: [6, 24-35]

1. Economic

- multiplier effect
- more diversified economy
- new jobs for local people
- alternative or supplementary income
- higher vulnerability of local economy
- development of businesses
- attracting other businesses (not directly related to tourism)

2. Social

- encourage collaboration and collective community activities
- school of entrepreneurship which is first step to other businesses
- higher level of education
- better infrastructure
- higher level of life
- limiting migration to cities and even abroad
- leadership

3. Cultural

- aesthetics of architecture and design
- conservation of heritage
- better communication and understanding
- space transformation

4. Environmental

- cleaner nature
- better protection of natural and cultural resources
- better waste management
- new protected areas as guarantee of nature quality
- certification systems
- biodynamic agriculture

RESULTS OF RURAL TOURISM DEVELOPMENT –CASE OF POLAND

Based on 15 years of experience we can show the main results of rural tourism:

1. Economic

20 000 accommodation units (average 10 beds = 200 000 x 20 USD x 80 days = 320 millions USD direct turnover + 160 millions USD income)

Indirect incomes is estimated at the level of minimum 160 millions USD [2: 17].

2. Social

130 regional and local organizations – over 60% very active not only in the field of rural tourism, but also in organizing local life and initializing new innovative initiatives.

3. Educational

Special educational system – from basic courses to university level. There is a special system of education and advise in the field of rural tourism.

Thousands people graduated basic and advanced courses during last 15 years. About two thousand specialists got master of art degree at 5 agricultural universities which teach rural tourism.

4. Environmental

New facilities for better respecting and protecting natural systems. Areas where rural tourism is developed have better waste management (incl. segregation), sewage and cleaning systems and **lower pollution**.

FUTURE

What should be the aims for future. A first aim should be to stop the accelerating decline of the rural Poland, give it time to take stock of the many possibilities it has, and to consider what sort of countryside we seek in the future. One possible overall future can be suggested as follows.

Rural Poland should begin to move forward from a countryside dominated by agricultural development to become a more diversified countryside, with a broader economy, capable of supporting many different types of jobs, including tourism. This would offer a higher quality of life, and a way of supporting modern services, and the cultural and natural heritage. Six overall aims are suggested; seeking:

1. A living countryside, with thriving rural communities and access to high quality public services.

2. A working countryside, with a diverse economy, including farming, forestry and tourism, giving high and stable levels of employment.

3. A protected countryside in which the cultural and natural environment is sustained and enhanced, and which all – visitors and local people – can enjoy and celebrate.

4. A valuable countryside, contributing to the well being of all the Japanese people, acting as custodian of their heritage, source of their food, place for their relaxation and fitness, offering an alternative to big city life.

5. A vibrant countryside which can understand, discuss and shape its own future and live well without subsidy.

6. A fashionable countryside, with a strong and positive image, built upon its great strengths and values of quality of life, natural and cultural heritage, tranquillity, freedom to enjoy a healthy outdoor life, and the many personal contacts that rural communities offer.

The aim is a countryside of renewal, resurgence and re-discovery, replacing decline and decay. City life too would benefit from the new countryside – as pressures of congestion are relieved, as outdoor recreation opportunities are created, and as new ideas begin to come back to the cities from a resurgent countryside. We suggest the way for developing sustainable rural tourism which can contribute to developing such living, working, protected, valuable and vibrant rural areas. To reach this new future will be a lengthy task.

References:

1. Developing Sustainable Rural Tourism (2003) Centre for Development Studies, Athens
2. Golemski G. Majewski J. (2003) Rural Tourism. Can It Reach Critical Mass and Create Jobs and Income Sufficient to Compensate for the Demise of Agriculture. The Case of Poland. Chamonix.
3. Greffe X. (1994) Is Rural Tourism a lever for Economic and Social Development, Journal of Sustainable Tourism, Vol. 2: 1 & 2.
4. Lane B. (1994) What is Rural Tourism? Journal of Sustainable Tourism, Vol. 2: 1 & 2.
5. Majewski J. (2002) Agroturystyka to też biznes, Fundacja Wspomagania Wsi, Warszawa.
6. Majewski J. Lane B. (2003) Turystyka wiejska i rozwój lokalny, Fundacja Edukacja dla Demokracji, Warszawa.
7. Roberts L., Hall D. (2001) Rural Tourism and Recreation. Principle to Practice, CABI Publishing, Oxon-New York.

АВТОНОМИСТСКИЕ ИДЕИ НА ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-1926гг.)

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Идея национально-территориальной автономии зародилась под влиянием Французской революции 1789 и революций 1848 года. Волна национально-освободительного движения заставила европейскую общественность обратить внимание на проблему межнациональных отношений. В качестве одной из возможных моделей решений национального вопроса предлагалось создание многонациональных федераций. Особое внимание вопросам автономии уделяли социалисты. В Австро-Венгрии социал-демократы в 1899 году приняли т.н. Брюннскую программу, которая целиком была посвящена национальному вопросу, а конкретно проблеме преобразования империи в федерацию с широкими правами национальных автономий. Национально-территориальная автономия воспринималась социалистами как метод достижения наиболее справедливого социального и национального устройства, при котором было бы не возможным ущемление чьих-то прав. Право на автономное существование позволяло сохранить устоявшиеся партнерские связи с другими народами, а также законодательно ограничить возможности роста шовинизма. Как писала пресса в 1918 году «федерация является более высоким типом сосуществования народов, чем сепаратно-государственное существование». [3, 187].

Автономистские идеи зародились в среде белорусской и украинской политической элиты в середине XIX века. Декларация права белорусского и украинского народов на суверенитет в 1917 году не исключала существования этих наций в многонациональном федеративном государстве. Напротив, как Третий универсал Центральной Рады провозглашавший образование Украинской народной республики, так и Первая уставная грамота Исполкома совета Всебелорусского съезда провозглашавшая образование Белорусской народной республики подчеркивали, что эти республики являются автономными единицами Российской федерации.

В 1918 году появляются Белорусская партия социалистов-федералистов и Украинская партия социалистов-федералистов. Их представители занимали высшие должностные посты в упомянутых выше республиках, их программные положения влияли на умы тысяч членов этих организаций, а также, что важно, их лидеры вели переговоры с польским правительством о возможности образования федерации. В годы советско-польской войны 1919-21 годов идея федерализма пропагандировалась польскими правительственными кругами, в частности Ю.Пилсудским. В апреле 1920 года был подписан Ю.Пилсудским и С.Петлюрой был подписан союзнический договор в котором предполагалось образование конфедерации обеих республик.

Рижский мирный договор гарантировал меньшинствам соблюдение их национальных прав в рамках польского государства. Данный пункт договора рассматривались лидерами национальных движений как гарантия их территориальной национально-культурной автономии. Послы, избранные Блоком национальных меньшинства, призывали население требовать, чтобы на всех уровнях администрации там, где данная национальность преобладает, эти должности занимали именно их соплеменники. Представители Украинского парламентарного клуба активно пропагандировали идею территориальной автономии. Заместитель председателя клуба С.Пидгирский выступил в Сейм с такими словами: «Сосуществование это (с польским народом – авт.) понимаем как то, что украинскому народу, ныне находящемуся в

общих с польским народом границах, гарантировано будет право на самоопределение, право решать свою судьбу. ... Без уважения этого права будет это не сосуществование, но господство польского народа над украинским» [2, 70].

Однако события развивались далеко не так, как этого хотелось бы автономистам. Государственный интерес приводил к регулярным нарушениям конституционных прав населения. Одним из грубейших нарушений был запрет на проведение в 1924 году Пинске конгресса национальных меньшинств. В то же самое время в волыньском воеводстве произошел ряд вопиющих отступлений от принципов демократии (лишение прав посольской неприкосновенности и массовые аресты членов национально-освободительного движения). Этот и другие более мелкие прецеденты постепенно разрушали веру в возможность конструктивного диалога о федеративном будущем Второй Речи Посполитой.

Ситуация накалилась летом 1924 года, когда в Сейме рассматривался ряд важнейших законопроектов: закон о государственном и административном языке, закон о языке в судебном и нотариальном делопроизводстве и закон о организации школьного образования. Принятые законы отражали ассимиляторскую направленность польской политики на землях населенных меньшинствами. В них не было предусмотрено эффективных механизмов реализации права на национально-культурную автономию. За польским языком и польской культурой юридически было закреплено право на экспансию в восточных воеводствах страны. В это же время усилилось давление на православную церковь (в делопроизводство вводился польский язык, ряд церквей был передан римо-католической церкви). С открытым осуждением принятых в июне законов выступил, избранный на Полесье, украинский посол С.Хруцкий. Он также осудил проводимую политику регионализации (членения этнически однородных территорий и особого режима в отдельных провинциях: запрет на открытие школ, распространения прессы, деятельности организаций из других регионов страны, проведение собраний и т.д.) [2, 74].

Дебаты над законами о языке превратили в героя дня Бронислава Тарашкевича. В эти дни его авторитет среди белорусов безмерно вырос. На выборах в сейм Б.Тарашкевич шел с лозунгами территориальной автономии для белорусов. Его частые переговоры с правительственными кругами по этому вопросу, дали повод оппонентам называть его единственным белорусом-полонифилом, избранным в парламент. Однако, непрекращающиеся нарушения национальных прав белорусов, постепенно превращали его из оптимиста в скептика. Зимой 1924 года Тарашкевич выступил в прессе о тезисом том, что ожидать от белорусов патриотического отношения к Второй Речи-Посполитой абсурдно, т.к. с ними в этом государстве мало считаются. И все же еще в середине марта 1924 года он оставался жгучим сторонником существования в польском государстве белорусской автономии [7, 3]. Все изменили дебаты над законами о языке. Тарашкевич обрушился с критикой существующей политической системы. Говорил о открытом нарушении статей конституции и принятых международных обязательств. Ни в сеймом, ни конституцией не были гарантированы права белорусов на территориальную автономию. В самом регионе нарушались даже простейшие гражданские права населения, не говоря уже о отсутствии доброй воли у местной администрации участвовать в становлении белорусской автономии. В своем выступлении он неоднократно обращался к праву белорусского народа на автономию: *«Ещё польский шляхтич или приезжий, или ополчившийся в течении нескольких веков жил трудом украинского или белорусского крестьянина, из этого, дорогие мои господа, еще не следует для вас,*

что вы имеете права на нашу землю, или наши души, помните об этом» [2; 75]. Тарашкевич особо обращал внимание на то, что это право не является досужим вымыслом, но жизненной необходимостью. Только оно могло бы позволить белорусам и полякам без ущерба друг для друга успешно развиваться. «Территориальная автономия не смогла бы решить (белорусский) вопрос, но может быть на определенное время стала бы заплаткой (над пропастью в белорусско-польских отношениях – авт.)» [1; 153]. Парламентское большинство отказалось воспользоваться этой возможностью. Окончание периода автономизма в белорусском движении на Западной Белоруссии ознаменовало полный переход белорусских послов в оппозицию к проводимой политике.

После майского переворота 12-14.05.1926 года надежды национальных меньшинств на обретение скорой автономии окончательно рухнули. Ю.Пилсудский, возглавивший государственный переворот, ни словом не обмолвился о своей прежней федералистской позиции. Политика ассимиляции в отношении меньшинств набирала обороты по мере усиления, установившегося в стране, авторитарного режима. Даже на производстве на территории Западной Белоруссии зафиксированы случаи увольнения рабочих-белорусов за не знание польского языка [6; 119]. Подобные случаи ставили под сомнение возможность польско-белорусского диалога.

В последующие годы идея автономизма все же не была утрачена, ее подхватили влиятельные центристские Украинское национально-демократическое объединение и белорусский Центросоюз. В газете «Наперад», выражавшей позиции Центросоюза, появилась статья «Польский ревизионализм и Западная Белоруссия» [8]. Автор утверждал, что Западная Белоруссия должна пониматься как регион, а не провинция. Она является частью единого целого – территории белорусской нации. В Польше эта часть образует самостоятельную единицу, которая должна рассматриваться как единый регион с присущей ему экономической и культурной спецификой. Эти особенности должны приниматься во внимание правительством и обществом при принятии различного рода решений. В следующих номерах газеты появилась статья «Новогрудок или Барановичи» [9], в которой автор затронул вопрос грядущей административной реформы в Новогрудском воеводстве. По его мнению, несправедливо то, что на этой территории белорусское большинство вынуждено дорого оплачивать культурные потребности польского народа, не имея возможности удовлетворять свои. В комментариях к статье, редакция газеты поместила свою позицию по вопросу территориально-административного устройства, которая абсолютно совпала с предыдущей и отстаивала идею национально-территориальной автономии. С точки зрения редакции, лучшим выходом из сложившейся ситуации было бы объединение всех белорусских земель в одну административную единицу с центром в Вильно. В ее состав должны были бы войти Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства целиком и Белостокское частично. При этом прежнее членение Западной Белоруссии на воеводства должно было быть ликвидировано. Не только газета «Наперад», но и «Беларускае слова», «Беларускі зван», в 30-е годы XX столетия продолжали пропагандировать идею белорусской автономии в возможной польско-белорусской федерации [6; 118].

Наличие или отсутствие национально-территориальной автономии превратилось в веский аргумент, с которым обращались к населению лидеры национального движения, влиятельные политические партии. На посольском вече под Брестом Иосиф Скрыпа и Андрей Пашук отмечали, что положение населения тяжело в частности потому, что у него нет гарантированных прав на языковую автономию [4; 1]. Политическая оппозиция (ППС-

228

Клуб Працы, ПСЛ-Вызволена, Стронніцтва Хлопске) использовали идею автономии в переговорах с национальными меньшинствами. За поддержку со стороны национальных меньшинств им, в случае победы упомянутых партий, гарантировались национальные квоты в администрации (посты школьных кураторов и инспекторов) в местах компактного проживания, финансирование национальных школ и т.д. [5, 25]. Благодаря этому сотрудничеству впервые удалось создать парламентское большинство конструктивно настроенное на диалог с меньшинствами. Однако, т.н. «брестские процессы» над Центролевом, начавшиеся 10 сентября 1930 года, в очередной раз сорвали процесс получения меньшинствами автономии.

Тезис о том, что федеративное устройство позволит сгладить назревшие национальные конфликты многонационального государства, был достаточно идеалистичен. И все же, свести его лишь до уровня нежизнеспособной политической концепции было бы ошибкой. Распространение автономистских идей интересно как явление, способствовавшее процессу модернизации населения Западной Белоруссии, трансформации традиционных общинно-корпоративных структур в национальные. Право на национально-территориальную автономию предполагало появление целого ряда новых социальных институтов (национальной системы образования, церкви, администрации, рынка и т.д.). Требование автономии позволяло осмыслить значимости исторического, экономического и этнокультурного единства региона. Представитель национальной организации одновременно становился представителем интересов населения не просто провинции, но всей исторически сложившейся территориальной общности - региона. Оба эти процесса (становление нации современного и выделение национально-территориальной административной единицы) взаимосвязаны. В частности, борьба за признание части северно-восточных воеводств Второй РечиПсполитой территорией Западной Белоруссии была равнозначна борьбе за признание за белорусами права на национальную автономию в рамках этого государства. Само мышление в дихотомических категориях (западный и восточный регионы) прививало населению мысль о возможности появления единой национальной государственности. В условиях отсутствия государственного суверенитета автономистские идеи были мощным фактором национальной интеграции населения. Дискуссия о автономии способствовала распространению белорусской и украинской идей среди лиц с локальной самоидентификацией, вовлечению в ряды национального движения новых сторонников. Объединение усилий в борьбе за право самостоятельно распоряжаться судьбой своего региона и его культурных традиций способствовало процессу национализации восточнославянского населения Западной Белоруссии. Декларация права на национальную автономию способствовала воспитанию гражданственности и национально ориентированного мышления у широких народных масс.

Литература:

1. Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej – Warszawa: PWN, 1984. - s.287.
2. Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923-29 – Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 1989 - s.468.
3. Дорошенко Д. Історія України 1917-1923рр. т.1 – Ужгород, 1932. - с.456.
4. Государственный архив Брестской области ф.67оп.1д.769.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) ф.242оп.1д.99.
6. НАРБ ф.242оп.1д.539.
7. НАРБ ф.242оп.1д.541.
8. Наперад. – 1930 - №5.
9. Наперад. – 1930 - №9.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Вакульчик Н.В., Лучина В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Внутренний мир личности есть диалектическое отражение и выражение общественно-индивидуального бытия. Изменения в общественном и индивидуальном бытии проявляются в виде идеальных сущностей, составляющих богатство, объем и содержание общественного и индивидуального сознания. Индивидуальная и общественная жизнедеятельность осуществляется на основе идеальных сущностей, именуемых планом деятельности. План деятельности – это необходимое средство реализации общественных и личных интересов. Человек настойчиво, последовательно и целеустремленно действует во имя личных и общественных интересов, когда он понимает и принимает необходимость и смысл реализации этих интересов. Советские люди в своем большинстве понимали и принимали идеалы коммунизма как единство общественных и личных интересов и самоотверженно трудились во имя построения коммунистического общества. Нравственное отношение к труду, коллективизм, активная жизненная позиция, нетерпимость к пережиткам прошлого и классовым врагам были духовными двигателями большинства строителей коммунизма. Об этом свидетельствовали результаты научных исследований, в частности тех, которые были проведены в 1983 году в трудовых коллективах предприятий г. Бреста сотрудниками кафедры философии Брестского инженерно-строительного института под руководством доктора философских наук, профессора Яцкевича А.Ф. [1] Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, как развиты перечисленные ниже качества большинства членов вашего коллектива (1983, №1600, % от числа опрошенных)

Наименование качества	Оценка			
	22	53,3	21,3	17
Добросовестное отношение к труду	22	53,3	21,3	17
Товарищеская взаимопомощь	30,16	46,83	21,43	2,31
Понимание общности интересов	4,6	59,46	31,53	4,4
Взаимная требовательность	7,34	43,1	40,3	8,5
Взаимное доверие	16,96	54,4	26,8	2,6
Непримиримость к подырям и прогульщикам	2,92	38,3	22,4	10,1
Забота работников друг о друге	14,16	54,8	29	2
Вежливость и тактичность	16,2	56,2	23,8	3,8
Откровенность во взаимоотношениях	6,8	49,5	36,8	6,9

Ответы эти свидетельствуют о том, что большая часть молодых людей являлись олицетворением высокой нравственности, духовности социалистического типа. Коллективизм был самой яркой чертой личности советского рабочего, служащего, крестьянина. Среди тех, кто давал вышеприведенные ответы, было 56,55% выходцы из рабочих, 40,48% - из крестьян, 2,95 - из служащих. Таким был социальный состав молодых сотрудников с 16 до 30 лет Брестского коврового комбината в 1983 году. [1]

В коллективистском обществе формировались личности, которые всегда были готовы помочь товарищу, не были способны бросить его в беде, не говорили друг другу, находящемуся в затруднении: «Это твои проблемы». Общность интересов сплачивала людей, делала их искренними и требовательными во взаимоотношениях.

Распределение ответов на вопрос «В какой мере развиты в вашем коллективе?» (1983г., N 1600, % от числа опрошенных)

Наименование качеств	Оценка		
	высоко	средне	низко
Сочетание личных интересов с общественными	9.92	80.17	9.9
Ответственность каждого за дела коллектива	23.8	68.25	7.5
Постоянная забота об успехах каждого	10	68.18	21.8
Непримиримость к недостаткам и умение критиковать их	15.6	66.06	18.3
Принципиальность, правдивость, искренность	13.33	66.67	20
Душевность, умение понять человека и поддержать его в трудный час	24.35	54.78	20.8
Деятельная поддержка инициативы, новаторство	9.71	74.76	15.5
Нетерпимость, отпор стяжательству	17.92	60.38	21.7

Высокая нравственность молодежи, проявлявшаяся в труде, формировалась всегда и всеми способами. Особенно много внимания уделялось разумному использованию свободного времени.

Свободное время, при социализме, поскольку оно является полем для всестороннего развития личности, проводилось в соответствии с планами жизнедеятельности коллектива. Сотрудники предприятий вовлекались в художественную самодеятельность, культпоходы в театры, кинотеатры, на концерты, на театрализованные мероприятия, праздники песен, выступления оркестров, спортивные праздники с участием профессиональных артистов и коллективов художественной самодеятельности и т.д. Общественно-политические мероприятия имели большое художественное наполнение. Духовный потенциал личности, направленно обогащавшийся в свободное время, эффективно работал на выполнение общественно-значимых задач. Искусство участвовало в процессе социализации нового человека.

Посредством чтения книг и периодики советские люди приобщались к искусству, политике, науке, философии и т.д. Они были самыми читающими в мире. В том же исследовании ставился вопрос: «Сколько книг вы прочитали за последние 6 месяцев?» Были получены такие ответы: 1 кн.-9.52%; 2 кн.-14.29%; 3 кн.- 16.67%; 4 кн. и более – 59.5% опрошенных. Люди тянулись к знаниям и наслаждениям посредством чтения. Литература социалистического реализма служила действенным средством формирования духовного мира советских людей, особенно молодежи, которая зачитывалась произведениями о Великой Отечественной войне, о героическом труде на великих стройках, о достижениях советских ученых в освоении космоса и овладении атомной энергией, о советских разведчиках и т.д. Детективы, приключения, фантастика также пользовались большим вниманием.

Под воздействием коммунистической идеологии, доведенной до умов и сердец советских людей, особенно при помощи искусства, индивиды больше заботились о благополучии своего коллектива, чем о своем личном. Об этом свидетельствовали ответы на вопрос: «За что вы больше переживаете?»

За дела своего трудового коллектива – 17.44%

За свои личные дела – 11.05%

Одинаково за одни и другие – 71,5% опрошенных.

Забота об успехах и процветании своего коллектива порождала в сознании людей чувство неприятия ко всему, что наносило урон коллективу. В ответах на вопрос:

«Какие чувства порождает у вас потеря рабочего времени, если таковая имеется в вашей бригаде, на участке, в цехе?» респонденты высказали эту свою позицию:

Содержание ответа	% от числа опрошенных
Непримиримость ко всему, что способствует этой потере	20,48
Желание скорее устранить ее причины	34,35
Горькое сожаление	10,48
Чувство безразличия	6,02
Затрудняются ответить	28,3

Большинство работников не допускали по своей вине потери рабочего времени, а те, по чьей вине такие потери случались, откровенно об этом говорили и стремились к тому, чтобы впредь таких фактов не было. Об этом свидетельствуют их ответы на вопрос: «Происходит ли потеря рабочего времени и по вашей вине?»: да – 19,88%, нет – 63,86%, не знаю – 16,5%.

Богатство и содержание внутреннего мира советских людей, проявлявшееся в их трудовой и общественно-политической активности формировались в результате массированного и целенаправленного воздействия пропаганды различными средствами и особенно искусством. Кино было наиболее любимым видом искусства для молодежи. И в то же время оно являлось самым эффективным средством доведения до сознания масс государственной идеологии.

Распределение ответов на вопрос «Какие кинофильмы вы смотрите охотнее?» (1983 г., N1600, % от общего числа опрошенных):

Тематика кинофильмов	% от числа опрошенных
На производственную тему	4,67
На героико-патриотическую тему	12,79
О любви	36,63
Приключенческие, фантастика	40,12
Научно-популярные	9,88
Об отечественной и мировой истории	25,88
Комедии	40,12
Детектив	34,88

На основании анализа отношения советских людей к тому или иному жанру кино можно сделать вывод об их духовных запросах. Они стремились к счастью, любви; их одолевала тяга к романтике, приключениям; они интересовались историей своей страны и других народов, они имели веселый нрав, любили смеяться со смешного, комедийного; их интересовали остросюжетные, будоражащие ум и чувства художественные произведения, детективы. Важнейшей составляющей богатства духовного мира советских людей были знания, поскольку социализация личности, начиная с детского возраста, осуществлялась по принципу: «Не знаешь – научим, не хочешь – заставим». Кроме знаний, полученных в школе и вузе, советский человек обогащался знаниями через лекции и беседы, викторины и диспуты, клубы «знатоков», «веселых и находчивых» и т.д. Интеллектуальные запросы людей проявляются в их отношении к тематике лекций. Распределение ответов на вопрос: «Какие лекции вы охотно посещаете?» (1983, N 1600, % от числа опрошенных)

Тематика лекции	% от числа опрошенных
О международном положении	54,82
На темы нравственно-эстетических отношений	18,67
По вопросам атеистического воспитания	2,41
По тематике «Человек и закон»	45,78

Столь большое внимание к международному положению было обусловлено «холодной» войной и страхом перед возможностью перерастания ее в войну «горячую».

Небольшой интерес к атеизму в атеистической стране вполне объясним. У советских людей было сформировано отрицательное отношение к церкви как опоре царского самодержавия, эксплуатации человека человеком.

Знание прав и обязанностей делает человека способным без риска для своей свободы строить отношения с отдельными индивидами и обществом в целом. Советские люди восхищались тем как следствие вели знатоки, но и сами хотели знать законы. Поэтому каждый второй советский человек стремился обогатить свое правосознание, развить правовую культуру, посещая лекции по тематике «Человек и закон». Государство делало все необходимое для обогащения правовой культуры советских людей, поскольку отмирание социалистического государства понималось как процесс передачи государственных функций общественным организациям граждан.

Основным качеством духовного мира советского человека было нравственное отношение к труду, которое пользовалось признанием в обществе и всячески поощрялось. Чтобы развить и приумножить это качество государство использовало все возможные средства, особенно искусство. Граждане позитивно воспринимали трудовую мораль, прививавшуюся им посредством художественных произведений.

Распределение ответов на вопрос «Влияют ли произведения искусства (книги, фильмы, музыкальные произведения и т.д.) на формирование вашего отношения к труду?» (1983 г., N 1600, % от общего числа опрошенных)

Содержание ответов	% от числа опрошенных
Да	42,69
Скорее влияют, чем не влияют	20,47
Скорее не влияют, чем влияют	12,28
Нет	2,43

Влияние искусства отражалось на трудовой активности индивидов, на их солидарности и взаимопомощи, т.е. их внутренний мир запечатлял и выражал то, что приносилось в него посредством искусства.

Распределение ответов на вопрос «Если влияют, то в чем это выражается?» (1983 г., N 1600, % от числа опрошенных).

Содержание ответов	% от числа опрошенных
Сравниваю свое отношение к труду с отношением героев художественного произведения	40,32
Под влиянием прочитанного и увиденного стремлюсь работать с большой производительностью и более качественно	27,42
Стремлюсь не столько сам работать лучше, но и помочь своим товарищам, своему коллективу	32,25

С переходом социалистического общества в стадию системной трансформации внутренний мир людей также стал меняться. В нем появились новые воззрения, установки, ориентации, предпочтения и т.д. Рыночная экономика, демократия, свобода, права человека получают признание все большего количества людей. Однако, старые представления,

привычки, убеждения, идеалы и надежды сохраняются в сознании большинства пожилого населения и значительной части молодежи и людей среднего возраста. Это сказывается на выборе направления и формы социального движения и государственного правления.

Социалистическое отношение к труду как к базовой ценности заменяется инструменталистским подходом к его пониманию и оценке. «Более половины опрошенных в 2000 году были согласны с тем, что люди не должны работать, если не хотят этого. Самой важной характеристикой работы почти 90% считают размер заработной платы; всего 13% полностью убеждены и 22% скорее убеждены в том, что труд по-прежнему остается приоритетным делом в жизни каждого человека, и только 36% считают, что работа необходима для развития личности». [2, 102]

Изменение отношения людей к труду является следствием развития рыночной экономики. На рынке труда приходится конкурировать за более выгодную продажу своей рабочей силы, физических и интеллектуальных способностей. [3] Нравственное отношение к труду, забота об укреплении своим трудом благополучия коллектива была возможна только в условиях социализма. Появившаяся безработица, контрактная система найма работников, отсутствие или неэффективность механизмов защиты трудящегося человека не способствуют развитию у личности нравственного отношения к своей работе. Рыночная экономика требует поставить на первое место в сфере труда способность к творчеству, готовность к риску, профессионализм и ответственность за свои действия. [4] Все это привело к тому, что в индивидуальном и массовом сознании сочетаются старые и новые воззрения на труд.

В сознании большинства населения Беларуси сформировалось положительное отношение к радикальным рыночным изменениям. Сторонников увеличения доли частной собственности в экономике страны среди граждан Беларуси больше, чем среди граждан Германии и Франции. [2, 103] Это явление можно объяснить тем, что современное население Беларуси не жило в условиях господства частной собственности и не извело антигуманных воздействий ее на межчеловеческие отношения. Уже теперь до сознания многих дошло, что у частника не унесешь, не украдешь и не припишешь, что он не станет держать из гуманных соображений плохого работника. Кроме того, население Беларуси в своем большинстве привыкло к трудностям, и поэтому оно не боится житейских невзгод.

Трудности, сложность, противоречия общественного развития запечатляются в противоречиях внутреннего мира личности. Это видно, в частности, из анализа моральных ценностных ориентаций жителей Беларуси. Социалистическая мораль устарела, ее нормы, обычаи, нравы не соответствуют новым индивидуальным и социальным потребностям. Новая же мораль, которая соответствовала бы складывающемуся типу общества, еще не сформировалась. Поэтому индивиды поступают в соответствии с конкретной ситуацией и со здравым смыслом. И только по мере формирования новой морали и усвоения ее норм, правил, обычаев, нравов каждым членом общества поступки людей будут регулироваться этой моралью, а не личными соображениями.

В настоящее же время многие граждане Беларуси духовно еще не готовы принять либерально-нравственные ценности, однако уже не ориентируются на ценности социалистической морали. [5] Плюрализация нравственного сознания, моральная электика привела к утрате общей перспективы нравственного прогресса. В результате этого практическое моральное сознание белорусов, если судить по массовым опросам, еще не достигло средневропейского уровня: общечеловеческие принципы (не убий, не укради, не прелюбодействуй) не соблюдаются, общественные интересы потеряли свою прежнюю ценность как критерий морали, тогда как прагматические интересы оказались на первом месте. [2, 104]

Природная доброта, (и особенности социального бытия белорусов) рассудительность, гуманность делают их терпимыми и в отношении аморального поведения других людей. Они в большей мере, чем граждане других стран оправдывают коррупцию, уклонение от уплаты налогов, неза заслуженное получение льгот, ложь в собственных интересах, вождение автомобиля в нетрезвом виде, курение в общественных местах; превышение скорости при вождении автомобиля; проезд без билета в общественном транспорте и т.п. [2, 105]

Белорусский менталитет обладает той особенностью, что он не осуждает то, чего не способен совершить сам. Оправдывая безнравственные поступки, белорусы сами редко совершают неприглядные «проступки». Бесконфликтность, доброта, толерантность, сосредоточенность на себе и невмешательство в дела и внутренний мир другого приводят к самоизоляции индивидов. Внутренняя самоизоляция ведет к социальной пассивности, что отрицательно сказывается на внешней, коллективной, общественной жизни. Индивидуальная склонность к самоизоляции является основой существования общественной самоизоляции, поскольку все внешнее есть проявление внутреннего, а внутреннее является ведущей стороной диалектического единства. Открытое общество состоит из открытых индивидов. Поэтому целенаправленная системная трансформация общества может быть успешной лишь тогда, когда она будет базироваться на преобразованном внутреннем мире личности. С этих соображений воспитание нового человека рассматривалось в качестве важнейшей задачи трансформации социализма в коммунизм.

Системная трансформация современного постсоветского общества предполагает достижение гармонии в отношениях между поколениями. Исторически сложилось такое состояние, что преобладает пожилое население, сознание которого хранит ценности прошлой жизни. Пожилые люди не готовы уступить интересам молодых. Они хотят иметь спокойную старость. Молодой энтузиазм, романтика, динамика, порыв в неизвестное будущее для них не приемлем. Столкновение внутренних миров стариков и молодежи определяет форму и методы власти в обществе. Лидер, ориентирующийся на интересы большинства, поступает соответственно исторической ситуации.

Важнейшей чертой системной трансформации постсоветского общества является возрастание роли религии в жизни личности и общества. [6] Свобода совести есть выражение свободы внутреннего мира личности и ее единства с обществом. Выполняя свою духовную миссию в постсоветском обществе, церковь наполняет святостью внутренний мир личности.

На основании вышеизложенных результатов научных исследований взаимобусловленности духовной жизни личности и общества в разные исторические периоды можно сделать вывод, что системная трансформация общества закономерно предполагает и включает в себя системное, качественное преобразование внутреннего мира личности, переориентацию и наполнение новым содержанием общественного сознания, подъем социальной активности большинства граждан обновляющегося государства.

Литература

1. Архив кафедры философии Брестского инженерно-строительного института (с 2000 года БрГТУ).
2. Титаренко Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания //Социологические исследования 2003, №12.
3. Выборнова В.В., Дунаева Е.А. Актуализация проблем профессионального самоопределения молодежи //Социологические исследования 2006, №4
4. Аврамова Е.М., Верпаховская Ю.Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания.// Социологические исследования 2006, №4
5. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопросы философии 2003, №3
6. Безнюк Д.К. Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси //Социологические исследования 2006, №2

РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКЕ

Яскевич Я.С. Системная трансформация современного общества: приоритеты, опыт, тенденции

В статье дается оценка трансформирующегося общества как системно-кризисного. Рассматриваются способы выхода из кризисной ситуации и пути нового самоопределения белорусского общества в складывающихся условиях.

Jaskevich J. S. System transformation of the modern society: priorities, experience, tendencies

The article gives the estimation of transforming society as system - crisis is given. The author studies the means of the exit from the crisis' situation and the way of new self-determination of the belarussian society in the developing conditions.

Ганчев П. Основные характеристики современного глобального трансформационного процесса

В статье рассматриваются основные этапы предшествующих глобализационных процессов, их взаимосвязь с региональными и локальными процессами. Раскрываются причины их неудач. Рассуждая о характере современного глобализационного процесса и трансформации обществ, автор использует понятие 3-х миров (3-х типов сообществ в современной мировой цивилизации) и считает, что назрела необходимость кардинальных перемен в принципах организации современных международных отношений, цель которых - избежать ошибок прошлых неудач.

Ganchev P. The main characteristics of the modern global transforming process

The article shows the basic stages of the previous processes of globalization, their interrelation with regional and local processes. The reasons of their failures are opened. Arguing about the character of modern globalizations process and transformation of societies, the author used the concept of 3 worlds (3 types in the modern world civilization). He thinks, that it is necessity to change cardinaly the principles of the organization of modern international relations, which has the purpose to avoid mistakes of the last failures.

Сребалюс Й. Сущностные проблемы трансформации общества в условиях глобализации

Трансформация общества — это закономерный переход системы духовных, производственных и политических форм общественного бытия человека от состояния функциональной гармонии и воспроизводства системных сил культуры до состояния полной дисгармонии культуры в семейных, экономических и политических структурах отечества. Сущность трансформации общества как исторического прогресса общественной жизни человека определяется взаимосвязью противоположных сил энтропии и антиэнтропии на основе культурной памяти и исторического опыта народа.

Srebalius J. The essential problems of the transformation of society in the global process

The transformation of society is natural transition of system of spiritual, productive, political forms of social being of humanity from the status of functional harmony and reproduction of systematic forces of culture to the status of complete disharmony of culture in family, economic and political structures of native country. The main point of the transformation of society as the historical progress of social life of a forces of entropy and antientropy grounded on cultural memory of historical experience of a nation.

Лазаревич А.А. Особенности постиндустриальной трансформации общества
В статье рассматриваются философско-методологические проблемы современной социальной трансформации, связанные с переходом от индустриальных форм социально-экономических и духовно-культурных отношений – к постиндустриальным и информационно-коммуникативным.

Lazarevich A.A. The features of postindustrial transformation of the society
The article presents the philosophical and methodological problems of modern social transformation, which connected with the transition from industrial forms of socio-economic as well as spiritual-and-cultural relations to post-industrial and information communicate ones.

Винокурова С.П. Трансформационные процессы и феномен «притворяющихся» культур
В статье анализируются трансформационные процессы в Республике Беларусь и рассматривается развитие её национальной культуры.

It is analyses the transforming processes of the Republic of Belarus and it is affected at development of the national culture.

Карачун А.Ю. Электронные СМИ в условиях трансформирующегося общества и перспективы их развития в Республике Беларусь

В статье дается краткий анализ современного состояния телевидения и радиовещания в Республике Беларусь, а также определяются перспективные направления их развития.

Karachun A. J. The electronic mass-media in the conditions of the transforming society and the perspectives of their development in the Republic of Belarus

The article presents the brief analysis of the modern situation of belarussian TV and broadcast and also the perspective directions of their development.

Лазаревич Н.А. Экологическая безопасность как фактор социальной трансформации

В статье обосновывается положение о том, что в системе факторов современной социальной трансформации важнейшее значение принадлежит императиву экологической безопасности. Исследуются проблемы социально-технологических инноваций, лежащих в основе интенсивной динамики современного общества, но не имеющих достаточных социально-практических верификаций.

Lazarevich N.A. Ecological safety as the factor of social transformation

The idea that the imperative of ecological safety has great importance in the system of factors of modern social transformation is grounded in the article. The problems of socio-technological innovations underlying the intensive dynamics of modern society, but having no sufficient socio-practical verifications are studied.

Монкявичус К. Конституция Литовской Республики 1992 г. – основной правовой документ процесса трансформации литовского общества

В статье освящается процесс трансформации современного литовского общества, дается краткий анализ революционного и эволюционного периодов трансформации. Главное внимание уделяется Конституции Литовской Республики 1992 г., которая закрепила в конституционной форме достижения революционного периода и создала правовые основы для дальнейшего развития процесса трансформации.

Monkevičius K. 1992 Constitution of the Republic of Lithuania – the fundamental legal document of the transformational process taking place in the society of Lithuania

The article deals with the transformational process, taking place in the present-day society of Lithuania as well as a short analysis of both revolutionary and evolutionary periods of the process. The main attention is devoted to the 1992 Constitution of the Republic of Lithuania which consolidated the achievements of the revolutionary period and laid strong legal foundations for further development of the transformational process.

Варич В.Н. Глобализация и социальная инерция

Массовая коммуникация формирует специфическую социальную и культурную среду – гиперреальность, в которой размыты границы между субъектом и объектом, приватным и публичным. Категорическим императивом массовой коммуникации является принудительная экстраверсия всего внутреннего и принудительная инъекция внешнего. Индивид приобретает признаки шизофрении, так как не может провести границу между собой и информационной средой. Возникает «экстаз коммуникации», который приводит к социальной инерции, охватывающей все сферы и структуры западного общества.

Varich V. N. The globalization and social inertia

The mass communication forms the specific social and cultural environment - a hyperreality in which borders between the subject and object are dim, private and public. A categorical imperative of a mass communication is compulsory extraversion all internal and a compulsory injection external. The individual gets attributes of schizophrenia as cannot lead border among themselves and the information environment. There is «an ecstasy of the communications» which results in the social inertia covering all spheres and structures of the western society.

Нестерович Н.Б. Рыночное реформирование экономики Республики Беларусь и опыт нэпа

В статье анализируется и обосновывается возможность использования опыта новой экономической политики, проводившейся в СССР и советской Беларуси в 1920-е годы, в реформировании, системной трансформации сегодняшней белорусской экономики. Показаны наиболее общие принципы, формы и методы хозяйственной системы нэпа, которые применимы на современном этапе перехода Беларуси к рыночной экономике.

Nesterovich N.B. Market reforming of the economy of the Republic of Belarus and nep experience

The possibility of usage of experience of New Economic Policy that was implemented in the USSR and Soviet Belarus in the 1920-th for reforming and system transformation of modern Belarussian economy is analysed and proved in the article. The author shows general principles, forms and methods of NEP production system that can be used at the modern stage of transition of Belarus to market economy.

Стрелец М.В. Польша под властью коммунистов: некоторые аспекты современного осмысления

В статье освещаются основные проблемы, связанные с тем этапом истории Польши, когда в этой стране в качестве правящих выступали силы, которые ориентировались на социализм по советскому образцу. Автор показывает, что эта ориентация привела к кризисам 1956, 1970 и начала 80-ых годов.

Strelets M.V. Poland under the domination of communist: some aspects of modern understanding

The article covers basic problems, connected with the stage of Poland history, when the ruling power headed for the socialism, patterned after the soviet one. The author shows that the aforementioned orientation led to the crises of 1956, 1970 and the beginning of 1980-s.

Ковалева Н.Н. Столыпинская аграрная реформа: попытка «тихой революции»

Исследуя деятельность П.А.Столыпина на посту Гродненского губернатора, автор статьи доказывает, что подготовка к реализации реформы 1906 года началась ещё в первые годы XX века. Столыпин пропагандировал расселение крестьян на хутора, содействовал развитию мелиорации и распространению сельскохозяйственных знаний. Эта деятельность имела эффект и вела к росту производительности крестьянского хозяйства.

Kovalova N.N. Stolypin's agrarian reform as the attempt of "silent revolution"

Investigating P.A.Stolypin's activity in the rank of the Grodno governor, the author of article proves, that preparation for realization of reform of 1906 began in the first years of XX century. Stolypin propagandized moving peasants on farm, promoted development of land improvement and distribution of agricultural knowledge. This activity had effect and conducted to growth of productivity of a country economy.

Восович С.М. Трансформация миссионерской деятельности Русской православной церкви в Беларуси в конце XIX – начале XX века.

Автор статьи рассмотрел изменения в миссионерской деятельности русской православной церкви в Беларуси в конце XIX – начале XX в. В миссионерской работе принимали участие приходское духовенство, монастыри, церковно-общественные организации. Главными средствами утверждения православной веры являлись: строительство храмов, организация церковных школ, создание миссий, проведение религиозно-нравственных бесед, придание богослужениям торжественного характера.

Vosovich S. Transformation of the missionary activity of Russian Orthodox Church in Belarus at the end of XIX - the beginning of XX century.

The writer of this article has esteemed variations in missionary activity of Russian Orthodox Church in Belarus at the end of XIX - the beginning of XX century. Clergy, the monasteries, church-public entities participated in missionary operation. Major facilities of the assertion of the orthodox faith were the following: building of temples, architecture of church schools, creation of missions, conducting of religious - moral conversations, collimating worship of solemn nature.

Щепански М. Развитие и последствия железнодорожной забастовки в ломорском округе в 1990 г.

В этой статье представлена забастовка, которая имела место в приморский железнодорожном районе в 1990. Это была первая большая забастовка на железной дороге и один из самых важных рабочих конфликтов в Польше в периоде введения экономической реформы профессора Лешка Балцаровича.

Szczepański M. The development and consequences of the railway strike in Pomorski district in 1990.

This article presents the strike, which took place in the Pomeranian railway district in 1990. It was the first strike in the railway industry and one of the most important labour conflicts in Poland in the period of the implementation of the economic reform of Prof. Leszek Balcerowicz.

Андре Г., Вальц Х. Концепция социальной работы как профессии, имеющей отношения к правам человека

Статья посвящена проблеме необходимости изучения прав человека для специалистов в области социальной работы. Выводы опираются на опыт преподавания этого предмета в Католическом Университета и Fachhochschule Ravensburg-Weingarten.

André G., Walz H. The concept of Social Work as a Human Rights Profession.

The article is devoted to the problem of necessity of human rights studying for experts in the field of social work. The conclusions are base on the experience of teaching of this subject in Catholic University (Portugal) and Fachhochschule Ravensburg-Weingarten (Germany).

Литтел К. Б. Трансформация социального контроля в постмодернистской Америке

Автор формулирует некоторые важнейшие американские тенденции в социальном контроле, определенном для целей этого доклада как «репертуар организованных социальных ответов на отклонение». Он указывает некоторые основные факты относительно охраны, необычно высоких американских норм лишения свободы и тенденций в криминальной системе правосудия. Он также показывает, как технологии, развитые в контексте преступного ответа правосудия на преступление, стали широко распространяемыми в американской жизни.

Little C. B. The transformation of Social Control in Postmodern America

Author articulate some major American trends in social control, defined for purposes of this paper as "the repertoire of organized social responses to deviance". He points out some basic facts concerning policing, extraordinarily high American incarceration rates and related trends in the criminal justice system. He also indicate, how technologies expressly developed in the context of a criminal justice response to crime have become widely diffused in American everyday life.

Прускус В. Глобализации и национальная идентичность

В статье обсуждаются проблема возникновения угрозы национальной идентичности в условиях членства Литвы в ЕС. Идея тесного сотрудничества государств и народов, поощряемая глобализацией, стала серьезным вызовом политике национальных государств, экономике и культуре, так как ослабляет их роль в мире. Значительные перемены в социальной структуре общества, усиливающийся индивидуализм, потребительская культура и утверждение ценностного плюрализма, с одной стороны, в немалой мере снижает возможности национального самосознания и усиления самоутверждения, а с другой стороны, позволяет глубже и критичнее взглянуть на усилия государства и общества в стремлении сохранить национальную идентичность и целостность. В статье рассматриваются также пути возможных ответных действий.

Pruskus V. Challenges of the globalization and national identity

The article presents the problem of the occurrence of the threats against national identity Lithuania in EU. The idea of close cooperation of states and peoples, encouraged with globalization, became a serious challenge for the policy of the national states, economy and culture, because it reduce their role in the world. The considerable changes in social structure of the society, amplifying individualism, consumer culture and the statement of valuable pluralism, from one aspect, in the considerable measure reduces the opportunities of national consciousness and amplification of self-affirmation. On the other hand it allows more deeply and critical to look at the efforts of state and society in aspiration to keep the national identity and integrity. The article also shows eventual ways of reciprocal actions.

Титаренко Л.Г. Трансформация социальной и национальной идентичности белоруссов: гендерная специфика

В статье анализируется смена доминирующих типов групповой идентичности белорусов, ее механизмов. Проанализированы направления трансформации социальной и национальной идентичности белорусского населения в сравнении с предшествующей (советской) эпохой. Автор даёт определения главным рабочим понятиям и раскрывает гендерную специфику трансформации белорусской идентичности.

Titarenko L.G. Transformation of social and national identity of Belarussians: gender specificity

The article analyzes the change of dominating types of group identity of Byelorussians, its mechanisms. The directions of transformation of social and national identity of belarussian population analysed in comparison with the previous (Soviet) epoch. The author gives the definitions to the main working concepts and shows the gender specificity of transformation of the belarussian identity.

Кавецкий С.Т. Социально-демографическая структура белорусского общества в трансформационный период

В статье рассматривается проблема взаимосвязи трансформации белорусского общества и ухудшения его демографической структуры, выраженное в депопуляции, исследуются ее причины. Анализируются меры, принятые государством в сфере демографической безопасности.

Kavetsky S.T. Social-demographic structure of the belarussian society in the period of transformation

The main problem of this article is the interrelation of transformation of the belarussian society and deterioration its demographic structure, which expressed in depopulation. The author investigates the reasons of this processes and measures, accepted by the state in sphere of demographic safety.

Беспмятных Н.Н. Этнокультурное пограничье, глобализация, идентитет: взгляд с литовской стороны

Глобализационные процессы оказываются одним из наиболее существенных факторов социальной трансформации, в том числе и на постсоветском пространстве. Не без основания в них усматривается угроза культурной идентичности, особенно

пограничных регионов, к которым исторически принадлежит Литва. В статье анализируются подходы к проблеме национальной культуры и идентитета, оформившиеся в гуманитарных исследованиях литовских ученых. Приоритетное место в этих исследованиях принадлежит обоснованию модели культурного плюрализма как основы партнерских отношений Литвы и ее культуры в глобальном, европейском и национальном масштабах.

Biaspamiatnykh N. Ethnocultural borderlands, globalization, identity: a glance from the lithuanian side

The globalization processes belong to the most essential factors of social transformation, including the Post-soviet space. For many reasons they are perceived as a threat towards cultural identity, especially of the bordering areas, to which Lithuania historically belongs. The article focuses upon the discussions on the problems of national culture and identity in Lithuanian humanitarian studies. The priority problem of these studies is the foundation of the concept of cultural pluralism as the background for partnership relations of Lithuania and its culture in global, European and national dimensions.

Акинчич И.И., Акинчич Т.И. Неотомизм в трансформирующемся обществе

В статье идет речь о зарождении и эволюции мистицизма, его современном состоянии и деятельности неотомистических течений в современной Беларуси.

Akinchits I.I., Akinchits T.I. Neomysticism in a transformational society.

The article deals with conception and evolution of mysticism, its modern condition and activities of modern neomystical trends in modern Belarus.

Скакун Е.В. Гражданско-политические позиции студенческой молодежи в условиях трансформирующегося общества

В статье анализируются результаты социологического исследования, проведенного социологической учебно-методической лабораторией Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в 2005 г., которые рассматривают состояние патриотического сознания, национального самосознания студенческой молодежи.

Skakun E.V. The civic and political positions of the students in the conditions of transforming society

The results of the sociological research conducted by sociological educational-methodical laboratory of Brest State University named after A.S. Pushkin in 2005 to consider a condition of patriotic consciousness, national self-consciousness of student's youth are analyzed.

Лысюк А.И., Люкевич В.П. Проблемы общественной безопасности в белорусском приграничье

В данной статье исследуются особенности восприятия жителями приграничных регионов Брестской области проблем безопасности, связанных с непосредственным соседством с Польшей, Украиной, в целом, Евросоюзом. Отмечается, что продвижение Евросоюза и НАТО на восток, равно как и «оранжевая революция» на Украине, не вызвали у местного населения дополнительного беспокойства. Среди источника угроз чаще всего называются США и исламские государства, а основным защитником Беларуси от «внешних врагов» называется Россия и родственные ей структуры – СНГ и ОДКБ.

Lysiuk A.I., Liukevich V.P. The Problems of Social Security in Belarussian Trans-Border Region

In a given article, examined are the peculiarities of Brest region's residents' perception of the security problems connected with the neighborhood with Poland, Ukraine and European Union as a whole. It is mentioned that expansion of the EU and NATO westwards, as well as the "orange revolution" in Ukraine, did not make local residents more anxious. Among the sources of danger most often are mentioned USA and Muslim states; the main defender of Belarus in respect to "external enemies" is named Russia and relative structures – CIS and CSTO.

Садовска Е. Глобальные тенденции на рынке труда

В статье указаны главные направления изменений на рынке труда в виде экономики, опирающейся на знания информационного общества, миграции рабочей силы и нетипичных, гибких форм работы (таких, как неполное рабочее время или временные трудовые договоры). Автор публикации отмечает также влияние этих изменений на спрос на рабочую силу.

Sadowska E. Global trends in the labour market

The article presents the main tendencies in the global labour market, which are knowledge – based economy, information society, migrations of labour force and untypical, flexible forms of employment (such us part-time jobs or temporary contracts). The author of publication shows how these trends influence the demand of labour force.

Чернявска М.Н. Концепция этических кодов Богдана Войтишко и Веслава Барилы (представление теории и исследований)

В статье представлена концепция этических кодов Б. Войтишке и В. Барилы, а также итоги проверочных исследований. Авторы рассматривают сущность нравственности с точки зрения взаимно-культурной теории. Они постулируют существование пяти моральных кодов – этики автономии, этики коллективизма, этики общественного блага, этики достоинства и этики продуктивности.

Cherniavska M.N. Conception of ethical codes by Bogdan Wojciszke and Wieslaw Baryla - the presentation of the theory and research

This article presents conception of ethical codes by B. Wojciszke and W. Barylo and research which verifies this conception. Authors consider the essence of morality from the point of view of cross-cultural theory. They postulate existence of five moral codes: ethic of autonomy, ethic of community, ethic of common good, ethic of lignity, ethic of productivity.

Боровска А. Управление изменением – организационные и психологические барьеры

Управление изменениями в настоящее время является наиболее важным для выживания каждой организации. Существует много барьеров, которые необходимо преодолеть. Наиболее трудные - психологические барьеры, потому что они связаны с отношениями и эмоциями, которые очень трудно изменить: на это требуется много времени.

Borowska A. Management of change - organizational and psychological barriers

Management of change in this time is the most important for survival of every organization. There are many barriers to overcome. The most difficult are the psychological barriers, because they are connected with attitudes and emotions, which are very difficult to change and its need a lot of time.

Томчонэк З. Людские ресурсы и их влияние на экономическое развитие

Постоянно изменяющийся мир заставляет нас самоусовершенствоваться. Технический прогресс, прогресс в новых отраслях, прогресс в определении людских ресурсов подталкивает нас к постоянной проверке в новых обстоятельствах. Мы должны приспосабливаться к изменяющемуся рынку труда, использовать все возможности и формы самоусовершенствования для будущего.

Tomczonek Z. Labour force and influence on economic development

Permanent changes in the world force us to continuous improvement. Technical progress, progress in new areas, progress of labour force compel us to permanent development in new circumstances. We have to adapt to changing labour market and benefit from all possible opportunities and forms of self-improvement for the future.

Цылев В.Р. Религиозность молодежи в условиях трансформации общества (по материалам социологического исследования)

Статья посвящена анализу результатов социологического исследования среди молодежи Мурманской области. Оно было направлено на изучение широкого спектра ценностных ориентаций молодежи и включало в себя вопросы, посвященные непосредственно религиозной тематике.

Tsylev V. R. Religiousness of youth in the conditions of social transformation (based on the material of sociological research)

The article is devoted to the analysis of results of sociological research among youth in Murmansk area. It was directed on the studying of a wide spectrum of valuable orientations of youth. The questions directly devoted to religious subjects.

Шебанова И.А. Роль гуманитаризации образования в трансформирующемся социуме

Многообразие современных институциональных форм высшего образования в условиях информационного общества, приобретающего глобальный характер, направлено на удовлетворение нужд социума в квалифицированных специалистах. Но в условиях бурного научно-технического прогресса образование призвано стать не только ресурсом, но стратегическим средством выживания человечества через формирование социальной, гуманитарной и гражданской позиции молодежи.

Shebanova I. The role of the liberalization of the education in the transforming society

Nowadays the existence of various educational institutions is aimed at meeting the needs of the society in qualified specialists required by the global information society. However in terms of scientific and technological advance the education should be not only the source but also the instrument of mankind's survival by means of the formation of social, humanitarian and civil attitude of the youth.

Куиш А.Л. Образование в Республике Беларусь: прошлое, настоящее и будущее

Проанализированы особенности советской системы высшего образования. На основе этого анализа выделены главные особенности современной системы высшего образования. Выводы касаются стратегии и перспектив развития системы.

Kuish A.L. The education in the Republic of Belarus: the past, present and future

The features of soviet system of high education are analyzed. On the base of this analysis main features on modern system of high education are analyzed. Conclusions are touched the strategy and perspectives of this system evolution.

Эйдукене Д. Кризис современной демократии

В докладе обсуждается одна из основополагающих тем системной трансформации современного государства – проявления кризиса демократии на концептуально-теоретическом уровне. Опираясь на факты литовской действительности, автор пытается выявить сущность и особенности данной проблемы через диалектику демократии и либерализма, через качественно новое бытие основоположного элемента демократии – свободы, которое сформировалось в последнее время в странах «новой» и «старой» демократии.

Eudukienė D. Crisis of modern democracy

In the report one of basic themes of system transformation of the modern state - displays of crisis of democracy at a conceptually-theoretical level and leaning the facts of the Lithuanian validity is discussed. The author tries essence and features of the given problem through dialectics of democracy and liberalism, through qualitatively new life of a basic element of democracy - freedom which was generated recently the countries of "new" and "old" democracy.

Кяцерите В. Политехническая и экономическая трансформация

По прошествии больше чем десятилетия политической и экономической трансформации, резко выразились две группы стран – отсталые страны и ведущие. Хотя сейчас все страны Балтии причислены ко второй группе, Эстонию, уже в 1994 г., аналитики считали "ведущим Балтийским государством", а Литва, достигнув незначительных макроэкономических результатов, оказалась в более слабом положении. В статье сравниваются разъяснения данного феномена, уделяя особое внимание политически-экономическим аспектам, подчеркивая различия неравномерного развития стран Балтии.

Keciorytė V. Political and economical transformation in post socialistic Baltic countries

Ten years pass off post-socialistic political and economical transformation, we can choose two countries groups – arrearage and preponderant. Now all Baltic countries ascribe to the second group, Estonia in 1994 analysts calls "advanced Baltic country", Lithuania reach less microeconomics results, get in worse position. The article compares this phenomenon comment, main attention appointive political-economical dimension; amplify Baltic countries uneven development differences.

Блажене А. Воспитание гражданственности при преподавании гуманитарных наук

Каждой эпохе присущи понятия человеческого идеала и развитие идеального человека. Гуманизм сегодня – одна из самых актуальных проблем человечества, которыми занимаются многие представители философских наук мира. Осознание фундаментальных общечеловеческих ценностей для современного мира является причиной для развития системы образования на основе гуманистских концепций человека. Основной принцип реформ образования в Литве – принцип гуманизма.

Blazenie A. The upbringing of the public spirit at the teaching of liberal arts

Every epoch has its formed conception of a human ideal and perfect human training. Today humanism is one of the pressing problems being discussed by many philosophers of the world. Realizing of the fundamental meaning of the values common to all mankind is the basis of the reform of education system well-founded by a humane concept of a man. Humanity is a fundamental principle of Lithuanian education reform.

Мамаева Т. В дебрях разума и сердца

В формировании твердых убеждений личности молодого поколения огромная роль принадлежит мировоззренческим наукам — философии, истории, логике, этике, эстетике. Само понятие мировоззренческие науки подразумевает в качестве своей основы не только сумму знаний по этим наукам, но и особое состояние ума — тягу к свободомыслию. Это все формирует научное мировоззрение, ценностные ориентации и жизненные позиции молодежи.

Mamajeva T. In the labyrinth of reason and heart

Young generation strong persuasion big influence has word view science — philosophy, history, logic, ethics and aesthetics. They word view science idea cause to take not all this science knowledge whole, but special mind state — free mind expression. That to form science word view, worth orientation and young life position.

Лапина С.В. Молодежь Беларуси и Польши: идеалы, ценности, надежды и жизненные планы (результаты социологического исследования)

В тексте доклада представлены результаты социологического исследования, проведенного в рамках реализации проекта «Динамика ценностных ориентаций молодежи Беларуси (в сравнении с молодежью других стран)». Особенности социокультурной динамики соседних европейских государств — Польши и Беларуси — анализируются на основе рефлексивных высказываний белорусских и польских студентов.

Lapina S.V. Youth of Belarus and Poland: the ideals, values, hopes and vital plans (according results of the sociological research)

In article results of the sociological researches which have been carried out by the author within the framework of the project "The dynamics of valuable orientations of youth of Belarus (in comparison with youth of other countries)" are analyzed. Features social and cultural dynamics of the modern Belarus and Polish society, submitted in a reflection of the Belarus and Polish students are analyzed. The original method of the description and interpretation of the sociological data is used.

Залейски Я. Избранные элементы процесса приспособления польской молочной промышленности к стандартам Европейского Союза

В статье уделяется внимание инструкциям, относящимся к сельскохозяйственной политике на рынке молока в Европейском Союзе. Статья также рассматривает проблему использования ЕС финансовых ресурсов в процессе приспособления польской молочной промышленности к рынку ЕС.

Zalejski J. Process of adaptation of the polish dairy industry to European Union standards — chosen elements

In this article the attention is paid to regulations referring to common agricultural policy in the milk market in the European Union. The article is also focused on the use of EU financial resources in the process of adapting of the Polish dairy industry to EU market.

Евстафьев В.А., Коклюхин В.В., Крюков В.М. Социальная трансформация и политическое становление молодёжи

Статья представляет исследование особенностей политического становления молодежи в современном обществе. Массовое молодежное сознание стало ареной противоборства различных идейно противонаправленных сил, которые противостоят друг другу в сознании молодого человека, препятствуя при этом формированию у него цельного политического мировоззрения. Возникает необходимость уточнения приоритетов государственной молодежной политики в области идейно-воспитательной работы.

Evstafjev V.A., Kokljuhn V.V., Krukov V.M. Social transformation and political becoming of youth

The article represents the research of features of the political becoming of youth in the modern society. The mass youth consciousness became the arena of an antagonism various ideological forces, which resist each other in consciousness of the young man, interfering thus to formation his integral political outlook. There is a necessity of specification of priorities of the state youth policy in the field of ideological - educational work.

Грибов Г.М. Ценностный мир студентов Беларуси, Польши и Германии: сравнительный анализ

В статье на основе двухэтапного конкретно-социологического исследования в вузах Беларуси, Польши и Германии проводится сравнительный анализ базовых ценностей студенчества трех стран. Определяется сходство и различие ценностей, выявлена их трансформация за период 2000-2004гг.

Gribov G. M. Values of the students in Belarus, Poland and Germany: comparative analysis.

In the article we are carrying out comparative analysis of the basic values peculiar to the students living in the three countries, based on the two-year sociological research in different higher educational establishments of Belarus, Poland and Germany. We are also defining the similarities and differences of values and their transformation during the period of 2000 – 2004.

Ацевич М. Процессуальность стереотипных убеждений

Стереотипы не подвергаются изменениям за короткий отрезок времени. Изменения стереотипных убеждений может произойти в результате ослабления необходимости их использования индивидуумом. Стереотипы подлежат автоматической активизации в результате появления представителей стереотипизированной группы. Автор анализирует существование стереотипов в общественном сознании.

Acewicz M. Process of the stereotyped opinion

Stereotypes are not exposed to changes for a short interval of time. The changes of stereotyped opinions can take place as a result of easing necessity of their use by an

individual. Stereotypes activate automatic as a result of the occurrence of representatives of stereotyped group. The author analyzes existence of stereotypes in the public consciousness.

Медиченко Л.Е. Актуальность изучения национальной культуры в период трансформации общества

В статье раскрывается влияние трансформационных процессов общества на понимание роли и статуса национальной культуры, изменение методологии ее исследований.

Medichenko L.E. The relevance of studying of the national culture during transformation of the society

The article presents the influence of transforming processes of society on the understanding of the role and status of national culture, the changing of the methodology of research.

Попко О.Н. Развитие белорусской скульптуры как показатель трансформационных процессов в культуре

Статья анализирует сложный этап в развитии белорусской скульптуры. В 80-90 гг. XX века кардинально меняется тематика произведений скульптуры, которая приобретает функцию отражения региональной истории. Этот процесс шёл неоднозначно. В 80-е гг. продолжалось создание памятников Ленину, но возрастал интерес к религиозным, мифологическим, средневековым образам.

Popko O.N. The development of the belorussian sculpture as a mark of the transforming processes in culture

The article analyzes a difficult stage in the development of belorussian sculpture. The chapters of sculptural creations changed in 80-90. of XX century. The sculpture have got the function of the reflection of the regional history. This process went ambiguously. The creation of Lenin's monuments continued in 80th, but the religious, mythological and medieval images became more popular.

Маевский Я. Сельский туризм как фактор социальной трансформации

Сельский туризм имеет в Польше большой потенциал для развития. Но это не универсальный инструмент решения проблем сельского мира. Это - одно предприятие, которое может иметь эффект "дополнительного дохода". Но быть полностью эффективным сельским инструментом развития должна быть часть жизнеспособной стратегии развития. Такой план должен охватить социальные, экономические, экологические, физические и административные аспекты развития области и должен стремиться разносторонне развивать экономическую основу.

Majewski J. Rural tourism as a factor of social transformation

Rural tourism has a great potential for development in Poland. But it is not the universal tool of solving problems of rural world. It is one enterprise, which can possibly have "spin-off" effect. But to be totally effective rural development tool must be a part of sustainable development strategy. Such a plan should encompass social, economic, environmental, physical and administrative aspects of area development and should aim at diversifying the economic base.

Мисиюк В.С. Автономистские идеи в Западной Белоруссии (1921-1926гг.)

В статье рассматривается влияние автономистских идей на усиление национальных чувств восточнославянского населения Западной Белоруссии. Концепция территориальной автономии прививала обывателям мысль о том, что они являются частью определенной национальной общности. Понимание того, что территория Западной Белоруссии обладает правом на автономию, стало одним из решающих факторов модернизации ее населения.

Misijuk V.S. The ideas of the autonomy in Western Belarus (1921-1926)

In article influence ideas of autonomy on amplification of national feelings the east-slavian population of the Western Belarus is considered. The concept of a territorial autonomy imparted to inhabitants an idea that they are a part of the certain national generality. The understanding of that territory of the Western Belarus has the right on an autonomy began one of determinatives of modernization of its population.

Вакульчик Н.В., Лучина В.Н. Эволюция внутреннего мира личности в процессе трансформации общества

В статье изложены результаты научного исследования взаимосвязи и взаимообусловленности развития общественной жизни и внутреннего мира личности. Показана сложность и противоречивость формирования нового человека в изменяющемся обществе. Говорится об основных путях и средствах социализации личности в современном обществе.

Vakulchik N.V., Luchina V. N. The evolution of private world of the person in the process of social transformation

The article presents the scientific research of interrelation and interconditionality of development of a public life and a private world of the person. The reseach shows the complexity and discrepancy of formation of the new person in a changing society. It is spoken about the basic ways and means of socialisation of person in the modern society.

СОДЕРЖАНИЕ

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРИОРИТЕТЫ, ОПЫТ, ТЕНДЕНЦИИ <i>Я.С. Яскевич</i>	3
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА <i>Петко Ганчев</i>	8
СУЩНОСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ <i>Йонас Сребалюс</i>	13
ОСОБЕННОСТИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА <i>А.А.Лазаревич</i>	16
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФЕНОМЕН «ПРИТВОРЯЮЩИХСЯ» КУЛЬТУР <i>С.П. Винокурова</i>	22
ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ <i>А.Ю.Карачун</i>	25
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ <i>Н.А. Лазаревич</i>	31
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ <i>В.Н. Варич</i>	37
КОНСТИТУЦИЯ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1992 Г. – ОСНОВНОЙ ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИТОВСКОГО ОБЩЕСТВА <i>Казимерас Монкявичус</i>	42
РЫНОЧНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОПЫТ НЭПА <i>Н.Б.Нестерович</i>	48
ПОЛЬЩА ПАД УЛАДАЮ КАМУНІСТАЎ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ СУЧАСНАГА АСЭНСАВАННЯ <i>М. В. Стралец</i>	52

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА: ПОПЫТКА «ТИХОЙ РЕВОЛЮЦИИ» <i>Н.Н.Ковалёва</i>	56
ТРАНСФОРМАЦИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА <i>С.М. Восович</i>	61
PRZEBIEG I REPERKUSJE STRAJKU KOLEJOWEGO POMORSKIM OKRĘGU KOLEJOWYM W 1990 R. <i>M. Szczepański</i>	67
SOCIAL WORK EDUCATION - TEACHING HUMAN RIGHTS THEORETICAL REFLECTIONS – EXPERIENCES – INVITATION TO EXCHANGE ABOUT IT <i>Graça André, Hans Walz</i>	73
THE TRANSFORMATION OF SOCIAL CONTROL IN POSTMODERN AMERICA. CONFERENCE ON SYSTEM TRANSFORMATION OF A SOCIETY: EXPERIENCE AND MODERNITY <i>Craig B. Little</i>	83
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ <i>Вальдас Прускус</i>	87
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА <i>Л.Г.Титаренко</i>	95
СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД <i>С.Т.Кавецкий</i>	102
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИДЕНТИТЕТ: ВЗГЛЯД С ЛИТОВСКОЙ СТОРОНЫ <i>Н.Н.Беспамятных</i>	109
НЕОМИСТИЦИЗМ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ <i>И.И.Акинчиц, Т.И.Акинчиц</i>	115
ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА <i>Е.В. Скакун</i>	121
ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ <i>А.И.Лысюк, В.П.Люкевич</i>	126

GLOBALNE TENDENCJE NA RYNKU PRACY	
<i>E. Sadowska</i>	133
КОНЦЕПЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОДОВ BOGDANA WOJCISZKE И WIESŁAWA BARYŁY (ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕОРИИ И ИССЛЕДОВАНИЙ)	
<i>М.Н. Чернявска</i>	139
ZARZĄDZANIE ZMIANĄ – BARIERY ORGANIZACYJNE I PSYCHOLOGICZNE	
<i>Alina Borowska</i>	145
KAPITAŁ LUDZKI I JEGO WPŁYW NA ROZWÓJ GOSPODARCZY	
<i>Z. Tomczonek</i>	148
РЕЛИГИОЗНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	
<i>В.Р. Цылев</i>	151
РОЛЬ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ СОЦИУМЕ	
<i>И.А. Шебанова</i>	159
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	
<i>А.Л. Куш</i>	163
КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ	
<i>Даля Эйдуkene</i>	169
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ БАЛТИИ	
<i>Виталия Кяцерице</i>	175
TO LECTURE HUMANE STUDIES ABOUT PUBLIC SPIRIT TRAINING	
<i>Aldona Kristina Blaziene</i>	180
В ДЕБРЯХ РАЗУМА И СЕРДЦА	
<i>Татьяна Мамаева</i>	182
МОЛОДЕЖЬ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ: ИДЕАЛЫ, ЦЕННОСТИ, НАДЕЖДЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ (МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	
<i>С.В. Лапина</i>	184
WYBRANE ELEMENTY PROCESU DOSTOSOWANIA POLSKIEGO MLECZARSTWA DO STANDARDÓW UNII EUROPEJSKIEJ	
<i>J. Zalejski</i>	190

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ	
<i>В.А.Евстафьев, В.В.Коклюхин, В.М.Крюков</i>	197
ЦЕННОСТНЫЙ МИР СТУДЕНТОВ БЕЛАРУСИ, ПОЛЬШИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
<i>Г.М. Грибов</i>	205
PROCESUALNOŚ STEREOTYPIZOWANYCH PRZEKONAŃ	
<i>Miroslaw Acewicz</i>	208
АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	
<i>Л.Е. Медиченко</i>	213
РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ СКУЛЬПТУРЫ ЯК ПАКАЗАЛЬНІК ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ У КУЛЬТУРЫ	
<i>В.М.Папко</i>	217
RURAL TOURISM AS A FACTOR OF SOCIAL TRANSFORMATION	
<i>J. Majewski</i>	222
АВТОНОМИСТСКИЕ ИДЕИ НА ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-1926гг.)	
<i>В.С.Мисюк</i>	226
ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	
<i>Н.В. Вакульчик, В.Н. Лучина</i>	230
Рефераты статей	236

Научное издание

Системная трансформация общества: исторический опыт и современность

Сборник научных трудов кафедр социально-
гуманитарных наук

Выпуск III

ISBN 985-493-037-8

9 789854 930374

Ответственный за выпуск **Грибов Г.М.**

Редактор **Строкач Т.В.**

Компьютерная верстка **Боровикова Е.А.**

Лицензия № 02330/0133017 от 30.04.2004 г.

Подписано в печать 14.06.2005 г.

Формат 70x90 1/16. Бумага «Снегурочка». Гарнитура Arial Narrow. Усл. печ. л. 14,7.

Уч.-изд. л. 15,8. Зак. № 599. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».

Лицензия № 02330/0148711 от 30.04. 2004 г.

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.